

Ф. И. БУСЛАЕВ
(1818—1897)

Ф. И. БУСЛАЕВ

О ПРЕПОДАВАНИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА

*Вступительная статья,
редакция и комментарии
проф. Е. Н. ПЕТРОВОЙ*

Книга известного русского ученого-лингвиста и педагога Ф. И. Буслаева „О преподавании отечественного языка“ появилась около ста лет назад. Она является первой научно, по тогдашнему времени, обоснованной методикой преподавания русского языка.

Являясь крупнейшим трудом в истории методики преподавания русского языка, книга Буслаева во многих отношениях не потеряла своего значения и до настоящего времени. Она содержит целый ряд методических положений, которые далеко не устарели и должны быть критически освоены советским учительством.

Текст настоящего издания печатается по изданию 1867 г., с изменением старой орфографии, но с сохранением основных принципов пунктуации Буслаева.

В книге дается вводная статья проф. Е. Н. Петровой, содержащая краткую биографию Буслаева и критический обзор его научно-методического наследства.

Все замечания по этой книге надлежит направлять по адресу: Ленинград, проспект 25 Октября, д. 28, Ленинградскому отделению Государственного Учебно-педагогического издательства.

Редактор *Н. П. Гринкова.*

Тираж 25 000 экз. Подписано к печати 5/III 1941 г. М-39207. Учетно-изд. лист. 21,34+0,03 вклейки. Печ. л. 15,5+¹/_н вклейки. Тип. зн. в печ. л. 51200. Заказ № 231. Цена книги 3 руб. 65 коп.

Набрано во 2-й тип. ОГИЗа РСФСР треста „Полиграфкинига“ „Печатный Двор“ им. А. М. Горького, Ленинград, Гатчинская, 26.

Отпечатано с матриц в 1-й тип. Машгиза НКТП. Ленинград, ул. Моисеенко, 10.

АКАДЕМИК ФЕДОР ИВАНОВИЧ БУСЛАЕВ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ШКОЛЫ

Глава I

1

Федор Иванович Буслаев родился 13 апреля 1818 г., умер 31 июля 1897 г. Его жизнь охватывает без малого весь XIX в., столь значительный в истории нашего народа. 40-е годы застали Ф. И. Буслаева уже в полном расцвете сил. Эпоха 60—70 гг., в которой протекала вторая половина его жизни, была богата историческими событиями в России и на Западе. В отношении России эта часть века охарактеризована в „Кратком курсе истории Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)“ следующими словами:

„Царская Россия позже других стран вступила на путь капиталистического развития“ (стр. 5). „После отмены крепостного права... оставалось почти то же положение, что и при крепостном праве, с той лишь разницей, что теперь крестьянин был лично свободен, его нельзя было продать или купить, как вещь“ (стр. 5—6). „Рабочие и крестьяне не имели никаких политических прав в царской России. Царское самодержавие являлось злейшим врагом народа. Царская Россия была тюрьмой народов“ (стр. 6).

„Хотя развитие капитализма после отмены крепостного права шло в России довольно быстро, все же Россия очень отставала в своем экономическом развитии от других капиталистических стран“ (стр. 7).

„Уже в 70-х и особенно 80-х годах прошлого столетия рабочий класс в России начал пробуждаться и повел борьбу с капиталистами“ (стр. 8).

„В то же время на почве роста рабочего движения... начинают создаваться в России первые марксистские организации“ (стр. 10).

Огромная страна перестраивалась в самых тяжелых условиях отсталого хозяйства, преодолевая преграды и рогатки, создававшиеся „коронованными палачами“.

Сложной и тернистой дорогой пробивалась передовая мысль этого замечательного века. Недаром Герцен сказал, что „история нашей литературы — или мартиролог или регистр каторги“.

Вспомним мучительные поиски истины лучшими людьми того времени, хотя бы тяжкий путь Белинского от Шеллинга, Фихте, Гегеля к Фейербаху, искания Герцена, Чернышевского.

В области педагогической мысли шли те же бои за передовые позиции. Сквозь потоки уваровских циркуляров*, царских „отеческих“ внушений, сквозь смрад давыдовских** казнокрадств, сквозь теории Миллера-Красовского, учителя и воспитателя Гатчинского института, известного под именем „рыцаря 3-х

* Уваров — министр народного просвещения, реакционер, стремившийся ограничить образование для людей недворянского звания.

** Давыдов — профессор-языковед, сподвижник Уварова в его политике „просвещения“; он же директор Главного Педагогического института.

пощечин*, сквозь удушливые советы некоего Ефима Дымана, писавшего о том, как юноше, начинающему жить, легче и удобнее угодить начальству и разбогатеть, в области педагогики мы уже слышим честные и прогрессивные голоса Белинского, Добролюбова, Ушинского, Пирогова.

Где в этом знаменательном веке место Ф. И. Буслаева и его педагогических трудов?

В 1861 г., когда авторитет Ф. И. Буслаева как ученого был уже достаточно высок и признавался самым передовым тогда журналом „Современником“, беспощадный ко всякому идеализму Чернышевский написал против Ф. И. Буслаева острую полемическую статью („Полемические красоты“, Коллекция вторая, III—VI гл.).

Чернышевский правильно отметил самый основной порок научной системы Ф. И. Буслаева: внутреннюю неслаженность его принципиальных воззрений. И, несмотря на это, Чернышевский тут же говорит: „Г. Буслаев — друг просвещения, приверженец прогресса; в этом никто не сомневается...“

Для Добролюбова, для Пыпина, как, пожалуй, для всех передовых людей того времени, в просветительно-прогрессивном направлении педагогических работ Ф. И. Буслаева не было сомнений.

2

Детство, отрочество и юность Ф. И. Буслаева протекали, с одной стороны, в простодушно-патриархальных отношениях „провинциального мелкого люда“ (Буслаев, „Мои воспоминания“, М., 1897), а, с другой, в тяжелых материальных лишениях семьи, горькой бедности.

Мать Ф. И. Буслаева была дочерью армейского офицера, сподвижника Суворова в его альпийских походах. Она не имела поместья, но по наследству от отца получила несколько человек дворовых, отношения с которыми у нее носили патриархальный характер. Образования она не получила. Судя по ее письмам, она была не сильна в грамотности, но слог имела живой и искренний. Она много читала и, по воспоминаниям Ф. И. Буслаева, была для него главной наставницей по литературе, после учителя словесности в гимназии.

По натуре жизнерадостная, чрезвычайно деятельная, с живым практическим умом, она имела сильнейшее влияние на сына.

Отец Ф. И. Буслаева был уездным стряпчим в глухом городке Керенске. Он умер в 1823 г., когда сыну только что минуло пять лет.

Мать купила дом в Пензе на крутом берегу реки в очень живописном уголке города.

В 1825 г. она вторично вышла замуж. Муж оказался горьким пьяницей и разорил все состояние Буслаевых. Он вскоре умер, оставив жену с сыном и двумя малолетними дочерьми без всяких средств. „Несчастье сильно способствует развитию детей“ — пишет Ф. И. Буслаев („Мои воспоминания“, стр. 56). Мать была очень откровенна со своим первенцем, и они переживали вместе тяжкие годы буйства отчима и постепенного разорения. Немало горьких картин вспоминает Ф. И. Буслаев: „Будучи только двенадцати лет, я уже чувствовал и поступал, как взрослый, когда дело касалось злополучной матери“.

Только энергией и бережливостью матери семья кое-как перебивалась, „не впадая в крайнюю нищету“ (там же, стр. 58).

Благодаря дружеским отношениям с матерью, мальчик не озлобился от тяжести жизни, но рос необыкновенно впечатлительным. Он стал, как свидетельствует сам, робок, застенчив, опаслив и осторожен. Эти черты остались у Ф. И. Буслаева на всю жизнь. Уйти, убежать, замкнуться — вот его первая и постоянная реакция при всяком жизненном обострении.

В 1828 г. мальчик поступил в гимназию. Учили в гимназии плохо. Учителя предпочитали, чтобы дети сами занимались в классе и часто даже не следили за их работой.

Уроки по учебникам заучивались тут же в классе, на двухчасовых занятиях по предмету, и дома уже заниматься было не нужно. „В неурочное время... считали мы гимназию своей собственностью, которую никто и не думал отнимать у нас, потому что тогда еще не было ни классных надзирателей и наблюдателей, ни инспекторов и всякой другой напасти“. Гимназия по вечерам была для детей местом веселых свободных игр и сборным пунктом для всяких уве-

селительных походов. Учились по предметам очень мало, больше читали новую литературу. Но кое-что гимназисты получали от своих учителей для общего развития. Ф. И. Буслаев тепло вспоминает своего учителя словесности Евтропова. Он много читал своим ученикам и приучал их к чтению новейших писателей того времени: Батюшкова, Жуковского, Пушкина, Гоголя. Учитель истории читал „Историю Государства Российского“ Карамзина. Следует отметить занятия логикой в школьные годы будущего лингвиста. „Мы шутя заучивали все то, что было нам надобно, со слов преподавателя... В логике забавляли нас различные виды силлогизмов, и мы любили между собою играть в сориты, энтелимы, дилеммы и в разные софизмы, завязывая и распутывая хитросплетенные узлы умозаключений. Точно так же играли мы в „общие места“, и в тропы и в фигуры, выдумывая свои собственные примеры“. Эта „охота пофилософствовать“ осталась у Ф. И. Буслаева и в зрелые годы.

Чрезвычайно важным в истории образования Ф. И. Буслаева является то обстоятельство, что в 1-м классе он получил основы грамматики не у кого иного, как у Белинского. Белинский в 1823—1829 гг., не имея средств, чтобы поступить в университет сразу же по окончании гимназии в Пензе, остался там же учителем. Ф. И. Буслаев не рассказывает о системе своего первого школьного учителя, впоследствии великого литературного критика XIX в., но, несомненно, юноша Белинский вел преподавание на тех же основах, на которых он создал свой учебник „Основания грамматики русского языка“. Это была философская логическая грамматика, имевшая впоследствии серьезное влияние и на лингвистические труды Ф. И. Буслаева, особенно на его размышления по синтаксису.

Из показаний Ф. И. Буслаева остается несомненным, что школа не раскрывала перед своими учениками широких горизонтов, не давала гражданского воспитания, не давала системы образования, но вместе с тем фактически еще не стала полицейским средством в руках бюрократического государства, не душила в детях наблюдательности, интереса к книге, увлечения умственной работой. Это оказало сильнейшее влияние на педагогические высказывания Ф. И. Буслаева в дальнейшем.

Несмотря на отдаленность от столицы и отсутствие железных дорог, книга доходила до Пензы. Гимназисты читали без особого опоздания литературные новинки, передаваемые частным образом в рукописном виде из рук в руки. Не подлежит сомнению, что у Буслаева уже в юности сложились известные литературные интересы и вкусы. „Письма русского путешественника“ были для него зеркалом, в котором отразилась вся европейская цивилизация. „Карамзин казался мне самым просвещенным человеком в России“. Пятнадцати-шестнадцати лет Буслаев был уже ревностным „карамзинистом“.

Примечателен тот факт, что в Пензе ходили литературные сборники-альманахи и из них особенным сочувствием пользовалась „Полярная Звезда“ декабристов (1822—1824 гг.), а в стенах самой гимназии молодежь познакомилась с „Войнаровским“ и „Думами“ Рыльева и переписывала их для своих рукописных библиотек. Читая и переписывая „Думы“ Рыльева, гимназисты вовсе и не воображали, что Рылеев государственный преступник, и знать не знали, что он был казнен. Напротив, он казался им „добрым патриотом“... „А книга сборников декабристов тех лет, — пишет Буслаев, — была для меня неподобная хрестоматия современной русской литературы, в высокой степени наставительная, — и столько же плодотворная своим художественным обаянием для моего нравственного совершенствования“.

Само признание Буслаева — уже глубокого старца, — что декабристы в свое время выпускали сборники, имевшие для молодежи „художественное обаяние“ и служившие „нравственному совершенствованию“ и что в казненных „преступниках“ было немало доброго патриотизма, свидетельствует о далеко не реакционном умонастроении.

Небезынтересно вспомнить и рассказ Ф. И. Буслаева о знакомстве с комедией Грибоедова „Горе от ума“: „По принятому в то время обычаю составлять для себя собрание копий с печатных изданий, я полагал в простоте сердца, что и эта рукопись была того же разряда, нисколько не подозревал, что она содержала в себе сочинение, запрещенное для печати. То была комедия Грибоедова „Горе от ума“.

По окончании гимназии в 1833 г. Ф. И. Буслаев стал готовиться к экзаменам в университет.

При доме Буслаевых был флигель, отдававшийся в наем семинаристам. Мальчиком Ф. И. часто играл с жильцами в бабки, а семинаристы старших классов снабжали его книгами по философии, но „едва ли с толком“, как сам Ф. И. сказал впоследствии.

После уроков с учителем Орловым Буслаев полюбил древние классические языки и писателей. Эта любовь осталась у него на всю жизнь, придавая его интересам довольно широкий характер (любопытное подтверждение мысли Энгельса, высказанной им в Анти-Дюринге, что в те времена изучение классических языков в некоторой мере содействовало воспитанию интернационализма).

Заканчивая характеристику этого периода жизни Буслаева, следует прибавить, что с 14 лет он знал груд по найму: давал за грошовую оплату частные уроки.

Детство и отрочество Буслаева прошли в довольно ограниченной по политическому кругозору среде, в семье с традиционной моралью, благовоспитанностью и богобоязнью, однако без рабской тупой забитости и без лицемерия. Вокруг его матери было „маленькое“ общество, немногочисленный круг знакомых. Это были семьи учителей и мелких служащих, учащиеся и молодые научные работники, наезжавшие из Москвы к своим родным.

Трудности жизни осознавались с достаточной горечью, и все активные силы шли по линии личной борьбы с житейской обездоленностью. Новые веяния и передовая культура воспринимались в этой среде довольно радушно и с живым интересом, но с таким наивным благодушием, которое исключало всякие практические боевые выводы. „Своя рубашка“ интересовала больше всего, хотя без озлобления в отношении к ближнему. Эта среда, конечно, ни в какой мере не воспитывала протестующего духа, бунтарства, но и не толкала к „зубрам“ реакции, к фанатикам консерватизма, сохраняя чувство действительности, патриархально-гуманное отношение к человеку, интерес к культуре и прогрессу.

Буслаев по своим общественно-политическим взглядам близко стоял к той среде, которая его воспитала. Этому, несомненно способствовала сильная личность его матери.

3

С 1834 г. началась университетская жизнь Ф. И. Буслаева. Он пишет:

„Мне только что минуло 16 лет, и я был совсем еще маленьким мальчиком, и голос у меня был совсем ребяческий. Вырастал я уже потом, в течение всего четырехлетнего университетского курса“. Этот „маленький мальчик“ сразу попал в тяжелые условия материальных лишений. То, что дома сглаживалось любящим сердцем матери, на чужбине переживалось очень тяжело. „Бедность, бедность“ — один из постоянных мотивов переписки сына с матерью.

Какие волнения переживали мать с сыном, когда решался вопрос о принятии Ф. И. в казеннокоштные студенты. Это был нестерпимый страх перед „грозным будущим“, страх бедняка, перед которым судьба медлила открыть двери в запретный мир науки и человеческой жизни.

Жилось Ф. И. Буслаеву нелегко. Мать прямо пишет о нем в это время, что он „холоден и угрюм“; „ничто, кроме науки, его привлечь не может“.

После, по привыкнув, он вошел в жизнь студентов типа буршей — с озорными шалостями, пирушками, внешне корпоративным духом. Эта жизнь, подобная жизни старых студенческих немецких корпораций, издавна служила отвлечением от политических, мировоззренческих вопросов.

Товарищи вокруг него были, может быть, люди даже с искорками свободомыслия в юности (например, Классовский), но в политическом отношении безликие. И университет был для них как бы „университетской усадьбой“, как очень метко выразился сам Ф. И. Буслаев, а не кузницей новых научных идеологических школ, революционных кадров.

Буслаев с головой ушел в науку. Наибольшее значение в его развитии имели профессора Погодин, Шевырев.

Шевырев в годы студенчества Буслаева только что начал свою ученую карьеру. Его первые лекции произвели хорошее впечатление даже на Станкевича и его товарищей: они резко выделялись на фоне лекций старых профессоров, косневших на своих раз освоенных книгах. Станкевич подметил и научную осведомленность Шевырева и его добросовестную подготовку к лекциям. Нужны были острый ум Станкевича и его философская подготовка, чтобы через несколько лекций вскрыть отсталость принципиальной основы Шевырева. Н. Г. Чернышевский в своих „Очерках гоголевского периода русской литературы“ не отнимал у Шевырева заслуги „полезной компиляции“ и полного изложения фактов.

Несомненно и то, что, как свидетельствует Ф. И. Буслаев, в эти первые годы Шевырев читал без „крайностей чрезмерного славянофильского направления“, которые были внесены в его курс уже в 40-х годах и позже, к чему и относится критика Чернышевского.

„В первый год университетского обучения, — пишет Буслаев, — Шевырев читал нам вместе с юристами так сказать приготовительный курс, имевший двойное значение: во-первых, по возможности уравнивать сведения поступивших в университет прямо из дому или из разных учебных заведений, казенных и частных, с не установившейся для них всех одинаковой программой обучения и, во-вторых, теоретически и практически на письменных упражнениях укрепить нас в правописании и развить в нас способность владеть приемами литературного слога. В лекциях этого курса Шевырев знакомил нас с элементами книжной речи в языке церковнославянском и русском, отличая в нем народные или простонародные формы от принятых в разговоре образованного общества. С этой целью он читал и разбирал с нами выдержки из летописи Нестора по изданию Тимковского, из писателей XII в. и из древнерусских стихотворений, по изданиям Калайдовича, из „Истории“ Карамзина, из произведений Ломоносова, Державина, Жуковского и, особенно, Пушкина. При этом лектор вдавался в разные подробности из книги Шишкова о старом и новом слоге, из заметок Пушкина о русском народном языке“. Именно по этому курсу Шевырева много позже был определен на ассистентуру Ф. И. Буслаев. Этот курс, как увидим далее, оказал большое влияние на работы Буслаева своим фактическим содержанием и системой изложения.

Слушая Погодина, Буслаев, по его собственному свидетельству, „живо почувствовал и оценил великое значение народного быта“; разработке вопросов народного быта он и посвятил большую часть своих ученых работ.

„Из уст Погодина в первый раз услышал я имя великого германского ученого Якова Гримма, который своими многочисленными и разнообразными исследованиями потом оказывал на меня такую обаятельную силу, так воодушевлял меня, что я сделался одним из самых ревностных и преданнейших его последователей“. „Он (Погодин) первый научил меня читать и разбирать наши старинные рукописи, во множестве собранные в его древнехранилище, которое помещалось тогда в собственном его доме, на Девичьем поле“.

Это показывает, чему и как учился молодой Буслаев.

Изучение конкретного материала избранной науки, — работа по первоисточникам, овладение иностранной литературой, овладение методикой и техникой научного труда — это было далеко от политических, философских интересов передовой молодежи того времени. Но это была упорная и очень последовательно проводимая линия будущего ученого. Сохранился один любопытный документ: черновой листок Погодина 1838 г. — заметка профессора о студентах. Первое место он отводит Ю. Самарину, отмечая у него много сведений, способность к логическим рассуждениям, ясную и складную речь. Второе место Погодин отводит Буслаеву, Каткову и Михаилу Строеву. „Буслаев, — пишет он, — трудился очень много, дошел до результатов прекрасных в частных своих трудах. . . Трудолюбие обещает дельного ученого. По прилежанию он первый. Катков первый по любознательности. Сведений много. . . Михаил Строев в ровне в отношении к любознательности, к сведениям и дару слова, но менее зрел. . .“ Далее, в заметке о Васьянове, он пишет: „Васьянов с блистательными способностями, оказывает успехи очень хорошие во всех предметах, но ему недостает усидчивости Буслаева. . .“ (Барсуков, „Жизнь и труды Погодина“, книга V, стр. 139).

Кроме общей характеристики Ф. И. Буслаева, этот документ очень инте-

ресен и тем, что подчеркивает тягу Ф. И. Буслаева к частным, конкретным темам, требующим тщательного изучения и исследования. Однако ни здесь, ни в других местах Погодин ничего не говорит о Буслаеве как об единомышленнике. Духовной близости между ними нет.

Как ни был юн Ф. И. Буслаев (ему не было еще и 20 лет), он сохранил независимость мысли. Не так-то легко это было в те времена, когда славянофильское течение пользовалось известной поддержкой правительства и большей части московского общества. Не так-то легко было устоять против славянофильских теорий и не включиться в число последователей лучших по тогдашним временам профессоров (Погодин, Шевырев), непосредственно руководивших работой юноши. Но Ф. И. Буслаев не потерял чувства реальной действительности и упорно оставался в рамках конкретных фактов и документов самой науки.

4

Первые годы по окончании университета имели для формирования интересов и взглядов Ф. И. Буслаева решающее значение. Он был приглашен в качестве домашнего учителя в семейство барона Бодэ, и эта аристократическая „породистая“ семья с древней дворянской культурой и полной материальной независимостью произвела на молодого человека обаятельное впечатление.

Ф. И. Буслаев до самой глубокой старости, будучи уже академиком с европейским именем, окруженный всеобщим уважением, говорит об этой семье прямо с подобострастным восхищением.

Обаятельное впечатление аристократической семьи было тем сильнее, что отношение к молодому учителю — как со стороны родителей, так и со стороны детей — было безупречным. Начинающему педагогу была предоставлена полная возможность образовывать и воспитывать своих учеников так, как он умеет и считает нужным. Все бывшие в нем творческие способности нашли благодарную почву. Занятые светом и хозяйством, Бодэ не стесняли Буслаева контролем, оказывая ему полное доверие. Он чувствовал себя в этой работе не наемником, а творцом, искателем новых путей.

Это же отношение Буслаев встретил и позже в семье Самариных.

В то время богатая знать устраивала у себя домашние школы для своих детей, не желая отпускать их ни в дворянские институты, назначенные „для дворян средней руки и ограниченных средств“, ни в гимназии, где учились дети горожан и местных чиновников и где образование было поставлено крайне скудно.

В семье Самариных, где было много детей-погодков, эти занятия приняли вид полной и правильной домашней школы с целым штатом воспитателей и наставников. Не стесненная в средствах, не стесненная полицейским надзором, эта школа могла применять передовые методы обучения и воспитания, была снабжена лучшими пособиями и редкой литературой.

Эта возможность применять свои новые, только что приобретенные знания и новые методы работы тем более радовала, что в то же самое время в казенной гимназии отношение к молодому начинающему педагогу было совершенно иным. Одновременно с занятиями в семье Бодэ Буслаев получил место сверхштатного учителя русского языка в младших классах 2-й Московской гимназии. „Странное дело, — пишет Буслаев, — мое учительство в этой гимназии прошло мимо меня, как тень, не оставив по себе в памяти ни малейшего следа“. Директор гимназии, как вспоминает Буслаев, „по привычке к общепринятым порядкам, почел своим долгом прежде всего озадачить меня начальническим внушением, что гимназия — не университет, что я должен забыть профессорские лекции и сосредоточить все свое внимание на предписанном учебнике“.

Ясно, почему работа в домашних школах знатных семейств пленяла молодого педагога. Но в то же время все это обнаруживает очень слабый его демократизм: он не заметил, что в гимназиях учатся дети бедных семейств. Ни одного лица гимназиста своего класса он не запомнил, ни о ком из детей не вспоминал никогда впоследствии, тогда как о детях Бодэ, Строгановых он рассказывает целые биографии.

Еще сильнее, чем эта частная педагогическая работа в знатных семьях, воз-

действовала на вкусы и интересы Ф. И. Буслаева личность графа С. Г. Строганова. Больше, чем кто-либо из окружающих людей, Строганов определил жизненный путь, научную карьеру и узкие специальные интересы Ф. И. Буслаева.

Весною 1839 г. Строганов предложил Буслаеву отправиться за границу, чтобы там — во время путешествия по Италии — давать уроки его детям.

Буслаева буквально охватил восторг при мысли об этой поездке. Это необыкновенное, счастливое для него предложение сразу наполнило благодарностью его душу. Строганов предстал ему в столь обаятельном ореоле, что на всю жизнь внушил чувство искренней преданности, безграничного уважения и живой любви.

Строганов действительно был значительным человеком, способным подчинять своему авторитету окружающих.

В 1835 г. Строганов был назначен попечителем Московского учебного округа; под его ведением оказались и Московский университет и гимназии. Подойдя к практическому делу, имея огромную власть на месте, подкрепляемую влиянием при дворе, Строганов стал весьма последовательно и целостно проводить свою политику просвещения в России. Будучи широко образованным, культурным человеком, с большим вкусом и умственным дарованием, он не мог не понимать значения просвещения. Правда, много позже, в 1862 г., он пишет Буслаеву: „Ученый авторитет нам так же нужен, как нужен авторитет верховной власти. Мы еще так необразованы, что России угрожает распадение от невежества“. Тем сильнее чувствовал и знал он невежество страны в 1838 г. Знакомый со многими учеными Запада, читатель серьезной европейской научной литературы, он имел полное представление о том, что нужно требовать от ученого труда, и довольствоваться состоянием науки в Московском университете никак не мог, особенно в области славяноведения, русского языка, литературы и истории.

Строганов взялся за создание новых научных сил. Он списывается с большими учеными Запада, например с Шафариком, и организует поездки за границу даровитых русских молодых ученых — О. М. Бодянского, С. М. Соловьева, П. И. Кудрявцева и Ф. И. Буслаева. Впоследствии он всячески покровительствует Грановскому. Строганову нужна была настоящая, большая европейская наука. В гимназиях он тоже содействует укреплению классического образования. Конкретная наука, солидная, убедительная и технически прогрессивная, ему была нужна для опоры монархии и дворянства. Царедворец и вельможа, он не видел реальной несовместимости этих начал. Конечно, новых течений в науке, складывавшихся на Западе, — не только материализма, но и прогрессивного, активного идеализма — он не принимает.

Ф. И. Буслаев был втянут в политическую орбиту этого деятеля дворянского просвещения. Уже много позже он рассказывал: „В дополнение к моим научным интересам и чтобы расширить уже слишком тесный круг моих взглядов на современность, он посвящал меня в тайны международной дипломатии и в более существенные и настоятельные вопросы правительственных и государственных мероприятий. Не любя терять времени на газетную полемику передовых статей и корреспонденций, я вполне довольствовался немногими сведениями, которые сообщал мне граф“.

Но то, что было совершенно естественно у богатейшего вельможи, мало подходило Ф. И. Буслаеву, полуразночинцу, бездомному сироте и бедняку. Противоречие между передовыми научными и отсталыми политическими взглядами осталось у него на всю жизнь.

Основным в жизни и деятельности Ф. И. Буслаева была вера в то, что „основная сила прогресса — наука“ — настоящая точная наука. Оттого так возненавидели Ф. И. Буслаева сразу же Греч и Булгарин, оттого никогда славянофилам и в ум не могло притти считать его своим, оттого умеренные западники искренне дружили с ним (Крюков, Грановский), оттого революционеры-демократы относились к нему серьезно и с уважением.

Вместе с семьей Строгановых Ф. И. Буслаев два года путешествовал по Европе, видел лучшие произведения искусства. Это было для него хорошей зарядкой против славянофильства. Он без усталости бродил по Риму и его окрестностям, осматривал все достопримечательности.

Жизнь в Риме и изучение памятников древнего искусства толкнули Ф. И. Буслаева на узкую специализацию: древнее искусство, древняя живопись.

В 1841 г. семья Строгановых, а с ними и Ф. И. Буслаев, вернулись в Москву. Буслаев сохранил уроки с детьми Строгановых и жил у них, в то же время ведя занятия в 3-й Московской реальной гимназии. В эти годы (1841—1844) он создает первый печатный труд „О преподавании отечественного языка“.

„Хотя я и приобрел на практике, — пишет Ф. И. Буслаев в своих „Воспоминаниях“, — некоторый навык в преподавании русского языка и словесности, но, как самоучка, не умел давать себе ясного отчета в выборе дидактических приемов и особенно затруднился, как следует вести дело с многолюдным классом учебного заведения. Мне недоставало теории, которая расширила бы мой кругозор“.

Тут на помощь ему пришла прекрасная библиотека Строганова, в которой находилось все лучшее, что можно было собрать по педагогическим и дидактическим вопросам.

В вопросах языка Ф. И. Буслаев принял за теоретическую основу новое тогда учение о языке, основанное Вильгельмом Гумбольдтом и Боппом, сравнительно-историческую грамматику, а авторитетом для себя признал Якова Гримма. В педагогических и методических теоретических основаниях он остановился на Дистервеге и немецкой школе. Каждое свое теоретическое положение он проверяет практикой. В это время занятия в гимназии были для него „сущим кладом“. „С живейшим увлечением, усердно и старательно применял я на деле в широких размерах и проверял свои идеи и планы, чтобы внести их потом в свое сочинение“.

По поручению Строганова он составлял циркуляры и статьи по обучению русскому языку и словесности. Эти работы печатались и рассылались по всему учебному округу. Ф. И. Буслаев и сам посещал школы для ознакомления с опытом лучших учителей.

Ф. И. Буслаевым в это время были написаны комментарии, критические замечания и дополнения к учебнику Половцева „Русская грамматика для русских“. Эта работа тоже рассылалась по училищам, являясь своего рода методической запиской к учебнику.

В 1844 г. вышел первый в истории методики научный труд „О преподавании русского языка“.

Эта работа молодого, но серьезно образованного и талантливого учителя, произвела на всех очень большое впечатление. И в печати и в архивных документах сохранилось много писем учителей, горячо и искренне приветствовавших эту книгу за ее свежесть, смелость, продуманность.

Все солидные журналы, включая и „Современник“, поместили свои отзывы о книге, а „Москвитянин“ (1844 г., № 9) дал большую статью Студитского. Рецензенты отмечали, что важный вопрос воспитания, занимающий всех мыслящих людей, впервые появился в печати с такой обстоятельностью, что в книге не только поставлен важный вопрос, но и дано много нового, дельного и продуманного. Считали, что это „драгоценный подарок для школы“. А рецензент „Отечественных Записок“ в 1846 г. (т. XVI), извинившись, что так долго ничего не говорил о такой серьезной книге, как книга учителя 3-й гимназии Федора Буслаева, одобряя и критику и положительные утверждения книги, кончает восклицанием: „Пора же, наконец, нам учиться как следует!“.

В то же время книга была встречена резко отрицательно реакционной журналистикой — Гречем, Булгариним, Сенковским. Молодой автор зло раскритиковал принятую тогда систему преподавания языка. „Наша грамматика русского языка, — говорит он в одной статье, — можно назвать уголовным сводом законов, полицейским исчислением правил, за неисполнение коих виновный подвергается наказанию“. Всем было ясно, что здесь говорится о „Грамматике“ Греча. Неудивительно поэтому, что в „Библиотеке для чтения“ и „Северной Пчеле“ появился ряд памфлетов, направленных против работы Буслаева. Некий К. П. в „Библиотеке для чтения“ (1845 г.) уже прямо заявляет, что статьи и книги г. Буслаева надо подалеже спрятать.

Преемник Строганова, обскурант Голохвастов лично выговаривал Ф. И. Буслаеву, что давно и постоянно следит за его трудами и очень ими недоволен: „Везде самохвальство и ниспровержение общепринятых порядков и авторитетов“. „Особенно он был недоволен моей книгой „О преподавании отече-

ственного языка", которой я преступно посягаю на авторитет таких грамматистов, как Булгарин и Греч", писал сам Буслаев (Из архива внука Ф. И. Буслаева, Москва.)

Все это обрисовывает нам общественное лицо книги Буслаева.

Несмотря на успех книги, сам Буслаев смотрел на свои методические и педагогические работы, как на временные и преходящие. Его увлекала наука о языке, об искусстве, о народной старине. Он не захотел представлять на степень магистра свой методический труд и принялся за диссертацию. Магистерские экзамены он выдержал настолько хорошо, что профессора Шевырев и Крюков поспорили, кому из них он „больше обязан своим образованием“. Имя Буслаева приобретало все больший авторитет.

6

После диссертации „О влиянии христианства на славянский язык“ Буслаев все дальше отходит от изучения языка, специализируясь сначала на народной словесности, на искусстве, и, наконец, на очень узкой области народного искусства — на миниатюрах и иконографии. Лишь изредка он давал лингвистике и педагогике замечательные труды. По заказу Я. Ростовцева для учителей военно-учебных заведений в 1851 г. он написал свою „Историческую грамматику“ и „Хрестоматию“. Вместе с А. Д. Галаховым составлял по поручению Я. Ростовцева подробные программы обучения русскому, церковнославянскому языкам, теории словесности и истории литературы, русской и иностранной. С этого же времени он постоянно пишет в „Отечественных Записках“.

„Историческая грамматика“ (или в первом издании „Опыт исторической грамматики“) вызвала еще больше отзывов у современников, чем книга „О преподавании отечественного языка“. Грамматика переиздавалась несколько раз, со значительными поправками. В журналах 1859 и 1860 гг. печатались отзывы высоко положительные („Современник“, „Отечественные Записки“, „Русское Слово“, „Русский Мир“), резко отрицательные („Московский Вестник“, „День“) и отрицательные, с некоторым признанием („Библиотека для чтения“). Кроме того, К. Аксаков написал целую книжку против книги Ф. И. Буслаева, а Полевой специальную брошюру (подсказанную Гречем) с бешеными нападками на все труды Ф. И. Буслаева. Бросается в глаза необыкновенная солидность рецензий: это — вернее сказать — не отзывы, а целые труды, в несколько печатных листов каждый. Критиков интересует каждое положение Ф. И. Буслаева: все новое в книге подвергается всестороннему обсуждению. Это показывает большую актуальность книги.

По поводу грамматики Ф. И. Буслаева был устроен целый диспут, с приглашением Востокова, Греча и учителей. С Гречем пришло много его единомышленников. Его клеветы держали себя очень вызывающе. Под конец не выдержал сам Греч и наговорил дерзостей автору грамматики. Когда дошла очередь до Востокова, то он вполне одобрил книгу и передал автору на полулисте свои замечания („Мои воспоминания“, стр. 329).

Весь этот шум вокруг ученого труда показывает, что конфликт между славянофилами и реакционерами, с одной стороны, и Ф. И. Буслаевым, с другой, углублялся и обострялся.

7

Осенью 1859 г. Строганов, бывший тогда воспитателем наследника престола Николая, старшего сына Александра II, пригласил Ф. И. Буслаева для чтения наследнику годичного курса истории русской словесности. Занятия продолжались до декабря 1860 г.: Ф. И. Буслаев подробно рассказывает о них в книге „Мои воспоминания“. В архиве Библиотеки им. Ленина хранятся многочисленные заметки, связанные с этой работой. Эти материалы чрезвычайно ценны в педагогическом отношении.

1860 г. ознаменовался для Ф. И. Буслаева избранием в члены Академии наук.

До 1881 г. он читал лекции студентам Московского университета, издал много научных трудов („Исторические очерки русской народной словесности и искусства“ и др.) и сборники статей „Мои досуги“. Отношения со студентами и с коллегами у него были прекрасные. Он очень остро переживал поли-

тические репрессии против профессоров и молодежи, и, при всей своей осторожности и благонамеренности, в книге „Мои воспоминания“ дал несколько горьких страниц описания этих событий и „очистительных гроз“.

По воспоминаниям его учеников (Н. Котляревского, Кирпичникова, А. Н. Веселовского и др.), молодежь очень любила его, сопоставляла с общим любимцем своего времени Грановским. Особенной популярностью пользовались собрания на дому у профессора, сначала по пятницам, а потом по вторникам и воскресным дням. Интересовавшиеся старинными документами и редкими книгами, картинами, миниатюрами могли в эти дни пользоваться огромной и ценнейшей библиотекой Ф. И. Буслаева. Квартира его превращалась в читальню. Буслаев с живым радушием встречал молодежь, давал разъяснения, а по воскресным утрам выступал с лекциями, частным курсом по искусству. Квартира бывала обычно набита доотказа. Ф. И. Буслаев входил и в более тесное общение с молодежью. Он был редактором студенческого сборника, куда привлекал и прогрессивно настроенных литераторов.

В 1879 г. Буслаев путешествовал за границей, жил в Риме.

8

В 1881 г. академик Ф. И. Буслаев оставил университет. Ему тяжело было переживать разгул реакции, с одной стороны, а с другой, он не мог сочувствовать революционному направлению молодежи. Он и раньше называл новые течения „новорожденным деспотизмом“ молодого поколения, перед которым чувствовал себя все более устарелым. Всю свою остальную трудовую жизнь, около 8 лет, он посвятил очень узкой области — изучению миниатюр на старинных священных книгах и на лицевом апокалипсисе. Именно эти работы дали ему мировую известность.

В 1888 г. Ф. И. Буслаев ослеп. Последним трудом его была (под его диктовку написанная) книга „Мои воспоминания“, на которую мы часто ссылались.

В 1896 г., уже тяжело больной, Ф. И. хотел продиктовать целую дополнительную главу о своих педагогических взглядах, которая изложила бы, по его словам, его *profession de foi*. Но этого сделать он не успел.

Глава II

1

Ф. И. Буслаев не только нигде не излагает систематически свое *profession de foi*, но всячески уклоняется от прямых высказываний по коренным вопросам мировоззрения, особенно по политическим вопросам. Рассказывая о своих молодых годах, Ф. И. упоминает, как однажды Строганов (который от политики ни в какой мере не уклонялся) смеялся над ним за „упорное укрывательство в далекие области прошедшего от живых людей, с их нравами и обычаями, с их заботами и нуждами“. В другом месте Ф. И. прямо указывает, что он, „сыскав себе укромное местечко, спрятался в своей маленькой крепостце, до поры до времени от выстрелов“ врагов. И далее заявляет: „а для меня нет ничего скучнее, как тарабарская грамота политических дебатов“ („Мои воспоминания“, стр. 205, 300, 317).

Не следует удивляться этому политическому негативизму Ф. И. Буслаева. Чьи „дебаты“ могли его увлечь? Как ни благоговел он перед Строгановым, как ни повторял за ним целые тирады, — но идеи просвещенного самодержавия и гегемонии дворянства не могли быть ему слишком близки. Славянофильские дебаты были еще менее интересны — и в варианте „святой Руси“, и в вариантах „чешской программы“ или панславизма. „Подлый“ либерализм Кавелина и ему подобных уж и вовсе не затрагивал его ума и сердца. Подлинно живое слово революционеров-демократов доходило до него слишком заглушено по условиям цензуры, да и сам он был совершенно не подготовлен к его восприятию и пониманию.

Не следует забывать, что весь жизненный путь Буслаева был двойственным: трудовая жизнь и близость к знати, от которой он зависел и духовно и житейски.

Эта двойственность отмечается всеми вдумчивыми читателями Ф. И. Буслаева, и острее всех показал это Чернышевский в своей статье „Пolemические красоты“ („Современник“, 1861 г.).

Современники, любившие и почитавшие Ф. И. Буслаева, называли его „русским европейцем“, „прогрессивным консерватором“ („Книжки Недели“, „Газета Гатцука“).

Чтобы точнее определить мировоззрение Ф. И. Буслаева, посмотрим, от кого он отмежевывается. В его воспоминаниях есть одно чрезвычайно важное место, которое считаем интересным привести:

„Несмотря на мою любовь к Италии и на благоговение к ученым трудам Якова Гримма, назвать себя западником я решительно не мог, по крайней мере в том смысле, как это прозвище прилагается к Чаадаеву или к Белинскому... На моих глазах зачиналась междоусобная война славянофилов с западниками, и я, не думая, не гадая, очутился между двумя враждебными лагерями, но, сыскав себе укромное местечко, спрятался в моей маленькой крепостце до поры до времени от выстрелов того и другого“ („Мои воспоминания“, стр. 299—300).

Может быть, по цензурным условиям Ф. И. Буслаев не указывал самой сущности своего расхождения с западниками. Не мог же он в то время сказать, что он не принимает идей революции, атеизма, материализма: такие возражения в тех условиях граничили бы с доносом. А, может быть, он и сам не понимал всей глубины своего расхождения с западниками.

Западничество характеризуется все же не тем, что Чаадаев и др. не признавали культурного значения византийского влияния (в указании ошибочности этого положения Ф. И. Буслаев был прав, как то обнаруживает современная нам наука, позднейшие изыскания о киевском периоде нашей истории), и не тем, что Белинский недооценил народно-демократического содержания наших старинных русских преданий и былин (и здесь Ф. И. Буслаев оказался более прав, чем Белинский). То течение, которое мы называем западничеством, вошло в историю русской общественной мысли, в основе своей как революционно-демократическое и материалистическое мировоззрение, в лице Белинского, Герцена, Чернышевского, Добролюбова. И этим в самой сущности своей западничество было неприемлемо для Буслаева — убежденного идеалиста.

С меньшей резкостью Буслаев отстраняется и от славянофилов. Уже самые „поправки“, которые Ф. И. Буслаев как бы вносит в свое понимание монархии, дворянства, религии, отдаляют его от славянофилов. Но основным здесь было даже не это. Широко осведомленный в научном движении Запада, Буслаев не мог разделять субъективного метода в науке, говорить о том, что должно быть, а не о том, что действительно есть. Не случайно отмежевывается он от „мечтательных умозрений“ Аксакова. В работах Аксакова о русском языке хотя и имеются некоторые интересные наблюдения в области языка, использованные позднейшими исследователями, но в целом его работы неприемлемы: они субъективны, антинаучны, являлись мистической, политически реакционной пропагандой в пользу национализма самого шовинистического характера („О русском глаголе“, „Опыт русской грамматики“, „Ломоносов в истории русской литературы и русского языка“).

Не зря Буслаев отмежевывается от субъективных оценок нашей народной старины, антинаучных, продиктованных политической борьбой с прогрессивным западничеством, утверждений, что наши народные произведения — „заветные тайники доморощенной мудрости“, а не просто творчество талантливого народа, подобное творчеству других народов. Недаром Буслаев отстраняет политически реакционные восторги перед русской семьей и общиной, а требует, чтобы и к этим гражданским институтам подошли исторически, рассмотрели их в генезисе.

Пусть неправ Буслаев, говоря о прародине. Но он прав принципиально: община, семья, обычное право — не святыня, а историческое явление; их нельзя канонизировать, как бы субъективно симпатичны они ни были исследователю. Это уже прогрессивное воззрение; то, что исторически началось, то могло и преобразиться, и уйти, и замениться новым. И недаром Буслаев решительно отклоняется от агрессивных националистических стремлений панславизма, мечтая лишь о добровольном объединении разных культурных народов. Буслаеву нужен для науки точный микроскопический анализ, нужны факты, нужна точная терминология; нужен сравнительный исторический метод.

Все изложенное позволяет нам дать некоторую характеристику мировоззрения Ф. И. Буслаева — основу его педагогических и методических взглядов. Буслаев был гуманистом, не в узком школьном понимании этого слова — как сторонник классической школы, а в глубоком философско-литературном значении его. Человек — вот, что звучало для него непреложно и глубоко. Человек — носитель всего самого ценного и высокого: великих мыслей и глубоких чувств; человек — как личность в ее внутреннем духовном мире. Громкие подвиги, героизм не так волновали Буслаева, как духовная сторона личности человека. И в искусстве он прежде всего видел и ценил это проявление, показ души человека. И в жизни он „любовался“ людьми — поскольку видел в них искренне и целостно выраженное их личное духовное начало.

Специфической чертой Буслаева была его жажда изящной формы. Он действительно жаждал, чтобы и человеческое достоинство и высокая идея были выражены в изящной форме. Недаром он так любил Белинского, Грановского, позже Тургенева. Высоко ценя в искусстве реализм, он страстно восхищался именно „обаятельным реализмом“. Резко обнаженная правда жизни, открытое уродство порока и зла отталкивали Буслаева. Может быть, это нам объяснит, почему Буслаев просмотрел и подлинно благороднейшую красоту творений Чернышевского, с одной стороны, и силу художественной формы Л. Толстого, с другой.

В центре внимания Буслаева — человек, его мысли и чувства. В этом он также был обязан западным гуманистам, особенно ранним. Однако, его человек не был индивидуалистом. Человек живет в коллективе и должен определить к нему свое отношение. Этот коллектив — его народ. Идеи классовой борьбы и солидарность борющегося угнетенного класса были чужды Буслаеву.

Патриотизм для Буслаева это прежде всего любовь к конкретному историческому народу. Это уважение к истории, обычаям, нуждам, интересам, стремлениям данного народа. И Буслаев был последователен в своем человеколюбии и народности. Вовсе не только единоведец и единоплеменный человек достоин любви и уважения. Народ живет, волнуется, ищет, творит, меняясь в своем развитии, двигается к лучшему. И на каждой ступени развития творческой мысли народа, его чувств историческая форма выражения национального лица заслуживает глубокого интереса и уважения. Гуманизм Буслаева естественно связывался с народностью. И потому для него народы всех национальностей и всех времен кажутся достойными человеческого уважения. Не мог признать он „гниющим“ Запад, но не мог и Византию считать „растленной“. Терпимость к религии, уважение к другим народам, при всей глубине патриотического чувства, выливаются у Ф. И. Буслаева в чувство общечеловеческой связи.

По поводу столетия „Писем русского путешественника“ Буслаев писал о Карамзине: „Он воспитал в себе человека, чтобы потом, с полным сознанием, явить в себе русского патриота. Любовь к человечеству была для него основой разумной любви к родине, и западное просвещение было ему дорого потому, что он чувствовал в себе силу водворить его в своем отечестве“ („Мои досуги“, 1886, II, стр. 170).

Недаром так горячо любил Буслаев первого великого гуманиста Данте, стоящего на грани средневековья и гуманистической эпохи Возрождения, сумевшего в великолепной национальной форме поднять общечеловеческие проблемы.

Буслаев приветствовал прогрессивное движение мысли в науке, но политической прогрессивной мысли он не принял. Вслед за Строганогым, Буслаев полагал, что исторической формой выражения национального лица русского народа является самодержавная монархия, патриархальные отношения между классами, православная церковь. Конечно, все эти три элемента представлялись в самом идеальном виде гуманности и человеколюбия, тем не менее именно эти институты он считал национальными. Добровольный абсентеизм в политике скрыл от него глубокие классовые противоречия. Он знал и понимал, что жизнь меняется, что институты, в которые он искренне верил, не вечны — но не мог

сделать отсюда много вывода, как то, что он „устарел“. Противоречие между искренней пропагандой гуманизма и народности, с одной стороны, и признанием исторической национальной формой их для русского народа заскорузлые полуфеодалные институты, в форме монархии, с другой, — это вопиющее противоречие и было источником той двойственности, которую разоблачал в Буслаеве Чернышевский.

3

На предшествующих страницах мы изложили основные принципиальные воззрения Буслаева. Мы не затронули вопроса о его научной методологии, о его принципиальных установках именно в отношении языка, литературы, искусства. Мы хотели выбрать и обобщить самое основное, что можно было извлечь из его высказываний, и главным образом то, что наиболее ярко вылилось в системе его педагогических и методических положений, что легло в основу его теории в этой области. Наиболее прогрессивные из современников Буслаева безоговорочно признавали большую ценность его педагогических трудов. В рецензии „Современника“ М. де Пуле прямо говорит, что наибольшее значение имеют именно педагогические труды Буслаева. В связи именно с его учебниками упоминает о нем серьезно и с уважением Добролюбов. Этот же мотив — во многих воспоминаниях и некрологах после смерти Буслаева.

В своих методических трудах он чувствует себя наиболее свободным и наиболее последовательно и смело выявляет свое гуманистическое мировоззрение.

Не случайно он хотел свое *profession de foi* оформить в большом принципиальном педагогическом труде. Гуманизм и народность в мировоззрении Буслаева роднили его с Белинским. Педагогические высказывания их по времени совпадают: те же 40-е годы. Белинскому Ф. И. Буслаев обязан общим направлением своих воззрений.

Подобно Белинскому и Добролюбову он не принимает общей системы воспитания, господствовавшей в 40-х годах.

„Мы все возрастали, формировались и преуспевали под давлением внушительного страха, как начала всякой премудрости, под бдительной ферулой и с вразумительной указкой в руках. Нам говорили: меньше думай и больше слушайся того, кто тебя старше и потому умнее; не верь всякой правде, чтобы не нажить беды, потому что и сама правда бывает двоякая: злая — от наущения дьявольского, и добрая, которой поучайся от тех, кому подобает ее ведать; иной раз и ложь не перечит правде, даже ее заменяет, когда, как говорится, бывает она во спасение. Одним словом, мы воспитывались в благонравии по рецепту тогдашней австрийской дипломатии канцлера Меттерниха“ („Мои воспоминания“, стр. 313).

Эти мысли Буслаева совпадают с основными мыслями Добролюбова „О значении авторитета в воспитании“ и по поводу сочинений Миллера-Красовского. Добролюбов издевается над правилом „не рассуждай, а исполняй“. Буслаев горько говорит о правиле: „меньше думай и больше слушайся“. Добролюбов резко осуждает „отсутствие самостоятельности в суждениях и взглядах, вечное недовольство в глубине души, вялость и нерешительность в действиях, недостаток силы воли, чтобы противостоять посторонним влияниям, а вследствие этого легкомыслие и подлость, недостаток твердого и ясного сознания своего долга и невозможность внести в жизнь что-либо новое, более совершенное, отличное от прежде установленных порядков, — вот дары, которыми безусловное повиновение при воспитании наделяет человека, отпуская его на жизненную борьбу“ („О значении авторитета в воспитании“).

Аналогичные мысли Буслаев выражает словами „о благонравии по рецепту тогдашней австрийской дипломатии“.

Приведя речь Давыдова на акте Педагогического института, Добролюбов выставляет на публичное осмеяние слова Давыдова: „надо веровать, чтобы знать“, „как бы мудрость не ослепила“, „для этого нужно сознание своей слабости и испрашивание помощи всемогущего“.

Отметим, что Буслаев под конец жизни тепло пишет о гимназии в Пензе, где дети еще не знали „напасти“ надзирателей, с увлечением описывает и дет-

ские свободные игры, шалости, иногда даже совсем неблагонаправленные выходки, уличные бои и драки. Буслаев рассказывает об этом с сочувствием, подчеркивая тем, что это вовсе не детская преступность или испорченные неповиновением нравы, а простая детская удаль, молодая энергия, которая искала выхода и которая с годами меняла форму; вчерашние драчуны, становясь юношами, находили другие интересы: книги, прогулки, беседы, соревнования в самостоятельном творчестве.

Недаром демократическая печать подхватила эти страницы его книги, противопоставляя их мертвой дисциплине современной им школы. В воспоминаниях о 2-й и 3-й Московских гимназиях Буслаев с явной неприязнью отмечает схоластику и боязнь нового, лучшего в преподавании русского языка, запретительные меры против проникновения новой науки в школу. И в этом его критика совпадает с критикой Добролюбова, писавшего: „Избегать всякой сухости и мертвой формальности и поддерживать в детях живой интерес ко всему, что им преподавалось“.

„Руководств Востокова и Половцева, принятых тогда в гимназиях, нам вовсе не нужно было“, писал Буслаев о своих занятиях в гимназии, где он с живейшим увлечением, усердно и старательно применял на деле свои идеи и планы, стоящие на логико-грамматической основе преподавания языка и сочетающие грамматику с живой литературной речью. Мы увидим дальше, какое большое значение придавал Буслаев интересу и любви к науке со стороны учащегося, и у него это не декларативное заявление, а конкретно разработанная методика. Но школьник должен любить не только науку, предмет, школьник должен любить и учителя, и школу. Здесь он прямо шел по стопам Белинского и Герцена. Совершенно невозможно представить себе Буслаева, оскорбляющего человеческое достоинство своего маленького ученика словом или поступком, тем менее — с розгой в руках.

Мы говорили уже, что особенностью принципиальных воззрений Буслаева была их конкретность. Невозможно говорить о педагогических взглядах Буслаева, не касаясь его педагогической и методической практики.

Педагогические и методические взгляды Буслаева складывались и впервые применялись в обстановке домашних занятий в семье Бодэ.

Первой задачей, которую поставил себе молодой учитель, — было дать своим учебным занятиям серьезную научную основу. Он горел желанием сообщить ученику последние достижения науки, какие вынес из университетского курса.

Но он понимал, что учебный предмет не может полностью совпадать с научным курсом, что давать подростку только последние обобщения науки без практики живой речи было бы совершенно неправомерно.

„Больше годился для моей цели выше объясненный мною приготовительный курс Шевырева о языке и слоге; но для школьного обучения этот предмет надобно было высвободить из рамок систематической теории и дать ему практическое применение на чтении литературных произведений и в письменных упражнениях. А между тем никаких учебников у нас под рукой не было, да сверх того, мой сметливый, пронырливый и необыкновенно даровитый ученик, но резвый, живой и нетерпеливый, питал решительное *отвращение к голословным предписаниям грамматики* (курсив мой. — Е. П.) Востокова и риторики Кошанского“.

„Прежде всего мне надлежало воспитать в моем ученике *охоту к серьезным занятиям и пробудить любовь к науке* (курсив мой. — Е. П.), пользуясь его живою восприимчивостью и пытливым умом, но так, чтобы с первого же разу не причинить ни малейшего насилия этим способностям скукою и чересчур напряженным трудом, как это обыкновенно бывает с начинающим учиться, когда насильно таскают их по *томительным мытарствам элементарного учебника* (курсив мой. — Е. П.). Оставив теорию в стороне, я избрал метод практический и, тем более потому, что он вполне согласовался с предметами моих уроков, с родным языком и отечественною историею“. „Положив в основу наших занятий чтение и рассказ или письменное изложение прочитанного, я соединил вместе уроки истории с изучением языка, слога и литературы, разумется, придерживаясь для себя некоторой системы в постепенном ознакомлении моего ученика с каждым из этих разнородных предметов и не обременяя его внимания излишними подробностями“ („Мои воспоминания“, стр. 135—138).

Из этого описания занятий явствует некоторая недооценка теории языка. В то время Буслаев увлекался материалом языка, практическим чтением и письмом. К 1844 г. (т. е. году выпуска его книги „О преподавании отечественного языка“) и позднее, в годы выхода в свет его учебников исторической грамматики, увлечение это уступит место требованию не только системы, правильно научно освещенной, но и большому удельному весу самих знаний в старших классах. Но всегда, даже в эту раннюю пору своей работы, Буслаев боролся против формального освещения языковых фактов, стремясь дать не только схему, но и *материал и факты* предмета, правильно освещенные. И в эту пору он неоднократно вступал „в серьезную беседу о какой-нибудь вычитанной нами подробности“ (курсив мой. — Е. П.). Даже вне класса между учителем и учеником завязывалась „оживленная беседа“ (курсив мой. — Е. П.) об очень серьезных вопросах. „Он (Миша Бодэ — Е. П.) забегал в мою комнату, и когда заставал меня за книгою — непременно хотел знать, что такое я читаю, и я должен был подробно рассказать, что в этой книге содержится и почему и для чего она интересует меня, а он не перестает спрашивать и допрашивать, вставляя свои замечания и недоразумения; между нами завязывается оживленная беседа, и учитель с учеником превращаются в двух школьных товарищей, которые иной раз непрерывно состязаются в разрешении мудреных, хотя бы и непосильных для них задач науки и жизни“. Следует особенно подчеркнуть сочувствие Буслаева серьезным беседам с детьми; он вовсе не считает для них недоступными серьезные вопросы науки и жизни, а горячо поощряет любознательность. Его сокращение теории в занятиях с Мишей Бодэ объяснялось отчасти и слабой разработкой теории языка в то время. Греч, Давыдов, Шевырев, конечно, не могли дать в распоряжение молодому учителю глубокие исторические и семантические основы науки о языке. Когда впоследствии, вдохновленный Гриммом, сам Буслаев дал эти основы школьному курсу теории, она заняла в его программах и учебниках очень большое место.

Поднимать же серьезные теоретические вопросы в беседах с детьми Ф. И. не боялся даже тогда, когда они непосильны для разрешения школьников. И Буслаев прав: разве нельзя подросткам, даже детям, задуматься о том, что сейчас и непосильно для их окончательного разрешения; каждая новая научная и жизненная проблема, возникающая у ребенка, подростка, юноши, даже если не получает полного исчерпания сейчас, тем не менее расширяет его горизонт, поможет его росту, зажжет в его душе любовь к знанию, выведет из ограниченного самодовольства и самоуспокоения. Неполное понимание истины не есть еще искаженное представление о ней. Когда Энгельс говорил, что даже семилетнему ребенку можно разъяснить законы диалектики, если ему их правильно подать, он, конечно, не мог думать, что этот ребенок полностью освоит эти глубочайшие философские проблемы. Вспомним и слова Добролюбова: „А разумности в детях гораздо больше, нежели предполагали. Они очень умны и проникательны“ (Добролюбов, „О значении авторитета в воспитании“).

Выдвижение Буслаевым значения языковых упражнений в связи с литературным и научно-популярным чтением было глубоко прогрессивным явлением не только в условиях школы того времени, но и вообще в разработке вопроса о сущности учебного предмета. Опять-таки вспомним Добролюбова. Хваля школу Оуэна, он указывает: „приятно было за правило непременно показывать ученикам самый предмет, о котором говорилось“. Это касалось не русского языка, но в том-то и заслуга Буслаева, что он с первых своих педагогических шагов, может быть, еще не осознавая теоретического значения своего положения, развернул этот принцип в преподавании русского языка. Преподавать язык без языка — абсурд. И с этим борется молодой учитель Буслаев, усаживая своих учеников за литературное чтение именно в целях понимания и освоения грамматики. Так строил он свои занятия с младшими дочерьми Бодэ. „Тут должен я был вести свое дело в строгой системе постепенного преподавания, чтобы предложить им ясное понятие об основных началах грамматики в той мере, в какой это требуется для вразумительного разбора отдельных слов и предложений при чтении и вместе с тем для правописания... Я, по принятому мною уже и тогда новому методу, начал с ними обучение грамматике синтаксическим разбором предложения — и на цельной его канве, с подлежащим, сказуемым, с словами определятельными, дополнительными и обстоятельными, распо-

лагаю отдельные части речи с их изменениями в склонениях и спряжениях. Разумеется, и с ними, так же, как и с Михаилом Львовичем, я принял метод практический — на чтении и письменных упражнениях (курсив мой. — Е. П.), состоявших в диктанте и списывании с печатного. Не помню, с чего я начал наше толковое чтение, вероятно, с отдельных предложений и периодов, но очень скоро приступил к басням Крылова и к сказке Пушкина „О рыбаке и рыбке“, грамматический разбор которой впоследствии я с пользою употребил в 1-м классе третьей Московской гимназии, а потом, в 1844 г., и напечатал в моем сочинении „О преподавании отечественного языка“ („Мои воспоминания“, стр. 138 и 139).

Преобладание практического метода в 1-м классе вполне закономерно. Можно возразить лишь против однообразия письменных упражнений. Но в целом — огромное значение ценного литературного материала для изучения грамматики здесь показано достаточно четко. Совершенно правильными были и предварительные перед этимологией занятия по синтаксису. То, что практически проделывал в 1838 г. молодой учитель Буслаев, впоследствии, в 1844 г., он теоретически обосновал в своем утверждении о значении развития логического мышления ученика, что достигается полнее всего именно синтаксическим разбором. Это утверждение впоследствии, в 1859 г., сойдется у Буслаева с его тезисом о единстве языка и мышления („Историческая грамматика“). А в 1853 г. в связи с вопросом об открытии учебных заведений для девочек приводит те же соображения Добролюбов. У Добролюбова это, правда, сочетается с отвращением к пугающей грамматике, которого и в помине нет у Буслаева, но буслаевский метод: чтение, письмо, рассуждение, синтаксис, этимология — он воспроизводит полностью. После этого становится понятным, почему Добролюбов в том же 1853 г. сочувственно упоминает о Буслаеве: „Дело составления учебников признано наконец делом серьезным, за него принимаются люди, подобные гг. Соловьеву, Буслаеву (курсив мой. — Е. П.), В. Шульгину и, без всякого сомнения, их труды скоро вытеснят те жалкие изделия, какими до сих пор снабжались наши учебные заведения от гг. Зуева, Н. Греча, Ив. Давыдова, Ив. Шульгина“.

Следующие шаги своей педагогической деятельности Ф. И. Буслаев проводит под знаком значительного усиления теории. Обучая детей Строганова, он составляет для себя и для своих учеников солидную библиотеку: от Кантемира и Ломоносова до Жуковского и Пушкина, включает „Историю Государства Российского“ Карамзина, памятники древнерусской и народной словесности, а также несколько томов Российской Вивлиофики. В значительно большей мере использует он на занятиях и университетские лекции („Мои воспоминания“, стр. 190). По возвращении из Италии, в 1841 г. Буслаев под влиянием Строганова обращается к теории педагогики и методики преподавания. Он увлекается Дистервегом и Магером. В это же время он занялся пропагандой звукового метода в обучении грамоте, который впоследствии был общепризнан в передовых педагогических кругах. Добролюбов в 1858 г. с этим связал опять-таки свою борьбу за народное просвещение. Он пишет, что в медленном продвижении народной грамотности виновны не „иностранцы“, как утверждает кое-кто, а „мертвящая схоластика“ буквослагательного метода, причем правильно указывает, как в свое время и Буслаев („Москвитянин“, 1842), что схоластика эта проявляется не только при сложении *аз, буки, веди*, но и при названии букв: *бе, ве, ге*, и т. д. Он призывает тем самым к звуковому методу („О народном воспитании“). По поводу статьи г-на Анпельрота, „Современник“, 1858, книга 1).

Большое значение в педагогическом отношении имеют описания Буслаевым его занятий с наследником. Мы можем почерпнуть из них интересную методику учебной работы с юношей 16—17 лет (возраст наших 9 и 10 классов).

В ноябре 1859 г. Буслаев получил от Строганова письмо с приглашением начать занятия с наследником по истории русской словесности „в том ее значении, как она служит выражением духовных интересов народа“. Само задание чрезвычайно интересно. Но с этой образовательно-воспитательной задачей Строганов связывает и практическое требование: „Мне кажется, Ф. И., что главное внимание ваше должно быть обращено на приучение воспитанника к „самодельности“, знакомя его с бытом и умственным развитием России в истории ее литературы; но не терять из вида необходимость упражнять наследника в письменных занятиях, в передаче словесно, отчетливо всего

пройденного вами, одним словом, приучать его к труду* („Мои воспоминания“, стр. 330—331).

Буслаев очень волновался, приступая к занятиям, но он совершенно искренне признавался: „страшился я не за себя, а за свою науку (курсив мой. — Е. П.), которой был предан всем своим существом, — страшился потому, что у меня не хватит способностей предложить ее августейшему слушателю в том виде и составе, в каком я ее люблю и восхищаюсь ею“.

Это волнение за науку, за то, что не хватит умения передать ее в подобающем виде своему ученику — подлинно благородное волнение, волнение настоящего педагога-учителя.

Как мы видим, речь идет уже о внедрении самой науки в преподавание. Во имя этой любви к науке Буслаев готовился к своим лекциям с поразительной тщательностью. „Накануне лекции, — рассказывает Буслаев, — *весь день я употреблял на составление и тщательную обработку* (курсив мой. — Е. П.) того, что завтра утром буду излагать своему слушателю“. Преобладал метод лекций, но, рассказывает дальше Буслаев, „я не читал ему написанное из принесенных с собою листов, а соображаясь с ними, время от времени давал своей лекции форму более оживленной беседы, *вызывая его на вопросы в тех случаях, когда, как мне казалось, возможно было с его стороны какое-либо недоразумение*“ (курсив мой. — Е. П.).

Интересны новые по тому времени методические приемы: тщательная подготовка занятия на листах (не забудем, что тогда Буслаев был уже общепризнанным ученым и профессором), предпочтение живого слова учителя в изложении предмета, предвидение учителем, что может вызвать какие-либо недоразумения со стороны ученика, перемена метода в более трудных местах, не только задавание вопроса учителем, но и стремление вызвать вопрос со стороны ученика, вопрос, на который ответит учитель, наконец, систематический опрос ученика—„Принесенные листы оставлялись ему для приготовления отчета, которым и начиналась следующая лекция“ („Мои воспоминания“, стр. 334).

Эти занятия были наслаждением для учителя: „Никогда не забуду, с каким наслаждением читал я ему об Остромировом евангелии, об Изборнике Свято-славовом и о великолепных миниатюрах Сийского евангелия по драгоценным рукописям, которые были доставляемы нам для лекций из петербургской Публичной библиотеки, московской Синодальной и с далекого Севера, из Сийского монастыря“.

Следует обратить особое внимание на исключительную заботу учителя, заранее собиравшего подлинники для показа ученику чуть ли не со всех концов страны. Вопрос о показе подлинника Буслаев поставил решительно. Он „в методе преподавания предпочел общим обозрениям и поверхностным характеристикам личное знакомство учащегося с литературными произведениями, приобретаемое внимательным их прочтением“. Буслаев связывает этот показ подлинника (в натуре или в копии) с интересом ученика и с растущим у него уважением к науке.

Решительно везде Буслаев отстаивает личное знакомство ученика с документами и материалами изучаемой науки. Это та же линия, которую он начал даже при изучении грамматики, — давать ее в материалах живой литературной речи, в документах и фактах языка.

Свои труды по языку Буслаев разрабатывал на основе достижений немецкого языкознания: Гумбольдта, Боппа и Гримма. Удельный вес научной теории в общей системе преподавания Буслаева резко возрастал. Учебный предмет все больше сближался с наукой: больше давалось общих теоретических изложений; все больше проникали в курс важные подробности; глубже и разностороннее подыскивался материал, подтверждающий обобщение; самый метод работы принимал более серьезный характер — усилились собственно логические упражнения, изложение все чаще принимает дедуктивный характер, первоисточники привлекаются, как необходимое пособие.

Все более укрепляется Буслаев на позициях реального образования, резко возражая против классицизма в школе.

Это необходимо иметь в виду для понимания его первого научного труда по методике — „О преподавании отечественного языка“.

Прежде чем перейти к анализу этой книги, следует отметить еще одну сторону просветительной деятельности Буслаева. Он был горячим сторонником

женского образования, был постоянным членом общественных организаций по женскому образованию, охотно читал лекции в женских учебных заведениях. И в этом вопросе мы видим общность позиций Буслаева и Добролюбова.

В архиве Буслаева мы находим газетное сообщение: „В старшем классе Московского Александровского маринского женского училища профессор Буслаев читал курс истории средневековой литературы, и, как оказалось впоследствии, слушательницы усвоили предмет лекций профессора с такой удовлетворительностью, какой только можно было желать“.

Мы часто ссылались на книгу Буслаева „Мои воспоминания“. Эта книга писалась в 90-х годах, когда не только Белинского, но и Добролюбова и Чернышевского уже не было в живых. Не было и Ушинского. Но являются ли высказывания Буслаева лишь продолжением педагогической гуманистической линии этих лучших людей того времени? Мы затруднились бы ответить, если бы не было перед нами книги Буслаева „О преподавании отечественного языка“, изданной почти одновременно с педагогическими статьями Белинского (1843—1846 гг.) и задолго до Чернышевского, Добролюбова, Ушинского.

4

С первой страницы книги „О преподавании отечественного языка“ мы чувствуем ее гуманистическое направление: личность ученика сразу становится осью всех рассуждений, педагог должен развивать, образовывать и упражнять способности учащихся. Отметим веру в огромную роль учителя и воспитателя: он не только упражняет и развивает, но и „образовывает“ способность учащегося, иначе говоря, создает ее. Каждый предмет несет свою дань в этом образовании (создании) человека: „Надо образовать разум для образования сердца“... „Нужно собрать эти различные приношения, соединить их и поставить в преуспевание чувств благородных, честных и великодушных“ (стр. 1, 2), — так с сочувствием Буслаев цитирует Жирара, известного швейцарского педагога. Разум — в основе, от него идет чувство, основательное знание впереди, от него сознательное действие. Рационалистический характер воспитания очевиден.

Следует отметить, что разум здесь берется не в формальном значении, а в значении познания. Человек — личность, в одном из ее высших проявлений — в познавательном действии — вот что должно быть в центре внимания педагога.

Но особенностью Буслаева является то, что это общее положение педагогической теории он тотчас же показывает в методике предмета. Здесь он первый творец и основоположник теории методики русского языка.

На странице 31 он противопоставляет свою систему предшествующим.

„Здесь-то и выказывается великий недостаток грамматики Востокова и Греча, несмотря на все их ученые и научные достоинства. Оба эти филолога смотрят на грамматику только с ученой стороны, не обращая внимания на учебную, забывая личность учащегося: между тем как постепенное развитие сей последней составляет важнейшую часть отечественной грамматики“.

Мысль, что развитие личности — необходимое и важнейшее условие усвоения грамматики — является краеугольным камнем всей методики. Она не утратила своего значения и сегодня. Всестороннее развитие личности есть не только общепедагогическая гуманистическая догма, это живая методическая необходимость.

И автор убедительно доказывает эту мысль. Исходя из правильного, близкого нам, понимания единства языка и мышления, он мотивирует свое положение так: „Родной язык так сросся с личностью каждого, что учить оному значит вместе и развивать духовные способности учащегося. Таким образом, в самом предмете преподавания, в языке отечественном, находим мы необходимость педагогической метoды“ (стр. 32).

„Родной же язык мы первоначально узнаем непосредственно, не так, как язык, но как мышление, действие, ощущение, как совокупность того, что им выражается. Потому чрезвычайно односторонне во главе многих грамматик стоящее определение языка, будто он есть средство к выражению и сообщению представлений или мыслей. Скорей наоборот: так как мы наследуем от других мысли и знания помощью языка, то язык есть средство, которым мы приобретаем мысли“ (стр. 62).

Чтобы глубже пояснить эти мысли, напомним толкование языка Гумбольдом: язык, как „эрг“ (результат мышления — познания) и „энергия“ (возбудитель познавательной мысли). Буслаев делает отсюда конкретный методический вывод: „Метода первоначальному преподаванию отечественного языка должна быть генетическая, основывающаяся на постепенном развитии в дитяти врожденного дара слова“ (стр. 66). Пусть нас не смущает утверждение о „врожденном даре“ слова (повторенное впоследствии Ушинским), важно то, что эта метода „столько же основывается на сущности самого предмета, сколько и на личности учащегося“. Эта мысль наносит смертельный удар формализму всех видов: как современной Буслаеву формально-логической школе, так и той формалистической школе, которая появляется после Буслаева и сводит изучение языка к „формальным принадлежностям“ слов.

Как серьезна, многогранна должна быть система преподавания языка в школе, если ее основа — в быстро развивающейся личности ребенка, если она не должна отстать от него. Оттого так требовательно звучит правило преподавания языка, сформулированное Буслаевым на стр. 56: „Соединяй внешнее с внутренним, форму с содержанием... Всегда и везде ищи значения представлений и отношений, выражаемых формами“.

Но Буслаев на этом не останавливается. Утверждая познавательную функцию языка, он указывает и его социальную функцию. Человек живет в родной среде своего народа, и Буслаев сочувственно приводит слова Магера: „Изучением отечественного языка становимся мы истинными соучастниками своего народа и наследниками его духа, так что всяк образованный в своем языке может сказать: *la nation — c'est moi* (нация — это я)“ (стр. 64).

В этих воззрениях Буслаева явно выступают тезисы: личность и народ; гуманизм и народность. Верный себе, Буслаев от народности идет к общечеловеческим связям; тщательно выписывает замечательные слова Магера о том, что нужно изучать не только родной язык, но и иностранные, чтобы образовать „мировых граждан в добром смысле, которые, хотя больше всего любят свою отчизну и служат ей, однако, умеют ценить все истинное, благое и прекрасное, наслаждаться и пользоваться всем, что предлагают чуждые народы, отделенные от нас пространством и временем“ (стр. 64). И хотя в это время Буслаев был дружен с некоторыми славянофилами, он умел сохранить полную независимость мысли. Его педагогические высказывания отнюдь не совпадают с славянофильскими. Буслаев выбрал себе иной путь. И этот путь определил развитие русской прогрессивной методической мысли.

Из приведенных выше мыслей Буслаева особо серьезной является следующая: его метод „столько же основывается на сущности самого предмета, сколько и на личности учащегося“. Этим принципом, на котором строится преподавание языка, устанавливается не только новое качество преподавания, но и пролагается путь прогрессивной методике. Чем, как не забвением этого принципа, можно объяснить существовавшую до Буслаева схоластическую грамматику — „полицейско-запретительного характера“, сведением грамматики языка лишь к практическим надобностям разбора и орфографии с пунктуацией. Чем, как не забвением этого принципа, является элементарно-практическая система преподавания языка, пропагандировавшаяся Кульманом в 1903—1917 гг., и яркие законченные высказывания Пешковского о том, что грамматика „антидетская наука“, что серьезное преподавание ее наносит „серьезную травму“ психике ребенка. Не случайно, что работы Буслаева с 1903 г. постепенно отстраняются от учителя и с 1915 г. предаются забвению.

Со свойственной Буслаеву конкретностью он раскрывает, в чем сущность его принципа преподавания языка, учитывающего специфику предмета и личность учащегося. В главе „Умственное упражнение и энциклопедическое учение“ он устанавливает содержание этого вопроса и отмежевывается от извращений его.

Прежде всего он совершенно справедливо отказывается от формального развития мышления школьника; работа над мышлением ребенка должна быть материальна, вещественна, надо учить мыслить на конкретном содержании. Потому излишне и вредно предпосылать конкретным наукам „логическую пропедевтику“ с ее формальными определениями логических категорий, совершенно ненужными без живой связи с содержанием, с конкретными предметами и явлениями реального мира.

По пути Буслаева пошел Ушинский, преломив его указания для сельской школы. В своем учебнике он не учит детей словам „видовое и родовое понятия“, а показывает: доска, парта, стол, стул в классе — это учебная мебель; лошадь, корова, баран — это домашние животные и т. д.

Буслаев рекомендует „начинать прямо от языка“, ибо, „изучая язык, они изучают и то, что им выражается, т. е. мысль“. Он приводит большие выдержки из Гегеля и Дейнгардта и сам пространно рассуждает, что изучение языка, правильно поставленное, дает само по себе наилучшее умственное упражнение, развивая и логические способности и приучая к отвлеченной мысли на основе конкретного и живого содержания. Он указывает, что подобное, через язык, развитие и воспитание мышления, предпочтительнее еще и потому, что оно, развивая ум, вместе с тем воспитывает и чувство, и нравственность, естественно вызываемые конкретным и живым содержанием окружающего нас мира (в настоящем или прошлом), и „дар слова“. Верная основа дает возможность одновременно всестороннему развитию. Это тоже прекрасная мысль, ведущая к большой эффективности и экономии в педагогическом деле. Буслаев подчеркивает, что должна быть не очередность — сначала одно, а после другое, а после третье — как это было в преподавании языка до Буслаева и как, к сожалению, иногда всплывает в наши дни, — а одновременное развитие всех данных ученика. При верном упоре на содержание это порождает не хаос, а богатство. Замечательны в этом отношении слова Буслаева: „Система не дает материала, а при материале будет и система“. Итак, в основе изучения языка живой, содержательный материал, а языковая система, грамматика, с ним нераздельна.

Это единство языка и мышления, мышления и бытия утверждается Буслаевым, потому что он был сторонником логико-грамматической школы. Яркое выражение этой школы в русской лингвистике мы найдем у его учителя, В. Г. Белинского в „Основаниях русской грамматики“. Этот мало известный, но замечательный труд Белинского заслуживает особого разбора и особой оценки, но сейчас мы из него возьмем несколько выдержек:

„§ 5. Грамматика есть наука о слове человеческом, или систематическое изложение законов человеческого слова.“

Примечание: Так как слово тесно связано с мыслию, то и Грамматика находится в тесных отношениях с Логикою, и должна быть основана на ней“.

„§ 11. Примечание: ... язык человеческий, при всей своей условности, основан на таких же непреложных законах, как и мысль. Происхождение слова современно рождению мысли, т. е. человек стал говорить в то же самое время, как начал мыслить. Язык развивается и совершенствуется вместе с мыслью...“ („Основания русской грамматики“, гл. I).

Это сопоставление еще раз показывает, что Буслаев идет рядом с прогрессивными мыслителями своей страны и своего времени.

Утверждая единство языка и мышления, основывая развитие мышления на содержании конкретного мира (на бытии, как сказали бы мы), Буслаев предупреждает об одной, могущей возникнуть отсюда опасности.

При таком взгляде на язык возможно такое расширение преподавания, которое подменило бы изучение языка энциклопедией знаний. В параграфе 3 разбираемой нами главы Буслаев опровергает эту теорию „энциклопедийности“. Язык — предмет, имеющий свою специфику, и из того, что он является выражением мысли человека, вовсе не следует, чтобы любую мысль мы изучали только через изучение языка, на уроках русского языка. Во время Буслаева это было более теоретической, чем практической опасностью, но позже, в 10-х годах XX в., появилась книга Девина „Философия методики“, требовавшая отмены в школах всех предметов, кроме русского языка, и предлагавшая учителю русского языка на своих уроках знакомить школьника со всеми науками.

Буслаев точно предвидел возможность появления такой крайности в своем блестящем опровержении этой теории преподавания. Он очень остроумно указал, что учитель, довольный богатством содержанием своей науки, никогда не подумает посягать на соседние предметы. Только от пустоты и бедности представления о своем предмете можно развивать подобные теории.

Сам вполне удовлетворенный богатством содержанием своей науки о языке, Буслаев боролся за почетное и самостоятельное место ее в учебном плане

школы. Он возмущался тем, что в его время большое значение придавали древнему языку, что такое раннее и подробное изучение чужого языка стремились обосновать якобы большой полезностью этого для науки о языке, что русские учебники построены по способу учебников иностранных языков и написаны как будто для иностранцев, так что Половцеву пришлось свою книгу специально озаглавить: „Русская грамматика для русских“.

В защите специфического метода изучения родного языка большая заслуга Буслаева. Он первый обратил внимание, что „правила в отечественной грамматике стоят совершенно в другом отношении к практике, нежели в грамматике иностранного языка“, что требование доброкачественного материала при изучении родного языка выступает на первое место. Он высмеивает грамматику Вурста за его куций материал к правилам, но добавляет: „Не много выигрывает такая метода и тогда, когда мы эту болтовню заменим маленькими отрывочками из писателей образцовых, ибо отношение правил к примерам остается то же самое; а клочки из писателей также не дают реального содержания для заучивания, будучи по большей части фразами, в коих мысль только в половину выражена, а иногда того менее“. Потому Буслаев возражает против дробящей мелочности разрозненных правил, против неопределенного по материалу отыскивания формальных примеров самими учениками.

Буслаев кладет в основу изучения родного языка материал с реальным содержанием. Как близко к нашему времени это требование!

Ведь в постановлении ЦК ВКП(б) от 25/VIII 1932 г. прямо указано на необходимость привлечения для занятий по русскому языку материалов по социалистическому строительству.

Глава „Метода обучения отечественному языку“ устанавливает важнейшее правило первоначального обучения родному языку: „Приводи дитяти все явления языка таким образом, как поступает природа, то есть, помощью изустного выражения непосредственных представлений, *помощью разговора и чтения*“ (курсив мой. — Е. П.).

Требование Ушинского обучать языку на основе самораскрывающего душу ребенка высказывания целиком примыкает к этим строкам. Наше современное требование связать грамматику, культуру речи и литературное чтение идет по той же линии, в борьбе с формалистическим преподаванием, игнорированием материала, читаемого на уроках грамматики, и беседы, предваряющей грамматическое обобщение.

Ставя культуру речи, особенно устной, и чтение необходимым условием правильного освоения грамматики, Буслаев тотчас же предупреждает против очередности, против того, чтобы сначала все читать, читать и разговаривать, а потом уже в конце обучения — учить грамматику. Буслаев говорит: „Это не значит, чтобы мы пользовались им (грамматическим разбором и анализом. — Е. П.) тогда только, как ученик достигает высокой степени и способности дара слова; мы его можем применить тотчас же, как заметим, что ученик достаточно к тому подготовлен соответственными упражнениями“.

В своем требовании давать систему знаний по языку одновременно и параллельно с развитием мышления и культуры речи, Буслаев сохраняет русскому языку его почетное место среди основ наук в школе и этим стоит близко к нашей современности.

В этой системе знаний Буслаев, согласно установкам логико-грамматической школы, вводит особое расположение курса грамматики. Он начинает курс грамматики с изучения предложения.

Как введение звукового метода обучения грамоте, так и методическое построение курса грамматики от синтаксиса, от предложения подготовлено трудами Буслаева. Сейчас это общепринятая система.

Остановившись на системе знаний по языку в работе Буслаева, мы должны рассмотреть и его рассуждение о филологическом и лингвистическом преподавании языка. Понимая под первым взгляд на изучение языка лишь как на средство более глубокого понимания литературного произведения, а под вторым — взгляд на изучение языка как на самостоятельную науку о законах языка, Буслаев приходит к совершенно правильному выводу, что „отечественный язык, по существу своему, необходимо должен подвергаться и филологическому и лингвистическому способу исследования. Хотя лингвистическому сле-

дует преуспевать... однако нельзя упускать из виду и применения законов отечественного языка к литературным памятникам...» В дальнейшем мы увидим, что и в изучении теории словесности и умения говорить и писать (культуре речи) Буслаев также объединяет оба способа преподавания, отводя ведущее место лингвистическому. На более высокой ступени лингвистическое преподавание заключается в сравнительно-историческом изучении грамматики (глава „Результаты“).

Современники справедливо упрекали Буслаева в том, что он рекомендует привлекать для чтения почти исключительно старых писателей, не называя никого после Пушкина, даже Гоголя, которого сам он ставил очень высоко. Буслаев оправдывает свой выбор в главе „Чтение“ тем, что если гимназисты „не прочтут Ломоносова и Державина в школе, то вероятно и никогда в жизнь свою не прочтут их“. Мысль неверная, хотя из хороших побуждений высказанная. Она противоречит установке автора на развитие личности учащегося. Он решительно против переводов. С точки зрения силы и точности языка никакой перевод не сравнится с подлинником. Но практически это очень ограничило бы наши возможности. Буслаев признает пользу хрестоматий. В таком деле, как изучение языка, материал может быть хрестоматийного порядка. Буслаев считал полезным и первоначальные хрестоматии, составленные для того, чтобы выучиться „плавно читать“, узнать „первоначальные сведения грамматики, правописание“, и исторические — из больших отрывков — для позднейших занятий по литературе и для сравнительно-исторического изучения языка. Такие хрестоматии, думаем мы, были бы чрезвычайно полезны в наши дни.

В то время это предложение было неслыханной новостью: тогда господствовали „нескладные притчи и наставления умственных и наглядных упражнений, которые пишутся обыкновенно без больших претензий на слог и мысли“. В основе чтения у Буслаева лежит „История Государства Российского“ Карамзина. Буслаев прилагает анализ нескольких отрывков для показа выражений, взятых из старинных памятников. В разделе книги „Опыты преподавания“ Буслаев приводит образцы разбора сказки Пушкина „О рыбаке и рыбке“, басен Крылова, летописи Нестора и Карамзина, „Слова о полку Игореве“, старинных повестей, сказаний, од Ломоносова. Надо признать, что и подбор произведений и характер их разбора устарели и своим однообразием, и своей искусственностью. Наши лучшие школы дают образцы подобного разбора во много раз содержательнее и искуснее, но для того времени — сто лет назад — это был целый переворот. В основу положены целостные, длинные, содержательные тексты. Разбор начинается с анализа содержания и литературной конструкции и в связи с этим автор останавливается на нужных грамматических формах.

Тем, что разбор дается именно нужных по теме грамматических форм, устанавливается и система, система „грамматических эпизодов“, как говорит Буслаев. Правда, образцы первоначального чтения и разбора, приведенного Буслаевым, не очень убеждают нас в наличии такой системы. Примеры его особенно наивны: бог, ангелы, праведник — дань времени, от которой не освободился даже Ушинский.

Пионер плодотворного движения в пользу связи литературного чтения с грамматикой, сам Буслаев еще не разрешил этого вопроса, конкретных деталей пути еще не показал. Но ведь этого еще никто не сделал за все сто лет после него. И только в наши дни намечаются пути разрешения этого вопроса.

Следует отметить, что первоначальное знакомство с грамматикой у Буслаева охватывает большой круг грамматических вопросов: все члены предложения, включая дифференциацию второстепенных членов предложения, все части речи, включая понятие о залоге, значение падежей и т. д.; также придаточные и главные предложения, причастные и деепричастные обороты (по нашей терминологии). Разбор статей у Буслаева по программе последующих классов может быть полезен некоторыми своими справками, но он, конечно, совершенно не исчерпывает наших запросов и в этом смысле имеет лишь исторический интерес, открывая в истории методики совершенно новую страницу сравнительно-исторического анализа языка на большом литературном материале.

Нам дорога еще одна черта работы Буслаева. Никогда ни одного своего методического положения он не оставляет без подкрепления новым и обильным конкретным материалом, без конкретного показа учительской практики.

На современников Буслаева этот раздел его методики производил наибольшее впечатление.

Положения о литературном чтении, как особенно новые в истории методики, дали повод называть систему Буслаева литературно-грамматической школой и противопоставлять ее логико-грамматической школе. Это явное недоразумение. Буслаев с полной несомненностью разделял логико-грамматические позиции, установившиеся в его время как в западной, так и в русской лингвистике.

На основе логико-грамматического толкования явлений языка и такого же подхода к его преподаванию Буслаев развивает свою методическую систему, в которой необходимость литературного материала для грамматики играет существенную, но совершенно подчиненную роль. Сам Буслаев называл и, как нам кажется, не очень удачно свою „методу“ „генетической“, вкладывая в этот термин понятие органической связи преподавания языка с развитием личности ученика. Именно это он считает своим основным тезисом.

Отметим еще одну ценную для нас сторону методики Буслаева. Он стоит за разнообразие методов, подчеркивая, что выбор того или иного метода зависит от предмета и от личности учащегося. Интересно, что и в данном случае он не предполагает никакого конфликта между предметом и учеником, между требованиями одного и возможностями другого.

Знаменательно его указание, что „все историческое и положительное не может преподаваться гейристически, ибо ученик никоим образом не дойдет собственным рассуждением до факта, подлежащего только памяти“ (стр. 33—34).

Таким образом Буслаев утверждает право учителя на изложение темы, на разъяснения и рассказ, на самостоятельное выступление в классе. Это мы отмечаем потому, что даже в наше время до сих пор считается зазорным, если учитель много говорит на уроке, если не все содержание урока ученики „вывели сами“. Это глубокое недоразумение. Буслаев отводит большое место гейристическому методу: при сравнительном анализе языка, при разборе, при чтении.

Ценной является и глава книги об отношениях предмета русского языка к другим предметам. Даже в наше время школа страдает разорванностью учебных программ по отдельным предметам. Буслаев указывает огромное значение родного языка для всех предметов и требует, чтобы его ставили раньше других языков. В связи с этим Буслаев много места отводит актуальнейшему тогда вопросу о реальном и классическом образовании. Он излагает все pro и contra обеих „партий“, почти не высказывая своей точки зрения; приводит много больших цитат разных педагогов, преимущественно западных. Из этого пространного и параллельного изложения противоположных взглядов несомненно одно, что Буслаев хочет единой школы, без уродливых крайностей той или иной системы. Он считает все же полезным это столкновение мнений. „Столкновение и борьба противоположных мнений, эта педагогическая диалектика весьма выгодна для науки, придавая ей движение и жизнь, и чрезвычайно многое обещает в будущем, будучи предтечей твердого, разумного начала, на коем построится педагогика“.

Буслаева всегда отличало очень здоровое чувство реальной действительности, и он не мог не видеть, что стране и обществу нужнее реальное образование, что оно удовлетворит более широкие массы; он не мог не предвидеть, что обратное направление приведет к отрыву школы от жизни. Сам он был учителем реальной гимназии.

Позже он встал определенно на сторону реальных школ, которые так же, как и коммерческие школы, последовательнее и дольше держались лингвистической и методической системы Буслаева. Будучи уже ученым с большим именем, он говорил прямо в лицо министру Д. Толстому, что „классицизм губит просвещение“.

В изложении Буслаевым спор между двумя педагогическими партиями встречается много отдельных интересных мыслей, в частности возражения против узкого профессионального образования.

При этом Буслаев опасается, как бы реальное образование не превратилось в общую „беллетристику“ (он приводит и суждение Канта против такого „бел-

летристического* образования) за счет точных специальных наук, каковыми являются древние языки. Он сетует, что русская грамматика еще не наука. Это стремление к точной и специальной науке в школе нам очень близко. Метода „гуманистов“ кажется Буслаеву прочнее и строже: она чужда опасных нововведений. За ней многолетняя традиция и опыт учителей.

Надо добавить, что в 40-е годы, до 1848 г., школы не слишком различались между собою, гимназии имели лишь латинский язык, тогда еще не превратившийся в средство классового отбора и тормоза общего развития учащегося. Потому некоторая склонность Буслаева к „гуманистам“ нам понятна. В 50-х годах и позднее цели и сущность классической системы стали яснее, и Буслаев уже определенно высказывается против классицизма.

Чрезвычайно интересна глава книги „Результаты“. Длиннейшая выписка из Якова Гримма как будто отрицает систематическую грамматику. Но в конце приводится несколько выправляющее это впечатление замечание, что Гримм „несколько не уничтожает разумного обучения отечественной грамматике в старших классах“.

Заключительная же часть этого раздела—итоги рассуждения о преподавании языка—очень важна, и не только в плане историческом, но в основном и как руководство для преподавателя советской школы.

Установив общие принципиальные положения, Буслаев раскрывает методику отдельных разделов курса: 1) реторику и пинтику, 2) чтение, 3) письменные упражнения. Эти разделы заключают в себе, наряду с изложением разных точек зрения и опыта учителей, много полезных частных указаний. Буслаев хочет вооружить учителя соответствующими новому методу знаниями. Он дает к своей методике пространные приложения.

Основные вопросы этих приложений следующие:

- 1) изучение слова, его семантики, истории и современного употребления;
- 2) составление тематических словарей на бытовые и общественные темы;
- 3) сравнение русского языка с другими славянскими языками.

Любопытно, что Добролюбов очень одобрил беседы с детьми на бытовые темы: при разборе книги Пчельниковой он отмечает пользу ее наглядных словариков с 50 названиями предметов кухни, а также домашних животных, столярной и др.

Опыт лучших школ наших дней поставил эти работы в учебный план русского языка. Здесь опять Буслаев перекликается с нашим временем.

Являясь первым научным трудом молодого учителя, работа Буслаева имеет ряд естественных недостатков. В ней слишком много выписок из иностранных педагогических сочинений, что затрудняет чтение. Местами она производит впечатление громоздко склеенной компиляции, в которой мнение автора надо разыскивать. Книга производит впечатление ряда отдельных статей. Иногда чувствуется неуверенность автора в разрешении того или иного вопроса; местами, под влиянием какого-нибудь авторитета, он сам вдруг несколько отступает от только что завоеванных позиций.

Научные приложения носят сокращенный справочный характер, не отделаны для чтения и освоения их учителем. Примеры из опыта местами явно неудачны. В книге совершенно недостаточно использована современная ей художественная литература. В полемике с реакционными грамматиками книга недостаточно ярко борется за научность преподавания, хотя несомненно полагает необходимым серьезное и научное обучение языку.

В идеологическом отношении книга насквозь пронизана идеалистическим направлением. Особенно портит книгу реакционная религиозная мораль: во многих местах книги (см. напр. стр. 36, 37, 38, 39, 48, 113, 117, 120, 121, 122, 128, 138, 139, 172, 212, 236, 239 и др.) приводятся ссылки на св. писание, даются примеры для грамматического анализа с религиозной тематикой, ведутся рассуждения из педагогические темы с аргументацией в духе ортодоксального православия, наконец, литературное чтение ведется на образцах древне русской литературы религиозного характера.

Тем не менее эта книга имеет очень большое значение в истории русской педагогики, особенно в истории методики русского языка.

В соответствии с этим значением работы Буслаева текст ее издается без изменений (по 2-му изданию) с тем, чтобы общий характер книги был выдержан и отражал направленность ее автора, являющегося одним из крупнейших методистов середины прошлого века.

Несмотря на все вышперечисленные недостатки, книга эта впервые в истории русской педагогики дает научно обоснованную методическую систему, причем ее научные обоснования стоят на уровне достижений современной ей науки сравнительно-исторического языкознания. Впервые в истории русской педагогики научная методика написана самим учителем русского языка, проверена на практике и практически целенаправлена по точному адресу учителя русского языка, для его повседневной практики.

* Несмотря на идеалистическое мировоззрение автора, его методическая система прогрессивна во всех своих конкретных методических указаниях. Она не расходится с идеями передовых мыслителей того времени, а в отношении защиты (хотя и недостаточно четкой) научной грамматики в школе становится ближе к нашей современности. Эта методическая система прогрессивна многими своими сторонами. Будучи последовательно гуманистической во всех своих положениях, эта система исходит из чрезвычайно важного постулата, что преподавание русского языка (и его грамматики) теснейшим образом и естественно связывается с развитием личности учащегося: эта система основывается на развитии тезиса единства языка и мышления, причем мышление характеризуется не со стороны формально-логической, а со стороны конкретно-познавательной деятельности человека, образующей не только формальные навыки мысли, но и реальное содержание таковой, образующей не только разум, но и благородные чувства: воспитательные и образовательные моменты обучения не только не отделяются друг от друга, а связываются между собою и органически связываются с навыками ученика. Эта целостность преподавания языка основана на совершенно правильном представлении о том, какая именно наука должна быть дана в школе: не схоластическая схема „выводов“, не кодекс „правил“, а факты, материал, а для старшего возраста и подлинник научного материала, и общие положения языка, ими обоснованные. Именно так представленная наука в школе и оказывает целостное воздействие на ученика.

Несомненно, однако, что в данной книге методика изучения фактов и материалов освещена больше, чем методика изучения основных положений науки. Углубляя мысль о необходимости фактов и материалов в преподавании языка, система эта впервые вводит в школьное обучение большой и серьезный курс изучения слова и словаря, а курс грамматики начинает с изучения предложения как самоочевидного факта нашей речи и строит впервые курс этимологии на основе синтаксиса.

Эта методическая система прогрессивна и мобилизацией первоклассного (по тому времени) материала для уроков по языку, по грамматике и стилю: литературные произведения в прозе и стихах, целостные серьезные тексты. При этом грамматическому разбору предшествует изучение реального содержания их, и вся методическая система разбора строится на девизе: „соединяй внешнее с внутренним, форму с содержанием“; и хотя примеры автора не дают приемлемых сейчас глубоких и органических путей такого соединения, тем не менее эта общая мысль явно прогрессивна и для нашего времени. Это значение содержания углубляется тем, что требуется сочетание в школьном курсе филологического и лингвистического обучения языку.

Эта методическая система впервые в истории русской педагогики очень четко и конкретно устанавливает все значение и специфику преподавания родного языка, отводя ему свое, самостоятельное, почетнейшее место в учебном плане как основному предмету, устанавливает разнообразные связи его с другими предметами, требуя единого фронта (как сказали бы мы) всех предметов в образовании и воспитании юношества.

Прогрессивной является мысль о связи теории и практики ученика, о роли разнообразных письменных упражнений.

Исходя из идеи всестороннего развития личности и многообразия содержания учебного предмета, эта система выдвигает принцип многообразия методических приемов в преподавании, вполне признавая уместность живого слова учителя, его связного изложения темы перед учениками, а перед юношами — и лекции, хотя Буслев и предпочитает метод беседы. Чрезвычайно большое значение придает эта система интересу ученика, воспитанию любви к чтению.

Сохранив свою свежесть и для наших дней целым рядом своих общих положений и частных указаний, эта книга в свою эпоху господства обску-

рантской педагогики, с ее мертвящим и убогим обучением молодежи, с гнусной моралью безличия и угодничества, с телесными наказаниями (даже у Пирогова) детей — была совершенно исключительным явлением, предварившим некоторыми своими сторонами передовую педагогику 50-х годов — Чернышевского, Добролюбова, Ушинского. Эта книга являлась наиболее близкой к положениям таких передовых людей, как Белинский и Герцен. Очень тепло и серьезно встреченная современными прогрессивными и либеральными (в той или иной степени) журналами, лучшим учительством, эта книга, конечно, была бы оценена еще выше и в то время, если бы не безобразящий ее и противоречащий ее гуманизму, народности и научности налет православия и отсутствие указаний на „гражданское воспитание“. Однако этот налет не обманул сторонников „православия, самодержавия и народности“ (в официальном толковании последнего термина), и в среде обскурантов книга встретила бешеное озлобление.

Борьба формалистов уже с 1903 г. (выступление Кульмана на съезде преподавателей русского языка в военно-учебных заведениях) против единства языка и мышления, против науки в школе затемнила принципиальное значение методической системы Буслаева и не дала использовать его наследство (даже в списках рекомендованных для учителей книг его имя неизменно отсутствовало). Это затормозило влияние Буслаева и на школу, и на теоретические исследования, и на практику учителя.

Горькой правдой звучат слова академика Шахматова, произнесенные им в 1903 г. на том же съезде. Он призывал переиздать труд Буслаева „О преподавании отечественного языка“ и горячо сказал: „Завет великого учителя до сих пор не исполнен. До сих пор школа не уделила должного внимания отечественному языку, совершенно пренебрегая теми живыми источниками, на которые направлял преподавание Буслаев. Не настало ли, наконец, время обновления нашей школы, полного отречения от схоластики и введения в преподавание живых и плодотворных методов“ (Труды 1-го съезда преподавателей русского языка в военно-учебных заведениях, Спб., 1904, стр. 426).

И только наши дни ответили положительно на этот горячий призыв.

Е. Петрова.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАЧАЛА

ПРЕДМЕТ И МЕТОДА* ПРЕПОДАВАНИЯ

Надобно отличать ученую методу от учебной. Ученый, излагая науку, увлекается только ею одной, не обращая никакого внимания на личность читателя или слушателя: он предлагает свою науку единственно тому, кто поймет его. Напротив того, педагог должен развивать, образовывать и упражнять способности учащихся: наука его тогда имеет свою цену, когда прилична тем лицам, коим преподается. „По моему глубокому убеждению, говорит Аб. Жирар,** всякая элементарная для детей книга должна быть средством к воспитанию. Если же она ограничивается только тем, чтобы дать сведения и развить умственные способности дитяти: я могу похвалить порядок и жизнь, вложенные автором в его книгу, но не буду доволен. Мне даже неприятно видеть исключительно только учителя языка, естественной истории или географии и пр., когда я ожидаю большего: воспитателя детей, образующего разум для образования сердца, и вносящего светоч в души еще новые, чтобы осветить их благоразумием и добродетелью. Нет ни одного предмета в обучении юношества, который, в руках несколько искусных, не мог бы служить средством к воспитанию. Всякий предмет приносит свою дань по своей собственной природе. Таким образом великая обязанность и долг воспитателя состоят в том, чтобы собрать эти различные приношения, соединить их и поставить в преуспеяние чувств благородных, честных и великодушных“. Следовательно: чтобы определить преподавание языка, надобно, во-первых, определить самый предмет, т. е. языкознание, и, во-вторых, показать, каким образом этот предмет должен быть средством к воспитанию, и каким образом довести учащегося до основательного знания и сознательного действия.

Два рода изучения языков: филологический и лингвистический.*** „Для первого язык есть только средство к изучению древней литературы, но средство, неистощимо богатое содержанием. Цель филолога достигнута, если он мало помалу сживаетея с древним языком, и, долго и непрерывно упражняясь вглядываться в него и чувственно и духовно,

* „Метода“ следует понимать: метод. *Ped.*

** *Explication du plan de Fribourg en Suisse, par Girard, 1827.*

*** Grimm, *Deutsche Grammatik*, ч. I, предисловие к третьему изданию, 1840.

так усваивает себе его образ и состав, что свободно может употреблять его, как собственное врожденное достояние, в разговоре и чтении памятников литературы отжившей. Содержание и форма взаимно обуславливаются друг другом, так что, с возрастанием уразумения речи и поэзии, богатеет и содержание для грамматики. Идет она шагом более твердым, чем смелым, с взглядом более здравым, нежели проникающим вдаль на богато разнообразной поверхности, и, кажется, боясь исказить ее, не любит вскапывать ее в глубину. Такая грамматика преимущественное внимание обращает на синтаксис, которого нежная ткань дает знать о цветах и плодах изучаемой почвы, и в котором особенно высказывается душа языка. Она не заботится о происхождении изменчивых звуков и отдельных форм, довольствуясь тщательным и обычным употреблением их в речи. В учении об образовании слов занимается она не столько обнажением корней, сколько производством и сложением слов. Все правила языка направляются к лучшим произведениям литературы и неохотно распространяются на области языка, необработанные искусством и запущенные. Все грамматическое изучение неукоснительно служит критике словесных произведений, полагая в том свое призвание и цель. — Другой род изучения, лингвистический, углубляется в язык, как в непосредственную цель свою, и менее заботится о живом и целом выражении. Действительно, можно изучать язык сам по себе и открывать в нем законы, наблюдать не то, что на нем выражается, а то, что живет и вращается в нем самом. В противоположность предыдущему, такое языкоучение можно назвать членоразлагающим, ибо оно более любит разнимать по частям состав языка и высматривать его кости и жилы, менее заботясь наблюдать свободное движение всех его членов, и подслушивать нежное его дыхание. Как успехи анатомии вообще зависят от сравнения, так и здесь возникло сравнительное языкоучение, извлекающее правила из сближения целых языков или форм одного и того же языка, исторически развивающихся друг из друга, хотя различных, однако сродных и между собою соприкасающихся. Это изучение мало следит за ходом и судьбою литературы и находит себе такую же пищу в языке необработанном, даже в грубом диалекте, как и в возвышеннейших произведениях классических. Прежде всего берется оно за простейшие стихии в звуке и флексиях и в гораздо меньшей мере занимается синтаксисом. Исследователь сравнительного языкознания применяет свои правила в безграничной области, которую он никогда не может обозреть совершенно. Изумляет множество открытых и извлеченных корней из почвы исследования; но трудно победить заманчивость к разнообразию, легко можно рассеяться, и последовательные выводы возводят иногда на такую крутую высоту, с которой как раз упадет, кто легко слутывается. Плодоносная жатва, столь надежная на нивах вышеописанной филологии, ограниченных и огороженных, удается сравнительному языкоучению единственно тогда, когда оно медленно и осмотрительно поднимается от надежного основания. Оно нашло средство обуздать и скрасить дикую, всем опротивевшую этимологию и положило конец прежнему произволу: но он опять вкрался бы, если бы оно загромодило себя бесконечными исключениями и аномалиями и не расширило и не укрепило своего основания. В органическом языке нет неправильностей, которые не исходили бы от глубоко коренящегося

закона, нет исключений, которые, основательно поняты, не подходили бы под правило. Все дело в том, чтобы дать первенство закону перед неправильностью и правилу перед исключением". Филологически обрабатывали грамматику — греческую Буттманн, Германи, Тирш, Маттиэ, Рост, Бернгарди, Кюнер и др.; латинскую — Гротефенд, Цумпт, Рамсгорн, Билльрот, Кригер, Мадвиг и др. Лингвистически обрабатывали языкознание: Шнейдер в *Ausführliche Gram. d. latein. Spr.*, 1819—1821, 3 ч.; Гумбольдт, *Über die Kawi-Sprache auf der Insel Java*, 1836; Потт, *Etymologische Forschungen auf dem Gebiete der Indo-germanischen Sprachen*, 1833—1836, 2 ч.; Бопп, *Vergleichende Grammatik des Sanskrit, Zend, Griechischen, Lateinischen, Lithauischen, Altslawischen, Gothischen und Deutschen*, 1833—1842. Як. Гримм¹, хотя совершеннейший лингвист в своей *Deutsche Grammatik*, однако, применяя языкознание к реальным предметам, дает своим лингвистическим исследованиям и филологический интерес, именно в след. сочинениях: *Deutsche Rechtsaltertümer*, 1828; Reinhart Fuchs 1834; *Deutsche Mythologie*, 1835; 2-е умноженное и улучшенное издание 1843 г. Отечественный язык, по существу своему, необходимо должен подвергаться и филологическому и лингвистическому способу исследования. Хотя лингвистическому следует преимуществовать, ибо нам неизвестнее происхождение форм своего языка, нежели употребление оных; однако нельзя упускать из виду и применения законов отечественного языка к литературным памятникам, тем более потому, что для уразумения древней нашей словесности, на коей держится современный язык, требуется некоторых усилий, какие полагает филолог при знакомстве с памятниками классической древности. Сверх того, безошибочное и точное употребление отечественного языка на практике не довольствуется одним врожденным умением, но руководствуется известными правилами, и особенно у нас, потому что произвол, ложное иностранное влияние, мода и педантизм весьма много испортили врожденный нам дар русского слова. До сих пор обучаются у нас отечественному языку по грамматикам, составленным на образец латинской и греческой; след., в них с одной стороны, недостает элемента лингвистического, а с другой, много лишнего, особенно в мелочных правилах при склонении, спряжении, управлении, согласовании. Именно, за эти ненужные подробности и оподозрена годность отечественной грамматики в преподавании.

Но для учебника мало одной науки: нужна еще педагогическая метода. Здесь-то и выказывается великий недостаток грамматики Востокова² и Греча,³ несмотря на все их ученые и научные достоинства. Оба эти филолога смотрят на грамматику только с ученой стороны, не обращая внимания на учебную, забывая личность учащегося: между тем как постепенное развитие сей последней составляет важнейшую часть отечественной грамматики. Русский с малых лет умеет уж и склонять и спрягать правильно, не ошибется в согласовании и управлении — за исключением весьма немногих частных, которые одни и должны быть замечены в учебнике. Детям совершенно бесполезно знать, что есть этимология, синтаксис, правописание, до тех пор, пока не узнают они предложения с частями его, слова и категорий частей речи; до тех пор, пока не умеют правильно писать и отчетливо понимать прочитанное. Самый порядок изложения наших учебников, от частей

речи восходящий до синтаксиса, противоречит естественному развитию дара слова. Как часть непонятна без целого, так и целое без частей: часть речи понятна тогда, когда известна речь; а самая краткая и простейшая форма речи есть предложение. Это начало, выведенное из сущности самого предмета, находит полное применение к личности учащегося: дитя говорит предложениями, а не словами, ему легче понять предложение, нежели слово; а начинают обыкновенно с известного, из коего извлекают неизвестное. Родной язык так сросся с личностью каждого, что учить оному значит вместе и развивать духовные способности учащегося. Таким образом в самом предмете преподавания, в языке отечественном, находим мы необходимость педагогической метóды.

Не надобно смешивать метóды с приемами преподавания, зависящими или от произвола самого учителя, или от личности учеников. Так, иной учитель, заставляя целый класс писать под диктант, вызывает одного ученика писать на доске; иной не вызывает; или, поправляя письменные упражнения, иной подчеркивает ошибки под строками; иной делает замечания на полях, не подчеркивая. Особые приемы в способе изложения для детей низшего, среднего и высшего сословия, для детей бойких и тихих, быстрых и медлительных, и пр.

Метóда может быть принята, во-первых, как способ или образ учения; напр. одни считают удобнее проходить историю этнографически, другие хронологически, третьи синхронистически. На этой ступени большая часть наших педагогов. В значении гораздо высшем метóда имеет целью подчинить человеческий дух, как существо учащееся, известным законам. Педагог психологически вникает в познавательную способность детей, и, сообразуясь с общими законами развития оной, ведет учащегося к изучению какого-либо предмета. На этой ступени педагогического образования все внимание учителя с любовью обращено на лицо учащееся; предмет же изучения остается только средством к духовному развитию ученика. Такая метóда, соответствующая кантовой философии, * хотя несовершенна, ибо односторонняя, однако желательно, чтобы как можно более у нас распространилась. Тогда не слышались бы жалобы учителей на скуку толковать в низших классах ежегодно одно и то же. Интерес учителя не столько в науке, сколько в обучении, в наблюдении за развитием детских способностей: следовательно, с каждым новым курсом открывается преподавателю новое поприще деятельности, являющее ему новые предметы для наблюдения, новые заботы и новое удовольствие. Односторонность этой метóды выказывается от двух побудительных причин: первая — дурная: совершенное равнодушие к науке, к сожалению, столь часто замечаемое в учителях; вторая — добрая: иные педагоги слишком мало ценят науку из крайней любви к лицу учащемуся; для них предмет учения важен не сам по себе, а потому только, что является средством к образованию ума, духовною пищею, веществом, перерабатываемым в жизненные соки ученика. Этому мнению диаметрально противопоставляются заступники самостоятельности знания в обучении; для них всякая наука, грамматика,

* Кант⁴ в предисловии ко 2-ому изданию „Kritik d. reinen Vernunft“: die Gegenstände müssen sich nach unsrer Erkenntniß richten.

[Предметы должны соответствовать нашему познанию. *Ред.*]

математика и пр., есть предмет, постоянно пребываемый и неизменный. Как Эвклид, говорят они, даже для царя не находит особого пути к изучению геометрии, так же нет и различных путей к изучению латинской грамматики или геометрии для различных возрастов.* Такое противоречие должно было разрешиться необходимым явлением третьей степени метода: направление субъективное, ограничивающееся одною личностью учащегося, должно было расшириться и уничтожить противоречие между личностью ученика и предметом обучения. На этой ступени метода требует совокупного развития предмета изучаемого и мыслительности учащегося.** Она столько же не терпит одного формального обучения, сколько и одного материального,*** хотя более склонна к последнему: ибо материальное дает учащемуся содержание и вместе с тем развивает умственные способности, формальное же ограничивается только развитием умственных способностей. Так напр., выучка наизусть страницы на каком-нибудь вовсе неизвестном языке будет учение чисто формальное, отрешенное от всякого материального интереса, а только изоцряющее память ученика. Если же выучивается что-нибудь на известном языке, то вместе с упражнением памяти приобретается и положительное знание. Формальное обучение без материального возможно: таково обучение во многих плохих школах, где заставляют детей учить наизусть учебники, из которых они не понимают ни слова. Материальное же без формального быть не может.

Способ преподавания двойкий: или заставляют ученика самого доискиваться и находить то, чему хотят научить его, или же предмет преподаваемый дается ему готовый, без всякого с его стороны pytania. Первая метода называется *гейристическою*, вторая — *историко-догматическою*.**** Иные противоплагают гейристическую методу строго научной или систематической, почитая характером последней нисхождение от отвлеченного к конкретному, а первой — восхождение от конкретного к отвлеченному. Несправедливы те, которые полагают сущность гейристической метода в разговорном, диалогическом изложении, а историко-догматической в сплошном рассказе: метода эротематическая и акроаматическая***** основываются только на внешнем изложении, не касаясь сущности самого дела.***** Применительность той или другой метода обуславливается отчасти предметом преподавания (объективно), отчасти личностью учащегося (субъективно). Так все историческое и

* Mager, Die deutsche Bürgerschule, 1846.

** Слова Спинозы: *ordo et connexio idearum idem est ac ordo et connexio rerum* — объясняют эти методы.

[„порядок и последовательность идей тождественны порядку и последовательности природы вещей“, т. е. расположение мыслей в обучении должно соответствовать логике науки о реальном мире. *Ред.*]

*** Автор употребляет здесь слово „материального“ в смысле „вещественного“, дающего конкретное знание по содержанию. *Ред.*

**** Beneke, Erziehungs- und Unterrichtslehre, изд. 2-е, 1842, II, стр. 282.

***** *Erogito* — спрашивать, выведывать; отсюда идет название системы обучения на основе вопросов и ответов в классе. *Акроама* — удовольствие, доставляемое чтением вслух; от этого слова идет название системы обучения на слух, путем рассказывания и рассуждения, изложения предмета самим учителем. *Ред.*

***** Diesterweg, Wegweiser für deutsche Lehrer, 2-е изд., I, стр. 142.

положительное не может преподаваться гейристически, ибо ученик никоим образом не дойдет своим собственным рассуждением до факта, подлежащего только памяти. Напротив того, эта метода применительна к математике, философии и языку отечественному. Впрочем, в отношении субъективном, гейристическая метода и в преподавании отечественного языка требует известных ограничений: малые дети, без запаса наглядного знания и без умения выражаться о чем-либо определенно, не могут с первого раза обучаться гейристически. Поэтому весьма ошибаются те, которые употребляют так называемую *сократическую* методу * в первоначальном преподавании; ** ученики сократовы были опытные мужи и взрослые юноши, владевшие языком и многими знаниями.

Для желающих заняться педагогикою указываю лучшие сочинения: Aug. Herm. Niemeyer, Grundsätze der Erziehung und des Unterrichts für Eltern, Hauslehrer und Schulmänner, 9-е изд., 3 части, 1834 — 1835. Содержит в себе теорию, руководство к практике и историю воспитания и обучения.

Fr. H. Chr. Schwarz, Erziehungslehre, 2-е улучшенное изд., 3 части, 1-я в двух отделах, 1829. В первой части история воспитания (лучшая часть), в третьей обучение. Нимейер и Шварц в свое время были светилами в области педагогической теории и до сих пор еще остаются наставниками и нынешних педагогов. Оба они сначала были богословами, но прославились не столько богословием, сколько педагогикою. В ясности и определенности изложения Шварц уступает Нимейеру, богатством же содержания и психологическими наблюдениями выше его.

Fr. Ed. Beneke, Erziehungs- und Unterrichtslehre, 2-е улучшенное изд., 2 части, 1842. В первой о воспитании, во второй об обучении. Все сочинение основано на психологических началах, постоянно с эмпирической точки зрения. Последовательностью и точностью, особенно в системе обучения, Бенеке превосходит Шварца.

Herbart, Umriss der pädagogischen Vorlesungen, 2-е пополненное изд., в одной части, 1841. Делится на три отдела: основание педагогики, очерк общей педагогики, отдельные отрасли педагогики. Второй отдел содержит в себе управление детьми, обучение, воспитание и педагогику по возрастам; в третьем отделе о предметах преподавания, о недостатках учеников, о домашнем воспитании и о школах. Хотя это сочинение, подобно другим гербартовым, не отличается стройным органическим построением, однако при удивительной краткости и определенности содержит в себе множество метких и решительных педагогических начал.

J. H. Deinhardt, Der Gymnasialunterricht, 1837. Хотя уступает предыдущим в самостоятельности, однако, как специальное для гимназий сочинение, смело может быть рекомендовано учителям гимназии, по умеренности здравых начал и ясному изложению. Делится на три части:

* Метод получил свое название от имени греческого философа Сократа, который считал необходимым, чтобы истина выводилась самими учениками из рассуждения на основе имеющихся уже знаний. *Ред.*

** Эта мысль Песталоцци; см. Krüsi, Erinnerungen aus meinem pädagogischen Leben und Wirken, в Mager's Pädagogische Revue, Октябрь 1840. ¹

в первой о назначении гимназии, во второй о предметах гимназического преподавания, в третьей о методе его; в заключении представлен краткий очерк гимназического преподавания, как органического целого.

Fr. Cramer, *Geschichte der Erziehung und des Unterrichts im Altertume*, 2 части, 1832—1838. В первой части практическое воспитание, начиная от китайцев, индийцев, евреев до христианской эпохи. Во второй — теоретическое воспитание, также от самых древних времен до Лукиана. Единственное для истории древней педагогики сочинение; содержит в себе множество фактов по всем отраслям преподавания и воспитания в древнем мире. Обладая филологическою критикою, автор искусно умел вложить педагогику в общую историческую картину развития человечества и таким образом представить историю воспитания и обучения в связи с историей образованности вообще.

K. v. Raumer, *Geschichte der Pädagogik vom Wiederaufblühen klassischer Studien bis auf unsere Zeit*, 1843. До сих пор 2 части: в первой от Данта до Монтаня, во второй от Бакона до смерти Песталоцци; в третьей будет заключение истории и характеристика современной педагогики. Это сочинение лицом к лицу знакомит с педагогами средних и новых времен. Автор положил себе за правило, общее историческое развитие педагогики, в совокупности с историею цивилизации, подчинить отдельным биографиям знаменитых наставников, мнения которых, подробно изложенные, с одной стороны, являются исторической характеристикой, а с другой, служат материалом для педагогических соображений.

F. Diesterweg, *Wegweiser für deutsche Lehrer*, 2-е изд., 2 части, 1838; готовится 3-е изд. В первом отделе общие начала, во втором рассуждения об отдельных предметах обучения, от религии до пения и рисования, от азбуки до обучения слепых, глухих и немых. При таком разнообразии Диестервег не мог сам основательно и сознательно говорить обо всем: потому большая часть этих рассуждений писана людьми, специально занимающимися тем предметом, о котором писали. Это сочинение должно быть настольной книгой всякому учителю, ибо вместе с здравыми началами предлагает самую полную литературу сочинений по всем частям педагогики.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ПАРТИИ

Окончательное решение вопроса о преподавании отечественного языка единственно тогда воспоследует, когда, уразумев друг друга, примирятся две враждующие партии педагогов и полюбовно согласят свои требования. Партия древнеклассическая отвергает всякое систематическое обучение отечественному языку, примыкая его к латинскому; напротив того, реальная, вовсе отстраняя классическую литературу, слишком расширяет объем преподавания отечественного языка. На стороне классиков или гуманистов вековой авторитет и блистательная обработка древней словесности; на стороне реалистов жизнь действительная и сама природа с своими требованиями. Нет сомнения, что обе партии неправы в крайностях, но вместе с тем и основательны обе в своих началах. Первая глубоко коренится на историческом развитии

европейских школ, вторая на разумном отношении современного быта в школе. Держась одного предания, без соображения с настоящим, партия гуманистов теряет историческую нить, связывающую былое с теперешним: увлекаясь современностью, реалисты забывают тот животворящий корень, на котором разумно движется настоящее. Столкновение и борьба противоположных мнений, эта педагогическая диалектика весьма выгодна для науки, придавая ей движение и жизнь, и чрезвычайно многое обещает в будущем, будучи предтечею твердого, разумного начала, на коем построится педагогика. Противоположное только тогда сольется воедино, когда каждая из стихий, утратив свой первоначальный вид, как бы химически претворится в другую, себе противную. Уже есть попытки такого полюбовного соединения; только нельзя не заметить, что все они принадлежат людям либо той, либо другой партии: а потому и самое соединение является не более как безвременным еще столкновением, в котором, смотря по примирителю, то реализм, то гуманизм берет верх над своим противником. И возможно ли еще теперь примирение, когда всякое общественное зло и гуманисты и реалисты взваливают на плечи враждебной себе партии. Нагель * все упреки, возводимые гуманистами на реалистов, подводит к пяти главным пунктам: 1) в реализме выказывается материальное направление нашего века; 2) в реализме вина безбожия и современной безнравственности; 3) в реализме возмутительные начала для быта общественного; 4) реализм ведет к духу каст и 5) полагает ложное начало для преподавания.

И упреки эти и опровержения их заключают в себе весьма много дельного, но, вдаваясь в крайности, и те и другие, по односторонности своей, недостаточны. Так Тирш ** восстает на реалистов за материальное направление: одно из двух направлений, именно идеальное, защищает предание, другое — отступает от него, ищет одного положительного *** и думает тем наставлять современность и поколения будущие: это направление называется материальным, не потому, чтобы оно не признавало идей, но по своему господствующему характеру. Для направления идеального современная образованность есть сокровище, переданное словом и делом от веков протекших, сокровище, потребление коего связано с изучением языка, судьбы и обстоятельств того времени, откуда пришло оно. Сюда относятся не только обе классические литературы, но и восточные вместе с св. писанием, и язык и литература наших предков, и все, что исторически вошло в жизнь нашу; сюда относится и христианство с своими различными формами, и поэзия, и глубокое знание истории, и философия. Вся наша народная старина с своими поверьями, убеждениями и обычаями, на коих покоится общественный и политический порядок современного быта, след., все, что есть в религии, в высшем образовании и в самом государстве,

* Nagel, Die Idee der Realschule, 1840.

** Über den gegenwärtigen Zustand des öffentlichen Unterrichts, 1838, ч. 1, стр. 6 и след. *

*** Автор употребляет здесь слово „положительного“ в смысле фактически существующего в жизни, реального, вещественного, материально полезного, в противовес духовному преданию, сохранившемуся лишь в умственной жизни народа. *Ред.*

все это покоится на предании и своими по целым столетиям глубоко внедрившимися корнями извлекает из него себе пищу и возрастание. Срубите дерево при корне, отлучите настоящее от прошедшего: что станет с образованием? — Против этого идеального направления воздвигается другое, обращенное к барышу, приращению и потреблению мирских благ. Это материальное начало признает сообразным для себя единственно то, что ведет к его цели, т. е. что умножает кучу богатств, сопряженных с благополучием и силою в обществе. Для материалиста всякое дело ничтожно и глупо, если его нельзя сосчитать на деньги или смерить аршином. И на этом-то основании хотят положить все настоящее для сооружения на нем будущего! Занятия восточными языками и древностями реалисты почитают делом ненужным, ибо все, чем полезен Восток для современности, давно уже приведено в простое и вразумительное учение христианское. Высшее образование в поэзии и философии кажется им игрою и глупостью. Общение с классической древностью, по их мнению, выказывает незнание современных потребностей и нужд и влечет за собой порчу в молодом поколении, которое, переселясь таким образом в мир опасных мечтаний, становится непотребно для современности. Им дорого единственно то, что насущная польза запечатлела клеймом своим, — железные дороги, пароходы, сахарные фабрики и новые изобретения по части химии, физики, механики. — Вот что говорит против этого Нагель за реалистов: хотя реализм исходит от сознания, что одни гуманические учебные заведения недостаточны для потребностей сословия промышленного, которому классическая древность излишня, однако не ограничивается одним временным и насущным, а стремится к высшей цели. Не все достигают этой цели, равно как не всякий гимназист или студент университета становится ученым. Материальное направление должно вести к духовной цели. Первоначально из своего грубого состояния человек дошел до образованности постепенною деятельностью материальною, сооружением жилищ, укрощением зверей, обработыванием земли, так что каждый значительный шаг деятельности материальной был вместе и шагом к духовному развитию. Чем же именно наш век стал выше древности, как не рядом изобретений, кои хотя были устремлены к веществу, однако заключают в себе цвет современного развития духовного? Чем беднее природа, чем однообразнее и проще отношения ее к нашему духу, чем уже физический горизонт нашего зрения, тем ограниченнее и теснее круг умственной нашей деятельности. С возрастанием сокровищ, доставляемых нам природою, обогащается наша умственность и образуется духовная связь разума с природою. Изощрением наших органов производим мы духовное влияние на природу. Сколько остается тайного для ума нашего, когда недостает какого-либо органа! Всякое новое открытие, коим покоряем мы природу, есть новый орган, посредством коего она приходит с нами в соотношение, есть усовершенствование собственного нашего простого органа. Как зрительная трубка изощряет нам зрение и сближает нас с предметами отдаленными, так и пароход, коим дух человеческий победил бури и непогоды морские, распространяет собственную нашу родину, сближая нас с странами самыми отдаленными. Земное назначение человека быть господином природы. Как дух первоначально возникает из плоти, так и человек должен образоваться

в природе для того, чтобы воспрянуть от нее и овладеть ею. Вот для чего новая промышленная деятельность машинами старается заменить людей для того, чтобы люди перестали быть машинами.

Яростно нападает Гинтер* на реалистов за безбожие и безнравственность, говоря: материалисты стремятся только к одному чувственному, корыстному и грешному, и не воображая, что их начала в основании своем враждебны церкви. В своих школах, в кругу самых чувственных и материальных наук, при односторонности умственного образования, с гордостью знания или даже всезнания назначают они только два часа в неделю для закона божия, возбуждая в учащихся пытливый и мудрствующий дух проблематическим изложением учения церкви. Что же спасет детей от неверия и безбожия? — Математика? Но пифагорово учение не доказывает бытия божия. — Физика и химия? В них не дают места никакой думе: все проходит практически, применительно к жизни. Новые языки — французский и английский? Избави боже от такого противоядия! это то же, что у гомеопатов *similia similibus*. Вот образование реальной школы! Корысть породила ее, к корысти же и стремится она. Труд и болезнь принесет она в плод свой. Ибо кто не воздаст божьего богу, тот не воздаст и кесарева кесарю. — Защита Нагеля: действительно ли наш век безнравственнее прочих? Достаточно вспомнить разврат и безбожие прошлого столетия, чтобы убедиться в нравственном превосходстве нашего. Направление жизни, нравственное или безнравственное, никак не может зависеть от того, чему более учится дитя в школе — латинскому языку или математике. — Из среды самих гуманистов восставали против безнравственности от обучения древним языкам. Известно, какую войну поднял Ейт (Eyth), учитель в одной Вюртембергской школе, против языческой и антихристианской стихии в изучении древних языков, будто бы приносящем безбожие и порчу нашему веку. Многие учителя восстали тогда на Ейта и доказали ему, что классическая древность никогда не повредит нравственности, и особенно в низших и средних школах латинских, где учителя столько бывают заняты внешними формами языка, что им и не приходит в голову рассуждать о содержании прочтенного с детьми классика. Гирцель, защитник гуманизма против Ейта, в своем сочинении „*Die Klassiker in den gelehrten Schulen*“, 1838, рассказывая, как его самого в юности занимали больше всего слова и обороты классиков, прибавляет: „по всему этому должны мы признаться, что Ейт не с надлежащей точки зрения смотрит на низшие школы, возлагая на детей, не достигших даже пятнадцатилетнего возраста, такие требования в отношении ученом и нравственном, кои совершенно противоречат естественному развитию духа человеческого“. Отсюда заключает Нагель: как латинский язык не возвысит и не унижит нравственности детей, так и математика с естественной историей. Обвинение в безнравственности преподавания может быть основано не на содержании оною, а на способе и образе изложения.

Далее, Тирш, а за ним и Гинтер укоряют реализм в возмутительном начале для жизни общественной. Гинтер резко утверждает, что реальные школы возникли на развалинах революции, что самая революция и

* *Die Realschulen und der Materialismus*, 1839.

началась и поддерживалась реалистами. Вместе с этим гуманисты упрекают своих противников в антинациональном направлении, под влиянием французской образованности. Так по этому случаю Шварц приводит известное двустишие Шиллера:

Ringe, Deutscher, nach römischer Kraft, nach griechischer Schönheit!
Beider gelang dir; doch nie glückte der gallische Sprung.*

Весьма любопытно, что реалисты, защищаясь от сих упреков, с своей стороны укоряют в революционном начале именно гуманистов, которые будто бы возбуждают в своих воспитанниках возмутительные мечты изображением древней свободы.

Гуманисты говорят, что реализм влечет за собой касты разделением сословий на ученых и неученых. Это возражение действительно имеет вид правды: ибо дитя, которое могло бы со временем стать украшением науки, при самом начале своего учения навсегда отстраняется от поприща, самой природою ему предназначенного. Впрочем, исключения не идут в общее правило, и гений, при современном просвещении, всегда найдет свою дорогу. Притом переход из одной школы в другую никому не возбраняется. И в этом пункте реалисты хотят сложить с себя обвинение на гуманистов, утверждая, что сии последние монополиею своего звания, как египетские жрецы, скорее приведут общество к раздроблению на касты.

Предлагаю начала реалистов о воспитании и преподавании. Замечательно, что против каждого гуманисты выставляют свое, диаметрально противоположное.**

А

1. Воспитание предполагает только одну внешнюю цель — образование человека для его будущего назначения в жизни. Гуманисты напротив: воспитание имеет свою собственную внутреннюю цель в общем образовании человека.

2. Цель преподавания — сообщение полезных сведений в самом обширном объеме. По мнению гуманистов — образование духа.

3. Учи детей предметам, а не словам; начинай образованием, нужным для света: для высших идей ученик еще не созрел. Гуманисты: начинай идеями и словом, как выражением идей; образуй ученика для высшего мира духовного: для здешней жизни научит его сама жизнь.

Б

4. При необъятности человеческих знаний самые дети должны уже заучивать сколько возможно больше сведений. Гуманисты: множество предметов рассеивает и ведет к поверхностному знанию: *pop multa sed multum*.***

5. Из множества предметов знания выбирай полезнейшие для жизни практической. Гуманисты: юношеский дух полнее развивается предметами духовными, нежели вещественными.

* „Борись, Германия, за достижение римской силы, греческой красоты! Обе тебе удались, но никогда не удавался галльский прыжок“. *Ред.*

** Mager, *Die deutsche Bürgerschule*, стр. 230.

*** не многое, однако много, „много“ в значении глубоко. *Ред.*

6. Образование никак не может быть ограничено одними языками классическими. Гуманисты: предмет изучения должен иметь классическую форму, а кроме древности, нет ничего классического.

В

7. Ученье для детей должно быть игрою; по мнению гуманистов — важным занятием.

8. Преподавание должно быть разнообразно: потому все предметы проходят в одно время; по мнению гуманистов — один за другим в последовательном порядке.

9. Следуй природе в развитии духовных сил и с ранней поры возбуждай и упражняй в дитяти все высшие способности души, ум, рассудок и т. д. Гуманисты: так как природа сначала дает человеку память и потом уже рассудок: потому сначала упражняй детскую память и тем укрепляй дух: *tantus scimus, quantum memoria tenemus.* *

Учение распалось на две противоположные части от рассечения круга (*κνκλός*, энциклопедия) наук на две половины. ** Гуманизм произошел от того, что из круга образованности вырезали только один сектор, и от этого сектора — именно наук нравственных (исторических, антропологических) взяли только сегмент — классические языки и литературы. Первая степень гуманизма — гуманизм, основанный на предании: он ничего не хочет знать, кроме языков древних, отвергая все остальное. Противники Песталоцци возвели его на степень рационального гуманизма, который основывается на образовании формальном, обращая все внимание на обучение мыслить. Оба эти направления, образуя учащихся эстетически и нравственно и не упуская из виду практического применения к школе, в отношении педагогическом стоят выше новейшего гуманизма, требующего строгой науки и основательности от школьного образования. Эти „основательные“ филологи (точно так же, как и непедagogические учителя математики, физики, химии, естественной истории, географии и т. д.) суть истинная зараза многих теперешних немецких школ: ибо они из школы делают академическую или университетскую аудиторию; преподавание их, будучи только чисто ученым, не имеет в себе ничего всесторонне образующего, ничего воспитывающего. Впрочем все-таки гуманизм стоит выше своего противника. Как гуманистов можно назвать педагогическими еретиками, однако остающимися внутри святилища науки, так реалисты суть неверующие, педагогические идолопоклонники, стоящие вне. Реализм (первоначально известный под именем филантропизма) произошел вследствие противодействия всеобщему обучению по-латыни. К гуманизму относится он точно так же, как в области философии философский материализм к спиритуализму, или, в практическом быту, как либерализм к пиетизму. Хотя реалисты зашумели очень важно: „нам надобно не слово, а дело“; однако к этому делу тотчас, как плевел, приросло и безделье. Еще в половине прошедшего столетия многие немецкие педагоги советовали в школах читать политические, ученые и литературные гаветы и заставляли

* столько знаем, сколько памятью удержим, или — столько узнано, сколько памятью удержано. *Ред.*

** Mager, Die modernen Humanitätsstudien, 1843, тетр. 2-я.

учеников делать из них извлечения!* Из круга образования реализм берет себе в секторе естественных наук математику, прибавляя к ней два новых языка и немножко истории. На низшей степени его учащийся образуется ремесленником: будущий красильщик учится несколько химии, механик — механике, купец — счету и бухгалтерии и т. д. Таким образом упускается главнейшее практическое образование, именно образование характера: молодые люди не учатся ни чувствовать человечески, ни думать, ни говорить. Высший реализм смотрит далее: он с претензиями на государственную службу и на общественное модное образование. И здесь основанием также физико-математическое знание; однако, так как порядочно образованному человеку надобно знать литературу, потому нужно учить новым языкам и заставлять читать греческих и латинских писателей в переводе для того, чтобы уметь что-нибудь сказать о них; нужна также и история для будущего чиновника. Наконец, реализм доходит до ученой степени во французской политехнической школе.

Часто говорят, вместе с Гердером⁷ и Песталоцци, что умственные способности можно образовать на каком хочешь предмете.*** Но такое мнение совершенно несправедливо: это все равно, что сказали бы, будто всякое общество образует юношу, не только сообщество с людьми необразованными, но даже с лошадьми и собаками. Нет, дух образуется только посредством духовного; впрочем этим не отвергается и природа физическая, как предмет образующий, если будем понимать под ней не бессвязную грудку фактов, а органическое, всецелое создание божие, проникнутое тем же творческим духом, как и нравственный мир. Нет ни малейшего сомнения, что изучение языков и литературы всего короче и дружнее сближает учащихся с миром духовным, нечувствительно возводя их от конкретного к отвлеченному и открывая им необозримое поле для деятельности всех нравственных сил их. Это общее положение гуманисты приурочивают в пользу языков древних, реалисты же (напр. Магер, хотя и считает себя примирителем) расширяют его и на языки новые: последнее весьма полезно в Германии, где, при недостатке энциклопедического образования, филологическая ученость так сильна и незыблема, что не страшится никаких нападков. Напротив того, у нас, при общем недостатке специальных знаний, такое начало как раз перейдет в беллетристику, которую так резко, но чрезвычайно справедливо, осудил Кант.*** „Беллетрист или *bel esprit* есть гуманист по современным писателям на живых языках. Следовательно, он вовсе не ученый — ибо только мертвые языки почитаются языками учеными — но просто модный дилетант изящного, не заботящийся о древних классиках. Его можно назвать обезьяною гуманиста“. Так как

* Kösters, Prorektors zu Weilburg, Gedanken von den niedern und hohen Schulen, 1765. Слич. Steubers, Über Gymnasialbildung, 1817, стр. 87.

** „Если нож наточен, говорит Гердер, то им можно резать, что угодно. Точно то же и с острою и образованием ума. Изощрай и образуй его на чем хочешь; довольно того, чтобы он был изощрен и образован“. Сравнение не доказательство, и Магер очень искусно этому гердерову сравнению противопоставляет свое собственное, равносильное: алмаз шлифуется только алмазной пылью.

*** Введение в логику, см. Im. Kant, Sämmtliche Werke, изд. Розенкранца и Шуберта, 1838, ч. 3, стр. 213.

гимназия дает основания таким ученикам, которые современем имеют быть людьми *учеными*, а не просто образованными, потому и беллетристика в ней должна совершенно подчиниться ученому классическому.

Русское образование еще так недалеко ушло на поприще древне-классической филологии, что наши реалисты не имеют ни малейшего права поднимать против оной своего голоса. Нам еще надо делать, а не спорить, и когда гуманическое образование принесет у нас свои плоды, тогда не будут нам с наивностью говорить, что не нужно учиться латинскому языку, потому что нет такой страны, где бы говорили теперь по-латыни. В гимназии все предметы равно итти не могут. Идеально совершенная энциклопедия есть воздушный замок.* Математика и языки древние образуют два самостоятельных, противоположных отдела, но они мирятся в первоначальном обучении. Если поставим историю и русский язык в независимости от древней филологии, реализм и беллетристика обуяют гимназию. Еще не пришла пора учителям русского языка думать, что их предмет есть сосредоточие гимназического курса. Наша грамматика и в половину не дошла до той степени совершенства, на какой стоят немецкая и французская; истории русского языка вовсе еще нет; попытки сравнительного изучения русского языка с родственными и соплеменными еще не доросли до науки; литература наша, столь богатая для языка и слога, весьма однообразна и скудна родами и видами поэтических и прозаических сочинений; стилистики нет; реторика и пиитика ожидают делателей.

Весьма дельно и основательно можно применить к преподаванию многое, что говорят гуманисты об отечественном языке, не в ущерб его успехам в школе. Их метода гораздо прочнее, потому что держится на предании, чуждая опасных нововведений, строгая нравственностью, скромная и незаносчивая. Предлагаю в параллели главнейшие статьи реалистов и гуманистов касательно обучения отечественному языку.

1. Реалисты: в преподавании отечественный язык преимуществует перед древними, ибо на нем дети естественнее и легче узнают строение языка вообще. Гуманисты: отечественный язык не может дать детям ясного понятия о грамматических формах, ибо он так тесно совпадает с личностью дитяти, что его никак нельзя представить отдельным от сознания предметом; язык же иностранный, и преимущественно древний, как чуждый сознанию с первого раза, имеет все выгоды объективности преподаваемого предмета.

2. Рр: начинать грамматическое обучение отечественным языком. Гг: латинским языком.

3. Рр: вместе с формами языка дети должны обогатиться обильным запасом наглядного энциклопедического учения. Гг: энциклопедия ведет к поверхностному знанию и чужда грамматике; учи только языку.

* Гесснер дает энциклопедии высокое значение: *κύκλος est circulus, quae figura est simplicissima et perfectissima simul; nam incipi potest ubique in illa, et ubique cohaeret. Cyclopaedia itaque significat, omnem doctrinarum scientiam inter se cohaerere. Encyclopaedia est institutio in illo circulo.* См. *Isagoge* I, 40. [*κύκλος* есть круг — простейшая и одновременно совершеннейшая фигура, ибо она отовсюду может начаться и везде взаимосоприкасается. Таким образом *Cyclopaedia* означает, что знания всех ученых взаимосоприкасаются. *Энциклопедия* помещается в этом круге. Ред.] *

4. Рр: развивай судительную силу детей умственными упражнениями. Гг: не приучай детей умствовать попустому, изощрай их память учением наизусть грамматических форм и классического писателя.

5. Рр: читай с детьми как можно больше различных писателей отечественных и со всех сторон развивай душевные способности учащихся. Гг: ограничься весьма немногими, но самыми лучшими писателями.

6. Рр: читай писателей большею частью современных, в угоду настоящим потребностям времени. Гг: истинно хорошее никогда не стареет; читай лучше образцовое, даром, что оно старинное.

7. Рр: чтение должно забавлять детей; скука не принесет плода. Гг: школа не для забавы; учи детей побеждать и скуку; этим возбудишь в них нравственное чувство долга и обязанности.

8. Рр: отечественный классик должен читаться в школе с комментариями точно так, как и латинские или греческие. Гг: все комментарии на новых писателей пошлы и смешны; убивают в детях живую восприимчивость к прочтенному; влекут к педанству, а не к истинному сочувствию с писателем. Отечественного, близкого к нам писателя, в школе не изучают.

9. Рр: знакомь детей со всем, что есть прекрасного в литературе. Гг: ранним эстетическим наслаждением не притупляй детского чувства. Преждевременное удовольствие неминуемо влечет за собой охлаждение и расслабление.

10. Рр: лелея свободную восприимчивость детей при чтении писателя, не принуждай их заучивать наизусть прекрасные произведения; иначе они наскучат им, потеряв интерес новости. Гг: у детей память помогает рассудку и укрепляет его. Чем более учат они наизусть, тем яснее понимают заученное; следуя природе, не испортишь ничего.

11. Рр: образуй в учащихся самостоятельный слог чтением отечественных писателей и разнообразными письменными упражнениями на родном языке. Гг: лучшие писатели научились слогу у древних классиков, а создали его своими мыслями. Все предметы гимназического курса совокупную силою образуют в учащемся слог.

12. Рр: сочинения на отечественном языке лучше развивают способности учеников. Пища по-латыни, они думают только о грамматических формах: на родном языке свободнее выливаются мысли. Гг: прочнее крепнет грамматика, правильнее ложатся предложения в латинских упражнениях. Сочинения на своем языке — дар божий, на латинском — плод науки. Вредно питать в учениках дух авторства, заставляя их самостоятельно сочинять. Безвременное авторство ведет к болтовне и посредственности.

13. Рр: излагая ретику и пиитику, представь характеристику произведений не только древнеклассических литератур, но и новых. Гг: от учителя нельзя требовать, чтобы он знал все новые литературы; греческую и латинскую он должен знать. Тóлки же обо всем понемножку влекут к вредной посредственности. Учитель весьма легко может опошлиться, если будет судить с учениками о таком писателе, которого не читал в подлиннике, а знает понаслышке.

14. Рр: стройно и соразмерно проходи с учениками и философскую и историческую часть словесности. Гг: давай преимущество знанию историческому, положительному, и в грамматике и в литературе.

ГРАММАТИКА

1. УМСТВЕННЫЕ УПРАЖНЕНИЯ И ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ

Неопределенное понятие о предмете преподавания дало повод учителям русского языка восполнять пустоту своих уроков различными манерами. Когда пошли в ход умственные упражнения, учителя отечественного языка первые хватились за них. Но разве умственное развитие детей исключительно лежит на ответственности учителя словесности? А учителя математики, истории неужели не предлагают в своих уроках половину того, чем набиты книги об умственных упражнениях? Язык есть выражение мысли; след., надобно постигнуть законы мысли, чтобы уразуметь язык, а в умственных упражнениях анализируется строение мысли, след., они предшествуют грамматике и сопровождают ее. Таково оправдание учителей грамматики, преподающих умственные упражнения, но к нему присоединяются два потаенные повода: личность учителя, по большей части философа, и завлекательность энциклопедического характера умственных упражнений. Следует решить: 1) необходимо ли предпосылать логическую пропедевтику изучению грамматики; 2) полезно ли упражнять детей определением логических категорий; и 3) совместна ли с преподаванием отечественного языка энциклопедия наглядного учения и умственных упражнений?

1. Если язык есть выражение мысли, то почему же не начинать с детьми прямо от языка и потом уже переходить к мысли? Ибо, изучая язык, они изучают и то, что им выражается, т. е. мысль. Для детей логические категории являются гораздо понятнее в языке, в грамматике, чем в отвлеченных умствованиях. Учитель должен в самой грамматике, в чтении басни, в разборе предложения — учить детей мышлению; тогда он сохранит самостоятельность своего преподавания. „Развернем какую угодно хорошую грамматику; на всякой странице видим категории и общие отношения понятий. Бытие и действие; существенное и случайное; предмет и свойство; единство и множество; воззрения времени и места; отношения; содержание и форма; внутреннее и внешнее; средство и цель; причина и действие; основание и следствие; возможность, действительность и необходимость; определенность и неопределенность; субъективность и объективность; общность, частность и особенность; все формы суждений и умозаключений и множество иных категорий — не выражаются ли в грамматике формами языка, не объясняются ли во всех видах и отношениях, не подлежат ли умственному упражнению и не оживают ли пред душою? Поелику сим упражнениям лежит в основании чувственное вещество — язык, потому они и удобовразумительны ученику. Хотя сначала он придерживается форм, изменения и связи слов и предложений, но чем далее идет он в грамматической науке, тем более видит в отношениях слов отношения понятий. Из легкого учится он труднейшему. Потому грамматические упражнения по своему содержанию суть самые лучшие и живительные логические упражнения; и потому в гимназиях учат языкам только частью для языков и литературы, а с большею частью для твердой и живой логики, которая возрастает и долговременно и много-различно упражняется в учениках посредством грамматического обучения языку до тех пор, пока не станет неотъемлемой собственностью

юношеского духа*. * Если в изучении языка ум детей упражняется и живее, и естественнее, и легче, нежели в логике, то для чего же занимать их умственными упражнениями? Но скажут: нельзя же девятилетнему ребенку прямо растолковать, что такое имя, что такое глагол, когда он не имеет понятия ни о предмете, ни о деятельности. И действительно, ему еще рано знать и глагол, и имя, а след., и что такое предмет, что такое деятельность. Все дело вертится на вопросе: что делать с детьми, прежде нежели начнут они грамматику? Чем приготовить их к грамматике? Дети и готовятся к грамматике и начинают, и продолжают, и оканчивают ее чтением и письмом. Глава из священной истории или одна басня Крылова и ученику и учителю предложат материала для умственного упражнения гораздо более целой книги наглядного учения или тому подобного. След., не логика предшествует обучению грамматике, а наоборот, грамматика приготавливает детей к логике. Вот что говорит об этом Гегель: „Трудно оценить достаточно всю важность учения грамматике, ибо ею начинается логическое образование. Содержанием грамматике — категории, собственные произведения и определения ума; след., в ней ум начинает изучать сам себя. Эти духовные предметы, с которыми она первая нас знакомит, в высшей степени удобопонятны для юношества, и нет ничего духовного удобопонятнее: еще ограниченные силы сего возраста не могут обнять всего духовного царства в его многообразии, отвлеченности же грамматические совершенно просты. Они точно отдельные буквы, и притом гласные духовного бытия; ими начнем мы складывать и учиться читать оное. Грамматика предлагает сии отвлеченности по силам юного возраста, отличая оные внешними признаками, содержащимися в самом языке. Кто может отличить красный цвет от голубого, еще без всякого определения цветов по ньютоновой гипотезе или по какой иной теории, тот имеет уже некоторые сведения, и даже великой важности уже и то, чтобы обратить внимание на сие отличие. Ибо, если умственные определения присутствуют в нас, как в существах мыслящих, и мы понимаем их непосредственно, то первоначальное образование состоит в том, чтобы их *иметь*, т. е. возвести их в предмет сознания и отличить признаками. Так как грамматической терминологией обращаемся мы в области отвлечения, и так как сие учение может похвастаться элементарной философией, то грамматика, и латинская и немецкая, должна быть рассматриваема не только как средство, но и как цель“.

2. Из предыдущего легко уже ответить и на второй нами предложенный вопрос. Определить всякий предмет логически, давать всему строгую систему — дело лишнее для детей; на первый раз довольно и того, если они сумеют отличить предмет по внешним признакам, в самом языке содержащимся. Всякая философская теория в голове учителя есть не иное что, как личное убеждение, иногда даже вредное для науки: ученикам нужно знать самый предмет, а не умствования учителя. Скажу более: забивать голову учеников первых трех классов гимназии логическими отвлеченностями и философскими определениями не только бесполезно, но и чрезвычайно вредно. Не в том сила, чтобы дети знали, что такое понятие, что суждение, а в том, чтобы умели понимать и

* Deinhardt, Der Gymnasialunterricht, 1837, стр. 58 и 59.

судить. Лекарь не объясняет больному, что есть пищеварение и из чего состоит прописанный рецепт, а просто дает ему лекарство. А философы-учителя отечественного языка только определяют и толкуют, а не дают духовной пищи своим ученикам. Детям надобно сначала больше материала для их памяти, больше осязательного. Разумение не может быть непосредственною целью; оно есть естественное следствие развития духовных способностей учащегося. Только тогда начинает рассудок соединять однородное и разделять различное, когда память обогатится достаточным запасом. * Неужели может похвалиться философом тот учитель, который вздумает преждевременно выжимать из детской головы понятия, определения и другие отвлеченности, забывая, что все отвлеченное есть плод глубокого соображения и опытности? Садовники не вытягивают растений из земли, а только поливают их да выпрямляют тычинками. Но возразят: опыт показывает, что десяти и одиннадцатилетние дети очень легко могут вращаться в логических отвлеченностях. Действительно, силы юного возраста неистощимы, но сколько бывало примеров, что мальчики виртуозы, вырастая, получали неодолимое отвращение к тому инструменту, за которым преждевременно погубили их музыкальный талант? В старину и женили десятилетних детей. Философствующие учителя отечественного языка, думая слыть философами, именно тем и предают себя, что философствуют там, где и не место и не время философствовать. Те же самые отвлеченности, над коими безвременно и без толку дитя ломает голову, в одно мгновение поймет в свое время, как подрастет; зачем же насиловать природу и не следовать ее законам? И почему же развивать в детях только один ум, оставляя в стороне и чувство, и нравственность, и дар слова? А ведь умственными упражнениями, кроме рассудка, ничего не упражнишь. Не полнее ли удовлетворит всем способностям дитяти чтение автора, соразмерного его силам? Тогда учитель ограничит самостоятельно свою науку и не будет бросаться из нее во все стороны, выказывая тем ее бессилие и несостоятельность. Нечего бояться, что до десяти или двенадцати лет дети не сумеют определить, что есть понятие, признак, суждение, что есть причина, условие и т. д. Впереди остается еще много времени для образования ума. Напротив того, надобно бояться, чтобы ранним философствованием не забить голову детей пошлыми общими местами, которые надолго останутся для них тягостными веригами. Система не дает материала, а при материале будет и система: дитя на память учит существенное в науке и тем упражняет уже свой разум. Всякое материальное учение есть вместе и формальное, т. е. развивающее умственные силы; другими словами: во всяком предмете учения есть логика, а тем более в грамматике, как показано выше.

3. Впрочем, кроме формального образования, метода умственных упражнений и наглядного учения дает и материал учению, заключая в себе энциклопедию многообразных сведений, начиная от богословия и философии до механики, технологии и ремесл. Без сомнения, во всем этом очень много занимательного и наставительного для детей; но для чего же братья за все это учителю отечественного языка? Законоучи-

* Günther, Über den deutschen Unterricht auf Gymnasien, 1841, стр. 23 и 24.

тель, учитель математики, истории имеют такое же право толковать о нравственности, статистике, о земле и небе, о звездах. Но преподаватели отечественного языка приурочивают себе эту энциклопедию на том основании, что язык есть всеобщее выражение всякой деятельности человека. В таком случае это основание можно повернуть и в другую сторону: так как и учителя катехизиса, математики, истории учат детей и языку, ибо учат их на нем выражать свои мысли, то или вовсе не нужно учителя отечественного языка, или же он должен занимать детей чем-либо исключительно принадлежащим его науке. Иные педагоги * этой энциклопедии дают более систематический характер, постраивая ее на развитии умственной, нравственной и художественной деятельности. Упражнение каждой деятельности заключается в отдельных статьях, снабженных изречениями и примерами. К чему же такое насильственное разграничение способностей? В человеке развиваются и действуют все способности души заодно. Только слепых, горбчатых да калек пользуют тем, что лечат их отдельный, местный недостаток, здоровому же дают пищу для питания всего тела. Другие педагоги в такой начальной энциклопедийке ограничиваются только кругом наук, извлекают общее понятие науки из отношения человека к миру духовному и вещественному, отсюда выводят деление наук с определением каждой, от эстетики до анатомии. Спрашивается же, в котором классе гимназии преподавать такую энциклопедию? И какой учитель гимназии возьмет на себя смелость добросовестно и с сознанием дать понятие обо всех науках? Говорить же о всем как-нибудь и что-нибудь могут только одни шарлатаны. Но систематикам непременно хочется, чтобы дети, прежде чем начнут грамматику, знали, какое место занимает сия наука в кругу знаний человеческих. Почему же не поступают так учителя математики, катехизиса, истории? А именно потому, что они довольны богатым содержанием своих наук. Действительно, надобно было заменить чем-нибудь старинную методу грамматики; неужели же тем, что пуститься на фокусы наглядного энциклопедического учения? Отбросим все крайности энциклопедического учения, множество всего непонятного для детей, и возьмем самую скромную, по силам юного возраста написанную книгу в этом роде. Если бы она была замечательна своим слогом, остроумием, глубокомыслием, словом, если бы она по достоинству была не ниже „Естественной истории“ Бюффона или басен Крылова, то учитель языка мог бы взять ее в руководство при чтении и грамматическом разборе. Но где подобные книги? Укажите хоть одну. Сочинители детских книг пишут как ни попало, чтобы только было наивно, просто, да понятно для детей. Но этого мало. В школе дети должны читать и заучивать только то, что имело бы для них цену и тогда, когда они вырастут. ** Басни Крылова учат наизусть малые дети, ими же зачитываются и взрослые. Пушкин с удовольствием читал „Русскую историю“, написанную Ишимовой для детей. След., книги для первоначального чтения ошибочны именно в том, что, будучи соразмерны

* Напр. Цоллер в своем сочинении „Das erste Schul- und Bildungsbuch“, 1840.

** „Для меня книги то же, что люди, говорит Магер в предисловии к своей „Французской хрестоматии“; лучше никогда не видать того человека, которого не захочешь увидеть в другой раз; лучше никогда не читать такой книги, которую не вздумаешь еще раз перечитать“.

силам детского возраста, след., удовлетворяя субъективной, временной потребности учащихся, не имеют никакой внутренней, материальной ценности. Пусть же учитель отечественного языка даст в руки своим юным питомцам такую книгу, чтение которой оставит в их душе следы на всю жизнь. Мысли классического писателя плодотворным семенем лягут в нежной душе их, сначала еще не развитые. Конечно, дети не все поймут в этих мыслях, ибо и взрослые различно понимают писателя — одни более, другие менее, но довольно уже и того, что они узнают их хотя с одной внешней стороны, запечатлев их своим детским сознанием. Младенец еще не понимает высокого значения молитвы, но мать уже учит его священному обряду, и он молится усердно. Дитя не знает высокой нравственности самоотвержения, но, по примеру старших, охотно подает милостыню и радуется, что утешил тем убогого. Пройдут годы — и вместе с возрастанием детей, возрастут и окрепнут в них и те истины, которые вычитали они некогда в любимом писателе, и, проведенные через многие случаи жизни их, оправдаются и уяснятся опытностью. Греки учили малолетних по Гомеру, наши предки после азбуки тотчас заставляли детей читать псалтырь. Итак, пусть дитя узнает и поймет великие нравственные мысли, хотя и не во всем их глубоком объеме; оно учит их не для одного мгновения, а на целую жизнь, в продолжение коей они разовьются опытом и делами.*

2. ОБУЧЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОМУ ЯЗЫКУ ПО ЛАТИНСКОЙ ГРАММАТИКЕ

Отстранив крайность в учении реалистов, обратимся к гуманистам. И они, чувствуя несостоятельность отечественной грамматики, прибегают к посторонней помощи. Как все преподавание сосредоточивают они к древнеклассической литературе, так и грамматическое учение к грамматике латинской или греческой. В основание грамматическому обучению, говорят они,** надобно положить изучение языка чуждого.

1. Родной язык сросся с духовным бытием ученика. Он как бы кость от костей его и плоть от плоти его. Слишком близок ученику и потому не может быть прямым объектом науки, составляя субъективность самого ученика. Ученик даже не может никак понять, для чего он будет учиться тому, что знает и без науки. Напротив того, чужой язык выступает перед ним совершенно объективно. Учащийся принужден выйти из самого себя, чтобы его усвоить; и напряженность духовных сил, необходимая для сближения с предметом вовсе чуждым, должна быть несравненно больше, чем при изучении отечественного языка, от которого не так легко может отрешиться учащийся. В этом отношении справедливо говорит Ф. А. Вольф³: чужой язык сильнее возбуждает внимание и заставляет нас подводить явления к умственным соображениям, тогда как отечественный коренится на внутреннем чувстве.

2. С этим соединяется вторая еще важная причина, состоящая в том, что, чрез *сравнение* двух языков, с большей ясностью и силою запечатлеваются в уме отношения грамматические и логические. Только

* Читатель припомнит слова Гегеля: то же самое нравственное изречение в устах юноши, который *весьма правильно понимает оно*, не имеет того объема и значения, какие получит оно в уме опытного мужа, для коего раскрывается в нем вся сила внутреннего содержания*. Логика, ч. 1.

** Deinhardt, Der Gymnasialunterricht, 1837, стр. 59 и след.

сравнением многих языков полагается отличие между отношениями слова и мысли, между единичным и всеобщим. Когда один и тот же предмет выражается и познается в двух различных формах, тогда ясно определяется и самое понятие оногo. Так и в грамматическом преподавании. Отношения понятий будут выражаться на двух различных языках особенными флексиями и различною связью слов. Какой прекрасный способ довести таким образом до сознания, что всякое содержание, как нечто общее, является существенным в различных явлениях! Как понятие о жизни приобретаетс я исследованием ее различных форм и явлений, так и об языке сближением по крайней мере двух различных языков. Одинаковость и всеобщность содержания оживут в различии и особенности разнородных форм. Отечественный язык предпосылается, как известное основание, к которому все должно относиться. Он будет мерилom для чужих языков. Когда ученик сознает отношения грамматические на своем и на чужом языке, тогда необходимо извлечет для себя из различия форм того и другого языка понятие о единстве мысли, как всеобщего, которое повторяется и отражается в многообразии". Из чужих языков, разумеется, предпочитают латинский и греческий, против коих не устоит никакой другой в богатстве содержания и в обработке учебных пособий. Вот как педагоги * определяют ничем незаменимую пользу обучения древним языкам:

1. „Вначале обучение языку есть упражнение памяти, которого важность для юного возраста не подлежит ни малейшему сомнению. Память есть запас насущного капитала для ума. Чем меньше у человека памяти, тем меньше и духовного содержания для непрестанного употребления и обработки. Сила человека словом и делом, по большей части, зависит от хорошей памяти. Чем больше у него духовного запаса, тем сильнее и свободнее действует он, тем больше содержания и объема делам его. Человек без памяти никуда не годится; достоинство его возрастает вместе с усилением памяти. Следовательно, упражнение ее необходимо для практической деятельности и для высших сил духовных, которые берут из памяти запас и пересоздают его в слово и дело. С этой стороны упражнение ее является средством к цели. Цель в деятельности разумения и воли, для свободного развития коих необходима достаточная сила памяти. Она же приобретаетс я, и развивается, и упражняется в детском возрасте; притом тогда имеет и в себе самой конечную цель, будучи для дитяти силою восприимчивою. Дитя понимает предметы преимущественно памятью, а не высшею силою духа. В человеческом развитии есть известная степень — степень памяти, совпадающая с детским возрастом. Образование познавательной способности и образование памяти в этом возрасте одно и то же. Не укрепись память в молодости, на всю жизнь будет чувствителен недостаток. Потому-то дети находят удовольствие в упражнении ее; потому-то великие люди, в лета зрелые оказавшие сильное действие на человечество словом и делом, отличались превосходною памятью в своем детстве. Но чем же образовать и упражнить ее? Изучением форм чужого языка. Чем тоньше и незначительнее оттенки в изменении слов, тем сильнее она изоощряется. В этимологии заучиваются малейшие от-

* Deinhardt, стр. 197 и след.

личия слогов и букв. Чтобы приступить к разумному изучению языка, надобно до такой степени впечатлеть в свою память этимологические формы, чтобы никогда не забывать их. Кроме этимологии, разумеется заучивание и лексикальной части древних языков, и потом правил.

2. Между тем, как этимологическое изучение языка преимущественно образует память, заучивание, уразумение и применение синтаксических правил развивает силу судительную. Вначале заучивание правила слово в слово — есть дело памяти. Но как скоро синтаксические правила применяются к примерам и к переводу с чужих языков на свой и с своего на чужие, тотчас открывается ученику обширное и силам его сообразное поле, где он по преимуществу упражняет свою судительную силу.* Ибо, — что значит судить? Узнавать в единичном всеобщее, возводить единичное к всеобщему, применяя общее к частному и находя в частном общее. Потому изучение и применение синтаксических правил есть непрестанное суждение. Общее в суждении будет правило, а частное — известные примеры, к коим применяется правило. Так, при переводе с одного языка на другой, ученик в каждом примере находит применение заученному им правилу. Сверх того, при переводе с древнего на родной, узнает он в данном примере общее правило, и его суждение будет теоретическое. При переводе же с родного на древний, он сам переносит правило в данный пример, и его суждение будет практическое. В первом случае берет верх уразумение, во втором действие; в первом он как бы философ, в последнем художник. Когда же примеры будут более подробные, тогда вместо одного правила приложится к ним множество. Потому и суждение ученика при переводе их будет труднее, ибо будет состоять из совокупности многих суждений. Кто не видит в этом стройного перехода от простого к сложному? Следующие правила сопровождаются труднейшими примерами: хотя главная цель в переводе и здесь будет объяснение и применение последнего правила, однако и прежние правила, по крайней мере многие из них будут здесь же повторяться. Таким образом суждение постоянно идет к новому и труднейшему, постоянно удерживая при себе пройденное, простейшее.

3. Кроме упражнения памяти в заучивании форм этимологических, и кроме упражнения судительной силы на синтаксических правилах, и в том и в другом случае развивается и усовершенствуется третья способность, необходимая для изучения всякой науки, именно, внимание к мелочам и незначительным подробностям. В этимологии малейшая перемена в форме слова тесно связана с изменением его понятия. Ничтожная перемена только одной буквы в слове дает другое отношение понятию. Поелику от столь малого, повидимому, и незначительного зависит великое и важное, то на этимологии, более нежели на чем другом, научишься обращать полное внимание на мелочи. Нельзя проглядеть ни одной буквы, ни одного знака: все требует точнейшего наблюдения в грамматическом обучении. Во многом ином и смешно и противно с важностью хлопотать о мелочах; в грамматических же

* Автор как будто не возражает против этого разграничения. Между тем, если стоять не на формально-логической, а на познавательной точке зрения, то этимология дает столько же материала для развития мышления, как и синтаксис. *Ред.*

формах и естественно и необходимо, ибо от ничтожных подробностей в буквах зависят различные отношения мыслей". Все это весьма дельно и основательно для изучения древних языков, даже частью и отечественного; но как же применить к школе? чем начинать — латинскою или отечественною грамматикою? Гуманисты решают задачу очень просто: * „Все нужное для немецкой грамматики в этом классе (Sexta, соответствует первому классу наших гимназий) достаточно передается в латинском уроке. Хотя и в немецком языке дитя узнает части речи, падежи, роды, времена, наклонения и пр., однако от того нельзя сказать, что оно учится немецкой грамматике. Упражняясь в склонении *mensa*, ученик должен узнать, что по-немецки говорят *der Tisch*, *ein Tisch* и *Tisch*. Латинский учитель вместе с латинскими примерами постоянно должен упражнять детей и в отечественных. Уже на первом склонении ученик, хотя и не ясно, узнает член, нужнейшее из средств немецкого языка для означения падежей и чисел. Важным шагом будет для него изучение правил о родах в связи с прилагательными. Согласование прилагательных с существительными, в коем он никогда не ошибется на родном языке, доставит ему много трудного на латинском, но он опять узнает необходимое и для немецкого прилагательного, именно отличие между *der gute Mann*, *guter Mann*, *ein guter Mann*, *der Mann ist gut* и т. д.“ Ошибка подобных гуманистов в том, что они не отличают совершенно противоположных методов в изучении чужого и своего языка. Если мы возьмем в руководство грамматики Востокова, Греча и др., то конечно, лучше учиться русскому языку по латинскому, ибо эти грамматики составлены по методу грамматик для чужих языков: начинаются определением частей речи, склонениями и спряжениями, с ненужными для детей подробностями, и потом уже предлагают синтаксис. Многие наши педагоги до сих пор все хлопчут о спряжениях да склонениях, и не догадываясь, что русские без правил умеют правильно и склонять и спрягать. Половцев частью применил преподавание *русского* языка к требованиям *русских* учеников, но и он не достиг своей цели, предпослав этимологию синтаксису и не связав синтаксическим разбором всех частей речи в одно целое. В ошибку другого рода против отличия в преподавании отечественного языка от иностранного впал Вурст. ** Хотя, следуя Беккеру, имеет он надлежащее понятие об отношении этимологии к синтаксису, однако в своем руководстве принимает методу латинских и греческих грамматик для изучения правил отечественного языка: перед каждым правилом примеры, а за правилом задачи для упражнения в оном. Всяк видит, что все внимание Вурста обращено на правило, как средоточие и примеров и упражнений, а в этом-то и ошибка, ибо правила в отечественной грамматике стоят совершенно в другом отношении к практике, нежели в грамматике иностранного языка. Потому, сосредоточившись на правилах, Вурст упустил из виду годность примеров и упражнений, ибо его отрывочные примеры вовсе не идут для отечественной грамматики, составляя не более, как подмости, леса, на которых он строит правила, и которые, как ненужный хлам, ученики выбрасывают из головы, как скоро понято правило. И практи-

* Günther, Über den deutschen Unterricht auf Gymnasien, 1841, стр. 155.

** Praktische Sprachdenklehre. Слич. извлечение из этой книги: Практический синтаксис сложного предложения, составл. П. Перевлеским, 1842. ¹⁰

ческие задачи Вурстова учебника не имеют никакой самостоятельной ценности, будучи хвостами тех же правил. В грамматике латинской и пустой пример имеет значение, ибо содержит в себе материал для заучивания в неизвестных ученику словах и в грамматических формах, к которым он еще не приучил свой язык и ухо. Вурстовы же примеры — *Feuchter Lehmen ist weich, Mein Buch ist neu, Dieser Griffel ist spitzig* * (стр. 28) и т. п. действительно подлежат осмеянию. ** Немного выиграет такая метода и тогда, когда эту болтовню заменим мы маленькими отрывочками из писателей образцовых, ибо отношение правил к примерам остается то же самое, а клочки из писателей также не дают реального содержания для заучивания, будучи по большей части фразами, в коих мысль только в половину выражена, а иногда того менее. В латинской же или греческой грамматике краткие цитаты из классиков не только терпимы, но даже необходимы. Да и в русской стилистике отрывочные фразы из писателей имеют свое значение и педагогическую ценность. Но в отечественной грамматике первоначальной являются предрассудком, составленным по неумению отличить преподавание языка своего от преподавания чужих. Все, что Дейнгардт говорит о применении правил к примерам, касательно языков древних, может быть отнесено и к грамматикам отечественным, подобным Вурстовой, здесь мерило их погрешности. И как скучно для учеников подробное исчисление различных правил с подразделениями и видоизменениями! Справедливо опровергает Гикке подобные методы. „Отстраняя всякое подробное изложение целой доктрины, говорит он, *** и заставляя учеников останавливаться на прочитанном и приискивать в оном примеры, мы ставим себя решительными противниками другого столь распространенного способа преподавания. В учебниках такого рода находим, например, ряд простых предложений, подлежащим которых существительное *masculini generis*, **** второй ряд с подлежащими женского рода, третий — среднего; затем четвертый ряд с двумя подлежащими, сначала мужского, потом женского, наконец среднего рода; далее новые роды предложений, в которых по два подлежащих: одно мужского, другое женского, и т. д. А там пойдет та же история с числами: здесь отыскиваются предложения, подлежащие которых имена существительные: а) неупотребляющиеся во множественном числе, б) не употребляющиеся в единственном, с) имеющие двойное множественное; или такие предложения, в которых подлежащим будет: а) сложное, б) производное существительное. Коротко сказать: кажется, будто сочинители таких метод думают, что можно и должно исчерпать все возможные видоизменения предложений; по крайней мере, будут такого мнения бедные ученики, живая восприимчивость которых систематически убивается такой методою. Сочинители, по крайности, подумали бы вот о чем: если потребуется несколько дней, даже целых недель, чтобы систематически развить все возможные видоизменения предложения только с тремя простыми элементами, то при десяти элементах предложения не достанет и жизни человеческой, чтобы наполнить примерами все возможные случаи сочетания сих эле-

* влажная глина мягка, моя книга — новая, этот грифель остер. *Ред.*

** Mager, Die deutsche Bürgerschule, 1840, стр. 134.

*** Der deutsche Unterricht, 1842, стр. 215—218.

**** мужского рода. *Ред.*

ментов; даже одно только исчисление всех этих видоизменений есть уже дело невозможное. Зачем же хлопотать о том, чего и нельзя, да вовсе и не нужно доводить до конца? Или, может быть, такой способ, дробящий все до бесконечности, по преимуществу есть способ методический и практический? Напротив того, самый неметодический и неудобоприменительный. В сравнении с этим хотя еще не до такой степени ошибочна, однако, вовсе несообразна с целью и неприменительна к делу та метода, по которой заставляют учеников отыскивать примеры на отдельные правила синтаксиса. Сколько труда стоит даже самому учителю найти дельный пример на какую-нибудь более распространенную форму предложения. Сколько же труда ученику! и к чему все это поведет?— к более ясному воззрению, к сильнейшему впечатлению формы предложения? но нельзя ли всего этого гораздо совершеннее достигнуть отысканием примеров в прочтенном?*

На степени того же безразличия между грамматикой своего и чужого языка стоит *La Grammaire mise à la portée de l'enfance*, par H. A. Dupont, 1839. Дюпон начинает этимологию, отделяя ее от синтаксиса, и учит детей фразам и по фразам; ибо, говорит он: *Pour nous, l'étude de la grammaire est l'étude des phrases* *. В самом начале спряжения: „спряжение может быть изустное и письменное. Думаем, что в начале должно быть только изустное и потом уже письменное. Это упражнение для наших учеников сначала совершенно механическое: дети, еще не умеющие читать, с пользою могут им заниматься“ и пр. После всего этого не удивительно, что Дюпон заставляет детей даже зубрить наизусть спряжения отечественных глаголов и т. п. Разумеется, если такими методами захотим мы тягаться в преподавании отечественного языка с греческою и латинскою грамматикою, нас тотчас побьют; ибо все то, чем самостоятельны грамматики языков древних, мы некстати прикладываем к отечественной и рядим ее в чужие перья. Гуманисты тотчас их оциплют, и все ничтожество методы обнажится.

3. МЕТОДА ОБУЧЕНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОМУ ЯЗЫКУ

Итак, где же искать спасения самостоятельному и годному для школы преподаванию отечественного языка? „Метода ** всякого обучения определяется, с одной стороны, естественным развитием духа человеческого, с другой, сущностью предмета преподаваемого. Потому мы должны обратить внимание на то, с какими сведениями в языке поступает ученик в школу и какому развитию подлежит он сообразно с природою познающего духа и с свойствами познаваемого предмета. Первые начатки упражнения в отечественном языке скрываются в таинственном сумраке первых годов детского возраста. Никто не помнит за собою этого начала, ни наступающей затем следующей степени развития; никто не может составить себе представления об этом темном состоянии сознания, когда народившийся человек еще не умеет отличить себя от предметов, его окружающих. Но с удивительною быстротою заучивает дитя множество слов и предложений, и его радость, при выражении своего внутреннего мира, иногда столь велика, что он творит собствен-

* Для нас изучение грамматики есть изучение фраз. *Ред.*

** *Diesterweg, Wegweiser für deutsche Lehrer, I, стр. 329 и след.* ²³

ные свои слова, выговором коих радуется и счастливится своих родителей. Словом, узнавание родного языка совершается при темном сознании, как бы инстинктивным подражанием, и восходит до совершенно быстрого разговора о всех приобретенных представлениях, разумеется, без отличия отдельных звуковых частей в слове и без всякого предчувствия об органической связи между мыслию и словом. Поелику таков естественный путь, коим всякий человек узнает свой родной язык, то извлекаем отсюда первое правило для метода преподавания: 1) *Приводи дитяти все явления языка таким образом, как поступает сама природа, то есть, помощью изустного выражения непосредственных представлений, помощью разговора и чтения.* Этим и следующими правилами отделяем мы методу преподавания отечественного языка от метода преподавания иностранных, ибо отношение дитяти к тому и другому совершенно различно. Чужие языки, как показывает само слово, чужды духу, стоят вне его; напротив, отечественным языком обладает уже в некоторой степени даже семилетнее дитя; он стал его духовной собственностью, как бы всосанною вместе с молоком матери, дитя даже не может существовать без него. Потому-то и не может он преподаваться, как чужой язык. Отечественный язык узнает всякий человек непосредственно, вместе с наглядной восприимлемостью внешних явлений и внутренних ощущений; потому дар слова непосредственно связывается с восприимлемостью и впечатлением, так что слова являются сознанию живым соответствием (correlativ) вещей. В начале изучения чуждого языка отдельное слово не кажется в соотношении с предметом и представлением, а понимается посредственно, именно через слово отечественного языка, выражающее тот предмет или то представление. В чуждом языке каждая форма, каждое слово представляется чем-то разрозненным и отдельным от познающего субъекта и таковым должно быть заучаемо; в отечественном языке ум обнимает целое, вместе все предложение, выражающее мысль, и потому отечественная речь есть постоянное выражение суждений, постоянно в целых предложениях. Потому твердо полагаем мы первым правилом, что отечественный язык не должен преподаваться так, как преподается иностранный, т. е. не наблюдением отдельных звуковых видоизменений, не путем рассуждающего наблюдения, а практическими примерами, то есть сообщением ученику понятного и полезного такими словами и формами, с какими хочешь познакомить ученика. Первое дело в области преподавания отечественного языка состоит в том, чтобы ученик практическим путем узнал все формы речи, чтобы они являлись ему не одни сами по себе, но постоянно в органической связи с мыслию, ими выраженной, так, чтобы ученику вместе с формою непрестанно давалось и содержание. Итак, первое и важнейшее дело развить практическую способность, состоящую в том, чтобы понимать выраженное формами речи и пользоваться ими правильным образом, т. е. так, как говорят люди образованные. Следовательно, умение всему здесь основание: это умение, как данное, предпосылается уже самому началу преподавания, а преподаванием должно еще тверже укрепиться. Таким учением мы продолжаем вперед шествие самой природы и изустной речью о предметах действительной жизни, внимательным чтением приличного и понятного, изустными и письменными упражнениями образуем в ученике способность с надлежащей

легкостью правильно понимать формы речи в разговоре и на письме. На способность говорить обращаем мы в ученике строгое внимание, именно на способность выражаться легко, благозвучно, ясно, определенно, с толком и со смыслом. Не один отечественный язык, но и все остальные предметы преподавания должны быть направлены к образованию в ученике этой способности, столь необходимой для развития его умственных способностей, для образования характера и вообще для всей жизни. Мы слушаем говорящего сто раз, прежде нежели однажды прочтем им написанное. Уж по одному этому умение говорить важнее всего прочего. Упражнив на преподавании языка умение и разумение ученика, мы должны дать ему знание, должны объяснить сознанию его то, что более или менее ясно представлялось ему; отсюда второе правило: 2) *Формы речи, коими ученик умеет уже пользоваться, доводи до его сознания разбором, следовательно, путем анализа.* Хотя это правило постановили мы вторым, однако это не значит, чтобы мы пользовались им тогда только, как ученик достигнет высокой степени в способности дара слова; мы его можем применить тотчас же, как заметим, что ученик достаточно к тому приготовлен соответственным упражнением. Но все-таки наше мнение таково, что упражнение должно предшествовать рассуждению и сознанию явлений. Ученик сначала должен приобрести умение в отечественном языке и потом уже возвыситься до сознания о его формах и законах. Необразованная толпа и не достигает того никогда. Уж одно то чрезвычайно много бы значило, если бы все правильно говорили и писали. Но образованному человеку вменяется в обязанность не только правильное действие, но и разумение законов, коим подлежит действие. Это сознание (нельзя сказать *учение*, ибо ученик еще до вступления в школу знает уже все формы, хотя и не умеет их привести в порядок, произвести одну от другой и пр.), итак, это сознание должно развиваться разбором или путем аналитическим. Весьма естественно. Ибо язык есть живое целое; человек никогда не произнесет ни одного слова бессмысленного, но всегда говорит предложениями, выражающими мысль. Органическое целое ему известно прежде, нежели отдельные части оно. Так как естественный и легчайший ход преподавания состоит в извлечении неизвестного из известного и в постепенном присовокуплении неизвестного к известному, потому в отечественном языке надобно начать с органического целого, т. е. с предложения. Части же его до самых простейших стихий, коими заключается процесс раздробления, могут быть найдены только путем анализа. Итак, в преподавании отечественного языка сначала упражнение, потом возведение форм к ясному сознанию, сначала умение, потом знание, сначала упражнение в языке (*Sprechübungen*), потом упражнения над языком (*Sprachübungen*), сначала практика, потом теория и к тому же аналитическим путем. Само собою разумеется, что отдельные формы языка, имеющие между собою нечто общее, должны сравниваться и приводиться в порядок; но еще мы не дошли до всеобщих законов языка, мы заготавливаем только материалы для оных. Путем анализа возведши к сознанию отдельные частности, преподавание следует третьему правилу: 3) *С разбором соединяй синтезис, совокупление отдельного в практических упражнениях.* Разнообразное упражнение — добрый знак хорошего преподавания; заучивание и суждение

пусть идут об руку с упражнением и умением. Вначале подражание, потом знание; теперь опять упражнение. Как скоро какие-либо формы языка дошли до ясного сознания в голове ученика, тотчас надлежит заставить его, чтобы он употребил их в деле на задаче. Когда, напр., объяснены из предложения падежные окончания, ученик сам составляет предложения с различными падежами; или, объяснив сослагательное наклонение, учитель задает задачу, в коей ученик употребляет оное. Таким образом в обучении языку постоянно соединяется знание и умение, учение и упражнение, восполняя друг друга. Действованием начинает ученик, им же и оканчивает; первое без ясного сознания, последнее совершенно сознательно. В середине между тем и другим рассуждение: оно нужно не для простого действования, но для сознательного. Четвертое и последнее общее правило: 4) *Соединяй внешнее с внутренним, форму с содержанием.* Обучение языку имеет дело хотя с внешним, с формами и плотью языка, однако никогда не должно забывать, что плоть жива только духом, что душа важнее плоти, что изучение форм самих по себе не имеет никакой цены и что они не могут быть исключительным предметом наблюдения. Всегда и везде ищи значения представлений и отношений, выражаемых формами. Иначе учение будет нестерпимо сухо, отвлеченно и совершенно внешнее, образуя только экстенсивно, а не интенсивно. Постоянная связь содержания с формой требует, чтобы учитель никогда не рассматривал частей речи и отдельных форм — самих по себе, но постоянно представлял их в органическом целом, в предложении, показывая отношение отдельностей к целому, которое дает им существенное значение. Только таким путем можно образовать посредством обучения языку“.

4. ОТНОШЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА К ПРОЧИМ ПРЕДМЕТАМ ПРЕПОДАВАНИЯ

Итак, сущностью самого предмета в связи с психологическим развитием дитяти определяется метод преподавания отечественного языка, как предмета самостоятельного, совершенно отличного от обучения языкам иностранным. Вначале отечественная грамматика является для дитяти самою простою логикою, в коей от удобопонятнейшего и легчайшего дитя нечувствительно переходит к более трудному, от данного самою природою к искомому наукою. Предложение есть исходный пункт отечественной грамматики; в предложении же и сущность построения всякого языка. Нет сомнения, что дитя поймет латинское выражение только тогда, когда переведет его себе по-русски, потому анализ предложения отечественного предшествует латинскому. Даже для выгод самой латинской грамматики надобно предпослать некоторое грамматическое знание в языке отечественном. Грамматика отечественная должна быть посредником между врожденным ученику даром слова и между латинской грамматикой, т. е. данное природою нечувствительно и постепенно объясняется по русской грамматике, и потом, когда ученик уже чувствует отношение своей речи к науке об оной, надобно будет перейти к иностранной грамматике, как к высшей степени теоретического изучения языка. В противном случае, преподавание языка будет бессмысленно, ибо латинские склонения и спряжения, не одушевленные связью предложения, безжизненны. Русская же грам-

матика с самого первого урока знакомит детей с предложением и постоянно к нему примыкает все явления языка; зная предложение, следовательно, глагол и падежные отношения, дитя чувствует смысл латинских спряжений и склонений, вставляя их в форму предложения. Следовательно, первоначальное обучение отечественному языку относится к обучению латинского, как синтаксис к этимологии, как живое предложение к отдельным склонениям и спряжениям, как мысль к звуку.

Таким образом отечественный язык постепенно и нечувствительно введет ученика в область науки. Тогда наступает уже время обучения латинскому языку. „Несправедливо поступают, говорит Мадвиг, * профессор Копенгагенского университета, — несправедливо поступают, начиная столь рано преподавание латинского языка, как обыкновенно везде заведено. Это предмет слишком отдаленный и трудный, к нему дитя не приготовлено еще ближайшим и легчайшим; потому-то изучается он долго и медленно, в какой-то неясности, которая после с трудом проходит. Когда же начинается латинское преподавание несколькими годами позднее (около двенадцатилетнего возраста), но с силами сосредоточенными и с упражненной способностью заучивать и работать, тогда, думаю я, с трудом, гораздо меньшим, можно достигнуть тех же результатов“.

Защищая самостоятельность преподавания отечественного языка, мы должны показать отношение, в каком стоит обучение языку в противоположности своей в области учения реального — к математике. ** „Математика и грамматика суть такие предметы преподавания, цель коих состоит во всеобщем и чисто формальном образовании духа. Математика и грамматика должны быть логикой для гимназии, начиная от самых низших классов до последнего. Собственно же логика может преподаваться только в высшем классе, и то в лучших гимназиях, где случится для того способный учитель. В математике систематическая форма логики, в грамматике ее содержание. В математике ученик впервые видит образец органической науки и научается доказывающему, основательно и необходимо шествующему вперед мышлению. В грамматике развиваются, упражняются и применяются всеобщие отношения мыслей, входящие во всякую науку; повторяются и присоединяются к другим, новым до тех пор, пока не станут в душе ученика живою его собственностью. Вооружившись систематическим мышлением в математике и обильным запасом категорий в грамматике, гимназист легко и основательно может проникнуть во всякий род знания и подчинить его своим силам“. Напрасны все усилия математиков заменить своею наукою формальную пользу обучения языкам, особенно когда дружно, совокупными силами будут действовать русская и латинская грамматики, как живая природа и стройная наука, как всеобъемлющий синтез и дробящий анализ, в непрестанном, естественном переходе от практики к теории, как постепенное восшествие к сознанию и как непрестанное утверждение памяти. Математика дает дитяти первые понятия об отвлеченных воззрениях на пространство и время;

* Bemerkungen über verschiedene Punkte des Systems der lateinischen Sprachlehre, 1844, стр. 14.

** Deinhardt, Der Gymnasialunterricht, стр. 65 и след. Дейнгардт — старший учитель математики и физики в Виттенбергской гимназии.

грамматическое учение наполнит эту *tabulam rasam* * живым, конкретным содержанием. В этом отношении грамматика будет для формального образования ученика средним термином между знаниями реальными, как наглядностью мира осязаемого, и между математикою, как отвлечением всякого живого содержания в общую форму измерения и числа. Ибо на первой степени своей учение языка (след., отечественного) не отделимо от реальных предметов преподавания, на высшей же степени переходит в область отвлечения. В этом же отношении преподавание математики в низших классах гимназии приносит великую пользу и обучению языкам, приуготовляя детей к восхождению от наглядного учения к отвлеченностям грамматическим.

Отношение преподавания русского языка к языкам новым не прямое, а посредственное. Ибо между русским и языками новыми стоит язык древний. Все, чем полезны языки новые в формальном отношении, заключается уже в обучении латинскому, только в большем объеме. Потому-то не учащиеся древним языкам ничем уже не могут восполнить существенного недостатка. Нет ни малейшего сомнения, что формы языка русского гораздо богаче французских и немецких, а синтаксис, столь важный для формального образования учеников в языке латинском, весьма беден в учебниках языков новых. Поэтому в школах реальных, напр. в корпусах, коммерческих училищах и т. п., грамматика русская получает еще большее значение, чем в гимназиях, ибо, в связи с церковнославянскою, должна анализом форм заменить латинскую и греческую, но только в высших классах, где единственно возможно строгое грамматическое изучение отечественного языка. От французской грамматики этого требовать нельзя, ибо дети, не учась по-латыни, не могут узнать в корне ни одной французской формы. А немецкая могла бы стать наряду с русской разве только историческая гриммовская; но и в сей последней постоянные сближения с языками древними и множество исторических подробностей необходимых, но вовсе недоступных для элементарного курса. Потому-то учителя новых языков избрали ближайший и полезнейший путь — практический: верно и прямо ведет он к цели, подкрепляясь практическим же учением языка русского в низших классах; но поэтому-то именно и не может это обучение заменить теоретической методы латинского. Следовательно, можно сказать решительно, что в реальных школах, корпусах и т. п. низшие классы остаются без правильного и строгого грамматического обучения, ибо по-русски склонять да спрягать никто теперь не учит, а новые языки формами беднее латинского и должны изучаться более практически. В гимназиях же отечественный язык стоит посредником между новыми и древними: так напр., русский учитель анализом предложения познакомит с значением падежей, латинский отделит каждый падеж флексиею, новые же языки к флексиям присовокупят члены и вспомогательные предлоги, а русская грамматика укажет в предложении на отношение падежей к предлогам и т. п. Касательно внутреннего содержания, т. е. литературы, новые языки стоят к русским гимназиям в ином отношении, нежели к французским или немецким: чем для прочих европейских народов были литературы древние, тем для нас, кроме древ-

* чистую доску. *Ред.*

них, и французская и немецкая, т. е. образцом для изучения и подражания. Конечно, может быть придет и наше время самостоятельного действия, но будущее во власти божией. Унизительно для науки предаваться суетному гаданию о том, чего еще нет; неутомимая деятельность в настоящем есть залог достойного будущего, а прозорливый взгляд на прошедшее — руководство для настоящего. Не животворно было для нас одностороннее изучение литератур новых, ибо мы скользили только на поверхности образования европейского, не заглядывая вглубь, откуда оно началось, чем поднималось и совершенствовалось. Предметы познаются от знания сокровенных элементов, из коих они слагаются, а прошедшее есть необходимый элемент жизни народной, след., и литературы; можно ли же узнать литературу французскую без знания языка латинского, в истории которого заключается определение многих форм французского, или литературу немецкую, возрастание коей лежит на изучении языков древних? Отсюда связь преподавания языков новых с древними, основанная на понятии о живом организме развития литератур европейских. След., основательное знание языков французского и немецкого предполагает уже и знание древних, как необходимого элемента оных, след., для собственного интереса преподавание новых языков должно заступаться за усиленное преподавание древних, след., только в гимназиях и в школах нереальных может быть истинное образование европейское. Всему своя пора: изучение национального элемента литератур новых, т. е. изучение языков и образованности средних времен во всей подробности, придет своей чередой; это дело университета. В средствах гимназии — посильное сближение истории языков новых с латинским, греческим и славянским. Отсюда необходимость возведения русской грамматики до сравнительной и исторической. Здесь посредничество языка отечественного между древними и новыми, здесь твердое основание отличию национального от общечеловеческого.

Дальнейшее объяснение метóды обучения отечественному языку стоит в связи с остальными предметами преподавания. * „Историю нельзя признать элементом (говоря языком химиков). Предметы нравственных наук имеют свою историю, но ее нельзя отделить от самих предметов: как история догм и церкви относится к богословию, история философии — к философии, история языка к лингвистике, история прав к юриспруденции, так и история государства к политике. Конечно, академия может все эти истории, без самих наук, собрать в сотне фолиантов и назвать общим именем „Всеобщая история“, но дело останется в прежнем своем виде, ибо из такого собрания всяк будет читать историю только того предмета, который ему известен. Весьма полезно знакомить юношество с жизнью великих людей, с всемирными событиями и вообще с историческим развитием жизни народов в политическом, художественном, религиозном и в других отношениях; даже в высших классах (и именно только в высших) следует назначить для того особые уроки, но такой предмет будет иметь ценность только в педагогическом отношении и не будет он всеобщей историей точно так же, как и энциклопедический лексикон. И в герелевом смысле Weltgeschichte, т. е.

* Mager, Deutsches Sprachbuch, 1842, VI—VIII.

философия истории, имеет все недостатки остальных книг этого рода. Истинною философиею истории мог бы быть только средний (исторический) термин в философском обозрении целой области всех нравственных наук, т. е. философия права, воспитания, нравов, государства и пр., в совокупности, составляет так называемую философию истории. Итак, если справедливо, что история не есть самостоятельная наука, каковы грамматика или юриспруденция, что она между науками не имеет права называться элементом, далее, если справедливо, что история какого-либо предмета непонятна без знания оно, след., история человека предполагает знания психологические, история государства — политические, история литературы — эстетические и литературные (и vice versa); наконец, если справедливо и то, что школьное обучение должно стремиться к возможной простоте и естественности, то необходимы еще многие перемены в преподавании. В низших и средних классах историческое обучение должно бы примкнуться к обучению языкам, именно к чтению на отечественном, французском, латинском и пр.; в высших же классах оно усилилось бы начальными основаниями положительной психологии, этнологии, естественного права, морали, политики, поэтики и прозаики. Пока не будет знания об этих предметах, до тех пор и история оных будет столь же бесплодна, сколь недостаточно одно догматическое изложение элементов сих наук без истории. Ясно, как много выиграют ученики таким упрощением метода: учитель древних и новых языков, в связи с формальным обучением языку, знакомя ученика и с историею, и с этнографическими и статистическими и другими сведениями (математические и физические относятся не сюда, а к преподаванию физико-математическому), увидит совершенно иные плоды от своих уроков, чем специальные учителя истории, географии и пр., которые имеют смысл только в высших классах. Учащиеся узнают так называемое *историческое* гораздо основательнее, вычитав оное из самых источников; чуждые языки будут казаться им полезнее и необходимее, и они скорее им выучатся, подобно тому, как дети — стрелять, когда заставляют их сшибать свой завтрак с шеста. И это также не маловажно, что перед таким преподаванием умолкнет крикливая толпа реалистов. И преподавание языка может назваться реальным столь же справедливо, как и физико-математическое обучение, с тою только разницею, что содержанием первого духовное, второго вещественное, или же отвлечение от вещественного. Пора перестать толковать об одном только формальном преподавании или формальном образовании; привидений в науке не бывает. Если я отношу языки к реальному, это не значит, чтобы хотел я возвысить содержание прочтенного по-французски или по-латыни в ущерб знанию языка грамматическому. Я не принадлежу к числу тех; кои думают, будто классики написаны для того, чтобы подводить к ним комментарии; не считаю себя и на стороне реалистов, по мнению коих угол или площадь, камень или травка способствуют к образованию более, чем произведения человеческого духа. Нет! душа воспламеняется душою, и поелику язык есть перворожденный души, потому материал языка — который я называю *ономатикою* — должен быть лучшим средством к образованию.* * Это остроумное мне-

* Выписка из Магера совершенно неправильно ставит вопрос о науке истории. На огромное значение истории указывал Маркс, утверждая, что

ние Магера можно принять только под условием двух необходимых уступок: а) Магер хотя и желает примирить реальное с гуманическим, однако и сам подходит к реалистам, и именно таким, кои иногда задают задачи неразрешимые и составляют планы, которые едва ли можно еще выполнить; таких реалистов он сам хорошо характеризовал, * назвав фантастическими, б) Магер постоянно является гегелистом и потому проповедует превосходство разума над преданием и вносит много философского в школу. Впрочем восстановление живого содержания в языке и прямое отношение филологии к наукам нравственным, и преимущественно к истории, заслуживают полного внимания; это особенно важно для русских, ибо связывает филологию с изучением лучшего произведения нашей литературы, с „Историею Государства Российского“ Карамзина. Что же касается до реального содержания в чтении на различных языках, то это не более как продолжение и необходимое следствие методы наглядного энциклопедического учения. Магер вовсе не прав касательно языков чуждых, ибо чтению исторических и других источников предшествуют года более формального изучения этих языков. Хорошо, если и с третьего класса наши гимназисты начнут толковито читать Евтропия и Цезаря. В первом же классе надобно учиться им склонять да спрягать, а там разбирать конструкцию. При этом мы должны изыскивать средства к улучшению преподавания при тех обстоятельствах, в каких устроены наши школы, а не мечтать об идеальном преобразовании учителей языков древних и новых в преподавателей географии, истории и пр. След., мысль Магера может примениться к преподаванию обратным отношением, т. е. если все нравственные предметы учения могут преподаваться учителями языков, то, наоборот, и прочие учителя могут заменить учителей языков, и по преимуществу русского. ** „Учитель чуждого языка вместе есть уже и учитель отечественного. Все остальные учителя действуют также в области и в границах своего предмета, способствуя изустному и письменному развитию языка учеников, на удел же учителя языка остается только грамматическое обучение. — При таком содействии всех учителей к образованию в учениках отечественного дара слова, преподаватель языка будет стоять в иных отношениях против прежнего. Если справедливо, что язык в каждом возрасте жизни есть плод совокупного образования всего человека, то никак нельзя требовать, чтобы учитель отечественного языка один мог дать оное. И вообще это зависит от учителей только таким образом, что каждый вкладывает свою частицу в общее воспитание ученика и за нее только отвечает. Так точно и учитель отечественного языка. Он не может один постановить учеников на ту степень образования, следствием коей точный и чистый язык, а если бы он и захотел, то никак не должен, ибо язык без содержания есть ложь. И мог ли бы он в два урока на неделе усовершенство-

имеется, в сущности, только одна наука — история, что все остальные науки становятся подлинно научными, лишь строя свое исследование исторически. Собственно говоря, примеры Магера лишь подтверждают это положение. Ф. И. Буслаев не умел возразить Магеру в этом вопросе, хотя сам следует историческому методу исследования языка. *Ред.*

* Mager, Die deutsche Bürgerschule, 1840, стр. 233.

** K. Wackernagel, Der Unterricht in der Muttersprache, 1843.

вать учеников в том, что портилось бы нерадением других учителей в остальные двадцать уроков? Или на одном сочинении в продолжение двух-трех недель улучшить слог ученика, когда в течение того же времени двадцать других письменных упражнений увлекают его в противоположные направления? Задача же учителя собственно отечественного языка ограничивается (до четырнадцатилетнего возраста детей) правильным и ясным чтением, упражнением в правописании, знакомством с национальной литературой по сборникам, нарочно для того составленным, и наконец письменным и словесным повторением прочтенного или сказанного. Мы совершенно убеждены, что обучению чужому языку не должно предшествовать *грамматическое преподавание* отечественного: он нам родной, но не по грамматике.* Именно поэтому-то и изменяется отношение следующим образом: невозможно выучиться чужому языку без того, чтобы вместе не учиться грамматически и своему. Ибо правила чужого языка ученик понимает посредством своего, постоянно соотносит формы первого с последним, и таким образом вместе с сравнительною грамматикою учится и отечественной. Родной же язык мы первоначально узнаем непосредственно, не так, как язык, но как мышление, действие, ощущение, как совокупность того, что им выражается. Потому чрезвычайно односторонне во главе многих грамматик стоящее определение языка, будто он есть средство к выражению и сообщению представлений или мыслей. Скорей наоборот: так как мы наследуем от других мысли и знания помощью языка, то язык есть средство, которым приобретаем мысли. Обучение отечественному языку есть не иное что, как развитие положенного в дитяти семени дара слова. Возрастает оно подобно зрению и слуху, подобно душе в зрении и слухе, подобно любви к душе. Основательное же грамматическое изучение отечественного языка не может быть предложено ученикам ранее четырнадцати- или пятнадцатилетнего возраста". В дополнение последней мысли припомним слова Дистервега: *der Volksschüler soll in der Sprache, der Gymnasiast über die Sprache denken lernen.***

Впрочем Ваккернагель слишком ограничивает преподавание отечественного языка, придерживаясь в своих мнениях школы гуманистов,

* Эта страница заключает в себе противоречие в системе Ф. И. Буслаева, породившее впоследствии ряд недоразумений. Буслаев, приводя выдержку Ваккернагеля, имеет в виду „грамматику“, существовавшую в ее схоластическом схематическом виде в его время, и как бы соглашается, что в таком состоянии „грамматика“ недопустима для детей моложе 14 лет. Иной „грамматики“ в это время еще не было; свои учебники и грамматические труды Ф. И. Буслаев написал много позже. Нельзя понимать эти утверждения как отрицание грамматических серьезных сведений и в младших классах. Если внимательно посмотреть на опыт, который Ф. И. Буслаев описывает после своих общих положений, то мы увидим, что он затрагивает и в самых младших классах очень большой круг грамматических вопросов, правда, более практически, чем теоретически.

Таким образом, он не отрицает подачу основных научных терминов и понятий и в младших классах, отводя для систематического более научного курса грамматики старшие классы. Ф. И. Буслаев несколько исправляет это возражением Ваккернагелю на 63-й странице и своим несочувствием романтикам в их желании изучать язык без науки о языке. *Ред.*

** Ученик народного училища должен научиться думать на языке, а гимназист о языке. *Ред.*

хотя и стоит в этом отношении выше Тирша. „Казалось бы, * что, примыкая грамматическое обучение отечественного языка к преподаванию чуждых, мы низошли опять на ту же степень, на которой стояли некогда и которую так решительно защищал Тирш. Но что прежде делалось из равнодушия и нерадения, и на чем упорствовал Тирш односторонне, то низводится теперь до глубокого своего основания, и потому, повидимому, кажущееся одно и то же, в сущности, совершенно иное. Во-первых, упражнение в отечественном языке должно и предшествовать и идти рядом с обучением чужим языкам, о чем прежде и не думали; потом, правила чужих языков должны притти в сознание при посредстве отечественного, след., вместе с правилами оною, и наконец, родной язык не будет употребляться попрежнему, как служитель, но будет обрабатываться, как главный двигатель всего духовного развития, и благоговейно уважаться, как национальное святилище“.

5. ГРАММАТИКИ

Магер ** в своей рецензии на книгу К. Ваккернагеля весьма остроумно разделяет неудачных преподавателей отечественного языка на след. три статьи: 1) нигилистический формализм: рациональные дидактики учат науке немецкого языка (*deutsche Sprachlehre*), прежде чем дадут своим ученикам самый язык (Вурст, Шерр, Гонкамп, Прейсс и мн. др.); 2) мизологический материализм: пиетисты-романтики заботятся только об одном языке, не желая ничего знать о науке об языке, и с некоторого времени проповедают крестовый поход против школьных грамматик (Гинтер, Гильсманн, К. Ваккернагель); 3) между теми и другими стоят те педагоги, которые, не пускаясь в умствования и теории, нашли себе жалкую посредственность и идут по старинной избитой колее. Столь же метко разделяет Магер и грамматики:

1. Грамматика, как полицейское предписание, какою представили ее Готтшед, Аделунг, Гейнзиус, Гейзе и др., по образцу Доната и французов. Хотя и с этой точки зрения в грамматике есть польза, ибо надобно в разговоре и письме избегать ошибок, однако такая наука нисколько не образует ума.

2. Систематическая грамматика (Беккер, Герлинг, частью и Шмиттенер), которая, думая изложить организм языка, дает только логическую систему; такая грамматика ищет сущности вещей не в самом языке, а в *значении*, т. е. она предлагает не частную логику того или другого языка, но всеобщую, к которой приурочивает все языки. Вместе с этим опускает она часть лексическую, определение смысла отдельных слов и выражений.

3. Положительная грамматика: а) Гримма историческая и сравнительная в тесном смысле, б) Боппа¹² сравнительная в обширном смысле, в) Раппа и Вохера физиологическая.

4. Истинно философская, или, точнее, психологическая грамматика, начала которой положены В. Гумбольдтом¹³ и для которой надобно еще работать. Магер, как философ-гегелист, в этой последней грамма-

* Клумп в рецензии на Ваккернагеля, см. *Pädagogische Revue*, 1843, № 1.

** *Pädagogische Revue*, 1844, № 1

тике видит соединение всех достоинств систематической и положительной грамматики. Он весьма удачно определяет значение отечественного языка и отношение его к иностранным: „Родное воззрение на мир не должно стесняться и помрачаться изучением чужих языков; напротив того, должно просветляться и обогащаться сродными с ним стихиями; изучением отечественного языка становимся мы истинными соучастниками своего народа и наследниками его духа, так что всяк образованный в своем языке может сказать: *la nation, c'est moi*; * обучение латинскому, греческому, французскому языку должно из нас сделать не греков, не французов, а граждан всему миру, и не таких, которые живут только так называемыми идеями и, стремясь быть везде, нигде не находят себе места, но мировых граждан в добром смысле, которые, хотя больше всего любят свою отчизну и служат ей, однако умеют ценить все истинное, благое и прекрасное, наслаждаться и пользоваться всем, что предлагают чуждые народы, отделенные от нас пространством и временем. Поелику мы живем и непрестанно обращаемся в родном языке и посредством его усвоили себе особенный способ к составлению общих понятий и категорий, то уже каждое дитя бессознательно носит в себе ключ к аналогии, коим открывает смысл даже и того, что слышит только впервые. Такой инстинктуальной понятливости нет у того, кто сначала учится чуждому языку; генетическою мето́дою образуется ученик не в пример скорее, чем обыкновенною грамматическою наших школ“.

6. РЕЗУЛЬТАТЫ

В последовательном порядке разобрав педагогическую диалектику мнений о преподавании отечественного языка, мы нечувствительно обращаемся от последних результатов оной прямо к тому, что еще лет за двадцать сказал великий филолог нашего времени Я. Гримм ** о преподавании отечественного языка: „Мало по малу начинает входить в употребление это сочинение (Аделунгова немецкая грамматика) не только в школах, но даже и между людьми взрослыми. Такого несказанного педантства никоим образом не понял бы воскресший грек или римлянин; большая часть современных народов смотрят более здравым взглядом, нежели мы, ибо не включают отечественного языка в число предметов школьного учения. Окажется тайный вред, приносимый этим преподаванием, как делом излишним. Я уверен, испортится от того свободное развитие слова в детях и повредится этот прекрасный дар природы, который, вместе с молоком матери, дает нам и речь и доводит ее до совершенства в лоне отческого дома. Подобно всему естественному и нравственному, язык есть неосызаемая, бессознательная тайна, от юности в нас вкоренившаяся и самые органы слова определившая нам для собственных отечественных звуков, оборотов, изгибов, жестких или мягких; оттого схватывает нас заветное, вожделенное чувство, когда на чужой стороне прозвучит нам родное слово; оттого и невозможность узнать иностранный язык, т. е. в искреннем, родном употреблении его. И кто бы мог подумать, чтобы зародыш, столь глубоко положенный в нас и возрастающий по природным законам мудрой бережливости,

* Нация — это я. *Ред.*

** В предисловии к первому изданию *Deutsche Grammatik*, ч. I, стр. IX.

учителя грамматики вздумали вытягивать и усиливать пошлыми и неуместными своими правилами? И кто не запечалится о юношах и детях вовсе не детствовавших, которые говорят чисто и правильно, но под старость не сочувствуют своей юности? Спросите-ка истинного поэта, который владеет содержанием, духом и правилами языка, разумеется, иначе, нежели все вместе грамматисты и составители словарей, спросите его, чему он научился из Аделунга, да еще и заглядывал ли в него? За 600 лет всякий простой мужик из ежедневного своего употребления знал такие совершенства и тонкости немецкого языка, о которых и не мечтают наши теперешние, даже лучшие учителя грамматики. В стихотворениях какого-нибудь Вольфрама фон Эшенбах¹⁴ или Гартманна фон Ауе, никогда даже и не слыхавших о склонениях да спряжениях, едва ли умевших читать и писать, отличия существительного и глагола постоянно удерживаются в изменениях и в предложении с такою верностью и точностью, которые мало-помалу можем мы открывать только путем науки, но употреблять никогда уже не можем, ибо язык идет своим неизменным путем. И сами эти грамматики обман и заблуждение; ясно, какой плод они могут принести в школах, когда не лелеют, а обрывают те распукли, которые должны бы развертываться сами собою. Весьма важно и неоспоримо замечание многих, что девицы, обыкновенно менее мучимые в школах, умеют чище говорить, красивее ставить слова и естественнее выбирать их, ибо они образуются более по внутренне развивающейся необходимости, а гибкость и утонченность языка возрастают рука об руку с духовным усовершенствованием. Всякий немец, знающий по-немецки плохо, но правильно, т. е. всякий необразованный, может быть назван, по меткому выражению одного француза (Ch. Villers: la grammaire en personne), самостоятельной живою грамматикою, которой нет дела ни до каких правил, составленных учителями языка. Поскольку нет грамматики отечественного языка для школ и домашнего употребления, нет легкого извлечения простейших и потому именно удивительнейших элементов, из коих каждый доходит до теперешнего своего вида от незапамятной древности, то обучение грамматическое может быть только строго ученое*. В дополнение к этому мнению надлежит припомнить объяснение, высказанное Гриммом в предисловии ко второму изданию грамматики: он нападает только на бессмысленное первоначальное преподавание, но нисколько не уничтожает разумного обучения отечественной грамматике в высших классах.*

Авторитет Гримма так велик, суждения его о предмете, коему он с любовью посвятил всю свою жизнь, так беспристрастны, что всякий учитель отечественного языка невольно убедится в их глубокой справедливости.** Для нас особенно важно то, что эту гриммову филиппику гуманисты обыкновенно бросали в глаза реалистам; между тем как

Deutsche Grammatik, ч. I, стр. XIX.

** Напоминаем, что возражения Гримма против грамматики объясняются отсутствием в его время серьезного, систематического курса, который давал бы одновременно основы науки о языке и практическое знакомство с языком на живых и увлекательных упражнениях. Ф. И. Буслаев отступает здесь перед авторитетом Гримма, добавляя лишь дополнительное разъяснение, что Гримм нападает только на „бессмысленное первоначальное преподавание“.

Ред.

в ней же и сильная защита обучению языку отечественному. Если слова Гримма не противоречат последовательному развитию педагогических споров, изложенных мною выше, то беру на себя смелость сказать, что мы уже стоим на пути к примирению враждующих мнений.

В заключение предлагаю главнейшие положения, с которыми надлежит соображаться в преподавании отечественного языка.

1. Все грамматическое учение должно быть основано на чтении писателя. Главная задача состоит в том, чтобы дети ясно понимали прочтенное и умели правильно выражаться словесно и письменно.

2. Грамматика должна быть только прибавлением к чтению, к письменным и словесным упражнениям, она не может быть самостоятельной систематической наукою в первоначальном обучении.*

3. На первой, низшей степени, отечественная грамматика, в связи с практическими упражнениями, предполагает две цели: образование и развитие детских способностей (общая грамматика) и безошибочное употребление русского языка словесно и письменно (частная грамматика).

4. На высшей степени грамматика является наукою: здесь выступает сравнительное и историческое языкознание, в связи с чтением церковнославянской, древнерусской и новой литературы. Эта степень должна быть необходимым восхождением от предыдущей; так, напр., первоначально дети привыкли безошибочно ставить *ѣ* в наречиях *гдѣ*, *кромѣ*; теперь объясняется им, почему здесь следует быть этой букве. Как частная русская грамматика от правописания восходит здесь до исторической, так общая до сравнительной.

5. Метода первоначальному преподаванию отечественного языка должна быть *генетическая*, основывающаяся на постепенном развитии в дитяти врожденного дара слова: она следит за ходом самой природы, безусловно подчиняя ей предмет преподаваемый. По этой методе ученику не дается ничего нового, но только уясняется и приводится в сознание то, что он уже имеет. Этим отличается метода обучения отечественному языку от всякой иной. Остальные предметы преподавания строятся на искусственной системе, родной же язык развивается и уясняется по законам самой природы. Следуя этим законам, метода становится генетической. Она столько же основывается на сущности самого предмета, то есть родного языка, сколько и на личности учащегося. Даже можно сказать, что на первой степени юношеского возраста — родной язык и личность совпадают друг с другом. Из этого общего начала следуют частные положения:

а) Вместе с языком образовывать и развивать все духовные способности, разумеется, на чтении писателя.

б) Не подчинять учения искусственной системе; напр. не начинать грамматики определением этимологии, синтаксиса и т. п. Система должна быть в голове учителя и в успехах учеников, а не в учебнике.**

* Напоминаем, что опыт самого Ф. И. Буслаева дает систему и широкий курс грамматических сведений и для первоначального обучения. *Ред.*

** Следует решительно возразить против этого положения. То, что закономерно должно быть в уме учителя, может быть и в учебнике. Необходимо лишь изложить эту систему не схоластически, а на основе самой науки и дать живой материал языка. *Ред.*

в) От конкретного, чувственного представления, в самом языке заключающегося, восходить к отвлеченностям, а не наоборот; потому, напр., педагогически ложно обыкновенное определение предложения: предложение есть суждение, выраженное словами; для первоначального преподавания правильнее будет наоборот: суждение есть предложение, не выраженное словами, а продуманное втихомолку.* Предложение же объяснить практически при чтении писателя.

г) Начинать грамматическое обучение объяснением предложения, из коего вывести части речи в связи с частями предложения.

д) Склонения, спряжения, согласование, управление и т. п. объяснять гейристически, т. е. искусными, но простыми вопросами доводить детей, чтобы они сами с первого раза сумели отличать грамматические формы своего языка; напр. учитель спросит: можно ли сказать *добрая учитель, ученики прилежен?* Дети сами поправят и дойдут до понятия о родах и числах.**

6. Так как язык, кроме знания, предполагает и умение, потому и отечественная грамматика не довольствуется только развитием природного дара слова, но руководствует ученика в *искусстве* читать, говорить и писать. Все это искусство должно быть основано на практических упражнениях. Доселе грамматика и язык в обучении были две совершенно разрозненные области, между тем, как грамматика, даже как руководство к искусству правильного употребления языка, должна исходить из чтения, разговора и письма. Потому величайшая ошибка многих учителей в том, что они заставляют детей выучивать, напр., правила правописания не в связи с письмом, тогда как учебник должен быть только справочною книгою при диктанте.

7. Чтение и письмо должны идти в параллели с грамматическим обучением; так, напр., как скоро дети узнали предложение, тотчас уже могут отделить одно предложение от другого — при чтении остановкою голоса, на письме знаком (сначала только запятою). Следовательно, искусственная система наших учебников, помещающая знаки препинания на конце грамматики, вовсе не система, ибо нисколько не применительна в педагогическом отношении.

8. Правописание и словопроизношение не составляют теоретической части грамматики: они суть не что иное, как применение этимологического и синтаксического учения к практике.

9. Постоянно надобно отличать преподавание отечественного языка от иностранного, след., никогда не говорить детям того, что они знают уже сами; стало быть и не мучить их склонениями и спряжениями со множеством подразделений и различий. Подробностей, неизвестных детям, немного: они узнаются при чтении и диктанте.

10. Отечественная грамматика как наука в низших классах заменяет логику, а в высших становится сравнительно-историческою грамматикою. Многие педагоги несправедливо исключают сию последнюю из гимназического курса, между тем как необходимость ее неоспорима — и в прак-

* Современная грамматика вообще отказалась от этого узкого формально-логического толкования предложения. *Ред.*

** Следует решительно возразить против подобного отрицательного обучения, аналогичного какографии. *Ред.*

тическом отношении, ибо сравнительное языкознание служит руководством в переводах и облегчает изучение чужих языков, а историческое необходимо для уразумения памятников древней, средней и даже новой литературы нашей; — и в теоретическом; ибо только сравнительное изучение языков дает истинное и ясное понятие о законах языка, и только историческое исследование генетически объясняет, почему так, а не иначе употребляем мы ту или другую форму.

11. Как скоро изучение отечественного языка переходит в науку, тотчас должно получить систематический характер. Но поелику система имеет ценность тогда, когда уже знаешь материалы, имеющие быть приведенными в систему, то и систематической сравнительно-исторической грамматике должно предшествовать, с одной стороны, практическое изучение чуждых языков в сближении с русским, а с другой — чтение памятников нашей литературы, и древних и новых. Разумеется, в голове учителя постоянно должна быть система, но он сначала передает ее детям при чтении только частями, объясняя частные явления языка. Таким путем возбудится в учащихся внутренняя потребность системы и будет для учителя указателем, что уже пришло время собрать разрозненные материалы в органическое целое. *

12. Так как много потеряли мы живого сочувствия к родному языку вследствие постоянного его движения и изменения, а частью и порчи, потому и он, как бы несколько чуждый, заключает для нас много неясного, иногда даже неизвестного, не только в древней нашей литературе, но и в народной речи. Возведение к сознанию всего неясного и неопределенного требует науки отечественного языкознания, которая, будучи сравнительной и исторической, несколько не противоречит основным началам гуманизма и примиряет его с реализмом.

13. Отечественный язык и на высшей степени, т. е. сравнительно-исторической, где только возможно, должен преподаваться гейристически: формы устарелые сближать с теперешними, чуждые с родными, и намеками заставлять, чтобы сами ученики открывали неизвестное посредством известного. **

РЕТОРИКА И ПИИТИКА

I. СХОЛАСТИКИ И БЕЛЛЕТРИСТЫ

Преподавание реторики и пиитики обыкновенно страдает всеми недостатками поверхностного реализма. Учителей словесности в этом

* Боязнь „системы“ требует возражения. Если система правильна, ясна, четка, стройна, то совершенно не нужно ждать, когда „возбудится“ в учащихся „внутренняя потребность системы“: ее должно показать с первого года обучения, что по существу и делает Ф. И. Буслаев. *Ред.*

** Здесь мы видим некоторое увлечение гейристическим методом. Ученики не должны вводиться в заблуждение, что они могут на своем ограниченном материале „открывать“ научные истины.

Метод беседы не есть метод „открытий“. Это лишь метод постепенного расчлененного вопросами учителя раскрытия перед детьми нового понятия и явления. *Ред.*

отношении можно разделить на три статьи: одни простодушно проходят с своими учениками, строка в строку, схоластические учебники; другие, вкусившие в университете плод философского познания, берутся за эстетику и философию словесности; третьи, не имея призвания философствовать, передают ученикам множество фактов из истории всеобщей словесности по университетским тетрадам, по Вильменю, Сисмонди и т. п. Опытный и рассудительный учитель, к какому бы отделу из этих трех ни принадлежал, часто приносит большую пользу, только не теориею, а практическими занятиями, чтением образцовых писателей и письменными упражнениями. Что же касается до этих трех родов теоретического преподавания, то, при беглом взгляде на них, увидим, как они недостаточны.

1. Толкователь устарелых реторик, не мудрствуя лукаво, приносит пользы более, нежели учитель эстетической или исторической школы. Схоластическая реторика знакомит учеников по крайней мере с терминами и старинным учением, которое, без сомнения, нужно знать всякому образованному человеку хоть до тех пор, пока, в шутку ли, серьезно ли, будут говорить и писать о хриях,* источниках изобретения и т. п. Учитель даже принесет пользу, если эту старобытную теорию пройдет при чтении писателя. Но величайшее затруднение в том, как согласить это отжившее учение с современным состоянием знания? Всякий учитель, сколь ни равнодушный к преподаванию, верно, не раз посмеется с своими учениками над старинными приемами схоластических риториков, заимствуя свои аргументы по крайней мере хоть из какого-нибудь ежемесячного издания. Неужели учитель употребит год или даже два на такую реторику, которую потом профессор университета уничтожит и докажет слушателям, что они учились пустякам? След., как же согласить совесть учителя с преподаванием того, во что он не верит, как в отжившее и давно падшее? Как сберечь время на более полезное, удержав из прежней реторики все нужное?

2. Учителя эстетической или философской школы еще опрометчивее. Не дав ученикам заучить хорошенько ни хрий, ни общих мест, они уже смеются над этою стариною, как профессор с кафедры. Свой курс располагают они по идеям истины, добра и изящества, покушаются на разделение искусств и т. д. Некоторые учителя охотники толковать гимназистам об Аполлоне Бельведерском, Геркулесе Фарнезском и даже Венере Медицейской. Конечно, не вина учителей гимназии, что они рассуждают о том, о чем не имеют ясного понятия: для эстетики нужны музеи и галереи. Может ли она быть введена в русское образование — это другой вопрос, но зачем же гимназистов учить тому, что еще не привилось и к университетам по своей трудности? Восторженные же возгласы учителей об Лаокооне не только нелепы и смешны, но даже и вредны для детей, ибо приучают их к поддельному восторгу и фальшивым ощущениям. Многие учителя, по справедливости недовольные старинными учебниками, берут в руководство университетские лекции о теории словесности. Ошибка очевидна: что назначено для

* Хрия — система формальных правил для развития темы, попытка создать стандартный план любого сочинения; термин устарел — как и мысль — о таком едином плане на все случаи. Старые учебники реторики этот термин употребляют в руководствах для сочинений. *Ред.*

университета, то не годится для гимназии; и учителя гимназии унижают тем глубокомысленные труды профессоров, вколачивая их в голову гимназистам почти выучкой наизусть. Студенты словесного отделения читали уже Гомера, Виргилия, может быть, даже Данте и Ариоста; для них, разумеется, понятна университетская теория эпоса. Как же гимназистам растолковать оную во всем объеме, начиная от греческого эпоса до романа, когда они еще ни одной эпопеи не прочли сполна? Еще несообразнее определять в гимназии так называемое философское красноречие, ибо учителя сами, не участь философии в университете или участь кое-как, не в силах уяснить себе этого предмета положительно. Притом же в теории словесности очень много несостоятельного и ни на чем неоснованного; часто случается читать и слушать журнальные споры о том, поэма ли, или роман, ода или элегия такое-то произведение? Вообще, строгое систематическое определение родов и видов поэзии в гимназии невозможно. Категории эпического, лирического и драматического, извлекаясь из общей идеи изящного в искусстве, проходят по всем родам оногo — и по скульптуре, и живописи, и поэзии. Чтоб объяснить, напр., эпическое, надобно взять в соображение и фронтоны египетские, и ельгинские антики, и скульптурные идеалы богов греческих, и „Страшный суд“ Микель-Анджело, и пр., и пр. Для определения изящного, надобно показать значение идеи и, след., переселиться в самую отвлеченную и возвышенную часть философии. Но в гимназии все это неисполнимо, как бы следовало, то нечего и упоминать ученикам, как не следует и кое-как, о том, в чем часто и учитель не отдает себе ясного отчета. Надобно же, однако, знать поступающим в университет роды и виды словесных произведений; как же исполнить неисполнимое? Где прямой и естественный путь к этому знанию?

3. Едва ли не столько же ошибаются учителя историки, заменяющие философскую систему рассказами о жизни и содержании сочинений различных писателей всех времен и народов. Удивительно, как достаёт смелости и совести у тех, кто по чужим толкам восхищается, судит и осуждает таких писателей, коих не только никогда не читал в подлиннике, но, может быть, никогда и не прочтет за незнанием языков. А многие наставники словесности любят помечтать с своими учениками о Рамаяне и Магабгарате, о Нибелунгах и романах Сида, не видав и в глаза ни одного из сих произведений. Пусть люди образованные, но не филологи по ремеслу толкуют и пишут о чем хотят, хватая знания из седьмых рук; учителю следует быть скромнее и добросовестнее. Одно уж то вредно и смешно в классе, когда учитель, рассказывая содержание какого-нибудь произведения, сочиненного на неизвестном ему языке, перековеркает собственные имена, что почти неизбежно при незнании языка подлинника. Еще смешнее, когда учитель, не читавший в оригинале, напр., хоть Шекспира, станет с учениками восхищаться глубокими мыслями его драм в переводе, ибо во всей глубине и точности передать отдельные красоты гениального сочинения невозможно. А случается и то, что учитель с учениками восхищается ошибками переводчика. Из истории литературы можно останавливаться на подробностях только при таком произведении, которое не только учитель изучил добросовестно, но и сами ученики прочли; такое учение будет

иметь смысл и цену. Конечно, многие учителя на различных языках изучали некоторых классиков, но они не должны рассказывать содержания оных ученикам — во-первых, уж потому, чтобы не дать им повода к поверхностным и легким толкам о том, чего они не знают основательно; во-вторых, чтобы или слишком подробным или некрасноречивым и неискusstным рассказом не опозилить произведения и не отнять у учеников охоты прочесть оное когда-нибудь в подлиннике. Если кому хочется насладиться красотами Данте или Сервантеса, пусть тот купит свое наслаждение трудом, изучив их в оригинале. Тунеядцы в науке нетерпимы, и учителя сами не должны расплoжить их. Неуместное и преждевременное пользование чем-нибудь не есть довольство, а порочная роскошь. Если уже необходимо, чтобы учитель гимназии познакомил учеников с иностранными писателями, то пусть ограничится самою голою номенклатурою собственных имен и оглавлений сочинений и сочинителей с самыми краткими характеристиками, чтобы как-нибудь запечатлеть их в воображении и памяти учащихся без скуки и принуждения. Касательно же подробного изложения содержания произведений, думаю, что, кроме отечественных да классических греческих и римских, никакие другие писатели не имеют права быть подробно объясняемы в гимназии, ибо всякий учитель словесности обязан прочесть в подлиннике Гомера, Софокла или Горация. Основательное и добросовестное чтение Гомера и Виргилия, с подробным разбором, лучше всякой теории и истории литературы познакомит гимназистов с значением эпоса. Разбор греческой трагедии, прочтенной учениками в подлиннике, будет для них лучшею теориею драмы. Конечно, такое знание будет не полно; для эпоса, напр., необходимо бы познакомиться с поэмою Данте, но всякий ли профессор обладает достаточными к тому сведениями, чтобы решиться на этот подвиг добросовестно и сознательно? Для гимназии же такое всеобъемлющее произведение средних времен вовсе недоступно, ибо предполагает самое подробное знание европейской истории XII, XIII и XIV вв. Произведения других писателей, как напр., Боккачио, Петрарки, Ариоста, Тасса и т. п., не могут в гимназии трактоваться в подробности потому, что учитель верно не захочет быть орудием соблазна для своих питомцев; дети еще не умеют господствовать над страстями; художественное произведение измеряют они не эстетическим чувством, а совокупным нравственным действием на всю душу. Лучшие эпизоды в „Освобожденном Иерусалиме“ — об Ерминии, Армиде и т. п. — вовсе недоступны им в своей эстетической чистоте, отрешенные от всякого интереса низкого желания.

Итак, *non multa, sed multum*, вмале учить многому, а не во многом малому. Для гимназистов строгая система эстетики невозможна; довольно, если сумеют они отличить эпос от драмы, трагедию от комедии, оду от элегии. А для этого очень, очень достаточно будет и тех материалов, которые заготовят гимназистам история русской литературы и учителя древних языков подробным изучением классиков.*

* В отношении недопустимости переводной литературы для учителя и ученика мы не можем быть столь ригористичны. Ознакомить школьника с лучшими произведениями мировой литературы необходимо. Можно лишь признать правильным

2. ФИЛОЛОГИ

Опыт всего важнее в педагогике; вот исповедь одного глубокомысленного немецкого учителя словесности в том, как он преподавал пиитику и ретику.*

С 1829 и 1830 г. теория словесности опять принята была в число учебных предметов в баварских гимназиях. До той же поры почти по всей Германии была она заподозрена, причиною этому схоластическая форма сей науки, особенно учение о тропах и фигурах, и педантское применение их к чтению и письменным упражнениям. Отвращение от сей науки мало-помалу дошло до такого предрассудка, что вся реторика казалась наукой устарелюю, сборищем пустых формул; саморазвитие и воспитание природного чувства к изящному почиталось полезнее всякой теории; древние правила изящного и постоянное указание на подражание древним образцам считались ярмом дарованию. Но общее сознание, за несколько лет пред сим, нашло необходимым опять восстановить падшую науку. Тогда я взял на себя преподавание этого предмета. И реторике и пиитике учил я постоянно по правилам древних и сколько возможно теснее примыкал свой предмет к гуманистическому учению, старательно избегая того, чтобы не дать своим ученикам характера реальных школ. Мой курс располагался на три года, по два часа в неделю, ученикам от 14-летнего возраста до 21 года. Первый год посвящался пиитике, второй реторике, третий стилистике. Так как все три класса соединялись вместе, то каждому приходилось начинать курс не одним и тем же предметом. Пиитика начиналась элементарной метрикою, ограничивавшеюся изложением употребительнейших метров: пределом полагался метр трагического хора. С теоретическим учением соединялось практическое упражнение в древней версификации. Вместо систематического изложения пиитики предлагал я историю поэзии, так что все отвлеченное об эпосе или трагедии излагалось конкретно в разборах Гомера, Софокла или Шиллера. Отрывочное и афористическое преподавание этого предмета самое полезнейшее для юношеского возраста. И в истории литературы не требуется полноты. Из александрийского периода, напр. (за исключением буколических поэтов), заучивались немногие имена с краткими замечаниями. Гимназисту нет бесславия, если он еще не знает Оппиана или Никандра. О древней немецкой поэзии, напр., о Нибелунгах, равномерно и о поэзии всех новых народов, говорилось столько, сколько нужно было для того, чтобы возбудить в учениках охоту к изучению ее в свободные часы, на досуге домашнем. Я никак не мог решиться на то, чтобы когда-нибудь почесть необходимою задачею школы чтение Нибелунгов или еще менее чтение шиллеровой или гётевой трагедии. И тем сильнее удивлялся я апатии такого юноши, который, для чтения шиллерова „Вильгельма Телля“, дожидался бы побуждения со стороны школы. Преподавание реторики требует иного начала. Гимназия должна образовывать своего питомца оратором, т. е. прозаиком, а не поэтом. Даже ученика, одаренного решительным поэтическим талантом, благоразумный

указание на неуместность изучать язык этих переводов. Идейное содержание, художественность образов и структура произведения, хотя и не точно, но передаются переводом. *Ред.*

* L. Döderlein, *Reden und Aufsätze*, 1843, стр. 281.

учитель старательно удерживает на приобретении твердого навыка в хорошей прозе и даже скорее препятствует излианию его поэтического духа, нежели возбуждает: природа возьмет свое. Итак, задача учителя в том, чтобы учащиеся умели прозу *воспроизводить* сами, а поэзию *понимать*, наслаждаться и ценить ее. Поэтому в риторике более, нежели в пиитике, отделяю я теорию от истории. Разбираю важнейших, т. е. классических историков, философов и ораторов, преимущественно древних, и обращаю внимание более на их сочинения, нежели на жизнь, и притом не на все их сочинения, а на те, которые занимательнее и полезнее возрасту моих учеников и которые я сам лучше знаю и более люблю. Ибо сколь заслуживает порицания учитель, сообщаящий в классе свои *личные мнения*, столько приносит пользы тот, кем движет *личное чувство*, выступающее из-за предмета преподаваемого; пусть будет оно и односторонне — только чтобы не было затейливо, вычурно и нелепо. Отдел о философии начинаю обзором области философии, т. е. исчислением главных философских наук с кратким объяснением. История философии проходит столько, сколько нужно для философских намеков у Цицерона. Из новых философов привожу только таких, кои, кроме своей системы, имеют и литературное достоинство. Потом излагаю первоначальные элементы логики, ограничиваясь тремя частями чистой логики, дающими материал для умственных и практических упражнений. И. Г. Фосс возложил на мою совесть обязанность, чтобы я учил своих учеников составлять правильные силлогизмы. От обзора знаменитых ораторов перехожу к остальным частям теории, объясняя описания, послания и т. п. Изобретение прохожу весьма кратко. Расположение же давало повод к полезным практическим занятиям. Не забывал я и старомодной хрии. Особенно полезно было для учеников извлекать расположение из разобранных речей. Стилистика занимает целый год. Начинаю грамматикой, с законов общего языковедения, не углубляясь слишком в философию языка. Вместе с Гриммом, я признаю себя решительным противником систематической грамматики отечественного языка, как необходимого предмета в школах. Сравнительный синтаксис, как мне кажется, слишком мало распространен в гимназиях. Учение о грамматической, логической и риторической правильности слога состоит в моем преподавании более из примеров, чем из правил. Тропы и фигуры — разумеется, несравненно в меньшем числе, нежели у древних — предлагают самый удобный случай к упражнению учеников в строгом разграничении и определении понятий. Отличием трех родов слога, в противоположность безыскусственной речи, оканчивается курс*.

Читатели заметили, вероятно, в Дёдерлейне истого гуманиста, но умеренного и скромного. Всякое положение его проникнуто здравым смыслом и скреплено опытом. Ни один урок при такой методе не пропадает для учеников даром. Только замечу, что эта теория пиитики и ретирики, неизменно служа древним классикам, слишком чуждается истории отечественной литературы. Притом хотя Дёдерлейн прекрасно отделяет пиитику от ретирики в педагогическом отношении, однако не проводит постоянного соответствия между теорией и практическими упражнениями, без коих реторика и стилистика и бессмысленны, и мертвы.

3. ЛИНГВИСТЫ И ФИЛОСОФЫ

Успехи филологии и лингвистики, подвинув вперед грамматику, предлагают множество новых материалов для стилистики, которая, как руководство к практике и как наука, должна органически примкнуться к грамматике; у Дедерлейна от грамматики к стилистике скачок. Разумеется, такая наука еще в будущем. Посмотрим, по крайней мере, как мечтают о ней в наше время.

Вот план ученой реторики, составленный Кригером, ректором гимназии в Эмдене.*

Введение объясняет отношение реторики к предыдущему и последующему. Показывается, как идея и язык вовсе не составляют того нераздельного единства, какое представляют они с первого взгляда. Возможность лжи и разнообразие в выражении одной и той же мысли различными народами и людьми возбуждают подозрение в том, чтобы сие единство было первобытное. Таким образом положится различие между мыслию и словом. Бессловная мысль может и предшествовать слову и последовать за ним. Даже у великих писателей (Гегеля, Гёте, Шекспира) остается позади слова бесконечное множество мыслей, коих они или не хотели или не могли выразить, след., произвол есть начало словесному творчеству. Здесь исходная точка к первой части, рассуждающей об идее языка; дальнейшее развитие этой части составляет содержание второй об особенных формах языка; затем следует третья часть об отдельных родах и видах слова, речи и словесных произведений. Первая часть об идее языка, в трех отделах, рассматривает объективное, чувственное выражение языка; субъективное, т. е. мысль и ее отношение к слову и, наконец, единство того и другого в речи. В первом отделе рассматривается звук сам по себе, и из сравнения звуков зверя и начинающегося языка детей определяется символика языка (вопрос о начале языка: природа или изобретение? Платонов „Кратилос“, Гумбольдта „Введение в грамматику языка Кави“, Гегель). Для определения объективной характеристики звука в гласных, согласных и в образовании слов, при сравнительной этимологии показать противоположные крайности — междометия и логическое изменение слов в склонении и спряжении. Второй отдел, о мысли, имеет предметом общие места. Этот отдел подразделяется на три: во-первых, loci ideales: ** утверждение, отрицание, отношение, соответствующие трем логическим категориям — быть, не быть и стать; *** во-вторых, loci reales: **** сочинение (coordinatio), подчинение, переход; в-третьих, loci grammatici или syntactici: ***** подлежащее, сказуемое, предложение; последнее чрез сложное предложение развивается до периода. В общих местах, имеющих целью найти содержание определенной форме речи, обозначается противоположность между содержанием и выражением; сюда идут в расчет ложь, двусмыслие, невыразимое. Потребность сообщать мысль будет переходом к третьему

* Pädagogische Revue, herausg. von Dr. Mager, 1843, № 1, стр. 29.

** положения идейные. *Ред.*

*** Так как существительным нельзя перевести гегелево Werden, то и остальные два момента перевожу неокончательным наклонением, соответствующим, как известно, имени существительному.

**** положения вещественные. *Ред.*

***** положения грамматические и синтаксические. *Ред.*

отделу, о связи звука с идеею. Сообщение мысли постепенно восходит от телодвижений до звуков, как выражения более родственного мысли. Переходя от второго к третьему отделу, можно указать на пресловутое изречение: *le style c'est l'homme*;* или здесь вовсе не взята в расчет ложь, и потому мысль остается ограниченная, полуверная; или говорится вообще о том, что внутреннее выражается внешним: тогда положение это ничтожно, излишне, ибо точно так же можно сказать *le rire, l'écriture, la danse, le travail, la joie etc. c'est l'homme*** — потому что в каждом из сих действий отсвечивается все внутреннее бытие человека; в этом отношении и слово будет выражением отдельной части общего, хотя и самое высшее выражение. Переход от первой части ко второй образует общая всем людям потребность к взаимному выражению в формах вопроса, ответа, доказательства, в формах, кои определяются в общей части топики. Вторая часть об особых формах языка граничит с личным слогом, свободным выражением индивидуума. Делится на три отдела. Первый отдел об общечеловеческом, что принадлежит всем языкам, согласно развиваясь исторически и логически. Изменения (флексия) слов, как первобытные и общие всем языкам, части речи. Общим сравнительным синтаксисом будет переход ко второму отделу, об идиомах различных народов. Идиом есть граница свободе языка, ограничение общечеловеческого в отдельных языках. Задача этого отдела показать особые явления языков в главных типах — восточном, эллинском и германском. Ориентализм более указывает словом, нежели высказывает (символика, благоговейная вера в слово, как в нечто таинственное); эллинизм наиболее совокупляет идею и слово; германизм, в противоположность ориентализму, сознанием возвышается над словом, отчего пропадает внешнее, чувственное разнообразие первоначальных флексий. Третий отдел — об индивидуальном слогом, в коем соединяется, для единой цели, общечеловеческое, с особенностью того или другого языка. Во-первых, простой слог (по Квинтилиану¹³, *genus tepere*; непосредственное единство содержания и формы); во-вторых, противоположность между принуждением и свободой с одной стороны — фразеология, пословицы, поговорки, и пр., а с другой стороны — произвол, оригинальность писателя; в-третьих, образцовый классический слог. Примеры последнему слогу выбирать с осторожностью и притом более из греческих авторов, чем из латинских и немецких, между коими, кроме Цицерона, Лютера и Гёте, весьма немногие обладают слогом вполне классическим. Третья часть — система отдельных словесных произведений. Первый отдел указывает на три степени речи: первая, природная или народная (*avant la lettre*! опущение этой речи до сих пор составляет чувствительный недостаток во всех реториках); вторая, умствующая и рассуждающая (*verständig reflectierte*): она освобождает себя письменами от первобытного единства; третья, свободноразумная (*vernünftige Sprache*) сознательно восстанавливает это первоначальное единство. Второй отдел разделяет содержание на объективное, субъективное и абсолютное. Каждое из этих содержаний находится в каждой из трех степеней речи (первого отдела): первая, природная, степень бывает рассказом, наблюдением и раз-

* стиль — это человек. *Ред.*

** смех, письмо, танец, труд, веселье и т. д. — это человек. *Ред.*

говором; вторая — история, рассуждение, речь; третья — эпос, лирика, драма. В системе поэзия стоит выше прозы, потому что искусственно изящный язык есть совершеннейший. Последний отдел развивает понятие о слоге в тесном смысле (*elocutio*) на основании грамматической топике, по качеству, количеству и отношению. Во-первых, качество слова определяется понятием о *κυριολεξία** (*proprietas* с подразделением об архаизме, неологизме, пуризм), об *ἀλλολεξία*** (*γλωτται*,*** синонимы, омонимы и пр.), о тропе. Кстати опровергнуть здесь странный предрассудок, будто некоторые языки (то греческий, то английский, то французский) так отличают речь прозаическую от народной и стихотворной, что одно слово принадлежит одной речи, другое другой. Во-вторых, количество слова отличает речь совершенную от эллипсиса и плеоназма. Под плеоназмом разумеются повторения, перемены слова при неизменности смысла, грамматический избыток. Особенно неопределенно понимается первый вид плеоназма, повторение: что может повторяться, как (грамматически, логически, риторически), когда, и в какой мере, и в каких границах. Та же неопределенность и в понятии об эллипсисе в форме патетической речи (в противоположность речи этической, непосредственной, бесстрастной). Наконец, качество и количество соединяются в отношении слова по ладу (*πασή Τον*) и постановке. Этот отдел подразделяется на статьи: о простом (логическом или грамматическом) ладе, об эмфазисе,**** или эмфатическом ладе (по Беккеру, риторическом), о рифме (*rhythmus*), как соединении логического и эмфатического лада. Наука об элементарном или прозаическом рифме являет еще обширное поле для обработки*.

В этом плане реторики надобно отличать две стихии: философскую, по Гегелю, и лингвистическую как результат трудов Гримма, Гумбольдта, Беккера и др. Вся система лежит на логике Гегеля и потому без внутренней самобытной основы распадается противоречиями и не имеет самостоятельной цены; стремление же соплотить филологическое учение, общую грамматику, стилистику воедино заслуживает внимания учителей. Действительно, только со стороны грамматики, теории и истории языка и можно ожидать воскресения падшей реторики. Только филология и лингвистика дадут непреложные начала теории словесности и защитят ее от пошлой болтовни беллетристов. План Кригера не противоречит курсу Дёдерлейна, будучи пополнением и объяснением стилистики. Известные мне немецкие реторики все примыкают или к философской школе, или филологической, или беллетристической. Реторика Гоффманна***** есть самое отвлеченное гегелианское толкование об изобретении, расположении и выражении. Реторика Ринне***** сначала предлагает учение о слове (лексикон, синонимы, архаизмы и пр.), потом о предложении и периоде, преимущественно по Беккеру; наконец, о слоге и целом сочинении, причем подробно исследуется гейристика

* кириолексия — собственное значение. *Ред.*

** аллолексия — иносказание. *Ред.*

*** глоссы, диалектизмы. *Ред.*

**** Сила выражения, придающая речи эмоциональность: восклицания, риторические вопросы, обращения, повторения и т. п. *Ред.*

***** *Philosophie der Rede*, 1841.

***** *Die Lehre vom deutschen Styl*, 1837.

(изобретение), тематика, экономика или расположение и пр., с весьма забавными правилами, как, напр., выставлять заглавия сочинениям, как читанное записывать в памятные книжки, как соображать сочинение, уединившись в кабинете или в прогулке на вольном воздухе и т. п. Даровитее их обоих Теодор Мундт* трактует науку, как беллетрист, что даже видно из самого заглавного листа: *ästhetisch, literargeschichtlich, gesellschaftlich*.** Впрочем сила лингвистики столь могущественна, что и Мундт иногда находится под наитием учения Гримма, Гумбольдта и других. Только отчаянные философствующие головы еще осмеливаются, подобно Гоффманну, отрешить реторику от грамматики. Кригер в своем плане совокупил направление философское с лингвистическим. Можно опровергнуть порядок содержания его реторики, односторонний способ воззрения, под наитием Гегеля, но самые факты, вносимые им в реторику, должны быть действительно удержаны. Так, напр., деление речи на народную, бессознательную и разумную, натяжкой примененное Кригером к красноречию и поэзии и подведенное под гегелевы рубрики непосредственного, умного и разумного, может занять важное место в стилистике, но только с другой точки зрения — т. е. как речь народная в песнях, сказках, пословицах, речь письменная, неустроенная и бессознательная в древних памятниках, и, наконец, речь разумная, сознательно по науке обработанная от времен Ломоносова.

4. ПРАКТИКА

Сверх того, реторики, подобные кригеровой, мундтовой, ринне, гоффманновой, недостаточны потому, что ограничиваются одной теорией без постоянного применения к практике. В этом отношении стилистики, напр., латинская Ганда,*** имеют большее преимущество, непрестанно служа руководством письменному упражнению учеников. Немецкая стилистика Герлинга,**** за исключением синтаксических правил, малым отличается от старинных реторик, однако, как сборник реторических мнений может с пользою быть под рукою учителя. Реторика же как руководство к практике до сих пор составляет педагогическую задачу. Нельзя вполне согласиться с планом реторики Герлинга, ибо применительная часть оной отделена от теоретической; надобно, чтобы она органически входила в нее. Теория словесности в гимназии только тогда возможна и необходима, когда служит непрестанным руководством практике.

Потому-то и почитаю методу Гикке***** самую лучшею, ибо она исходит от практики и тотчас ведет к ней же. Чтение писателя, по Гикке, есть исходная точка учению словесности; теория и история не только примыкают к нему, но и извлекаются, как из своего источника, ибо наука словесности предполагает знание писателей. След., самой природой указывается путь преподаванию; как у всех народов теория словесности составлялась вследствие изучения образцов, так и каждый

* Die Kunst der deutschen Prosa, 1-е издание, 1837, 2-е дополненное, 1843.

** эстетический, историко-литературный, общественный. *Ред.*

*** Hand, Lehrbuch des lateinischen Styls, 2-е издание, 1839.

**** Theoretisch-praktisches Lehrbuch der Stylistik, 2 части, 1837.

***** Der deutsche Unterricht auf deutschen Gymnasien, 1842.

ученик должен вступить в теорию через самостоятельное чтение. Всякая теоретическая мысль, высказанная преждевременно, связывает ученика и лишает его свободного сознания, получая вид предрассудка. Определение поэзии, драмы, лирики, которое учитель дает ученику, прежде нежели прочтет с ним какую-нибудь драму или оду, сковывает его фантазию и мутит чувство изящного. След., теоретическое учение должно быть результатом чтения. Тот же самый классический писатель служит и материалом для письменных упражнений учеников: по мере чтения готовится запас для теории и дается вещество для собственных сочинений. В продолжение долгого времени ученики набирают отрывочные сведения, не имеющие между собой систематической связи. Дело учителя давать этим сведениям верное определение и показывать их отношение к другим соответственным; поле науки таким образом мало-помалу наполняется; сведения нарастают и смыкаются одно с другим, подводясь под общую мысль, и наконец, знания ученика умножаются до того, что могут быть приведены в систему науки. Из ретирики ученики должны извлечь не только знания, но и умение. Теория должна быть оправданием практики, уразумением умения. А так как в поэзии ученики должны более ограничиться разумением, потому красноречие в гимназии должно брать верх над пиитикою; сверх того, так как внешнее выражение, слог, по преимуществу требует упражнения практического, потому в реторике преимущественно следует обращать внимание учащихся на стилистику. Мы не можем заставить гимназиста писать философские сочинения, историю, проповедь, но должны упражнять его в слоге историческом, ораторском и т. д. След., главнейшею частью ретирики в гимназии должна быть та, которая всего ближе применяется к письменным упражнениям учеников. Только таким образом мы ограничим и определим, что и сколько должно проходить гимназистам из теории и истории словесности, и решительно отделим преподавание гимназическое от университетского. Теория словесности, с одной стороны, совпадает, таким образом, с руководством к практическим занятиям, а с другой стороны, удерживает характер филологический и лингвистический, при-
мыкаясь к грамматике.

5. ПЕДАГОГИ-СИСТЕМАТИКИ

Не знаю, можно ли и скоро ли можно у нас такую методу соединить с систематическим преподаванием самой науки; по крайней мере, для соображения, предлагаю магеров план систематического обозрения курса словесности, в связи с методом преподавания.*

А. Теоретическое образование.

АА. Положительная часть (*philomatische Bildung*).

I. Обучение языку и литературе.

1. Язык:

- а) Грамматика.
- б) Ономатика.
- в) Техника: умение.

* *Die modernen Humanitätstudien*, 1843, тетрадь 2-я, 30—31.

2. Литература:

- а) Содержание ее посредством чтения.
- б) Знание литературы:
 - а) История литературы.
 - б) Теория литературы (поэтика и прозаика).
 - в) Критика.

II. Историческое обучение: знакомить ученика с народом, частью из самого языка, частью из чтения.

III. Реальное обучение: избранное чтение дает обширный запас сведений для наук физических и нравственных.

ББ. Философское образование: изучением языка мышление приобретает силу и ловкость.

ВВ. Филологическое образование: чтение образцов с применением к изустным и письменным упражнениям в слоге.

Б. Практическое образование: чтение должно избираться такое, которое образовало бы в учащемся благородный образ мыслей, волю и нрав.

В этом плане со многим можно не согласиться, но попытка разумно совокупить систему науки с методом преподавания заслуживает полного внимания. К объяснению этого плана не мешает показать, как разумеет Магер положительную часть в словесности.* „Поэтику, как положительную науку (не как философскую, или часть философии искусства) разделил бы я на три части, из коих первая, *абстрактная*, содержала бы в себе учение о свойствах поэзии, ее родах и о поэте. Нынешние учебники (за исключением аристотелева отрывка) содержат только одно это. Вторая часть, которую я назвал бы *историческою* и которую можно назвать также и диалектическою, показала бы, как основные начала, изложенные в первой части, в течение столетий у различных народов различно проявлялись; в этой второй части должны занять место: 1) история, 2) характеристика и 3) критика лучших произведений всех времен и народов; здесь покажется движение и развитие поэтического идеала. Третья часть, которую назвал бы я *постулятивною*, должна основываться на двух предыдущих; результат их обеих, поэтика *современная* и притом *немецкая* в Германии, *французская* во Франции и т. д.; техника и руководство для поэтических дарований, желающих образоваться“. Такая наука вовсе не годится для гимназии. Даже едва ли она годна и в другом месте, ибо науки для образования поэта и нет, и быть не может: *poetae nascuntur*.** Что же касается до поэтики и прозаики немецкой, французской или русской, то действительно такие быть могут, ибо у одного народа преобладает тот или другой род словесных произведений, у другого другой; напр., в Италии есть поэма и нет трагедии, в Испании роман и драма, во Франции особый род песни и т. д.

* Pädagogische Revue, 1842, ч. 4-я, стр. 301—302.

** поэты рождаются. *Ред.*

ЧТЕНИЕ

Итак, лучшее и вернейшее, что можем извлечь из различных педагогических мнений о преподавании словесности в гимназиях, есть то, что надобно читать писателей. Чтение есть основа теоретическому знанию и практическому умению и практическим упражнениям.

Некоторые педагоги дают своим ученикам слишком многое и разнообразное чтение. Другие чтение отечественных писателей слишком ограничивают, почитая оное делом посторонним для школы. К первым принадлежат и Гикке с Магером. Хотя я не держусь ни того, ни другого мнения, однако, более согласен с последним, не потому, чтобы почитал его справедливым безотносительно, но потому, что нахожу его полезным применительно к русской словесности. Разумеется, можно читать многое и разнообразное с учениками английских, итальянских или французских школ, у них богата литература. На русском же языке так немного гениального и классического, что учителю, читающему с своими учениками многое и разнообразное по-русски, будет стыдно перед учителями древних и новых языков.* В классе греческой и римской словесности гимназисты читают Геродота, Virгилия, Цицерона и сейчас затем в классе русской словесности разбирают и учат наизусть стишки какого-нибудь дюжинного русского стихотворца или отрывочек из легонькой и ничтожной повести. Что за безалаберный хаос будет в голове учеников, когда перетасуются в ней эти доморощенные образцы с чтением классиков! Если же учитель русской словесности, читая с гимназистами всякую пустошь, объясняет им, что вся она ничтожна в сравнении с теми писателями, каких изучают они у греческого и латинского учителя, то зачем и убивать дорогое школьное время на пустяки? Две причины могут быть для чтения посредственных, дюжинных писателей: или изучение языка во всем его разнообразии, или знакомство с внутренним содержанием произведений. Но слог посредственных писателей не выступает из колен подражания образцу: так все наши новые поэты пишут стихом Пушкина, но содержание дюжинных произведений вовсе не наставительно, и бесцветно, и вяло. Разумеется, все это говорится в отношении к школе, след., этим не порицается наша современная литература сама по себе, она предлагает очень много занятного для человека досужего, но досуг не указ школе. Пристрастие и личность навсегда должны быть изгнаны из школьного чтения. Потому-то нет ничего несообразнее, как знакомить детей в гимназии с новейшими современными произведениями, место которым еще не обозначено в истории русской литературы. Что предлагает русская современность для гимназического чтения? Журнальные новости и стишки. Но журналы наши ведут постоянную войну, след., учителю придется или причалить свои убеждения к какому-нибудь одному журналу и сквозь его критику смотреть на все остальное, или из каждого журнала брать понемножку в угоду всему пишущему миру. Первое выказывает человека слабого, несамостоятельного, вто-

* Здесь у Ф. И. Буслаева сказывается недооценка русской классической литературы и чрезмерное увлечение классической древностью и европейской культурой. В нашей школе чтение богатой русской литературы имеет большое воспитательное значение. *Ред.*

рое — лукавого или равнодушного, а равнодушие есть самая плохая посредственность. Не беда, что ошибается журнал, ибо его влияние на публику временное, минутное; как пишутся его статьи наскоро (в чем никто не усумнится, ибо журналисту из месяца в месяц надобно готовить статью), так и читаются, для приятного препровождения времени. Детей мы учим на целую жизнь их, след., не можем давать им заучивать то, что издается на время, на один месяц. Если же что попадет в журнал живучее, то не умрет со следующим номером, а как раз верно всплывет наверх, тогда воспользуются и гимназии. Столь же опасно полагаться и на сочинения современных знаменитостей, ибо известно, что наша словесность разделяется теперь на множество партий, из коих каждая рекомендует свою собственную знаменитость, с различными ее окружающими спутниками. Если примирить всех, придется и читать всех. Тогда не останется времени и на дело. Если же ограничиться мнениями одной партии, будешь пристрастен и односторонен. Опыт уже показал, как современные классики обманчивы, кто посредственным и даже слабым не назовет половины так названных некогда образцовых сочинений? Многие учителя не вверяются новым знаменитостям, по справедливости будучи напуганы словами Пушкина: * „Наши поэты не могут жаловаться на излишнюю строгость критиков и публики: напротив. Едва заметили в молодом писателе навык к стихосложению, знание языка и средств оно, уже тотчас спешат приветствовать его титлом гения за сладкие стишки, нежно благодарят его в журналах от имени человечества. Неверный перевод, бледное подражание сравниваем без церемонии с бессмертными произведениями Гёте и Байрона, добродушие смешное, но безвредное!“ Всякий век ошибался, почему же мы правее предшественников в своем личном вкусе? Не будут ли и над нами смеяться наши ученики, если мы будем хвалить им то, что нравится нам теперь именно потому, может быть, что мы еще не столь образованы, как должны быть наши ученики и все следующее за нами поколение! Но скажут: надобно следить за веком, не отставать от современности. Но ведь современность выражается не в стихах да легкой прозе. Понятно всякому, как полезно и необходимо следить за своим веком в глубоких филологических соображениях Гримма и Гумбольдта, в исторических исследованиях Тьери и Раумера, но эта ли современность выражается в нашей беллетристике? Поэзии нет дела до наук — скажут: надобно следить за современным развитием поэзии — продолжаю словами Пушкина: ** „ибо наш век и Россия идут вперед, а стихотворец остается на прежнем месте. Решение несправедливое (т. е. в его заключении). Век может себе идти вперед, и науки, философия и гражданственность могут усовершенствоваться и изменяться, но поэзия остается на одном месте, цель ее одна, средства те же. Поэтическое произведение может быть слабо, неудачно, ошибочно — виновато уж верно дарование стихотворца, а не век, ушедший от него вперед“.

Да и некогда гимназистам следить за современною литературою, им еще надобно познакомиться с писателями прежними. Если они не прочтут Ломоносова или Державина в школе, то, вероятно, и никогда

* Сочинения Пушкина, XI, 236.

** Сочинения Пушкина, XI, 234.

в жизнь свою не прочтут их. А современное всегда будут читать от нечего делать, как вырастут. Потому, преимущественное внимание учеников должно быть обращено на сочинения старинные. След., чтение должно быть запасом истории литературы. Не надобно слишком заботиться об образцах для родов и видов поэзии и с этой целью выбирать чтение из русских писателей, даже классических, каковы Жуковский, Пушкин. Значение поэмы или трагедии лучше всего извлекут ученики из чтения Гомера и Софокла в классе греческом; оду узнают от латинского учителя на чтении Горация и т. д. Вся задача гимназической теории словесности состоит в том, чтобы ученики умели отличить в словесных произведениях один род от другого, философского же, эстетического определения передать невозможно, след., и теория драмы или поэмы в гимназии преподаваться не может. Потому, мне кажется, некоторые педагоги слишком много хлопочут над эстетическим разбором. Вот как, напр., Гикке читает писателей с учениками. В низших и средних классах небольшие поэтические рассказы: 1. Чтение. 2. Объяснение подробностей при вторичном чтении. 3. Содержание и ход: что рассказывается? 4. Размер, рифма, строфы и пр. 5. Главные части, отделы, акты. 6. Как рассказано? Способ представления, выражение, характеры. 7. Значение целого, извлечение главной мысли или основной темы. 8. (Для средних классов) сравнение нескольких стихотворений одного рода. В высших классах эпические и лирические произведения: а. Идеальный состав * (der ideelle Gehalt). б. Поэтическая форма: 1. пластический момент; 2. музыкальный момент; 3. основной лад произведения (der Grundton); 4. архитектурный момент. Примеры для сравнений: 1. Сравнение баллад и романсов Уланда по содержанию и обработке. 2. Сравнение шиллеровых баллад по идеальному составу, по характерам, течению пьесы и по расположению. 3. Сравнение стихотворений различных писателей по сходству основных тем. 4. Сравнение баллад и романсов Бюргера, Гёте, Шиллера и Уланда — не по их достоинству (чтобы не критиковать), но по материи и обработке. 5. Отношение этих баллад к первобытной форме грубого рассказа (т. е. сличение старинных и народных рассказов с художественными переделками оных).

Для чего столько хлопот? Образовать поэта, критика? Но такой задачи никогда не задавала и не задаст себе гимназия. Будущему поэту надоеет до крайности кропотливое толкование о том, что и без объяснений ему, как поэту, ясно. Для критика же чрезвычайно узко ограниченное поприще отечественной литературы. Притом будущие поэты и критики составляют исключение в общей массе учащихся, для чего же мы будем готовить в литераторы несколько поколений, которые все поступят в звание чиновников, в военную службу или останутся мирными гражданами, без всяких литературных претензий? Критика дело не легкое, и верно учителя сами откажутся от трудной обязанности воспитать журналиста. Зачем забираться далеко? Довольно и того, чтобы разобрать с учениками смысл писателя, склад речи, указать на основную мысль произведения, а главное, проследить логическую связь одного и внешнее выражение, преимущественно с грамматической точки зре-

* Автор имел в виду — идейное содержание. *Ред.*

ния. Сентиментальные возгласы пошлы, а рассуждение о красоте только искажает ее, заменяя живой образ отвлеченным предрассудком какой-нибудь философской системы. При нынешнем высоком значении филологии нечего бояться грамматики. Не одна правильность языка подлежит ее ведению, но и красота его. Ибо, как прекрасное лицо предполагает здоровье и цветущую силу, так и изящество предполагает правильность. И как изящный профиль греческий мы называем правильным, так и поистине изящное выражение изящно потому, что правильно. Оттого простую, безыскусственную речь древних произведений ставим обыкновенно в образец красоты, оттого меткое и точное выражение, схваченное из уст народа, возбуждает в нас чувство эстетическое, несмотря на то, что это выражение только правильно, ибо без всякой прикрасы передает мысль так, как она есть. Законное отправление органической жизни вместе и необходимо, и приятно: сон и утоление голода или жажды подкрепляют силы человека и вместе доставляют ему удовольствие. Так и речь, как органическое отправление, вместе сообщает мысль и нравится нам, если живо и здраво схватывает то, что хотим выразить. Благозвучие, одно из главных достоинств красоты словесной, основывается на сочетании звуков гласных и согласных, след., на грамматике; быстрота и живость — на кратких предложениях, эллипсисе, на употреблении видов глагола и т. п.; живописность действия на отличии свойств, выражаемых прилагательными и причастиями, от выражаемых глаголами и т. д. Тропы, составлявшие в реториках главу об украшении, ведут свое начало от словаря, ибо перенесение названий от одного понятия к другому есть необходимый путь исследованию лексикологическому. Все, что относится в словесном произведении к внешнему выражению, подлежит грамматике. Что же касается до внутреннего содержания, до истины, нравственности, изящества, то идет в особые науки — каковы философия, юриспруденция, история, эстетика и пр. Потому, чтобы не разбегаться во все стороны и не толковать обо всем, — след., о многом кое-как, лучше всего учитель должен строго определить себе ту точку зрения, с которой он может смотреть на писателя, не выходя из области своего предмета, а его область грамматика, в обширном смысле принимаемая. В ней, в периодах, в предложениях и т. п., учитель найдет и свою эстетику, и философию, и нравственность, и историю. „В предложении есть свои телодвижения, звуки, краски; оно может соединить в себе действия почти всех искусств, и преимущественно живописи, устраняя, впрочем, все намеренные эффекты оных. Простая постройка подлежащего с сказуемым являет глазам нашим совершенно живую фигуру, глагол приводит в движение ее поступь и одушевляет действием; придаточное предложение, определения и дополнения живописно группируют ее; полнота выражения одевает ее приличною драпировкою с прекрасными складками, и шествие ее — музыка, очарование рифма“.* Эстетический элемент заключается в языке необходимо, ибо мысль, переходя в слово, подлежит закону творческой фантазии, потому основательное объяснение писателя грамматическое будет вместе и эстетическое. Почитаю излишним распространяться о том, сколько в языке философии; укажу только

* Th. Mundt, Die Kunst d. deutschen Prosa, 1837, стр. 120, 121. [Здесь и в других местах следует читать „ритм“, а не „рифм“. *Ред.*]

несколько мест из Гегеля, где философ берет язык в помощь своим умствованиям: в „Энциклопедии“: * объяснение слов aliud—aliud стр. 183, aufheben стр. 191, мерять 214 и 215, Sein и Wesen 225, иметь 254, Urteil 326, правда и истина 334; в „Феноменологии духа“: ** здесь, теперь 73, auch 84, однако 85, свойство 86 и пр. Именно только филологическим объяснением писателя поставим мы себя в выгодный нейтралитет между гуманистами и реалистами. „Чтение отечественных писателей остается на досуг ученика, — говорят гуманисты, — *** настоящая же работа — в изучении древних классиков. Если ученик отклоняется от работы и в урочные часы читает отечественные произведения даже со вниманием и тщательностью, а о древних классиках не радеет, то непременно сделает он из себя человека эстетического, мечтательного и сентиментального, остроумного, чувствительного и приторного, который ни к чему важному и годному не годится, а принадлежит к обществу гуляющих по собраниям и вечеринкам, где много толкуется и ничего не решается о театре, Шиллере, Гёте и т. п.“. Но здесь также крайность, ибо можно читать и своих писателей и греческих с римскими; впрочем, много и правды, которая тем страшнее для нас, что мы очень малое имеем в своей новой литературе, что бы могли поставить наравне не только с древними классиками, но даже с Шиллером и Гёте. Напротив того, реалисты почитают необходимым чтение отечественных писателей потому, что ученик приучается на них схватывать общую мысль и обнимать целое, тогда как при писателях древних и вообще чужих он ломает голову на отдельных выражениях и словах; потому говорят они: **** „какая помощь и для произведения чужеземного, в котором ученик находит удовольствие тогда только, как дочитает до конца! Если привыкнет он, при чтении отечественных писателей, во всем открывать целое, то и при чтении чуждого произведения сумеет опознаться в подробностях оригинала и тем облегчит труд учителя в объяснении оногo. И какой высокий и живой интерес возбуждятся и к иностранной литературе, если труд и терпение, необходимые для уразумения отдельного периода, будут казаться ученику только неизбежною дорогою к свободному обозрению целого, к совершенному усвоению оногo!“ След., если мы примем и при отечественном произведении по преимуществу объяснение филологическое, то сравняем чтение писателя отечественного с иностранным, значит, стало быть, уничтожим пользу чтения отечественного? Нет, именно потому, что реалисты тоже увлекаются. Во-первых, подробности подводить к общему гимназисты научаются из уроков истории, географии, математики, точно так же, как из чтения писателя; во-вторых — аргументы, брeвиарии, введения и т. п. при одах Горация, при книгах Тацита, песнях Гомера и пр. ясно указывают на то, что читающему подробные комментарии надобно знать и общую мысль и следить ее по всем стихам и периодам произведения; в-третьих, главная мысль произведения, как жизненная сила, разливается по всем частям оногo; след., чем более вникаем в подробности, тем безошибочнее и тверже схватим общую

* Издание 1840 г., ч. I.

** Издание 1841 г.

*** Deinhardt, Der Gymnasialunterricht, стр. 143.

**** Hiecke, Der deutsche Unterricht, стр. 72 и 73.

мысль, надобно только в подробностях видеть органические части живого целого; в-четвертых, в классических произведениях предложения с предложениями и периоды с периодами связываются такими тесными узами, что учителя древних литератур необходимо должны и сами объяснять ученикам общую мысль для уразумения особенностей, и ученики с своей стороны из ближайшего сцепления частей произведения древнего необходимо извлекают для себя понятие о стройном единстве произведения; след., в этом отношении чтение классическое более помогает отечественному, а не наоборот. В-пятых, учась по новым легким произведениям схватывать общее, гимназисты разучатся достаточно вникать в подробности и будут во всем верхоглядями, что существенно повредит всякому основательному изучению. Из всего этого вывожу, что чтение, и свое, и иностранное, должно быть одинаково: углубляться в подробности слов, оборотов, предложений и постоянно рассматривать частности в связи с общим, ибо словесное выражение отличается от всякого другого именно тем, что во всяком предложении виднеется необходимая часть живого целого. К этому надобно прибавить еще два необходимых условия: ограниченные требования и способы гимназического курса и неустроенное состояние языка русского; первое отклоняет всякие высокопарности, второе требует тщательнейшего изучения языка. Наконец, самые побудительные причины для филологического объяснения; первая: при бедности общего содержания и так называемых гуманных идей в русских произведениях — неистощимое богатство языка, еще непочатого, свежего, мощного и глубокого; и вторая: при шаткости и болтливой неопределенности правил эстетических и критических — непреложные законы филологические. Именно глубоким и всеобъемлющим взглядом на подробности отличается человек знающий от профана; дилетанты, не разумея техники искусства, хватаются за общие мысли произведения, т. е. за общие места; истинный знаток видит в ничтожной для непривычного мелочи высокое значение, ибо здраво понимает ее и чувствует ее отношение к целому.

Касательно объяснения отечественных писателей есть два противоположные мнения: гуманисты почитают смешным, пошлым и вредным комментарии на современных писателей; напротив того, реалисты объясняют их также кропотливо и педантски, как Горация или Пиндара. Действительно, объяснения на современников как раз могут обратиться в пустую болтовню и только загрозоздят смысл текста. Особенно нетерпимы комментарии так называемые эстетические. Впрочем, строгая филологическая критика может быть допущена; она даже необходима, ибо приучает к отчетливому сознательному чтению, на которое столь мало обращают внимание люди необразованные, и к отличию истинного достоинства словесного выражения от ложного блеска и натянутых фраз. Охотники что-нибудь почитать от нечего делать увлекаются только одним занимательным содержанием, несколько и не предчувствуя гармонического соотношения между звуком и мыслию, их не увлекают красота речи, простота, точность выражения, правильная связь мыслей, они скользят только на поверхности того, что читают, ибо не привыкли при чтении писателя обращать внимание на то, что составляет существенное в произведении. Именно, чтобы уничтожить такое бессмысленное чтение, надобно с учениками читать образцовых русских писателей и

объяснять их. Главная задача должна состоять в том, чтобы объяснения были необходимы, не случайны. Потому учитель обязан все свои мнения основывать на данных, самим автором указанных, след., обязан свою филологическую экзегетику подчинить так называемой субъективной, т. е. заставить, чтобы писатель объяснял сам себя. Так, при чтении Карамзина надлежит сличать слог его „Истории“ с древними источниками; оды и речи Ломоносова объяснять его риторикою, стихотворения Державина — объяснениями, им самим сообщенными, поэтические переводы Жуковского сличать с подлинниками и т. д.

О способе чтения также разногласие мнений. Одни педагоги заставляют учеников учить писателя наизусть, другие полагают это вредным. „Изусть-учение вредит разуму и памяти.“* Что остается от хорошо упражненной памяти? любовь к предмету, изящное, посредством коего я с ним соединяюсь, а эту внутреннюю связь не приобретешь выучкой наизусть. Только неприятное способно к тому: вокаблы, числа, имена. Прекрасное же удерживается, как собственность, как непосредственно понятое; прекрасное разлюбишь, заучивая наизусть. У дитяти притупляется всякое чувство к поэзии от долгого заучиванья наизусть стихотворения. Гораздо полезнее упражнять память на произведениях чуждых языков, на выучке одной страницы по-французски или по-латыни. Говорю только против выучиванья наизусть, а не знания наизусть. Я видал людей, никогда не учивших ничего наизусть и знавших многое на память. Удовольствие читать и слушать и потом вновь перечитывать и переслушивать ведет к такому основательному знанию, которое, при нужде, легко может быть доведено и до знания наизусть. Потому учитель должен руководить ученика, как учить на память; должен вместе с ним заучивать наизусть и тем препятствовать, чтобы ученик не впал в мертвящий механизм. Должен помогать ему вникать во внутреннюю связь произведения и в содержание каждого предложения, как необходимого звена между предыдущим и последующим. Поэтому на прозу должно более обращать внимание, нежели на поэзию. Стихотворение уже своею внешнею формою поддерживает механизм учения наизусть и ведет ученика от стиха к стиху только формально, а не внутреннею связью“. Все это весьма дельно, только за исключением излишнего человеколюбия и заботливости об эстетическом чувстве гимназистов. Память с толком не только не вредит разуму, но даже помогает ему и у детей часто заменяет самый разум. Года гимназического учения именно таковы, когда память и воображение берут верх над умственными соображениями. Весьма замечательно то обстоятельство, что лучшие ученики хотя отчетливо понимают, что учитель объясняет, однако, все-таки выучивают уроки слово в слово. На уроке дитя всегда более или менее в принуждении, свободной игры духовных сил его никак не добудешь. Чувство эстетическое убивается и анализом так же, как и выучкой наизусть. Нечего делать — стерпится-слюбится, а из школы нельзя сделать ни театра,** ни лите-

* К. Wackernagel, Der Unterricht in der Muttersprache, 1843, стр. 97 и след.

** Забавно мечтание Гикке знакомить учеников с целым впечатлением драмы на театральном представлении, стр. 123. Стало быть, для объяснения совещательной речи класс превращается в площадь, для судебной — в сенат и т. д. Вот куда из класса заводят учителя с учениками эстетические мечтания.

ратурного вечера. Толковитое заучивание наизусть всегда и всему будет приносить пользу. Учитель вместе с учениками неоднократно прочитывает разбираемое произведение. Это необходимо, но без заучивания на память недостаточно. „Перечитывание одного и того же соответствует продолжительному рассматриванию картины, прочтение один раз беглому взгляду. Глаз беспрепятственно может соображать все подробности картины в одно время, ухо собирает их в последовательном порядке одну за другой; слышанное прежде — уходит вдаль, более и более утрачивая свою ясность, так что воспоминание не может совокупить для себя в одно целое всех частностей, как в картине. Только повторительное чтение даст представлению стройность и жизнь. Малые дети с удовольствием слушают несколько раз одни и те же рассказы или одну и ту же песню. Взрослые хотя и не любят повторения, однако через несколько дней охотно внимают тому же, что недавно слышали“.* Постепенное уразумение писателя и произношение с толком и чувством дает ученику новый интерес в неоднократном прочитывании того же. Только основательная вдуманность в каждое слово и предложение и в связь предложений ведет учащегося к чтению с толком. Величайшая ошибка заставлять учеников читать ораторски то, что они не совсем понимают, это влечет к манерности и портит чувство обманом. Увлекательное театральное чтение лежит вне обязанности гимназической, во-первых, уж потому, что из самих учителей немного хороших чтецов; во-вторых, драматическое чтение, не имея до сих пор положительных законов, не может быть предметом строгой науки. Только правила, основанные на синтаксисе, дает учитель для произношения, след., должен выучить читать с толком и смыслом; чувство придет само собой. Впрочем, если учитель умеет читать изящно, то его пример будет руководителем ученикам.

О предметах чтения два мнения: одно стоит за хрестоматию, другое за целые произведения. *Variatio delectat*,** говорят собиратели хрестоматий:*** для учителя и учеников нет ничего утомительнее чтения одного и того же в продолжение целых недель и месяцев; притом вещи познаются из сравнения,**** а на одном только писателе не узнаешь ни его самого, ни слога, будь этот писатель даже Гёте. Польза хрестоматий более и более признается. Не дойдет ли это до крайности? Распределение хрестоматий обыкновенно бывает с точки зрения реальной, а не филологической. Одни располагаются по родам и видам красноречия и поэзии, напр., Хрестоматия Магерова, старые французские и мн. др. Но если в определении родов словесных произведений немного заботы учителям отечественного языка, то нечего и разделять хрестоматии таким образом, зачем неважное для школы брать основанием делению? Такая хрестоматия обыкновенно задает себе задачи неисполнимые: под рубрикою романов, повестей, поэм,

[Следует указать односторонность этого замечания автора. Нельзя класс и урок заменять театром и игрой, однако, и театральное представление и изобразительная игра школьников — имеют свое значение как вспомогательные моменты.
Ред.]

* К. Wackernagel, *ibid.*, стр. 93.

** Перемена доставляет удовольствие. *Ред.*

*** К. Wackernagel, *ibid.*, стр. 4.

**** Niecke, *ibid.*, стр., 246.

драм предлагает из этих родов произведений только отрывки, из коих, разумеется, нельзя узнать ни драмы, ни поэмы, ни романа. Притом заглавия над отделами статей: история, ода, элегия и пр. — выказывают в компиляторах хрестоматий недостаток педагогического такта. Под влиянием заглавия ученик получает понятие о пьесе прежде, чем прочтет ее, след., его суждение о родах и видах словесных произведений будет предрассудком, понятием, преждевременно составленным о предмете. Потому, в избежание такого вреда, лучше было бы составлять хрестоматии (как К. Ваккернагеля), не разделяя пьес по родам слога или поэтических и прозаических произведений, для того, чтобы ученики, с помощью учителя, из самой вещи выводили себе понятие и название, а не наоборот. Разделение хрестоматии по предметам дает ей характер энциклопедии, заставляя учителя выступать из области своей науки и толковать о предметах, более или менее ему известных. Так Дистервег делит свое собрание на три отдела: религия, природа и человек; Гаупт* к этим трем отделам прибавляет еще два: искусство и наука, с подразделениями: архитектура, живопись, скульптура, общая грамматика, философия, богословие, юриспруденция, медицина и пр., и пр. Невозможно никак решить, в каком отношении стоят подобные энциклопедии к теории языка, к филологии, ибо все внимание компиляторов обращено на внутреннее содержание. Иные хрестоматии, как Магера, Гикке и мн. др., берут в расчет личность учащихся, будучи расположены по возрастам детей. Это едва ли не основательнее, только надобно заметить здесь два обстоятельства: во-первых, все приличное для малолетних должно быть таково, чтобы годилось и для учеников взрослых,** след., хрестоматия для последних может и должна заключать в себе и то, что в хрестоматии первоначальной; разумеется, наоборот нельзя. Во-вторых, степени возраста и смысленности учащихся так неприметно переходят и сливаются, что резкого разграничения в книге никак быть не может. Притом и в самом легком, напр., в баснях Крылова, много для детей необъяснимого, и, наоборот, искусный учитель легко растолкует детям многое, что для другого кажется трудным. Итак, в чем же существенная польза хрестоматий? В разнообразии? Но если оно только ради забавы учеников, то не может быть достоинством учебной книги. Если же касается только внутреннего содержания, то ничего не дает филологическому курсу словесности, если же касается слога, то как нельзя из чтения одного писателя узнать слог вообще, так и из отрывков нельзя познакомиться ни с одним писателем. Невыгоды одинаковы и на той и на другой стороне, с тою только разницею, что короткое знакомство с слогом одного писателя образцового будет знанием более прочным и основательным, тогда как отрывочное чтение понемножку из того и другого дает учению легкое и поверхностное направление.

Двух родов хрестоматии полезны и необходимы для гимназии: первоначальная и историческая. Первоначальная для низших классов, где еще дети не созрели для продолжительного классического чтения. На такой хрестоматии они выучатся плавно читать, узнают первоначаль-

* Deutsche Prosa, 1841.

** Магер в предисловии к „Французской хрестоматии“ и в Pädagogische Review, 1843, № 5, в рецензии на Гикке.

чальные основания грамматики, правописание. Историческая же должна быть сборником литературных памятников, некоторые предложит вполне, из больших отрывки; такая хрестоматия, след., должна быть как бы историческою библиотекою, служа материалом для истории литературы. Как образец исторической хрестоматии рекомендую Вильгельма Ваккернагеля *Altdeutsches Lesebuch*, 2-е умноженное и улучшенное изд., 1839, с словарем и вариантами; содержит памятники литературы от IV до XV века включительно. Для классического же детского чтения желательно было бы, чтобы у нас явилась когда-нибудь книга, подобная народным рассказам, собранным и выданным* братьями Гриммами.

Польза же хрестоматий эстетических и энциклопедических только относительная: во-первых, они содержат отрывки из таких произведений, кои целиком читать детям еще рано по некоторым причинам; во-вторых, доставляют случай в малом объеме и за дешевую цену приобрести разнообразные сведения о текущей литературе, хотя и отрывочные, но тем не менее любопытные. В этом отношении хрестоматии полезны, и дай бог, чтобы они вытеснили собою нескладные притчи и наставления умственных и наглядных упражнений, которые нишутся обыкновенно без больших претензий на слог и мысли. Но очевидно, что собственно место таких хрестоматий не класс словесности; пусть будут они домашним чтением для учеников, пусть заменят они им чтение журналов, сказок, повестей. Учитель может руководить учеников, указывая им ту или другую пьесу для досужего прочтения, может брать от них и краткий отчет в какой заблагорассудится ему форме, словесно или письменно. Только, повторяю, энциклопедическое и эстетическое чтение хрестоматий очень желательно было бы изгнать из гимназии и употребить классное время с большею пользою.

Множество французских, немецких хрестоматий несколько не доказывает необходимости русской для гимназий, ибо наша литература еще не идет в сравнение с французскою и немецкою по неустроенному состоянию языка письменного и разговорного и по бедности внутреннего содержания. И везде высшие таланты редки, а там и по-давно, где меньше соревнования и больше монополии. Что сказал Гёте** о немецкой беллетристике, очень идет и к нам: „стихотворная образованность так распространилась в Германии, что уже никто не пишет дурных стихов. Молодые поэты, присылающие мне свои произведения, несколько не хуже своих предшественников, а так как сих последних очень высоко ценили и ценят, то новые поэты вовсе не понимают, почему и их не хвалят также. И все-таки нельзя сделать для них ничего поощрительного, именно потому, что их целые сотни, а излишнего нельзя желать, когда остается непочатым много гораздо полезнейшего. Если бы из них был один выше всех, было бы хорошо, ибо для света нужно одно превосходное“. А школа имеет полное право быть еще взыскательнее публики. Итак, если мы отбросим все посредственное и преходящее, останется для учения хотя немного.

* в значении „изданным“. *Ped.*

** *Eckermann, Gespräche mit Goethe, 1837, I, стр. 243.*

но по истине превосходное. Непонятно, для чего читать с учениками подражателей Карамзину и Пушкину, а не обратиться к самим образцам и источникам? Если от времен Карамзина наш слог и поднялся, или изменился, то все же вследствие трудов Карамзина. Слог его до сих пор еще окончательно не разработан и не принес еще тех плодов, какие имеет принести, ибо так называемый карамзинский слог, коим многие ныне пишут, по большей части усвоил себе только отрицательные качества — каковы легкость периода, гладкость фразы, иногда переходящая в бесцветность и вялость, мерная проза, приторная в своей крайности, славянизмы, которые, будучи в оправе истертого выражения, придают речи напыщенность и театральность и т. п. Не этому гимназия должна учить своих питомцев по „Истории“ Карамзина.

„Историю“ Карамзина надлежит рассматривать как средоточие гимназического курса словесности. К ней должны примкнуться и теория словесности с стилистикой и историей литературы и собственные упражнения. Никакая русская хрестоматия не заменит полноты ее. Если бы кто возразил, что с филологическим направлением я небрежу внутренним содержанием, думаю о словах без живого смысла, то именно тем и опровергну возражение, что вместо *disjecti membra** хрестоматии предлагаю живое, целое произведение. Защитник хрестоматии скорее действует с ущербом внутреннему содержанию, ибо в отрывке мысль не полна. Касательно же слога, вся выгода на моей стороне, ибо никто из наших писателей, кроме Ломоносова и Пушкина, не внес в свои произведения столько филологического изучения, сколько Карамзин в свою „Историю“. Литературную школу можно уподобить живописной или скульптурной. Нынешние живописцы учатся своему искусству, копируя по преимуществу Рафаэля, Тициана или иного какого начальника целой школы. Изучив основателя, легче сладишь с его последователями. Так как современный и притом прозаический слог в гимназии нужнее устарелого и поэтического, то Карамзин для нее необходимее Ломоносова и Пушкина. Прекрасная проза последнего есть дальнейшее развитие карамзинской и может быть изучена только после оной. Как современный слог наш воспитался Карамзиным и Пушкиным, пусть так же воспитываются и гимназии, тогда школа не будет противоречить обществу, а притом оснуеться на прочном историческом ходе современной нашей литературы. И как Карамзин от первого до последнего тома своей „Истории“ более и более усовершенствовался, пусть и ученики в последовательном порядке читают из первого, потом из второго тома и т. д. Сам Карамзин постепенным развитием своего слога будет наставлять учащихся; учитель словесности останется в стороне и только будет руководством для уразумения его „Истории“. Таким образом учащийся сам над собой заметит, как силы его более и более возрастают, когда последовательно изучит Карамзина, так сказать, генетически: ему ясны будут все преобразования его, ибо увидит их источник и постепенный ход. Итак, кроме соответствия с развитием современной литературы, класс словесности будет органически устроен по историческому развитию слога самого Карамзина.

* разбросанных членов. *Ред.*

Вот истинное применение методы генетической к стилистике! Разумеется, из „Истории Государства Российского“ должны быть избраны для подробного изучения только места лучшие и по преимуществу имеющие отношение к литературе. Для этого необходима была бы хрестоматия карамзинская. Она же была бы вместе и историческою, ибо слог Карамзина находится под непрестанным влиянием древних источников. На изучении Карамзина учащиеся ясно поймут, что все прошедшее в языке и литературе никогда не умирает для настоящего, а как необходимый элемент входит живительною силою, чудотворно претворяется в современное и остается залогом усовершенствованию для будущего. Современный слог ежеминутно движется, след., учить ему невозможно вне исторического развития, и сам Карамзин покажет, сколько русского и теперешнего в старинных памятниках нашей литературы, начиная от XI века. Могут сказать мне: если домогаться живого исторического развития, то не естественнее ли начать старинною литературою, откуда Карамзин почерпал многое для своего слога, и потом постепенно дойти до „Истории Государства Российского“? Нельзя; ученики еще дети, нельзя их насильственно оторгнуть от современности и, увлекши в отдаленное прошедшее, говорить, что и там то же, что ныне у нас. Пусть они увидят это сами и сами почувствуют необходимость прошлого в современном. Наконец, пусть их учителем в этом деле будет образцовое произведение Карамзина, а не личность наставника, пусть сама „История Государства Российского“, как средоточие прошедшего и настоящего, нечувствительно сдружит их с древностью, в законной и простой форме настоящего; пусть сам Карамзин введет их в нашу древнюю литературу.

Чтение писателя и для материала, или так называемого изобретения мыслей, и для расположения, и для выражения принесет самые надежные плоды. Выгоды неисчислимы и ученику, и учителю, и самому предмету обучения. Ученик выигрывает тем, что учится не личным мнениям учителя или школьным системам без всякого содержания: короткое знакомство с писателем есть уже неоцененное приобретение, и ученик на всю жизнь свою будет с благодарностью вспоминать того учителя, который заставил его полюбить и изучить „Историю Государства Российского“. На стороне учителя та выгода, что при чтении писателя он избегает скользких построений теории словесности, ничтожных общих мест о чистоте и красоте слога, правильности расположения и т. п. Главное искусство его состоит в том, что он заставляет за себя говорить изучаемого писателя и тем наставляет детей в стилистике и риторике. Тогда умолкнут насмешки над учителями словесности, что они занимают учеников пустою болтовнею и с ветру нахватанными фантазиями. Еще более выгод касательно успехов грамматики и риторки. Учитель, отстраняясь от всяких учебных руководств, самостоятельно обращается к писателю и из него самого извлекает законы языка и словесных произведений. Таким образом верование в школьные руководства рушится под авторитетом классических писателей; и всяк, занимающийся словесностью, вложит свою собственную лепту в науку, ибо трудится по источникам.

Изучением Карамзина мы несколько не отстраняемся от существующих теперь грамматик, ибо в основании их принят авторитет карам-

винской речи, но даем предмету более обширный объем. Словарь и грамматика еще не вполне воспользовались трудами Карамзина, а пуристы надавали нам несколько правил, которые противоречат слогу Карамзина. Латинские грамматики не ставят Цицерону или Титу Ливию в ошибку какое-либо единожды попавшееся выражение, несколько противоречащее общему употреблению, но замечают оное как исключение.

Внимательное чтение Карамзина не только ученикам, но и учителю доставит весьма много нового и повлечет к важным соображениям, обогативши запасом слов и выражений для стилистики, образовавши судительную силу разбором расположения. Для примера укажу несколько выражений, любопытных частью для синонимии, частью для грамматики и стилистики.*

Имена существительные: зная же, что так называемый вечный мир есть пустое слово, они заключили *перемирие* от 1 августа до 26 октября, V, 34. Говорили о *мире*, но заключили только *перемирие*, IX, 169. Жестокою *осаду* превратить в тихое *облежание*, IX, 338. Не упоминает о таком бесчестном, неосторожном *подмане* наших вельмож, IX, 100.

Имена прилагательные: наступить на Россию конною и *судовою* ратню, VI, 20. Сии внушения действовали тем сильнее, что были согласны с правилами собственного *опасливого* ума Иоаннова, IV, 152. Австрийский кабинет, издавна *опасливый*, IX, 277. *Ливной* дождь затопил многие улицы, X, 13. Государь боялся *спешною* ездою утомить его, XI, 48. Никто не смел взглянуть на *оглашенных* изменников, XI, 104.

Местоимения: суд *нелицемерный*, безопасность *каждого* и *общая*, IX, 6. для отличия от местоимения *всякий*.

Глаголы: он не *был*, но *бывал* тираном, XI, 182. Две крепости, Стрелецкая и так называемый *Острог*, *обтекаемые* Двиною и Полотою, IX, 295. *Увязил* коня в болоте, XII, 221.

Частицы: *сквозь*** степи и пустыни достигнув до ханского стана, IV, 33. *Сквозь* безопасные для него степи, IX, 201. Опасности пути дальнего, неведомого *сквозь* степи, IX, 375, *вм. чрез*. Пощади нас, преступников, не *для* моления нашего, но *для* своего милосердия, VI, 46, *вм. за, по*. Нас немного, а враг силен; но бог не в силе, а в правде, IV, 25, для синонимии союзов. Распустив слух, что *будто бы* я участвовал в сем замысле, IX, 215, плеоназм в союзе. Он лишился тогда супруги: *хотя*, может быть, и не имел особенной к ней горячности; но ум Софии, и пр., VI, 326.

Синтаксис: он не мог избавить Россию от ига, IV, 69—70. В Орде находился сын Михайлов, Иоани, удержанный там за 10,000 рублей, *коими* Михаил был должен царю, V, 28. *Несколько* тысяч земледельцев *шли* впереди, V, 23. Греч односторонне предложил правило, ограничившись примером из сочин. Карамзина, VIII, 248; *несколько* иностранцев

* По 2-му изданию „Истории Государства Российского“. [Весь последующий разбор Карамзина имеет значение показа возможности найти достаточно обильно и всесторонние грамматические примеры, при чтении литературного произведения в целом, а также отчасти для самообразования учителя; использовать этот материал целесообразно лишь в VIII классе при изучении Карамзина и то очень ограниченно. *Ред.*]

** Слич. 2 часть, стр. 160 и 161.

стояло на улице и смотрело на пожар, см. Греч, „Практическая русск. грамматика“, 1827, стр. 264.

Сличение грубого материала древних памятников нашей литературы с художественною обработкою их в „Истории Государства Российского“ может предложить самые любопытные результаты, не только для расположения и выражения, но и вообще для критики Карамзина. Критика философская более или менее шатка и подвержена сомнению, ибо всякий может и не признать философского основания, на коем полагается критика. Притом философствование или безусловно (и часто бессознательно!) покоряется чужому мнению, как аксиоме, или же переходит в личное мечтание и доводит до произвольных предположений. С писателем классическим шутить нельзя; опасно с ветру кричать, что то́ и другое у него ошибочно, нехорошо. Надобно какое-либо положительное мерило, самим разбираемым автором принятое за правду. Итак, для „Истории“ Карамзина основанием критики будут исторические и литературные источники, по коим она составлена. Разумеется, что говорю о критике литературной, оставляя в стороне историческую со всеми ее условиями и правилами.

„История“ Карамзина и в отношении содержания и слога предлагает самое разнообразное изучение. Кроме образца исторических рассказов, в ней есть и повествования, и рассуждения, и письма, и речи различных родов и юридические акты. Будучи составлена по источникам, требует изучения памятников нашей литературы от древнейших времен до дома Романовых. Слог ее, напитанный всею древнею словесностью, в современной форме предлагает множество старинных слов и оборотов, которые Карамзин воскресил и ввел в употребление. Вся „История Государства Российского“ так крепко держится на предании, что изучать ее — значит вместе изучать и древние памятники нашей литературы; последовать Карамзину в слоге — значит, подобно ему, воспитать себя в древней нашей литературе.

Для примера и соображения извлекаю из „Истории Государства Российского“ (по 2-му изд.) выражения, намеренно заимствованные Карамзиным из древних памятников.

Том I

сии варвары (обры) *великие телом и гордые умом* (пишет Нестор), исчезли в нашем отечестве от моровой язвы 40.

славяне думали, что оно (божество) ужасает людей грозными видениями или *страшилами* 82.

творили над умершими *тризну* 102.

посланные Олегом, великим князем русским, и *всеми сущими под рукою* его, светлыми боярами, к вам, Льву, Александру и Константину (брату и сыну первого), великим царям греческим, на *удержание* и на *извещение* от многих лет бывшие любви между христианами и Русью 136.

первым словом да *умпримся* с вами, греки 136.

также и вы, греки, да храните всегда любовь *неподвижную* к нашим светлым князьям русским 136.

когда убийца *домовит* и скроется, то его именование отдать ближнему родственнику убитого 137.

проводим (лодью) сквозь всякое *страшное* место до *бесстрашного* 138.

прислать его (русина, умершего в Греции,) имене в Русь к *милым ближним* 139.

с морем кто *советен* 150.

которую (цену) хозяин объявит *под крестом* (или присягою) 153.

клянутся *хранить истину* союза 154.

обручи и мечи 154.

поди в дань с нами. *Ходить в дань* значило тогда объезжать Россию и собирать налоги 156.

когда же иные враги *помыслят на Грецию*, да буду их врагом и да борюся с ними. Если же я или *сущие подо мною* не сохранят сих *прасых* условий, да *имеем* клятву от бога, в коего веруем: Перуна и Волоса, бога скотов. Да будем *желты как золото* и собственным нашим оружием иссечены 191 и 192.

император, окруженный *златоносными* всадниками 192.

из разных областей России ходили в столицу обозы с медом и шкурами или с obroком княжеским — что называлось: *возить повоз* 244.

клетки, или горницы, с обеих сторон дома разделялись *помостом*, или сеньми; спальни назывались *одринами* 253.

Том II

Ярослав вошел в Киев и, по словам летописи, *отер пот* с мужественною дружиною, трудами и победою заслужив сан великого князя российского 19.

Мстислав, по словам летописи, был *чермен лицом и дебал телом* 26.

холопом *обельным*, илц полным, бывает 1) человек, купленный при свидетелях 48.

закуп, то есть наемник или на время закабаленный человек 48.

выдает его *на поток* — или в руки государю 49.

с вора *клетного*, т. е. домашнего или горничного, взыскивается в казну 3 гривны, с вора *житного*, который унесет хлеб из *ямы* или с гумна, 3 гривны и 30 кун 52.

имя *набойная* (лодья) происходит от досок, *набиваемых* сверх краев мелкого судна, для возвышения боков его 55.

опознав вещь у горожанина, идет с ним *на свод*, то есть спрашивает, где он взял ее? 55 и 56.

ежели мать умрет *без языка*, или без завещания... 64.

истец во всякой тяжбе должен итти с ответчиком *на извод перед* 12 *граждан* 65.

взяли в *тали*, или в аманаты 110.

он не *блюдет* простого народа 183.

дав *светлый* пир митрополиту и боярам 191.

заклучив союз с Изяславом, не хотим нарушить оногo и *не можем играть душою* 232.

нет! сказал князь: *я добыл* Киева и Переяславля головою 233.

опоясал мечем многих сыновей боярских 235.

навсегда остался (Гейза) другом Изяславу или, по тогдашнему выражению, *не разлучался с ним ни в добре, ни в зле* 259.

еще *не обсохли уста твои, которыми ты целовал крест в знак искреннего дружества* 310.

Том III

нет! сказали ему жители: ты *ударил пятою* Новгород 47.

(Роман и Александр) должныствовали господствовать только в качестве их данников или *подручников* 129.

Константин оскорбился, негодовал и, как говорят летописцы, *со гневом воздвиг брови свои на Георгия* 134.

не обинуясь лица сильных, по словам летописца, *и не туне нося меч, ему богом данный*, он (Всеволод Георгиевич) казнил злых, миловал добрых 125.

седлами закидают (суздальцы) новгородцев 156.

встревоженные полки георгиевы *стояли* всю ночь *за щитами*, то есть вооруженные и в боевом порядке 157.

жители других городов, подведомых областному и называемых обыкновенно *пригородами* 201.

ограды деревянные, или *остроги*, служили внешнею защитою для крепостей, замков, или *детинцев* 204.

стенобитные орудия, или *пороки*, уже давно были у нас известны 204.

немец дает весовщику за две *капи*, или 24 пуда, куну смоленскую 113.

другие князья мордовские были *ротниками* или присяжными данниками Георгия 275.

с того времени сие место (где убилась Евпраксия с младенцем) в память ее называлось *заразом* или *убоем* 278.

Том IV

граждане, по выражению летописца, *стремились к Даниилу, как пчелы к матке* или *как жаждующие к источнику водному* 8.

приятный голос сего князя (Александра Невского) *гремел как труба* на вечах 22.

Александр собственным копием *возложил печать* на лице Биргера 26.

новгородский боярин, отправленный к епископам и к чиновникам *дворян божиих* — так у нас именовали рыцарей ливонских 99.

три дни стояли россияне *на костях*, то есть на месте сражения 101.

дотьне — пишет митрополит — уставы церковные *были омрачены облаком еллинской мудрости* 123.

между тем великий князь Димитрий наказал данников Новгорода, корелов, *взяв* их землю на щит, то есть разорив оную 128.

так Лев, сведав о тяжелой болезни Владимира, прислал к нему святителя перемышльского Мемнона, чтобы выпросить у него Брест, *на свечу для гроба данилова* 148.

он может послать три *ватаги*, для ловли на море 168.
не позволят *самосуда* ни себе, ни княжеским судиям, но решить *тяжбы* единственно по законам 170.
не заплатил ли я ему (хану) *выхода*, или царской пошрины? 179.
... где бога бессмертного силою наша власть *держит* и слово *наше владеет* 192.
зобница ржи стояла там 5 гривен 103.
Димитрий Михайлович, прозванием *Грозные Очи* 201.
христиане на сорок лет опочили от *истома* и насилий *долговременных* 214.
и руки его (рода московских князей) *взыдут на плеча врагов наших* 216.
... *в вотчину и в дедину* 223.
отрубив голову ему и юному Феодору, *розняли их по составам* 233.
голод, названный в летописях *рослою рожью* 241.
в *челядне*, или в людской избе 243.
оставляю сию *душевную грамоту* 244, *вм. духовную*.
ожерелье матери ее, чело и гривну 245.
не искав чести, по словам летописи, *но от чести взысканный* 288.
судить и рядить земледельцев *свободных и численных* людей 291.
Люди численные — то есть, вольные, окладные, платившие дань государственную IV. 244.

Том V

Князья ростовские и ярославские *со мною один человек* 42.
место было изобильно, *пчелисто и пажитно* 46.
доказывая, что сей архимандрит еще *новоук* в монашестве 56.
„Мамай со всем царством идет в землю Рязанскую против меня и тебя“, писал он к великому князю: „Ягаило также; *но еще рука наша высока: бодрствуй и мужайся*“ 63.
стал *на костях*, или на поле битвы 72.
где брат мой и *первоначальник* нашей славы? 63.
сия многолюдная столица *кипела* прежде *богатством и славою* 87.
посадник, бояре, житые (именитые) и черные люди всех пяти *концев* 94.
черный бор, или дань, собираемую с черного народа 96.
Димитрий и князь Владимир Андреевич братья и друзья, казались дотоле одним человеком 102. Здесь Карамзин написал уже от себя, по примеру летописи. Слич. V, 42.
что гости, *суконники и городские люди*, свободны от службы 104.
силою одного разума и характера заслужил от современников имя *орла высокопарного* в делах государственных 107.
вывезли к нам из земли Немецкой *арматы и стрельбу огненную* 122.
ходить на войну с ним или с полками великокняжескими, *сидеть в осаде*, где он велит 126.
немедленно *били челом* 163.
он, как сказано в летописи, *не потакал боярам* 173.

езде *тужа* и скорбь, предсказанные некоторыми книжниками года за три или за четыре 200.

земля Русская была нашим верным улусом; *держала страх*, платила дань 201.

князь восстает на князя, брат острит меч на брата, племянник *кует* копие на дядю 217.

в сем завещании Василий, *благославляя* сына великим *княжением* и поручая матери, отказывает ему все родительское наследие и собственный *примысл* (Нижний Новгород, Муром) 221.

да не скажут легкомысленные: *отлучимся от них*, когда они удалились от церкви греческой 232.

наместник берет куницу *шерстью* 235 и 237.

уличенный в *самосуде* платит 4 рубля; а самосуд есть то, когда гражданин или земледелец, схватив тать, отпустит его за деньги, а наместники о сем узнают 235; был смертельно уязвлен оружием в Коломне *на игрушке*, как сказано в летописи 239; рыцарские игры.

пешие и конные обгоняли друг друга, стремясь в след за государем, как *пчелы за маткою*, по старому, любимому выражению наших летописцев 262.

легат от ребра (a latere) *апостольского* 292.

митрополит *отдал ее* (веру) *на злате* римскому папе 294.

муж святой! обещаю доставить тебе сан митрополита, но прошу твоей услуги. Иди в свою епископию, в город Муром; *возьми* детей великого князя *на свою епитрахиль* и привези ко мне 322.

Димитрий хотел, по тогдашнему выражению, *связать душу* Васильеву крестом и евангелием 325.

народ; утешенный сожалением и милостию государя, *почил* (как сказано в летописи) *от минувшего зла* 343.

в 1228 году они (поединки) уже были в России способом доказывать свою невинность пред судьями и назывались *полям* 387.

вместе с судьями и *докладчиками* заседали присяжные 388.

дело предлагалось так называемыми *раскащниками*, или *стряпчими* 388.

монетки назывались *денежниками* 401.

сразились не только оружием, но и *сами о себя избивая друг друга* 406.

приняв власть от бога, он с богом возвеличил землю Русскую, которая во дни его княжения *воскипела* славою 407.

кротко-повелителен с князьями, тих, *увеличив* с боярами 407.

благотворя всем, (Дмитрий) мог называться *оком слепых*, *ногою хромых*, *трубсю спящих в опасности* 407.

о день скорби и *тужи*, день мрака и бедствия, вопля и захлипания 407.

оба (князь и княгиня) жили единою добродетелью, как *златоперсистый голубь* и *сладкоглаголивая ластовица* 407.

княгиня горько восплакала, проливая *слезы огненные* 407.

Том VI

немедленно отправились, по тогдашнему выражению, *искать ратной чести* 18.

принудили Ибрагима заключить мир *на всей воле* государя Московского: то есть, исполнить все его требования 23.

в земли и воды мои не вступались, имя мое *держали честно и зрочно по старине* 25.

в утверждение договора целуй крест к Великому Новгороду за все свое княжество и за всю Раду Литовскую *в правду, без извета*; а послы наши целовали крест *новгородскою душою* к честному королю за Великий Новгород 33. Слич. *честный* король польский 31.

не уклоняйтесь от *святой, великой старины* 35.

ополчение наше (говорят летописцы) колебалось подобно величественному морю, ярко освященному солнцем 55.

сам бог посылает ему столь знаменитую невесту, *отрасль царственного древа, коего сень покоила некогда все христианство* 60.

она (София) оделась в *царские ризы* 65.

во всю дорогу (легат папский) ехал с латинским *крыжем* 66.

ты, великий князь, обязан слать ко мне, царю, *поминки*, или дары ежегодные 87.

рыбий зуб и постав *рудожелтого* сукна 103.

он *привел Великий Новгород во всю волю свою* 128.

сии, как сказано в летописи, тучные вельможи любили свое имение, жен и детей гораздо более отечества и не преставали *шептать* государю, что лучше искать мира 152.

мы все благословляем тебя на Ахмета; не царя, но разбойника и *богоборца* 155.

шлет твоему величеству *тяжелый поклон с легким даром* 187.

государь, пожаловав его в *золотоносцы*, дал ему золотую цепь с крестом, горностаевую шубу и серебряные *остроги* или шпоры 216.

ему велено было именем иоанновым *спросить Максимилиана о здравии, но не править поклона* 222.

ревностным *обетником св. Николая* 231.

пользуясь *незгодю России*, Литва завладела их странами 248.

друг и брат великое дело; не скоро добудешь его 257.

правил им поклон стоя, не на коленях 272.

ты от чистого сердца прислал *доброто* мужа к моему порогу 273.

присягнули в верности к России и *пили воду с золота* пред нашими чиновниками 284.

когда же *ни добром, ни лихом* не возьмем Киева 291.

Иоанн, *сложив с себя крестное целование*, объявлял войну Литве 296.

москвитяне и *татары не саблями светлыми* рубили поганых 308.

Магмет-Аминь вел наших *служивых* татар 309.

требуя *поля* и единоборства 355.

самые злочестивые цари ординские, боясь господя, щадили собственность монастырей и святительскую: *не смели двинуть вещей недвижимых* 362.

Том VII

послам и купцам обеих держав везде *путь чист и свободен* 23.

говорю с ним пред тобою с очи на очи 28.

ты, царь всея Руси, *держишь нас в старине* 33.

твой наместник *утесняет добровольных* людей, псковитян 33.

народ думал, что ему делать? *ставить ли щит против государя? затвориться ли в городе?* 35.

а мы, сироты твои, и прежде и ныне были от тебя, государя, *неотступны* и ни в чем не противились 36.

вы держали имя наше честно и грозно 36.

пред лицом государя мы единомысленно дали ему *крепкое слово своими душами* за себя и за вас, братья, исполнить его приказание 37.

требовал его именем, чтобы они, если хотят жить *по старине*, исполнили *две воли* государевы: отменили вече, сняли колокол оногo и во все города свои приняли великокняжеских наместников 38.

других средних и младших граждан отпустили в дома, с уверением, что им не будет *развода* 42, т. е., что их не выведут из Пскова.

он просил нового *опаса* и получил его 55; опасная грамота.

земля наша, твоя отчина, пустеет: прими град с *тихостию* 64.

бояре смоленские, народ, жены, дети встретили Василия в предместьи с *очами светлыми* 65.

изобразили свирепость, хитрость, счастье Селима, упоенного кровию отца и трех братьев, *возжигаящего пред собою светильники от тука сердец христианских* 92 и 93.

молили его объявить искренно, желает ли или не желает мира с Литвою, чтобы *не плодить речей* бесполезно? 93.

он *здоровствовался* с великим князем и стал на колена 95.

здравая политика велит нам мириться с Литвою, ибо *время воюет* сию державу 100.

не хотел слушать *поклонов* от великого князя 102.

объявил ей, что она будет матерью *Тита, широкого ума* 157.

но — как сказано в летописи — *не приказывал к нему о братстве*: ибо не знал, что он, самодержец или только *урядник* Индейского царства 161.

и да *выситя* рука христиан над неверными 167.

мы природные вам государи, а вы наши извечные бояре 167.

служите сыну моему, как мне служили: блюдите *крепко*, да царствует над землею 167.

а ты, князь Михаил, за моего сына Иоанна и за жену мою Елену должен охотно пролить всю кровь свою и *дать тело свое на раздробление* 168.

жаловались также на любовь его к *новым обычаям*, привезенным в Москву софийными греками, которые, по их словам, *замешали Русскую землю* 181.

великий князь, как говорили тогда, *судил и рядил* землю всякое утро до самого обеда 181.

определяет пошлину судную, мировую, брачную, *стадную, убойную* 187; слич. VII, 129. Волохи нутники мои и стадники.

Макарий первый учредил *общежительство* в монастырях новгородских 191.

(иконы) спасителя и апостолов Петра и Павла, *устроенные* (как сказано в летописи) *из золота и серебра* 191.

правительство наблюдало, чтобы сии *денежники* не обманывали в весе и чистоте металла 207.

свечами *богоявленскими* зажгли *брачные*, обогнутые соболями и вдетые в кольца 221.

свечи с короваями отнесли в спальню, или в *сенник* 222.

на лавках стояли *оловянники* с медом 222.

князь Юрий Иоаннович сидел опять *на большом месте* 223.

в дверях знатнейший боярин *выдавал* великую княгиню и говорил речь 223; свадебный обряд.

защитник государства, отец вельмож и народа, мудрый *соглагольник* духовенства 229.

Том VIII

в болезни и тоске *я отбыл ума и мысли* 14.

Шийдяк считал себя главою всех ногаев и писал к Иоанну, чтобы он давал ему, как хану, *урочные поминки*. Бояре ответствовали: государь *жалует* и ханов и князей, смотря по их *услугам*, а не дает никому *урока* 20.

поддельщиков и обрезчиков велела казнить 43; кто подделывает и обрезавет деньги.

казанцы терзают Россию, а мы, в угодность ему, *не двигаем ни волоса* для защиты своей земли 54.

воеводы иоанновы, по словам летописцев, *пировали духом*, готовясь к решительной битве следующего дня 66.

всевышний оградил сего христианского Давида силою св. духа, посадил на престол добродетели, даровал ему ужас для строптивых и *милостивое око* для послушных 99.

одобрев Судебник, Иоани назначил быть в Москве *Собору слуг божиих* 109.

описал все претерпенное *вдовствующею* Россиею во дни его сиротства и юности 109.

князь Симеон Микулинский с передовою дружиною разбил его наголову и *втоптал* в город 115.

вы, угождая им, *кладете бритву на браны свои*, и в постыдной неге стыдитесь быть мужами 142.

в сей день войско увидело пред собою Казань и стало в шести верстах от нее на гладких, веселых лугах, которые *подобно зеленому сукну* расстилались между Волгою и горою, где стояла крепость 156.

им велено не давать нам покоя и делать всевозможный вред частыми *наездами* 162.

татары гнали их, втиснули в обоз, начали *водить круги* перед нашими укреплениями и пускали стрелы дождем 164.

казанцы *не слушали ни краем уха*, по выражению летописца 170. но явились муромцы, дети боярские, *стародавние племенем и доблестью* 171.

наконец, 1 октября, Иоани объявил войску, чтобы оно готовилось *пить общую чашу крови* — то есть, к приступу (ибо подкопы были уже готовы), и велел воинам *очистить душу* накануне дня рокового 173.

послал бояр и ближних людей во все дружины *с хвалою и с милостивым словом* 183.

многие витязи, по словам летописца, *сияли ранами, драгоценнейшими алмазов* 184.

тут же послы от царицы, князя Юрия, митрополита *здравствовали государю на богом данной ему отчине, царстве Казанском* 189.

терзаемый бедствием отечества, ты, царь великодушный, возложив *неуклонную надежду на бога вседержителя, произнес обет спасти нас; ополчился с верою; шел на труды и на смерть; страдал до крови* 193.

а вы Захарьины, чего ужасаетесь? Поздно шадить вам мятежных бояр: они не пощадят вас; вы будете *первыми мертвецами* 208.

важнейшим обстоятельством сего, так называемого *кирилловского езда* 214, т. е. путешествия в Кириллов монастырь.

князя Симеона *выставили на позор* и заточили на Белоозеро 216. в сей некогда ужасной стране, *полной мечей и копий*, обитала тогда безоружная, мирная робость 222.

россияне могут свободно ловить рыбу от Казани до моря, вместе с астраханцами, *безданно и безьявочно* 223.

племянники и дети мои единодушно *дали мне поводы узд своих*: я властвую надо всеми улусами 228.

король *немецкий сгрубил* нам 247.

скажем вам также *не в укор*, но единственно *в рассуд*: кто государь ваш? Венценосец, правда; но давно ли еще торговал волами? 249.

их встречали и провожали во дворце знатные сановники; угощали *на золоте*, пышно и великолепно 249.

шесть дней продолжались битвы жестокие и достойные *мужей рыцарских*, как пишет воевода Курбский 280.

мы готовы умереть, готовы обороняться, пока есть у нас *блюдо на столе и ложка в руках* 281.

читали торжественно донесение Адашева, радовались, что он проложил нам путь в недра сего *темного царства*, где дотол *сабля русская еще не обагрялась кровию неверных* 296.

не говори *безлепцы* и докажи опытом свое искреннее миролюбие 297.

она (Ливония), с ведома и согласия нашего, избирая себе немецких магистров и *мужей духовных*, всегда платила дань России 302.

так называемые *сторонники* псковские, или вольница, уже не находя ничего в ливонских селах, искали земледельцев в лесах 304.

избираю тебя, моего *любимого!* иди и побеждай 305; *любимый* влюбленный часто употребляется в древнем языке: напр. „и по сем же слышах, *любими*, како грех ради наших“... Акты историч., I, стр. 58.

Том IX

обремененный делами, он не знает иных утех, кроме совести мирной, кроме удовольствия исполнять свою обязанность; не хочет обыкновенных *прохлад царских* 6.

сей *богом урожденный* царь 6.

вымышляют детские *страшила* 13.

начали забавлять царя, сперва беседою приятною, шутками, а скоро и *светлыми пирами* 18.

Иоани велел отсечь ему голову за *противное слово* (говорит летописец) 27 и 28.

знаю только дела церковные; не *стужайте* мне государственными 33. *руки твои наполнились плена и богатства* 43.

он несколько раз хотел удалиться от дел и посвятить себя *жизнию молчаливому* или пустынному 49.

царь Иоанн в 1547 году искал в Германии художников *для книжного дела* 49.

печать на одной стороне должна представлять образ богоматери с младенцем, а на другой руку *благословенную* с именем митрополита 52.

так было до времен *великого мстителя неправдам*, моего деда; до славного родителя моего, *обретателя древней нашей отчины*, и до меня *смирненного* 54.

митрополит и духовенство вступаются за виновных, грубят, стужают ему 75. Здесь последний глагол является прямо в собственной Карамзина речи. Слич. IX, 38.

мы все с *своими головами* едем за тобою *бить челом государю* и плакаться 76.

одним словом, люди земские, от дворянина до мещанина, были безгласны, безответны против опричных; первые были *ловом*, последние *ловцами* 86 и 87.

убеждал его не *вверять бремени великого лодье малой* 95, т. е. не давать ему митрополии.

люди умирали скоропостижно, *знамением*, как сказано в летописи: вероятно пятном или нарывом 110.

в Казанской (области) и в соседственных с нею явилось неописанное множество мышей, которые *тучами* выходили из лесов 110.

дворян *первой и второй статьи* 115.

Рига и Венден необходимы нам для безопасности Юрьева, или Дерпта, самого Пскова и Новагорода, коих торговля стеснится и *затворится*, если сии города ливонские останутся у короля 115.

Иоанн *взял Кучума под свою руку, в оберегание* 134.

бояре, дворяне, приказные люди надели *смирненное платье*, или траур 139.

кто не мог заплатить сей пени, того *ставили на правеж*: всенародно били, секли с утра до вечера 149.

сне, как говорит летописец, *неисповедимое колебание, падение, разрушение Великого Новагорода продолжалось около шести недель* 151.

Иоанн тешился с своими палачами и *людьми веселыми*, или скомоорохами 165.

слышали вдали *прыск* и ржание табунов 179.

жгу и пустошу Россию (писал хан) единственно за Казань и Астрахань; а богатство и деньги *применяю* к праху 185.

послы уверяли, что король во всем *исправится и добьет челом* царю за вину свою 192.

200 конных воинов, снаряженных по *немецкому чину* 192.

ныне видим против себя одну *саблю*, Крым; а если отдадим хану завоеванное нами, то Казань будет *вторая сабля*, Астрахань третья, Ногаи четвертая 210.

злочестие *высится*; христианство *никнет* 214.

мы цари *изначальные* и происходим от Августа кесаря 229.

шестую иоанновою супругою — или, как пишут, *женищем* — была прекрасная вдова, Василиса Мелентьева 274.

- начал *копать борозды* (или вести траншеи) 331 и 332.
но Шуйский, узнав от беглеца литовского о сих тайных девяти подкопах, умел *перенять* некоторые из них; другие сами обрушились 337.
кидали гранаты (*кувшины с землем*) 337.
отдать ему, но только *в конечной неволе*, всю Российскую Ливонию 342.
сня вылазка была сорок шестая — *и прощальная* 347.
называться полным отечеством или *вичем* 356.
сидел Иоани только с боярами, дворянами *сверстными* и князьями *служилыми* 359.
утверждал, что мы *новоуки* в христианстве 362.
католики вольны (сказали Антонию) жить у нас по своей вере, *без укоризны и зазору* 367.
принимать к себе всяких людей вольных, не *тяглых* и не беглых 376.
с обязательством *не делать руд*, и если найдут где серебряную, или медную, или оловянную, то немедленно возвещать о сем казначеев государевых 377.
им должно *покрыть* вины свои совершенным усмирением остяков и вогуличей 384.
казнил за всякое ослушание, за всякое *дело студное* 390.
государь и народ *воспрянули духом* 398.
заиграло кучюмово сердце, как сказано в летописи 407.
нельзя ничего купить на торгу или *с лавки* без поруки 450.
дни через два совершается *избрание*, объявляемое ему *благовестниками*, архимандритами Спасским и Чудовским 464.
избранный, между осьмью стоящими *огненниками*, под орлом, читает исповедание веры 465.

Том X

- на громогласном престоле свирепого мучителя Россия увидела *постника и молчальника* 6.
и да бояться *серпа небесного* 16.
в угодность им *не затворим дорог* в свою землю 29.
желает всегда *блюсти их под своею рукою* 31.
в *высокохвальном* королевстве шведском 49.
служить ей усердно *до издыхания* 64.
царская наша дума благоразумно советовала ему *манить* султана и не раздражать до общего восстания Европы на Оттоманскую империю 65.
я кину свое бедное царство и побегу, *куда несут очи* 66.
избывая мирские суеты и докуки, он не хотел слушать их и посылал к Борису 82.
они все *головами своими* кинутся к Кракову 101.
он *трепетал как голубь*, испуская дух, и скончался 133.
начал играть с ними *ножом в тычку* 139.
бог даровал ему победу *радением и промыслом борисовым* 156.
сами *пойдем на Москву своими головами* 174.
он *залег все пути крымцам к Дунаю* 182.

имею 40,000 всадников, 30,000 пеших воинов, 6000 стрельцов с огненным боем 194.

изъявив Феодору желание быть с ним в крепкой любви 199.

правитель сказал царю, что Смоленск будет ожерельем России 211.

в предисловии сказано, что без сей численной философии, изобретения финикийского, единой из семи свободных мудростей 259, т. е. без арифметики.

слова были писаны связью, или невразумительными чертами 269.

а в деревянном городе или *Скородоме* (то есть на скоро выстроенном в 1591 году) жили мещане и ремесленники 271.

несколько петухов рассольных с инбирем, куриц бескостных, тетеревей с шафраном 275.

под сею верхнюю одежду другую, шелковую, называемую *летником* 280.

Том XI

тогда *здравствовали* новому монарху все россияне 6.

доносить о всяких *скопах* и *заговорах* 7.

чтобы в делах *разрядных* и *земских* не доводить государя до *кручины* 8.

устроил еще *плавную*, или *судовую*, рать на Оке 15.

клятва и казнь всякому *мятежнику*, *раскольнику* *любопрительному* 20.

имела белизну *млечную*, волосы черные, густые и длинные, *трубами лежащие* на плечах, — лицо свежее, румяное, брови *союзные* 49. не менее пленяла и душою, кротостию, *благоречием* 50.

Александр пал, ибо не *прямил* России, и не стоил ее сильного вспоможения 69.

она стоя пила *чашу борисову* 74.

политики вообще *благоразумной*, не чуждой *властолюбия*, но умеренного: более *охранительной*, нежели *стяжательной*... 85.

взял к себе для *книжного дела* 124.

желание *избыть Бориса* овладело сердцами 175.

князь Иван Голицын спешил в Путивль, уже не к царевичу, а к царю с *повинною* от имени войска 194.

граждане выехали из столицы с *повинною* к самозванцу в Тулу 202.

на службе *прямить* и мужествовать неизменно 210.

Московский *благовещенский* протоиерей Терентий сочинил ему похвальное слово, как *венценосцу доблему*, *носящему на языке милость* 218.

положили *избыть* расстригу и ляхов 387.

Том XII

покрыть милосердием вину заблуждения 31.

вельможи его — говорит летописец — были в *смущении* и в *двоумыслии* 96.

велели ему *делать* под башнями так называемые *слухи*, или ямы в глубину земли, чтобы слушать там голоса или стука людей, копающих в ее недрах 104.

св. Сергей — говорит летописец — *охрабрил* и невежд 109.
требовать и *молить слезно* 255.

главным делом для послов было возвратиться в Москву с Владиславом, *дать отца сиротам* 255.

ручаемся вам *душами* за боярина Шеина и граждан 256.

все, *от мала до велика*, и там и в других городах целовали крест Владиславу 257.

москвитяне пировали с ляхами, скрывая взаимное опасение и неприязнь, называясь братьями и *нося камень за пазухою*, как говорит историк — очевидец 266.

вдруг заговорили смело о необходимости соединиться *душами и головами* для изгнания ляхов 274.

россияне уже не могут терпеть сиротства, *будучи стадом без пастыря или великим зверем без главы* 274.

имя *львообразного* стратига 295.

многолетствовали в церквах благоверным князьям и боярам 297.

(дети боярские) стоят ныне *со всею землею* против изменников и врагов 312.

ПИСЬМЕННЫЕ УПРАЖНЕНИЯ

1. ДЕЛОВЫЕ БУМАГИ

Часто случается слышать жалобы родителей на то, что их дети, учась в гимназии всяким премудростям, не умеют написать простого объявления или расписки. Удовлетворяя практической потребности, учителя внесли в реторику руководство к сочинению деловых бумаг, как то: газетных объявлений, квитанций, свидетельств, просьб и т. п. Для образца привожу из теоретико-практического руководства Гуртеля, профессора Политехнического института в Вене:*

§ 223. Объявления бывают:

- 1) о предметах потерянных, нанимающихся или продающихся;
- 2) о предложении чего-либо;
- 3) об особенных событиях, о чьей-нибудь смерти и других семейных обстоятельствах;
- 4) о вспомоществовании бедным и несчастным;
- 5) о благодарности за оказанное благодеяние;

§ 224. Для возвращения потерянной вещи объявляется:

- 1) когда и где потеряна;
- 2) что потеряно; признаки потерянной вещи;
- 3) кто потерял, или по крайней мере место, куда нашедший имеет возвратить потерянную вещь.

Пример: потеряна табакерка.

7-го числа сего месяца, между 5 и 6 часами вечера, на дороге от такого-то места (имя рек), через такие-то улицы и такую-то площадь и до такого-то дома потеряна золотая табакерка.

Форма ее плоская, нынешняя; на середине крышки в дубовом венке

* Grundriß der Aufsatzlehre, 2-е изд., 1841.

буква F, от коей идут лучи до самых краев; узкие бока украшены арабесками; по углам орлы; на нижней доске волнистые линии.

Нашедший благоволит вручить оную на такой-то улице дворнику в доме под № 1, за что получит три дуката золотом.

Вена, такого-то числа, месяца и года.

§ 243. Квитанции суть такие документы, которые дает кто-либо в получении денежной суммы от того, кто обязан был ему выдать оную. Они важны для выдавшего потому, что обеспечивают от вторичной выдачи.

В квитанции должно быть означено:

- 1) сколько денег;
- 2) от кого, т. е. имя платящего;
- 3) за что.

§ 244. Под последним пунктом разумеется причина платы, будет ли то жалованье, или награда, или долг и т. п. За работу или за товары квитанция совершается обыкновенно под счетом: *отдано сполна, такой-то* — и пр. Читатель сам видит ясно, что систематическая теория такой реторики договорилась до пустяков.

О таких руководствах к деловым бумагам надобно заметить следующее: 1) исчислить все случаи, при коих необходима деловая бумага, невозможно; след., учебник всегда будет неполон, руководство недостаточно. 2) Если уже учить, как пишутся квитанции, то еще необходимо учить, как составляются счета и счетные книги: реторика перейдет в бухгалтерию. 3) В практической жизни объявления столь же необходимы, как просьбы и рапорты; реторика перейдет в юриспруденцию. 4) След., практическое руководство к составлению деловых бумаг никоим образом не может войти в реторику как органическая часть органического целого. Маленькие наставленьица, попадающиеся в учебниках, касаются только одних формальностей, которые стоят наравне с адресами на письмах, т. е. с правилами, что генерал величается *его превосходительство*, князь или граф *его сиятельство* и т. д. 5) Не имея никакого научного достоинства, эти руководства содержат некоторую педагогическую ценность, и особенно для низших учебных заведений, откуда дети выходят прямо в купцы или ремесленники. Литературное образование лежит вне средств и цели уездных училищ; но надобно, чтобы кончившие в них курс умели написать письмо или объявление, а то для чего же они учились писать? 6) Что же касается до гимназий и других средних учебных заведений, то в них, кажется, вовсе не должно быть места руководствам к деловым бумагам, или по крайней мере до тех пор, пока не заведутся учителя юриспруденции и не возьмут их под свое ученое и разумное покровительство, дав им строгое юридическое значение. 7) Если учитель русского языка выучил своих учеников основательно обдумывать заданную тему, правильно располагать мысли, точно выражать оные, то ему уже вовсе не нужно будет и намекать, как пишутся ярлыки о продаже домов или найме комнат, выставляемые на воротах или на будке дворника. 8) След., гимназия должна образовать в ученике *уменье, способность*; применение же остается на удел самой жизни: школа никак не может предупредить всех случаев, в коих понадобится ученику писать о том или другом.

2. ПИСЬМА

Ступенью выше стоят упражнения в письмах. С одной стороны, примыкают они к деловым бумагам, а с другой, восходят до литературного, изящного произведения. Так как всякому чаще всего приходится писать письма, потому с ранних пор появились особые руководства, под именем письмовников, из коих древнейший у нас относится ко временам Петра Великого под названием *„Приклады, како пишутся комплименты.“* Впоследствии письмовник вошел в реторику. Пример руководства к письмам привожу из Фалькманна:*

1. (Понятие). Под именем письма разумеется речь, написанная к одной или многим особам. Письмо иногда не требует ответа, иногда требует. В последнем случае происходит мена письмами; корреспонденция есть не иное что, как письменный разговор.

2. (Отличительный признак). Отличительная черта письма — индивидуальность, коею выражаются характер пишущего и отношения лиц, между которыми переписка. Отсюда извлекаются все риторические правила для писем.

3. (Содержание). Содержание письма столь же разнообразно, как и разговора, ибо нет ни одной самой ничтожной вещи, которая не могла бы быть предметом письма. В некоторых случаях для письма решительно все равно, *о чем* пишется, главное, чтобы было написано в хорошем тоне. Потому в письмах часто касаются до десятка различных предметов и весьма редко бросают глубокий и всеобъемлющий взгляд на что-либо одно.

4. (Порядок). Распорядок письма делим мы на внутренний и внешний. Внутренний или расположение, будучи обще у письма с другими сочинениями, зависит от содержания и только в немногих случаях бывает обстоятельно и подробно развито. Но на него имеют существенное влияние цель письма, длина его, особы, к коим пишется, и обстоятельства, при коих пишется. Под внешним распорядком разумеется все то, чем отличается письмо от других сочинений по внешности, как-то: постоянное обращение к лицу, в начале воззвание, на конце подпись своего имени, означение места и времени, т. е. где и когда написано, иногда *postscriptum* и приложения, запечатание, иногда вложение в особую бумагу (конверт), надпись (адрес) со всем, что к тому относится⁴.

Это систематическое обозрение конвертов и адресов до такого наивного педантства пошло, что почитаю уместным прекратить выписку, разве только прибавлю из 7-й статьи, что достоинство письма, между прочим, должно состоять *сколько возможно в непогрешительном качестве бумаги, чернил и почерка.* Учителя словесности заслуживали бы самого живейшего сострадания, если бы принуждены были учить таким пустякам. От разделения писем на роды Фалькманн прямо ведет к практическим упражнениям. Он их делит на письма дружественные — от равного к равному, вежливые — к высшей особе, или не столь знакомой, деловые и ученые. Для практического руководства

* *Praktische Rhetorik für die oberen Klassen der Schulen und zum Selbstunterrichte*, 1831, стр. 336 и след.

приводятся письма, на которые ученики должны писать ответ, рассказываются вымышленные обстоятельства, соображаясь с которыми ученики ведут переписку, и т. п. Так в пример дружественного письма, между прочими, приводится письмо от товарища, проигравшегося в карты и просящего у ученика взаймы денег, чтобы обмануть отца. Ученик должен написать ответ. Пример выбран, вероятно, с педагогической целью, чтобы гимназист обругал своего товарища за дурное поведение. Как на дружественных письмах Фалькманн учит своих учеников лицемерить в дружбе, любви, обманывать своих товарищей поддельными, небывалыми чувствованиями, так — еще хуже — на так называемых вежливых — отравляет еще благороднейшие движения сердца, напр., благодарность и признательность к благодетелю, заставляя писать благодарственные письма. Как мало теплого, человеческого чувства в тех учителях, которые думают, что детей надобно учить даже изливать свою благодарность перед благодетелем! Выучат только одному — напыщенным фразам, льстивым выражениям без мысли и чувства. И будто можно, как в куклы, играть признательностью и благотворительностью и всеми возвышенными побуждениями души! К сожалению, многие учителя вовсе не догадываются, как портят они чистые сердца своих питомцев, заставляя выдумывать небывалые чувствования. Ложь никогда не родит ничего доброго. * По-моему, лучше вовсе не учить писать детей письма, нежели, вместе с письмами, научить только одной болтовне и загрязнить их душу лицемерием и обманом. О деловых и ученых письмах надобно сказать то же, что и о деловых бумагах, надобно знать дело, а без самого дела и деловое, и ученое письмо будет бездельно. Не худо припомнить слова Гердера ** против сочинения писем в школе: „заставляй ученика описывать, что он сам испытал и наблюдал, во всей истине; описывать факты из истории и географии во всем их свете; описывать историю религии и человечества во всей силе. Он приобретет все роды слога, ибо приобретет всякий род мышления. Конечно, не будет он учиться здесь сочинять пустопорожние, отвратительные письма, хрии и уродливые стихи; зато научится кой-чему лучшему: живости и очевидности в образах, повествованиях и картинах; сильному и неподдельному чувству в ситуациях. Та вышеупомянутая метода портит навеки; портит образ мышления и образ выражения, ничего не дает и отнимает многое: истину, жизненность, силу, словом, природу; на всю жизнь не дает ничего доброго, но весьма много злого; делает тощих педантов, вычурных периодистов, пошлых писак, коими полна Германия; такая метода яд на всю жизнь“.

3. ОПИСАНИЯ, ПОВЕСТВОВАНИЯ И РАССУЖДЕНИЯ НА ВЫДУМАННЫЕ УЧИТЕЛЕМ ТЕМЫ

Весьма естественно, что ученики даже высших классов гимназии всегда в большом затруднении найти тему, собрать материалы и расположить оные. Потому многие учителя, задав тему, рассуждают о ней с учениками в продолжение целого урока; ученики из собственных

* Слич. Günther, Über den deutschen Unterricht, 1841, стр. 34 и след.

** Ideal einer Schule (Werke z. Philos. u. Geschichte, Bd. X, 331).

соображений и слов учителя набирают материалы и приводят их в некоторый порядок, на следующий урок приносят письменное расположение и потом уже готовят сочинение. Для упражнений подобного рода есть даже особые руководства; таково, напр., Герцога, директора и профессора гимназии в Бернбурге.* Для примера привожу первую задачу, на тему: почему воспоминания о детстве самые приятные?

I. Введение

1. Человек редко умеет жить в настоящем. Охотнее занимается будущим и прошедшим. Так бывает во всяком возрасте. Юноши живут более в будущем, старики в прошедшем.

2. Опыт научает: из возмужалого возраста старец сохраняет более мрачные воспоминания, чем светлые; дитя легко забывает и радость и горе, но возрастая, припоминает из своих ранних лет более радостное, чем печальное.

II. Чем объяснить это?

1. Отрицательно. Не потому, чтобы детские радости были выше. Неужели взрослому человеку придет мысль и охота забавляться детскими играми? Хотя любимы мы ими с наслаждением, но не променяем на такие удовольствия, к которым мы по летам способнее. Сравнение высших радостей юноши и мужа с радостями дитяти. Несмотря на то, воспоминания о детских радостях так приятны!

2. Причина должна заключаться в чем-либо ином. В чем же?

а) Дети невиннее: они еще не испытали собственных своих нравственных недостатков; все кажется им в прекрасном цвете; они не заботятся о мнении общественном; незнакомы с душевными страданиями, потому-то воспоминания о детских радостях чужды раскаяния.

б) В детском возрасте впервые просыпается чувство к наслаждению радостями. А всякое первое благо незабвенно и сладко, потому и продолжительно воспоминание о всяком благе, которое достается нам впервые (так и первая любовь). Все позднейшие радости только повторение прежних. Теряется не сила к ощущению радостей, а новизна.

в) Дети легко забывают неприятное и живо припоминают приятное, и с этими воспоминаниями переходят в другие возрасты. Впрочем остаются некоторые и неприятные из юношества воспоминания, однако впоследствии мы удостоверяемся, что все неприятное послужило нам к усилению и улучшению нашего характера.

г) Детский возраст есть возраст надежды. Дети редко разочаровываются в надежде. Частая перемена в детском быту; переход из класса в класс; всегда что-нибудь новое. Потому для дитяти время летит не так скоро, как для мужа и старца, которые при однообразии своих занятий удобно могут судить о долготе и краткости времени.

д) Дети малым бывают счастливы. Их радости дешевле. Они беззаботны. Взрослые заботою покупают себе радости.

* Stoff zu stylistischen Übungen in der Muttersprache, 2-е улучшенное и пополненное изд., 1838.

III. На всем этом основывается идья древних о „золотом веке“

К сожалению, надобно заметить, что подобные руководства относятся к тем учебным пособиям, которые в Германии называются ослиными мостами, т. е. разжевывают всё, так что ученикам ничего не остается делать, как глотать. Главнейшие причины их негодности: 1) учитель должен быть энциклопедистом для того, чтобы руководствовать учеников в сочинениях по всем отраслям знания; след., материалы, им сообщаемые ученикам, будут весьма недостаточны, а иногда и вовсе ложны. 2) Ученики сами не в состоянии писать о таких предметах, которых они не изучали или не знают, и о таких чувствованиях, которых они не ощущали; так, напр., вышеприведенная тема вовсе чужда гимназисту, ибо он еще живет в том возрасте, о котором заставляют его уже вспоминать. Или еще несообразнее для детей предлагает Герцог тему „О радостях старческого возраста.“ 3) След., все подобные задачи будут весьма скудны содержанием, так что ученик или только перефразирует то, что слышал в классе, или же канву сочинения, данную учителем, разведет пустою болтовнею; обыкновенно бывает последнее, особенно с учениками прилежными. 4) Казалось бы, здесь больше выгод на стороне расположения; но при бедности содержания, расположение будет тощею и безжизненною формальностью, которая приучит только к педантству и к суетному, бездельному мышлению, без знания и опытности. Мышлению, как огню, нужна пища, иначе оно будет потешным огнем. 5) И в отношении слога, или выражения, такие задачи бесплодны, ибо уста говорят истинно и красноречиво только от избытка мыслей и чувствований. Здесь же дети научатся только натянутым, пошлым выражениям, общим местам, педантским, напыщенным фразам, чахлому и безжизненному представлению. 6) Наконец, такая метода письменным упражнениям не имеет никакого твердого основания и ни с чем не связывается. Чтение писателей отечественных и иностранных вовсе не берется в расчет. Рассуждения учеников по различным отраслям наук преподаватель отечественного языка ценит только по слогу и расположению, не будучи судьей содержания, будто содержание не главнейшая часть сочинения! Описания и повествования, не воспитанные отчетливым изучением писателей, но взлелеянные только одним праздным воображением ученика, и по большей части не согретье ни малейшим сочувствием, развивают ложную сентиментальность и авторские замашки, всегда столь смешные в ученике.

А сколько мўки приносят детям подобные сочинения, и преимущественно потому, что ученики еще бедны мыслями. „Я еще живо припоминаю себе из своего учебного возраста, — говорит один педагог,* — сколько терзали учеников этими мнимыми пробными камнями, и ничему столько не радовался я, по выходе из школы, как тому, что навсегда отвязался я от этого беззаконного развязывания зародыша моих мыслей, которое угрожало мне через каждые три или четыре недели. В этом удостоверяет меня не одно воспоминание о собственных муках, но и постоянное наблюдение над сотнями моих учеников. Сочинение лежит

* Проф. Бонпель в Neues Jahrbuch der berl. Gesellschaft für deutsche Sprache, ч. 2, тетр. 4.

гирею на душе их, не в пример тяжелее всех прочих учебных занятий вместе. Чем это объяснить? а разумеется тем, что требуют от учеников *собственных произведений*". „Нет ничего несообразнее, * как требовать от детей собственно их мыслей и собственного изложения оных. Дети еще не умеют ни совладеть с своими мыслями, ни вращать их в какой-либо предписанной форме". „Дети должны производить, — говорит Ф. А. Вольф, — тогда как над ними самими только что совершается процесс произведения. Напрасно трудятся они, и выйдут из них или пошлые болтуны, или же скороспелки, которые ничего порядочного не сделают, когда придет время для собственных произведений. Это не что иное, как духовное загрязнение и скверное уродство". „Всего недостойнее такие задачи, на которых принуждают детей выставлять на позорище собственное их внутреннее бытие. Об этом удачно и остроумно замечает Борманн: „есть старинное, в народе распространившееся предание, что человек умрет, если увидит самого себя. Это внешнее представление мысли, будучи понятно в своем основании, содержит глубокую истину. А именно, всякий человек питает некоторую боязнь объективировать самого себя или извлекать себя из самого себя и ставить отдельным от себя предметом". „Дитя, — прибавим мы, — легко может победить эту боязнь, делая себя предметом собственных мыслей и чувствований, но тогда оно теряет уже часть своего детства и подвергает себя опасности ошибаться в своих духовных силах и вести странную и опасную игру своими чувствованиями". **

4. ОТНОШЕНИЕ ПИСЬМЕННЫХ УПРАЖНЕНИЙ К ПРОЧИМ ПРЕДМЕТАМ ПРЕПОДАВАНИЯ

Замечательно, что учителя, выдумывающие для ученических сочинений темы, кроме нравоучительных, всего чаще задают исторические. Некоторые истины столь ясны и светлы, что к ним приходят и блуждающие во тьме по окольным дорогам. И действительно, какое богатое поприще предлагает для письменных упражнений история! Но главное, чтобы описываемые исторические события имели отличительный характер, были бы замечательны по своему историческому влиянию на жизнь народа; и особенно не надобно забывать, чтобы источниками для этих описаний служили классические образцы. *** Так, напр., войны могут быть предметом для сочинений: 1. Завоевательные: а) романически-героического характера (походы Александра Великого), б) воинственно-политического характера (Цезарь в Галлии). 2. Войны за свободу: а) отражение сильного врага (Персидская война), б) ниспровержение ига (отпадение Нидерландов). 3. Славное, великодушное отступление (Анабазис). 4. Решительная всемирная битва двух народов на живот или на смерть (Пунические войны). 5. Гражданские войны (Пелопоннесская). 6. Религиозные (Гугеноты). 7. Войны смешанного характера, где соединяются и политические, и религиозные, и патриотические, и завоевательные интересы (Тридцатилетняя) и т. д. То же самое должно

* Отто Шульц в *Schulblatt für die Provinz Brandenburg*, 1836, 4-я тетр.

** Слич. *Diesterweg, Wegweiser...*, I, стр. 379; *Herling, Theoretisch-Praktisches Lehrbuch der Stylistik*, 1837, I, предисловие, стр. IX.

*** *Hiecke, Der deutsche Unterricht auf deutschen Gymnasien*, 1842.

сказать и о географии или естественной истории, где только введена сия последняя. Напр., общее географическое обозрение, частное описание известной страны в отношении к естественным произведениям, к образованию земли, к истории и т. д.; течение реки (Рейна, Днепра, Волги); образование гор (Альпийских, Кавказских); в отношении этнографическо-статистическом, описание образа жизни народов южных и северных, западных и восточных, описание крепостей, городов торговых, приморских, нагорных, столичных, и т. п. Чтение классиков греческих и римских также должно применяться к письменным упражнениям; напр., из чтения Цезаря можно извлечь след. темы: 1. Храбрость некоторых воинов в Галльском походе. 2. Характеристика римского войска в Галлии под начальством Цезаря. 3. Какое участие принимали в делах Цезаря его сподвижники? 4. Политические отношения Галлии до завоевания ее. 5. Военские и 6. Политические действия Цезаря при завоевании Галлии. 7. Цезарь в Галлии.

Так как в гимназии все учителя совокупными силами стремятся дать ученикам общее образование, потому непременно должны помогать друг другу. Как учитель отечественного языка иногда по необходимости входит в области преподавания других учителей, ибо язык есть выражение всякой духовной деятельности человека, так и прочие учителя должны помогать в образовании отечественного дара слова не только изустными упражнениями, но и письменными. Многие, к сожалению, вовсе не хотят этого понять. Начальники часто жалуются именно на учителя русского языка, когда заметят, что ученик, рассказывая урок исторический или географический, сделал какую-нибудь грамматическую ошибку, а учителя истории или географии остаются правы за то, что потакают грамматическим ошибкам своих учеников; язык им кажется делом посторонним, будто он лежит на ответственности только учителя словесности. Но можно ли сему последнему в немногие уроки твердо и безошибочно научить тому, что все остальные учителя портят своим невниманием и небрежением? Если уже для образования изустного выражения необходимо совокупное действие всех учителей, то тем паче для письменного. Для учителей древних языков пусть письменно переводят ученики классических писателей, для учителей новых языков — французских и немецких классиков; да не так, как это весьма часто делается, т. е. учителя чужих языков смотрят в переводе только на то, понял ли ученик автора, а как выразился по-русски, о том им и горя мало. Притом учителя новых языков как иностранцы по большей части плохо знают по-русски, след., переводы с новых языков не приносят никакой пользы для языка отечественного. В этом случае учитель французский и немецкий пускай передают ученические переводы учителю отечественного языка. Прочие учителя тоже должны задавать гимназистам письменные упражнения, даже учитель математики, разумеется, только из физики. О темах из истории и географии сказано уже выше: учителя этих предметов, задавая письменные упражнения, сами увидят, сколько принесут ученикам пользы; до сих пор они обогащают только их память, посредством же сочинений предметы их преподаваний войдут живительным элементом в общее духовное образование ученика, в воспитание его характера. Обыкновенно говорят, что учитель отечественного языка

оказывает самое сильное влияние на нравственное направление ученика. И действительно, такое мнение останется правдою до тех пор, пока он один будет упражнять учеников в сочинении. Впрочем, нравственные и религиозные темы, задаваемые в классе словесности, часто вредят нравственности, вызывая в ученике лицемерное излияние добродетельных чувствований и таким образом вовлекая в ханжество. Потому-то законоучитель постоянно должен быть правителем нравственности учеников; он не столько образовывает ум и память учащихся, сколько сердце и душу со всеми ее сокровенными движениями. Чем же он может проверить успехи своих учеников на поприще искреннего, внутреннего совершенствования всего духовного бытия их? Нравственность не в слове, а в деле и благородном чувстве. Не заучиванье наизусть, а внутреннее, в себя углубляющееся созерцание дружит нас с правдою. Одно из лучших средств к тому сочинение.

Потому* „прямое, сообразное с школою содействие всех предметов преподавания должно состоять в том, чтобы каждый учитель, в известное время, напр., в продолжение трех месяцев, один раз или дважды, задавал ученикам письменные упражнения. Таким образом ученику придется писать более, нежели тогда, когда бы предоставлено было упражнение в письме только одному учителю отечественного языка. Следовательно, не будет и несообразных, с ветру пойманных тем, какие обыкновенно выдумывают учителя словесности единственно для того, чтобы образовать слог во всем разнообразии, выбирая предметы для сочинений из всего круга наук, как будто бы учитель отечественного языка есть вместе и учитель истории, и технологии, и естественной истории“.

„Очевидное и главное свидетельство духовного образования есть отечественный слог; ** только жаль, что ему нельзя непосредственно выучить как истории, математике и др.; тоже нельзя учить и так, как учат латинской стилистике. Он не есть плод известных, определенных знаний в отечественном языке, ни частых упражнений письменных, ни внимательного чтения писателей, но, с одной стороны, есть врожденное дарование, а с другой — плод общего духовного совершенствования. Можно сказать, что совокупное гимназическое обучение способствует развитию отечественного слога, как цветку всякого образования; и чем справедливее пословица: *le style c'est l'homme*, тем менее можно предполагать, чтобы слог *давался*; слог не дается точно так же, как и характер“.

5. ОТНОШЕНИЕ ПИСЬМЕННЫХ УПРАЖНЕНИЙ К ПРЕПОДАВАНИЮ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА

Учитель отечественного языка должен выучить детей правильно писать *чужое* и потом сочинять *свое*.*** К первому относится право-

* К. Wackemagel, *Der Unterricht in der Muttersprache*, 1843, стр. 86, 87.

** Döderlein, *Reden und Aufsätze*, 1843, стр. 243.

*** В таком разграничении работ, в их „очередности“ заключается ошибка. Упражнения на изложение чужого и сочинения „своего“ должны идти одновременно в течение всего курса. Нужны лишь тщательно подобранный материал, тематика и степень объема и глубины, соответствующий развитию ученика материал. *Ред.*

писание, ко второму, кроме собственно сочинений, переводы, извлечения и т. п. И то и другое не должно выходить из пределов предмета преподавания, т. е. как правописание исключительно основывается на грамматике, так сочинения, извлечения, переводы на чтении образцовых писателей, на истории литературы, на сравнительном языковедении и т. п. Все собственные письменные упражнения учеников Бенеке * подводит к четырем статьям: 1) дается *содержание* вместе с словесным выражением оно, т. е. вместе с *формой*; 2) дается *содержание*, но во *внешнем* или *внутреннем воззрении* на предмет, след., без формы; 3) дается *форма*; найти содержание; 4) ни того, ни другого не дается; *найти и форму и содержание*. Эти статьи идут в восходящем порядке: первая легчайшая; к ней относятся ответы на вопросы о том, что уже было сказано: письменное или словесное повторение предложенного учителем; извлечение из прочтенного и т. п. Перевод с чужого языка составляет переход ко второй статье, ибо хотя дается и содержание и форма, но форму надобно переделывать, самостоятельно вращаясь в понятиях родного языка. Ко второй статье относятся описания предметов природы видимой и духовной, произведений искусства. К третьей подражания в форме басни, повести, письма, разговора и т. п. Последняя статья имеет самое обширное применение, на низшей ее степени дитя приискивает сказуемое к подлежащему, подлежащее к сказуемому, дополнения, определения и обстоятельства к тому и другому; на степени высшей сочиняет, напр., на заданную пословицу, описывает вымышленный характер и т. д. Из этого обозрения следует исключить, во-первых, все то, что лежит в обязанности не одного учителя русского языка, но и прочих учителей; и, во-вторых, все упражнения, не соответствующие детскому и юношескому возрасту. По моему мнению, учитель русского языка, ограничиваясь собственным своим предметом, мог бы подвести все письменные упражнения учеников к трем отделам: 1) к выражению, 2) расположению и 3) изобретению. В первом случае даны и содержание и расположение; следует найти выражение: перевод с чужого языка. Переложение с церковнославянского и древнерусского и для выражения дает материалы, из коих следует избрать речения, приличные современному слогу. Во втором случае — или даны содержание и форма — привести их в порядок: сюда относятся систематические извлечения планов из прочтенного; переработка старинного памятника нашей словесности по мысли, требующей иного порядка в расположении; систематическая обработка какого-либо предмета, извлеченного из различных книг и писателей. Или же дано одно содержание — привести в порядок и приискать выражение: обработка какого-нибудь произведения с языка чуждого, не просто перевод, но или извлечение плана, или изменение оно, или извлечение из разных иностранных сочинений, писанных на разных языках, приведенное в стройный порядок; письменное изложение урока из словесности, с изменением расположения. В третьем случае, так как не дается содержания, то вместе с тем, разумеется, не дается и расположения и выражения: упражнения этого рода должны задаваться с большой разборчивостью и в известных границах. Темы на такие сочинения

* Erziehungs- und Unterrichtslehre, 1842, II, стр. 414 и след.

должны быть предоставляемы на волю самих учеников: учитель заблаговременно должен одобрить то, о чем им вздумается писать, и все-таки указать на некоторые источники, чтобы обогатить содержание сочинения или дать образец для расположения. Учитель отечественного языка таким образом прикнет письменные упражнения к своему предмету: в выражении и расположении он главный руководитель; касательно же материала для сочинений, он дает историю словесности, отрывок из образцового писателя, точно так, как учитель истории или географии — факты своих наук.

а. Правописание

Правописание на низшей своей степени лежит в обязанности учителя не грамматики, а азбуки и чистописания. Пока эта простая истина не признается и не приведется в исполнение в наших школах, до тех пор не будет успешной педагогической методой в обучении правописанию. * Сначала дитя должно учиться писать так, как слышит и говорит; здесь связь правописания с звуковой методой азбуки. Буквичная метод, т. е. обучение читать по буквам, т. е. *буки аз ба*, или *бе а ба*, изгнанная теперь из школ, не принесет такой пользы для правописания, как звуковая, по которой дитя с первого раза знакомится с элементами слова в естественном и живом соединении оных. Если дитя правильно пересчитает порядок звуков в слове, то в последовательности и напишет соответствующие звукам буквы, не пропустив ни одной, ибо твердо умеет складывать. Если же к тому с самого начала при чистописании будет обращать внимание и на правописание, т. е. если на чистописании дети привыкнут писать правильно многие слова и выражения, то учитель грамматики, на таком твердом основании, легко и скоро может выучить детей писать правильно. Грамматическое обучение правописанию не ограничивается уже правилом — писать так, как говоришь и слышишь, а требует писать, как должно грамматически, согласуясь с законами производства и изменения слов и связи предложений; след., учит не только правильно писать слова, но и отделять их знаками препинания. К этому надобно прибавить одно весьма важное условие: в обучении правописанию не делать никаких нововведений, несмотря даже и на то, если бы они были истинными улучшениями, но следовать общему употреблению. Ибо мы учим детей для жизни, как она есть. Разногласие же с обществом ни к чему доброму не поведет учеников. Осуждение общепринятого возбудит в них дух неразумной гордости и суетного чванства, неразлучного с дерзким осмеянием. Учитель может писать, как ему угодно, как находит правильное, ученики же должны писать так, как пишут все.

Главнейшие начала при обучении правописанию:

1. Элементарная ступень, т. е. писать, как говоришь и слышишь, должна быть отделена от высшей, от собственного правописания.
2. Итти вперед как можно осмотрительнее: не начинать нового до тех пор, пока ученики не укрепятся в показанном.
3. С упражнением соединять объяснение.

* Diesterweg, Wegweiser..., I, стр. 367—374.

4. Сначала дети списывают себе в тетрадь написанные на доске слова и предложения.

5. Потом переписывают из книги заданные учителем для того уроки.

6. Далее переписывают на бумагу выученное наизусть, разумеется, без книги.

7. Наконец пишут под диктант.

8. При диктанте учитель, сказав предложение, заставляет нескольких учеников повторить оное, для того чтобы убедиться, что они правильно его расслышали. Притом можно заставлять пересчитывать в порядке все буквы сказанного слова.

9. Когда уже продиктовано, при корректуре учитель употребляет следующие разнообразные приемы: или заставляет учеников дома сличить продиктованное с подлинником, если диктовалось из хрестоматии; или пишет сам, или же лучший ученик на доске, и по мере писания ученики поправляют свои тетради, для того чтобы не сидели даром, пока исписалась бы вся доска; или ученики меняются тетрадями и поправляют друг друга; или учитель берет тетради домой и замечает ошибки, но не поправляет; это дело учеников; при этом случае следует заметить одно обстоятельство: некоторые ученики, или по рассеянности или по недобросовестности, кой-как поправляют подчеркнутое учителем слово; для того лучше не подчеркивать ошибки под строками, а делать знак против строки на полях, тогда ученик обязан будет прочесть целую строку и найти ошибочно написанное слово. Учитель не должен ограничиваться каким-либо одним из этих приемов, но пользоваться всеми. Сверх означенных может употреблять и другие.

10. Касательно полицейской части при диктанте, надобно также держаться некоторых приемов: рассаживать учеников по числу ошибок; ленивых и неисправных заставлять дома один или даже несколько раз переписать правильно то, в чем наделали много ошибок. Полезно также раз десять или двадцать написать правильно какое-нибудь слово, в котором ошибаешься.

11. Обыкновенно не радеют дети о правописании, когда пишут для учителей прочих предметов. Надобно, чтобы все учителя строго следили за правописанием учеников.

12. Правописание должно обратиться в привычку, ученик должен дойти до того, чтобы и бессознательно, не думая, писал правильно. Потому весьма неудачна метода тех, которые учат правописанию по ошибочно написанному или ошибочно напечатанному, заставляя учеников поправлять ошибки. Как же дитя привыкнет к правильности, если постоянно читает только ошибки? Намеренно напечатанные с ошибками практические упражнения в правописании могут употребляться с пользою только на экзаменах или в уроке, но уже при испытании, чтоб увериться в знании ученика.

13. Дальнейшее и окончательное утверждение учеников в правописании при сочинениях и переводах.

б. Начальные письменные упражнения

В низших классах еще нельзя задавать ни переводов, ни извлечений, ни переложений. Для переводов требуются знания чужих языков и несколько упражненного отечественного периода. Вредно и опасно слишком

рано задавать детям переводы, даже и тогда, когда они порядочно владеют языком, с которого переводят. Сначала им надобно укрепиться в русской речи, иначе они исказят ее варваризмами. Извлечение из хрестоматии в начале также неудобно, хотя не столько мучительно для детей, как перевод. Это еще не главная беда, что они будут слово в слово выписывать по целым строкам, а нехорошо то, что, выписывая из разных мест статьи, приучаются к бессвязному, нелогическому изложению. В высших классах и извлечение имеет смысл. Переложение с русского на русский же едва ли не опаснее извлечения. Перед учеником лежат, напр., басни Крылова или сказки Пушкина, и он немилосердно искажает их, переписывая в тетрадь своею детскою речью. А важнейшая-то ошибка в том, что дети получают дурной предрассудок, что ту же самую мысль можно выразить другими словами, нежели те, в какие облек ее классический писатель. Переложение стихов в прозу также имеет свою невыгодную сторону: ученики сызмала приучатся думать, что стихотворная форма есть нечто случайное в поэзии и что всякое поэтическое произведение можно разложить в прозу. И вообще есть что-то неорганическое, мертвящее и убивающее в ученических первоначальных переложениях.*

Так как сочинение есть тот же рассказ и разговор, только на бумаге, то самым естественным началом собственных сочинений должен быть нечувствительный переход от изустного рассказа к письменному. Заставляя ученика правильно пересказать рассказанную басню, учитель учит его уж и сочинять. Итак, постоянным рассказыванием дети приготавливаются к сочинениям. Впоследствии, когда они несколько укрепятся в правописании, учитель задает им дома написать на бумаге *то же самое и точно так же*, что рассказывали в классе. При этом надобно обратить внимание на два обстоятельства: 1. Для сочинений учитель должен рассказывать или читать из писателей образцовых, из русской и священной истории и т. п.; одним словом, всегда что-нибудь *дельное*. 2. Строго наблюдать, чтобы не было у учеников книги с тем рассказом, который должны они пересочинить, в противном случае, вместо сочинения, будут извлечения и переложения, с своими вредными следствиями.

в. Переводы

Письменные упражнения должны органически смыкаться с теоретической частью преподавания. В грамматике переводам соответствует сравнительное языкознание. Каждый народ смотрит на вещи по-своему, с своей точки зрения. Можно решительно сказать, что слова на разных языках, выражающие совершенно одну и ту же мысль, не имеют одного и того же значения,** ибо всякое слово выражает особое впечатление, особенный взгляд на природу, а на каждый предмет можно смотреть со множества точек зрения. Так *жито* по-нем. Getreide (двн. gitrakidi) означает

* Автор преувеличивает опасность переложения писателя: нужна лишь хорошая подготовка к такому пересказу. В настоящее время мы рекомендуем изложение возможно ближе к тексту автора, конечно, со слуха, не по книге. Но возможны и так называемые свободные изложения. *Ред.*

** W. Humboldt, Sprachbau, 222.

выносимое из земли (getragen), по-лат. frumentum зн. и плод (fruges, fructus) и пользование им (fruor); по-слав. *збожие* или *сбожие* (богатство), *обилие*, употребляются вм. *жита*. Один и тот же предмет одарен различными свойствами, и каждый язык называет его по одному какому-либо свойству. Напр., лиса — красная, волосатая, хищная, лукавая; по-нем. слово лиса зн. красный (т. е. зверь), по-санскр. *lomaṣa*, *lorāṣaka* — волосатый, слич. гр. *ἀλώπηξ*; лат. *vulpes* (одного корня с нем. *wolf*: гот. *vilvan* — грабить) зн. грабителя, хищника, по-фр. в старину также *volps*; нынешнее же *le renard* перешло в нарицательное от собственного имени *Reinardus*, *Reinhart fuchs*, *Renart*. Сравнительная этимология и особенно сравнительный синтаксис постоянно применяется к переводам. Дети не только узнают, но и учатся применять к делу идиотизмы отечественные и строго отличать от иностранных. Будет великая заслуга учителя словесности, если он на переводах убедит своих учеников в том, что всякое классическое сочинение вполне изящно только на своем языке и что никакой перевод не заменит подлинника, ибо всякий язык выражает впечатления по-своему.

г. Переложения

Переложение древних памятников нашей литературы так же тесно связывается с историческим языковедением, как переводы с сравнительным. Карамзин должен ввести в упражнения этого рода, ибо его „История“ предлагает множество образцов переложения. Кто сличал эти переложения с подлинниками, знает, сколько заимствовал из них Карамзин, и, вероятно, убежден, что писать карамзинским слогом и вместе с тем быть самостоятельным — значит переложать древние памятники. Если цель обучения состоит в том, чтобы дать ученику общие начала, коим бы он следовал, и кончив ученье, т. е. воспитать ученика так, чтобы он, вышедши из школы, был сам себе учителем, то лучший наставник в слог — Карамзин. Следуя ему, будешь самостоятелен. Как при переводах сличаются выражения чисто русские с варваризмами, так при переложениях показывается отношение старинного языка к современному. Переводы дают слогу общеевропейское, многостороннее направление; переложения удерживают его на родной почве. Разумеется, что переложение не всегда может быть надстрочное и потому иногда переходит в переработку. Напр., написать по летописям о Мамаевом побоище, об Александре Невском, присоединении Новгорода, Пскова и т. п. Древние памятники писаны частью на церковнославянском, частью на древнерусском языке, весьма близком к теперешнему народному, так что от сочинений религиозных, через послания, летописи, юридические документы, нечувствительно переходишь к древним русским стихотворениям, а от сих последних к народным сказкам и песням. Потому в переложениях, кроме архаизмов, научаешься отличать и выражения чисто народные и также провинциализмы. След., в стилистике статьи об архаизмах, народном языке и провинциализмах относятся к переложениям точно так же, как варваризмы к переводам. Мы не можем теперь постоянно удерживать старинную связь предложений и периодов, потому ученик древнему материалу должен иногда давать современную форму предложения; этому научит его Карамзин.

д. Извлечения

Извлечения также органически связываются с теоретической частью курса, примыкаясь, с одной стороны, к чтению писателя, а с другой, к логическому отделу реторики, к расположению. Упражнения этого рода могут быть следующие:

1. Извлечение выражений. Ученики выписывают из какого-нибудь классического произведения замечательные слова и выражения, тропы, фигуры, синонимы и т. п. Так напр., из „Истории Пугачевского бунта“ (по изданию 1834 года): а) отдельные слова: *след* их, чем далее шел, тем более рассыпался 116; ночью, в *волновую* погоду, Суворов пере-правился через Волгу 162; кто был скуден, *очутился* богат 134; прости, народ православный; отпусти, в чем я согрубил пред тобою 166. б) Падежи: Голицын потерял до четырех сот *убитыми* и *ранеными* 91. Пугачев потерял последние пушки, четыреста человек *убитыми* и три тысячи пятьсот *взятыми* в плен 95. Михельсон потерял одного офицера и шестьдесят рядовых *убитыми* и *ранеными* 113. Пугачев был разбит и бежал, потеряв восемьсот человек *убитыми* и сто восемьдесят *взятыми* в плен 131. Михельсон потерял до ста человек *убитыми* и *ранеными* 133. Пугачев потерял до четырех тысяч *убитыми* и до семи тысяч *взятыми* в плен 156. в) Числа: бунтовщики потупили *голову* 160. Зарубин уехал и в ту же ночь перед светом возвратился с Тимофеем Мясниковым и с неведомым человеком, все трое *верхами* 17, *вм.* *верхом*. г) Предлоги: донощик *назван от* Пугачева полковником 121. (Меллин) взял под караул прапорщика Шахмаметева, *посаженного* в воеводы *от* самозванца 145. д) Согласование: *взято* в плен *три тысячи* бунтовщиков 97. е) Порядок слов: в смутное *сие* время 13. ж) Сравнения: выстрелы, говорит один свидетель, сыпались подобно дробь, битой десятью барабанщиками 67; все это нас так ободрило, говорит свидетель осады, претерпевший весь ее ужас, как будто мы съели по куску хлеба 103. Такие извлечения не только обогатят слог учеников, но и будут им живою, самостоятельную грамматикою и стилистикою. Для образца можно им указать еще в этой части стр. 151—177 и во второй стр. 224—225, 305—309, 339, 343.

2. Извлечение содержания. Это упражнение должно заменить так называемые общие места. Дети еще бедны мыслями и фактами, пусть выписывают они себе отрывочные замечания из того, что читают. Это приучит к наблюдательности и обогатит знанием.

3. Извлечение плана. Оно служит применением теории расположения к чтению писателя и к письменным упражнениям и чрезвычайно укрепляет *судительную* силу. Из разобранной статьи ученик извлекает главную мысль и проводит ее через все частности; главная мысль будет как бы подлежащее, частности же — различные сказуемые, ее определяющие. Надобно, чтобы отделы плана с подразделениями ученик означал цифрами, буквами, отделяя в новую строку и т. п.

е. Собственные сочинения

Собственные сочинения должны быть не более как видоизменение и соединение вышеозначенных упражнений. Содержание их — чтение писателей и теоретический урок словесности. Желательно, чтобы

в высших классах гимназии ученики дома составляли краткое письменное обозрение того, что услышат в классе от учителя словесности. Особенно история литературы может дать богатый материал. Напр., в классе прочтена Державина ода „Бог“ вместе с замечаниями на нее, самим поэтом сделанными; учитель ставит в параллель строфы оды с историческими обстоятельствами, при коих она была написана, указывает главную мысль и проводит ее через всю оду, — т. е. что человек должен возноситься к богу не фантазиею, не тщетными словами, а умиленною молитвою и слезами. Ученики гораздо лучше поймут и учителя и разобранный сочиненный, если сообразят дома, на бумаге. Пускай не заучивается беллетристическая часть курса словесности, а передается от учеников письменно. Для соображения предлагаю несколько тем:

О Ломоносове: по статье Батюшкова, по письмам Ломоносова, по его портфелю (в „Очерках России“ Пассека) и т. п.

О „Недоросле“ Фон-Визина и о комедии вообще: по статье кн. Вяземского, по гоголеву „Разъезду“.

О Кантемире: по разговору Батюшкова.

Жизнеописание некоторых преподобных писателей древних: по житиям святых.

Характеристика князей и царей русских: по летописям и по Карамзину; взять в соображение отрывок из хронографа Кубасова, помещенный в „Славянской хрестоматии“ Пенинского.

Характеристика древних великих людей: по Плутарху, Курцию, Корнелию Непоту и др.

Изложение некоторых теоретических мнений о поэзии: по теории поэзии в историческом развитии проф. Шевырева; по чтением о словесности проф. Давыдова.

Описание некоторых народных праздников, обрядов, игр: по сочинению Снегирева об этом предмете; по „Сказаниям русского народа“ Сахарова.*

Так как ученики начнут писать собственные сочинения, уже достаточно упражнявшись и постоянно упражняясь в слоге на переводах, переложениях, то в сочинении преимущественное внимание следует обращать на расположение и притом на расположение не только главных частей плана, но и подробностей. То есть, следует наблюдать за течением мысли и за логическим естественным переходом от одного предложения к другому. Для этого весьма полезно выставлять на полях тетради против каждого периода цифру.** Когда таким образом все

* Вероятно, интересно будет некоторым узнать, что сочиняют немецкие гимназисты. Т. Гейнзиус в последние два года, в берлинской гимназии, между прочими, вот какие задавал темы: Шиллер как дидактический поэт. Дант и его Божественная комедия. О характере романтической школы. Жизнь Демосфена. О характере маркиза Позы. О характере Креона в Антигоне. О греческой драме. О единстве в эпосе. Reineke Fuchs. Das Kirchenlied. Об Эмилии Галотти Лессинга и об его же Лаокооне. О поэзии по цели и средствам. Сравнение трех греческих трагиков: Эсхила, Софокла и Эврипида. Что способствовало процветанию красноречия у древних. О Цицероне как ораторе. См. *Zeitgemäße Pädagogik der Schule*, стр. 184—185.

** Автор подразумевает под периодом нечто вроде тезиса с подразделениями по содержанию. Важна здесь не столько расстановка цифр, сколько мысль о логическом самоконтроле ученика над своим сочинением. *Ред.*

предложения будут на перечете, тогда ученик ясно увидит, не повторил ли он во втором периоде то, что было уже в первом, естественно ли следует второй период за первым или его переместить туда, где третий, и т. д. След., логика должна проходить через все предложения, связывая их неразрывною цепью.

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

Отрывочные сведения, набранные учениками в течение целого курса из чтения писателей и из материалов для письменных упражнений, должны быть приведены в систему, разумеется, уже в последнем классе гимназии. Это систематическое обозрение будет вместе и повторением. Так как историческое направление гораздо надежнее философского и доступнее юношескому возрасту, то, без сомнения, это общее обозрение должно состоять в истории русской словесности и языка. До сих пор в наших гимназиях мало обращают внимания на древнюю церковнославянскую литературу, между тем как короткое знакомство с нею необходимо всякому образованному человеку, уж для одного того, чтобы отчетливо понимать св. писание и церковную службу. А для основательности науки выгода огромная, потому что древние памятники дадут истории литературы направление филологическое. Критическая оценка писателей должна развивать в учениках не одно чувство эстетическое, но и нравственное, а наша старина предлагает для того бесценные памятники. Хотя преимущественное внимание обращается на сочинения, однако, великую пользу можно принести и жизнеописанием сочинителя. Так, жизнь Ломоносова будет для детей образцом учебной и ученой деятельности, ибо жизнь его делится на две половины: в первой он только учится, во второй и учится и учит; в первой он ученик, в последней учитель.

Так называемая теория словесности взойдет в историю как часть. Напр., учение о стихосложении начинается чтением стихов, оканчивается же историею нашего стихосложения от силлабических вирш и древних стихотворений через теории Тредьяковского, Державина до наших времен.

Главное дело в истории литературы — основательность, т. е. говорить ученикам по большей части только о таких произведениях, которые они прочли и изучили. Этим определяется и объем и метода науки.*

ОПЫТЫ ПРЕПОДАВАНИЯ

1. НАЧАЛЬНАЯ ГРАММАТИКА

С самого начала следует приучать детей читать так, как говорят, и отклонять их сколько возможно от чтения чисто механического. Для того заставлять перечитывать одно и то же выражение до тех пор, пока они не поймут его и не прочтут как следует. Начинать простыми предложениями, утвердительными, отрицательными, вопросительными,

* Нельзя забывать, что эта книга написана без малого 100 лет назад, когда наука — история русской литературы — была в зачаточном состоянии. Этим объясняется, что автор ограничивается древней литературой и отводит ей один старший класс. *Ред.*

с разбором логическим и вещественным (réelle); разбор грамматический придет после. Учитель постоянно дает вопросы и не ограничивается единственно собственным своим объяснением. Сначала делает он разбор логический, впрочем не говорит при нем ни о подлежащем, ни о сказуемом. Заставляет детей отыскивать подлежащее через сказуемое и дополнение, а сказуемое и дополнение через подлежащее; подлежащее через определение и определение через подлежащее. Дитя механически прочло, напр., следующее предложение: бог сотворил небо и землю. Учитель спрашивает: кто сотворил небо и землю? потом: что говорится здесь о боге? после дать объяснение вещественное, т. е. определить значение слов: бог, сотворил, земля, небо. Заставить дитя еще раз прочесть это предложение, и уже по самому способу выражения, по голосу, каким прочтет, можно судить, что оно поняло. Чтобы убедиться окончательно, разумеют ли дети прочтенное, самое лучшее средство — заставить их то же самое сказать другими словами, некоторым образом перевести. Потом приступить к разбору предложений более сложных и длинных. Здесь отыскивается главная мысль. Вместе с детьми перечитав то же самое несколько раз, заставить их переложить прочтенное по-своему, своими словами — словесно или письменно; здесь начало собственным сочинениям. Все эти упражнения, образуя судительную силу детей и вместе уча их правильному чтению, развязывают дар слова и учат грамматике. И только после этаких упражнений можно уже будет приступить собственно к грамматике и разбору грамматическому.*

Понятно, что в первоначальных уроках нельзя взять для чтения писателя классического. Надобно избрать что-нибудь самое краткое, для детей удобопонятное и занимательное; надобно разбудить судительную их силу рассказами самыми яркими, такими, где бы они с первого раза могли быть судьями, след., могли бы судить. Для первых уроков заимствую у одного голландского педагога упражнения в отличии истинного от ложного:**

Учитель предварительно говорит детям, чтобы они внимательно рассудили, чему в следующих рассказах можно поверить и чему нет.

1. Две собаки гнались за зайцем, а заяц обернулся назад, искусал собак да и прогнал их.

Разбор. Две собаки гнались за зайцем: о ком говорится? что сказано о двух собаках? сколько было собак? за кем гнались собаки? сколько было зайцев? Если дети ответили на эти вопросы, значит, поняли предложение. — А заяц обернулся назад: о ком здесь говорится? что же сделал заяц? куда он обернулся? — искусал собак да и прогнал их: кто? что сделал? кого искусал и кого прогнал? — Можно ли этому поверить? почему нет? здесь выступает разбор вещественный, ибо дети отличают собаку от зайца. Учитель опять спрашивает: могут ли летать собаки и зайцы? кто же может летать? стало быть, собаки и зайцы не птицы? что же они такое? Таким образом довести детей до того, чтобы они сказали, что собаки и зайцы звери. Разбор вещественный заключается логическим.

* Essai sur l'éducation du peuple, par Willm, Inspecteur de l'Académie de Strasbourg, 1843, стр. 197 и след.

** De l'instruction publique en Hollande, par Victor Cousin, 1837, стр. 290 и след.

2. Один ручеек вытекал при подошве горы; потом тек на гору до ее вершины и, наконец, перетекши через гору, спустился на другую ее сторону.

Разбор. О чем вы прочли? что же было с ручейком? откуда он вытекал? что такое подошва горы? потом куда он тек? *на* гору или *под* гору? все ли равно, что *на* гору тек, что *под* гору? до каких пор тек он на гору? все ли равно, что подошва горы, что вершина? может ли ручей перетечь через гору? стало быть, вы знаете, почему здесь неправда. Какое различие между ручьем и рекой? что больше? чем они сходны?

3. Была одна курица, и снесла эта курица двенадцать яиц и стала их высиживать. Через десять дней вывела она и цыплят; из одного яйца вывела она два цыпленка, из другого яйца вывела она четыре цыпленка, из третьего яйца вывела она шесть цыплят, а было и такое яйцо, из которого вывела она двенадцать цыплят.

Разбор. О чем мы читаем? что же прочли о курице? о скольких курицах говорится? а сколько она снесла яиц? что значит: высиживать яйца? что случилось с курицей через десять дней? сколько вывела она цыплят из одного яйца? сколько из другого? можно ли из одного яйца вывести двенадцать цыплят? на кого курица более похожа, на собаку или ворону? довести детей до того, чтобы они назвали ворону и курицу птицами. Какое различие между курицею и цыпленком? как называются дети собак, лошадей, коров, овец?

4. Загорелся дом со всех четырех углов; прилетела добренькая птичка да своими крылышками и потушила пожар.

Разбор. Загорелся дом со всех четырех углов: о чем говорится? что случилось с домом? как он загорелся, с одного конца или с двух? кто прилетел? почему эта птичка была добренькая? прилетевши, что сделала птичка? чем она потушила пожар? почему это неправда? чем же можно потушить пожар?

5. Один раз лев очень проголодался и пошел по лесу искать себе пищи; долго он искал и не мог найти. Что же он сделал? поднялся на задние лапы да и полетел, как птица, вверх для того, чтобы сверху лучше видеть во все стороны.

Разбор. Кто проголодался? что такое лев? как же лев хотел помочь своему горю? нашел ли он себе пищи? на какие лапы поднялся лев? кроме задних лап, какие бывают еще? поднявшись на лапы, что сделал лев? для чего полетел? все ли равно, что вверх, что вниз; что вверху, что внизу? может ли летать лев? кто же летает? дети опять отличают зверей от птиц.

6. Однажды летом в сильные жары вдруг замерзли все реки, а когда пришли зимние морозы, реки растаяли.

Разбор. Кто замерз? когда замерзли реки? что растаяло? когда растаяли реки? о чем же здесь говорится? что говорится о реках? бывает ли жаркий мороз, холодный жар, теплый снег, холодный огонь? В этой историйке ложь переложить на правду, т. е. зимою замерзли, летом растаяли.

7. Маленький барашек встретился на лугу с волком; барашку очень хотелось есть, и потому он убил волка и съел его.

Разбор. Кто встретился с волком? что случилось с барашком?

Какой был барашек — большой или маленький? где встретился барашек с волком? кому хотелось есть — барашку или волку? кто кого убил? кто кого съел? может ли это быть? Дети должны рассказать эту басню наоборот: т. е. волк проголодался и съел барашка.

8. Был такой искусный плотник, что один одиноконек построил огромный дом только в одну ночь.

Разбор. Почему плотник был искусен? может ли быть искусный столяр, живописец, музыкант? можно ли в одну ночь одному человеку построить огромный дом? это вперит детям понятие о времени.

9. В некотором царстве, в некотором государстве растут на деревьях алмазы, золото, серебро, коровы, лошади и овцы.

Разбор. Что растет? на чем растут алмазы и пр.? могут ли на деревьях расти лошади, овцы? довести детей до понятия о растениях в противоположность животным. Где случаются такие чудеса? дать понятие о месте.

10. Жил был золотых дел мастер и сделал он из золота воробья; и этот золотой воробей летал и клевал пшеницу, как живой.

Разбор. О ком говорится сначала? а потом о ком? может ли золотых дел мастер сделать воробья из золота? может ли золотой воробей быть живым? показать отличие вещи неодушевленной от предмета живого.

11. Один шалун разложил огонь, зажег пруд и сжег всех рыб, которые были в пруду.

Разбор. Что сделал шалун? что он разложил, что зажег и кого сжег? где были рыбы? где водятся рыбы? может ли гореть вода?

12. Одному шалуну мальчику вздумалось наловить себе птичек; вот взял он в одну руку хлеба, а другою стал манить их к себе; птички обрадовались корму и слетелись к мальчику на руку; и мальчик очень легко наловил себе птичек и был рад.

13. Однажды ночью поднялась сильная буря с градом и дождем, перебила все окна и сломала много крыш с домов и церквей. Особенно жалко было то, что ветер свалил огромную гору на большой город; жители с великим трудом насилу могли поднять гору и поставили на прежнее место.

14. Ворон увидел жирного барана и, вцепившись в него своими когтями, поднял его на воздух и за один раз всего его съел, усевшись на дереве.

15. Некоторый мясник, не успевая распродавать всей говядины, вздумал убивать только половину коровы.*

Точно так же разобрать и остальные рассказы. В уроке можно пользоваться различными приемами. Сначала учитель спрашивает, ученики отвечают; потом один ученик спрашивает, другой отвечает; один расскажет, другой объяснит, почему в рассказе неправда; третий — ложный рассказ переделает на правильный. Упражнения над такими рассказами могут продолжаться недели две-три; главная цель в том, чтобы дети приучались понимать прочтенное; средства к ней логический и вещественный разбор. Этими рассказами дети нечувствительно приготовятся к чтению басен и сказок.

* Никак нельзя признать правильным этот прием искаженных рассказов. *Ред.*

Разбор сказки Пушкина „О рыбаке и рыбке“:

Жил старик с своею старухой
У самого синего моря;

О ком мы прочли? кто жил? с кем жил старик? чья была старуха? где жил старик с старухой? какое море, красное или черное? что такое море?

Они жили в ветхой землянке
Ровно тридцать лет и три года.

Кто жил в землянке? что разумеется под словом *они*? где они жили? долго ли они там жили? что такое землянка? какое различие между избой и землянкой? все ли равно, что год, что лето?

Старик ловил неводом рыбу,

О ком говорится? что делал старик? что ловил старик? чем ловил старик рыбу? кроме невода, еще чем можно ловить рыбу? как называется тот, кто ловит рыбу? стало быть старик был рыбак, рыболов.

Старуха пряла свою пряжу.

Опять о старике говорится или нет? чем же занималась старуха? что она пряла? можно ли прясть лен, коноплю, шерсть? как называется женщина, которая прядет? выходит, что старуха была пряха. Все ли одно, что пряха, что ткачиха?

Раз он в море закинул невод,

Кто закинул невод в море? что закинул в море? куда закинул? зачем закидывают невод в реку, в озеро?

Пришел невод с одною тиною;

Кто пришел? может ли ходить невод? с чем пришел невод? что такое тина, грязь, песок, глина?

Он в другой раз закинул невод,

Кто закинул невод? в первый раз или в третий?

Пришел невод с травою морской.

А в первый раз с чем пришел невод? почему трава названа морскойю? все ли одно, что трава, что цветы, что деревья?

В третий раз закинул он невод,

В который раз закинул он невод? что вытащил он в первый раз? что во второй? теперь увидите, что вытащил он в третий раз:

Пришел невод с золотой рыбкою,
С непростюю рыбкой, золотою.

С чем же пришел невод в третий раз? видали ли вы золотых рыбок? какая была рыбка? простая или не простая, золотая? какая это была рыбка — плотичка, карась или ерш?

Как взмолился золотая рыбка,
Голосом молвит человеческим:

Кто взмолился? что такое *взмолиться*? все ли одно, что просит, молит? каким голосом просила рыбка? может ли рыбка говорить по-нашему?

Отпусти ты, старче, меня в море,
Дорогой за себя дам откуп:
Откуплюсь, чем только пожелаешь.

Вот как просила рыбка; кого же она просила, с кем она говорила? Старче то же, что старик. О чем она просила? куда отпустить? кого отпустить? зачем же рыбке хотелось в море? живет ли рыба в воздухе? — кто обещается дать откуп? что такое откуп? прочтите следующий стих и узнаете, что такое откуп. Она хотела дать ему за себя все, что угодно старику, только чтобы он отпустил ее в море. Какой откуп хотела она дать ему? дорогой или дешевый? — кто хотел откупиться? чем хотела рыбка откупиться?

Удивился старик, испугался:
Он рыбачил тридцать лет и три года
И не слыхивал, чтобы рыба говорила.

Что же случилось со стариком, когда он услышал, как заговорила рыбка человеческим голосом? почему же он удивился и испугался? Если не знаете почему, прочтите два остальных стиха и узнаете: потому что он никогда не слыхивал, чтобы рыба говорила. Что такое рыбачил? кто рыбачил? как долго старик рыбачил? слышал ли он прежде, чтобы говорила рыба? стало быть, он в первый раз услышал, как по-нашему заговорила рыба, потому он удивился и испугался. Все ли равно, что удивиться, что испугаться? когда бросится на вас большая собака, вы удивитесь или испугаетесь? Если бы вы сами слышали, как заговорила рыбка, удивились ли бы вы или испугались?

Отпустил он рыбку золотую
И сказал ей ласковое слово:
Бог с тобою, золотая рыбка!
Твоего мне откупа не надо,
Ступай к себе в синее море,
Гуляй там себе на просторе.

Что же сделал старик? куда он отпустил рыбку? что он сказал ей? какое слово сказал он ей, ласковое или грубое? хорошо ли говорить грубости? кому он сказал ласковое слово? — что старик говорил рыбке? когда мы говорим: бог с тобою? хотел ли старик взять откуп с рыбки? нужен ли ему был откуп или нет? кому не надо было откупа? чего не надо было старику? — Еще что сказал он ей? куда он велел ей идти? где он велел ей гулять? почему рыбке в море просторно? В этой комнате просторно или тесно? зачем же отпустил старик рыбку? Видите, какой он был добренький. А если бы с вами то же случилось, что с стариком, отпустили ли бы рыбку?

Несколько времени упражняя учеников таким отчетливым чтением, учитель нечувствительно приуготовит учеников к уразумению главных начал грамматики. Надобно только избирать для чтения статьи легкие и образцовые; напр., из басен Крылова, из сказок и повестей Пушкина, Жуковского, из писем Карамзина.

Если у учеников нет книг для чтения, можно писать на доске; так

как они еще не знают правописания и самым писаньем затрудняются, то учитель крупно и разборчиво сам пишет на доске, разумеется, предложения по два вдруг и много уже по три. Дети сначала не пишут в тетрадях, а читают и разбирают написанное учителем на доске. Смотри по успехам, через месяц или два, могут начать писать и сами. Так как детям очень трудно сообразить целую статью вдруг, напр., все, что разобрано выше из сказки Пушкина, то перед чтением статьи учитель кратко скажет только, о чем будет читать, и приступает к разбору по предложениям. А потом уже, когда дети разобрали всю статью и ее поняли, пусть рассказывают своими словами: тогда уяснится им главное содержание статьи.*

Удостоверившись, что дети привыкли вникать в прочтенное, учитель в продолжение урока уделяет от чтения несколько времени на грамматику — столько, сколько нужно для точнейшего уразумения прочтенного. Таким образом при чтении статей всегда должны быть краткие грамматические эпизоды.

Всего естественнее и легче передать детям первые понятия о частях речи в связи с понятиями о предложении и частях его. Учитель берет из разобранных статей отдельные краткие предложения и начинает объяснять грамматически, напр., таким образом:**

Помните, мы читали и говорили о ручейке, как он тек через гору (рассказ 2). Если я скажу только два слова: ручей течет — понимаете ли, что я сказал? о чем я говорю? о ручье. Что говорю о ручье? что он течет. То, о чем говорят, называется подлежащим, а то, что говорится о подлежащем, называется сказуемым. Ручей течет: которое подлежащее? которое сказуемое? Помните также, что читали мы о том, как загорелся дом (рассказ 4) и как проголодался лев (рассказ 5)? Ну, расскажите же. Теперь я вам скажу: загорелся дом; о чем здесь говорится? где подлежащее? где сказуемое? почему? Проголодался лев: где подлежащее, где сказуемое? почему? что есть подлежащее? что есть сказуемое? Теперь вы знаете, что ручей, дом, лев — подлежащие; течет, загорелся, проголодался — сказуемые; но заметьте, что я говорю подлежащее вместе с сказуемым: ручей течет. Подлежащее и сказуемое, вместе соединенные, называются предложением: след., дом загорелся, лев проголодался — предложения. Так как подлежащее есть то, о чем говорится, а сказуемое то, что говорится о подлежащем, то в предложении мы говорим что-нибудь (сказуемое) о каком-нибудь

* Разбор по строкам читаемого текста, прежде чем охвачено в представлении общее целое, многими оспаривается, так как нарушается целостное художественное впечатление. Практика показывает, что если книга лежит перед учеником, ученики читают сами про себя дальше, не слушая разбора. Разбор лучше вести тогда, когда первое впечатление от целого текста уже улеглось. Но при письме предложений на доске такое постепенное и основательное развертывание содержания не лишено интереса. *Ред.*

** При чтении последующих страниц следует иметь в виду, что методика разбора нашего времени, конечно, ушла далеко вперед от рассказываемого опыта: здесь дается слишком много понятий на одном и том же тексте, слишком много отрицательных вопросов, а общий тон рассуждений слишком примитивен даже для младшего класса. Но в то время этот опыт имел значение большого переворота в методике: это было впервые практически проведенной увязкой материала языка с грамматикой, дающей на основе простых рассуждений о содержании текста круг грамматических сведений систематически и наглядно. *Ред.*

предмете (подлежащее). Сколько частей узнали вы в предложении? две. След., подлежащее и сказуемое части предложения; а потому вот как надобно их определять: подлежащее есть то, о чем говорится в предложении; сказуемое есть то, что говорится о подлежащем в предложении.

Подлежащее есть предмет для разговора. Название предмета именуется еще *именем существительным*; потому что всякий предмет *существует*,* т. е. где-нибудь находится — или перед глазами: окно, дом; или далеко от нас, и мы их не видим, напр., горы, моря; или хотя и около нас, но невидимые, напр., воздух. В темной комнате и все предметы бывают невидимыми, однако они в ней находятся, т. е. существуют, стало быть, названия их все же имена существительные.

Теперь будемте искать имена существительные в том, что вы прочли.

В 1 рассказе: где существительные? почему собака и заяц существительные? Вы помните, что и собаки и зайцы называются зверями: зверь также имя существительное; сыщите несколько названий зверей — все они будут существительные имена.

Во 2 рассказе: почему имена сущ. ручеек, гора, вершина, сторона? какое различие между ручьем и ручейком, рекою и речкой, горою и горкой? что больше? ручеек, речка, горка имена сущ. уменьшительные. Что больше: нога или ножища, рука или ручища? ножища, ручища — имена сущ. увеличительные. Что меньше: рука или ручка, нога или ножка? видите, что рука, нога, гора, ручей — не увеличительные и не уменьшительные: это имена сущ. обыкновенные.

В 4 рассказе: какое различие между существительными: дом и птичка? птичка живет, клюет корм и летает; дом не движется сам, он не живой, не поет, как птичка, не кричит, как зверь, не говорит, как человек, не плавает по своей воле, как рыба; зверь, рыба, человек — предметы одушевленные; дом, дерево, камень, гора, вода — не одушевленные. И вода движется, да не так, как зверь или человек: воли у ней нет итти туда, куда хочет; помните, вы сами говорили, что вода не может течь на гору (рассказ 2); а зверь и человек ходят и на гору и под гору. Часы с кукушкою кукуют, как птица, но та беда, что кукуют только через час, а живая кукушка, когда захочет, тогда и кукует. Стало быть, предметы одушевленные делают по своей воле, как захотят. Правда, что человек может делать, что хочет, однако, должен делать только добрые дела; за злые наказывается: потому вас наказывают за леность, за ослушание. А птичка, как видите, была добренькая: почему? стало быть, помогать ближнему — доброе дело. Птичка могла сделать доброе дело потому, что она предмет одушевленный. А какое различие между птичкой и птицей?

В 5 рассказе: какие предметы лев и лес — одушевленные или неодушевленные? почему? лев добр или зол? а лапа, так же как лев, предмет одушевленный? если отрубите у зверя лапу или у птицы крыло: и лапа и крыло будут мертвые, стало быть, неодушевленные.

* Последователь Жирара, Ламбускини всегда объясняет детям грамматическую терминологию: см. *Studio della lingua nativa в его журнале Guida dell' educatore e letture per i fanciulli*, 1839 и 1840, № 45, 47, 48, 50, 52, 54 и 55.

Лапа есть часть льва; какие еще части льва? какие части птицы? теперь припомните, как глуп был мясник (рассказ 15), вздумавший убивать только половину коровы; он не умел отличать предметов одушевленных от неодушевленных и предмета от частей его. Какие части дерева? дерево состоит из различных частей, каковы: корень, ствол, ветви, листья; а лес из одинаковых, только из деревьев, точно так же, как полк из солдат, толпа из людей: лес, полк, толпа называются имен. сущ. собирательными, потому что лес есть *собрание* деревьев, полк — солдат, толпа — людей.

В 6 рассказе: почему река предмет неодушевленный? воду нельзя назвать существ. собирательным, потому что как ни дели воду, все остается та же вода: и капелька — вода, и река — вода, и море — вода; напротив того, части леса — деревья, толпы — люди. Точно так же золото, серебро, железо, молоко, вино, как ни дробь, все выходит то же золото, то же молоко и пр. Такие предметы называются веществами делимыми. Они меряются, тогда как прочие предметы считаются, напр., пуд золота, стакан воды.

В 9 рассказе: какие вы знаете государства? назовите. И Россия есть государство, и Франция государство, и Турция и Персия также. Видите, что государство есть имя *общее* и России, и Франции и пр., а Россия *собственное* имя государства, где мы живем, Франция *собственное* имя государства, где живут французы. Известно ли вам собственное имя того государства, где алмазы и коровы растут на деревьях? У каждого из нас есть собственное имя: одному имя Иван, другому Николай, и пр., а общее нам всем — человек. Скажите несколько собственных имен городов, рек, деревень.

В 3 рассказе: сколько было куриц? сколько яиц? какое различие между: курица и куры, яйцо и яйца? итак, первое — единственное число потому, что одна курица, одно яйцо; второе — множественное, потому что, когда говорю яйца, курицы, разумею много яиц и куриц. Когда говорю: цыплята, сколько цыплят вы разумеете, двенадцать или больше, или меньше? Когда же скажу: двенадцать цыплят, пять цыплят, вы тотчас скажете *определенно*, сколько их. Название чисел: пять, шесть, двенадцать, именуется числительными: они означают множественное число предметов *определенно*, именно сколько числом; а множественное число существ. имен, напр., куры — означает много кур, а неизвестно сколько.

Разумеется, в продолжение всех сих упражнений надобно постоянно указывать детям на подлежащее и сказуемое и на предложение. Так как при определении принадлежностей имен существительных более нужна наглядность, потому и считаю полезнее упражнять детей сначала именами существительными и потом уж глаголами и прилагательными.

Для определения глагола учитель берет те же рассказы. Расскажите, как две собаки гнались за зайцем (рассказ 1). Собака бежит: где подлежащее? где сказуемое? как называются оба слова вместе? Сказуемым обыкновенно бывает *глагол*. Глагол есть старинное речение и значит то же, что слово: стало быть, глагол есть все то, что говорит, что *сказывает* о предмете; потому-то глагол и бывает *сказуемым*. Итак: бежит — будет сказуемое и глагол. Когда я говорю: собака, заяц —

вы понимаете два предмета. Но когда говорю: собака бежит, — вы понимаете только один предмет: собака; а бежит есть только ее движение. Как движутся птицы, рыбы? птицы летают, рыбы плавают: где здесь глаголы? Итак, глагол означает движение предметов. Расскажите, как птичка потушила пожар (рассказ 4). Что птичка сделала? потушила пожар. Пожар, вы знаете, существительное; а потушила что такое? и глагол и сказуемое: потушила означает дело, действие птички, стало быть, кроме движения предметов, глагол выражает и действия их. Дом загорелся: здесь глагол не означает ни действия, ни движения, а выражает то, что случилось с домом. Человек говорит, птица поет: здесь глагол означает способность, умение. Камень лежит, дерево стоит: означает, как предмет находится, и т. д. Следовательно, глагол выражает движение, действие, умение, способность и пр.

Расскажите, как жар заморозил все реки (рассказ 6). Можно ли сказать: лед греет, лед жжет? эти слова не соединяются потому, что греть и жечь способность огня, а не льда; стало быть, здесь подлежащее и сказуемое не связываются (т. е. нет связи вещественной). Можно ли сказать: огонь горю, огонь горим? как же надобно (связь формальная)? В речи мы принуждены отделять предмет от его действия или движения; а на самом деле, в природе, действие нераздельно с предметом, в нем и при нем находится. Чтобы выразить сущую истину, нужно бы название действия произносить в одно время с названием предмета. Можно ли это? Скажите в одно время: и дерево и растет. (Ученики, смеясь, пробуют и, разумеется, не могут.) * Написать это можно бы, да только та беда, что буквы одного слова смешаются с буквами другого:

Др Еа Рс Ет Ве От **

Впрочем природа избавила нас от такого затруднительного письма, дав нашей речи способ для соединения подлежащего с сказуемым гораздо простейший. Чувствуете, что „дерево растем“ — нескладно, а „дерево растет“ — складно; вся разность в окончаниях, след., окончанием глагол связывается с подлежащим. Можно ли сказать: деревья растет, дерево растут? стало быть, при единственном числе одно окончание глагола, при множественном — другое.

Найдите глаголы и сказуемые в сказке о рыбаке и рыбке. Какое различие в глаголах: жил старик и они жили? *он* в море закинул невод, *он* рыбачил: кого понимаете вы под словом *он*? стало быть, *он* употреблено вместо старика; а *они* жили, вм. старик и старуха. *Он, они* — называются *местоимениями*, потому что стоят *вместо имени*. Увидите тотчас, что есть и другие местоимения и имеют другое употребление.

БАСНЯ КРЫЛОВА „ЛИСИЦА И СУРОК“

Куда так, кумушка, бежишь ты без оглядки?
Лисицу спрашивал сурок.

Сурок говорил лисице: куда *ты* бежишь? складно ли бы было, если бы он сказал ей: куда *я* бежишь? когда мы говорим кому-нибудь,

* Беру весьма остроумный прием Ламбускини.

** Сначала написать *дерево*, а потом уже вписать *растет*. Ученики будут чрезвычайно внимательны, носмеются и поймут совершенно.

употребляем *ты, вы*: ты бежишь, вы бежите; а о себе говорим *я, мы*: я бегу, мы бежим. А когда говорим о ком-нибудь другом, употребляем *он, они*, напр., о старике и старухе: он жил, они жили. Слова: я, мы, ты, вы, он, они называются местоимениями. — Лисица отвечает сурку:

Ох, мой голубчик, куманек!
Терплю напраслину и выслана за взятки.
Ты знаешь, я была в курятнике судьей...

Можно ли сказать: ты терплю? а как же надобно? стало быть, лиса о себе говорит. Хорошо ли сказать: я знаешь? видите, что здесь лиса говорит сурку. Я, мы означают лицо говорящее; ты, вы — лицо, которому говорят или лицо слушающее; он, они — лицо или вещь, о коих говорят; лицо говорящее называется первым, слушающее вторым, а последнее третьим. Стало быть, местоимениями означаются лица, участвующие в разговоре. Заметьте, что лисица сказала просто: терплю, а не я терплю; видите, что лицо выражается, кроме местоимения, и окончанием глагола: терплю, терпи-шь, терпи-т, терпи-м, терпи-те, терпя-т.

Не надобно выпускать из виду, что учитель предлагает все эти грамматические правила в постоянной связи с чтением. Объяснив на чтении личные местоимения, тотчас заставляет детей читать что-нибудь и обращает их внимание на объясненное; напр., продолжение сказки о рыбаке и рыбке:

Воротился старик ко старухе,

Подлежащее? сказуемое? куда воротился, к кому?

Рассказал ей великое чудо.

Кто? подлежащее сказано уже прежде. Где глагол? что и кому рассказал?

Я сегодня поймал было рыбку,
Золотую рыбку, не простую;

Кто здесь говорит? где сказуемое? Я — подлежащее, стало быть, местоимение бывает подлежащим.

По-нашему говорила рыбка,
Домой в море синее просилась,
Дорогою ценою откупалась:
Откупалась, чем только пожелаю.

Кто говорил? как говорила рыбка? говорила, просилась, откупалась — глаголы и сказуемые. Куда просилась? чем откупалась? пожелаю — кто? я пожелаю или ты пожелаю, или же рыбка пожелаю? Здесь узнаете первое лицо по окончанию глагола: пожелаю.

Не посмел я взять с нее выкуп;
Так пустил ее в синее море.

Здесь подлежащее опять первое лицо: я не посмел, я пустил.

Старика старуха забранила;
Дурачина ты, простофиля!

Найти местоимение. Которого лица? почему?

Не умел ты взять выкупа с рыбки!
Хоть бы взял ты с нее корыто:
Наше-то совсем расколосось.

Здесь *ты* подлежащее; не умел, взял — его сказуемые. Чье было корыто? что случилось с корытом?

Вот пошел он к синему морю.

Кто? куда пошел? и он бывает подлежащим. Заметьте, что старик говорил: я не посмел, я пустил; но можно сказать: и ты не посмел, ты пустил, и он не посмел, он пустил, мы не посмели, вы не посмели, они не посмели. Видите, что иногда глагол не имеет своего личного окончания и различается по лицам только местоимениями.

Когда вы говорите: *небо, земля*, вместе с этим сказываете уже и то, что они есть, существуют. Но мне неизвестно, есть ли у вас теперь деньги в кармане или нет, потому говорят: у меня теперь есть деньги, вчера были деньги, завтра будут деньги. Вчера уж прошло, завтра еще будет, а теперь — сегодня, нынче; все эти слова означают время: вчера — прошедшее, теперь, сегодня, ныне — настоящее, завтра — будущее. Можно ли сказать: завтра были деньги? вчера будут деньги? видите, что прошедшее *вчера* складно с *были*, а будущее *завтра* — с *будут*; выходит, что глагол может означать различные времена: настоящее — есть, прошедшее — были, был, будущее — будут, я буду, ты будешь, мы будем, вы будете.

Ученики читают басню Крылова „Лжец“; учитель останавливает их внимание на временах глагола, напр.

Нет, говорит, что я видал,
Того уж не увижу боле.

Сколько глаголов в первом стихе? след., сколько сказуемых? можно ли сказать: вчера говорит, завтра говорит? завтра видал? стало быть, говорит — настоящее время, видал — прошедшее. Лжец говорит, что он видал уж давно, может быть, *третьего году, прошлого году*; след., и эти слова означают прошедшее время. Во втором стихе можно ли сказать: увижу вчера, третьего году? это будущ. время. Время означает глаголом гораздо определеннее, нежели другими словами, напр., можно сказать: теперь видел, теперь вижу, теперь увижу.

Подлежащее и сказуемое называются частями предложения, а существительное, глагол, местоимения — частями речи. Есть еще другие части предложения и речи, как вы тотчас увидите.

Читайте далее о рыбаке и рыбке и увидите, что старик просит у ней *новое* корыто, потому что у них было уже *старое* корыто. И книга может быть новая, старая. Книга новая: сколько предметов? видите, что предмет только один — книга; а новая не предмет, потому что нет такого предмета, который бы назывался новая, а бывает новое корыто, новая книга, новое платье. Какая еще может быть книга? напр., эта книга, что лежит на столе, уж не новая, а старая, большая, запачканная. Видите, сколько слов можно *приложить* к одной книге, все они назы-

ваются *прилагательными* именами, потому что *прилагаются* к существительным; они означают не предмет, а то, что *принадлежит* предмету; след., прилагательные означают принадлежность предмета, его качество, т. е. *каков* предмет или *какой* предмет. Потому-то, когда я спрошу вас: *какое, каково* корыто, вы отвечаете прилагательным: старое или новое. Качествами отличается один предмет от другого; напр., я отличаю ученика прилежного от ленивого, одного награждаю, другого наказываю; отличаю человека доброго от злого, одного люблю — другого нет. Видите, как важны качества в предметах. Старайтесь иметь хорошие качества, т. е. чтобы о вас говорили: ученик добрый, прилежный, внимательный, учтивый, вежливый, послушный: все это будут имена прилагательные. А какие противоположные этим качества? Теперь найдите в сказке о рыбаке и рыбке имена прилагательные: синее море — что еще бывает синим? какие бывают цвета? ветхая землянка — а землянка не ветхая как называется? прилагательное новый противоположно ветхому или старому. Трава морская: трава бывает зеленая, желтая, густая, сухая, речная, болотная. Золотая рыбка; противоположное здесь же сказано: простая рыбка. Дорогой откуп — а напротив того: дешевый откуп. Ласковое слово: это хорошее качество, а грубое слово — дурное качество слова.

Найдите прилагательные, противоположные следующим: большой — высокий — длинный — широкий — сильный — толстый — богатый — тихий — холодный — сладкий — приятный — острый — сухой — черный — храбрый — умный — честный — истинный — скупой. Я вам скажу несколько существительных, с которыми не связываются, не *согласуются* прилагательные: белая сажа, черный снег, сухая вода, глубокое дерево, высокая яма, горький сахар, горячий лед, радостная печаль; поправьте сами, как надобно сказать (связь вещественная).

Складно ли будет, если скажу: добрая старик, добрый старуха, добрый дело? Вся неловкость происходит от окончаний: добр-ый старик — складно, добр-ая старик — нескладно; и наоборот добр-ая старуха — связно, добр-ый старуха — нет. Прилагательное само по себе одно не ставится, а прилагается к существительному, и по различным существительным принимает различные окончания: старик — мужчина, старуха — женщина; найдите несколько названий мужчины, несколько названий женщины; с названиями мужчины говорится добр-ый: добрый старик, добрый ученик, отец, учитель; с названиями женщины говорится — добр-ая: добрая старуха, добрая ученица, мать, сестра. Названия мужчины — рода мужеского, а женщины — женского. Некоторые предметы, напр. дерево, зеркало, море — не мужеского, не женского рода, а среднего: о старике скажите высокий старик, о старухе — высокая старуха, а о дереве как? высок-ое дерево, о рыбке — золотая рыбка, о воробье — золотой воробей, а о зеркале — золот-ое зеркало. Прилагательные, прилагаясь к существительным, принимают род существительных, потому что только предмет может быть мужчиною или женщиною; след., родовые окончания прилагательных: мужеское — добр-ый, золот-ой, син-ий; женское — добр-ая, золот-ая, син-яя; среднее — добр-ое, золот-ое, син-ее. Хотя мужчиною и женщиною может быть только лицо одушевленное, однако, мы различаем роды и в предметах неодушевленных: морск-ой берег, морск-ая трава, высок-ий дом, высок-ая изба. Теперь

скажите, хорошо ли говорить: добрый старики, добрые старик? как же надобно? видите, что с единств. числом существительного ставится прилагательное в одном окончании: добр-ый старик; а с множественным в другом: добр-ые старики. И число в прилагательных именах зависит от числа существительных. Прилагательное, ставясь при существительном, не должно ему противоречить окончанием ни в роде, ни в числе, т. е. должно с ним быть согласно и в роде и в числе, должно с ним *согласоваться*, потому что оно одно стоять не может и стоит при существительном, а чтобы стать при нем, оно должно быть с ним согласно, одинаково в роде и числе. Теперь найдите в сказке о рыбаке и рыбке прилагательные с существительными и скажите, в каком они роде и в каком числе.

Прилагательные присовокупляются к существительным для того, чтобы объяснить предмет, сказать каков он, *определить* его, потому прилагательные в предложении бывают словами *определятельными*: итак, синее есть слово определятельное моря, ветхая — землянки и пр. Прилагательное есть часть речи, определятельное слово — часть предложения.

Глаголы — был, были, буду, будут — могут стоять со всяким прилагательным; напр., ученик был здоров, ученики будут прилежны, я буду внимателен. Сказуемое в этих предложениях не один глагол: был, будут, буду, а глагол вместе с прилагательным, потому что этот глагол, присоединяясь ко всякому прилагательному, имеет значение общее, неясное, неопределенное, а сказуемое должно сказать о предмете что-нибудь определенное; потому-то и соединяется здесь глагол был, буду, с словом определятельным. Одно же прилагательное, без глагола, не может быть сказуемым, потому что сказуемым всегда бывает глагол, стало быть, прилагательные здоров, внимателен, соединенные с глаголом был, буду: был здоров, буду внимателен — перестают быть прилагательными и становятся глаголами. Я здоров, ты здоров, он здоров — также предложения; это видно из того, что подлежащие личные местоимения — я, ты, он — могут стоять только с глаголами, а глагол здесь пропущен: я есмь здоров, ты еси здоров, он есть здоров: есмь, еси, есть, есмы, есте, суть — настоящее время того же глагола, от которого прошедшее — был, будущее — буду. Итак, здоров, как часть речи, есть имя прилагательное, а как часть предложения, переходит в глагол.

Учитель встретил бы большое затруднение, если бы вздумал, прежде глагола, объяснить детям прилагательное, как сказуемое; во-первых, потому, что дитя тотчас смешает сказуемое с определением; во-вторых, учитель должен или коверкать русский язык, прибавляя — есть: книга есть полезна, — или на первом шагу затруднить ученика, растолковывая опущение связи; в-третьих, берет сказуемое составное, в котором, кроме связи, должен будет объяснить согласование, след., развлечет внимание ученика решением двух вопросов вместо одного.

Значение падежей объяснить на той же сказке Пушкина. Старик ловил неводом рыбу, отпустил он рыбу золотую; если я скажу только: старик ловил... старик отпустил... вы не знаете кого и тотчас спросите: кого, что ловил? кого, что отпустил? на вопрос кого, что — говорится — рыб-у, рыбк-у. а на вопрос; кто, что — рыб-а, рыбк-а: как

взмолится золотая рыбка. Такое изменение в окончании имени или местоимения называется падежом: на вопрос: кто, что — бывает падеж именительный; на вопрос кого, что — винительный. Подлежащее бывает в именительном падеже. Найдите в этой сказке именительные падежи. Винительный падеж бывает при глаголе: старик ловил неводом рыбу, старуха пряла свою пряжу; глаголы, требующие после себя винительного падежа, называются действительными; след., действительные глаголы в этой сказке: ловил, пряла, закинул и пр. Найти винительные падежи. Винит. пад. при глаголе действительном называется *дополнением*. Окончания на вопросы: кем, чем — называются творительным падежом: старухой, неводом, голосом и пр.; кому, чему — дательным: и сказал *ей* ласковое слово, т. е. рыбе, твоего *мне* откупа не надо, т. е. старику; воротился старик ко старухе; кого, чего — родительным: у самого синего моря. Падежи дополняются особыми словами, стоящими *перед* именами и местоимениями, и потому называются они *предлогами*; твор. пад. старухой — стоит с предлогом *с*: с своею старухой; род. моря — с предлогом *у*; винит. море с предлогом *в*, и пр. У нас есть один такой падеж, который бывает только с предлогом и потому называется предложным: о рыбаке и рыбе, в ветхой землянке. Так как в разговоре нам часто случается назвать того, с кем говорим, то мы употребляем особый падеж для имени того, к кому обращаемся или кого *зовем*: потому этот падеж называется *звательным*: отпусти ты, старче, меня в море. Слово в этом падеже не составляет части предложения, потому и ставится в запятых. Прилагательное согласуется с существительным не только в роде и числе, но и в падеже. Отыскать прилагательные с существительными в род., дат. и др. падежах. И для множественного числа имен и местоимений бывают те же самые падежи и познаются по тем же вопросам; отыскать в сказке Пушкина.

Изменение слов по числам и падежам называется *склонением*, а изменение по лицам и временам — *спряжением*; имена и местоимения склоняются, глаголы спрягаются.

Так как прилагательное бывает и словом определительным, т. е. собственно прилагательным и глаголом, потому и надобно отличить прилагательное *склоняемое* — внимательный ученик, от *спрягаемого* — ученик был внимателен: первое бывает словом определительным, второе — сказуемым.

Кроме прилагательных, определительными бывают еще некоторые слова, напр., в той же сказке: жил старик со *своею* старухой у *самого* синего моря; надобно ей новое корыто; *наше*-то совсем расколосось. Слова: мой, твой, свой, наш, ваш — местоимения, потому что мой — что *мне* принадлежит, твой — что *тебе* принадлежит и т. д. Всего лучше можно определить предмет, о котором хочу говорить, указав на него пальцем. Если я скажу — маленькая книжка, вы еще не знаете, которая книжка; но если я укажу пальцем, вы тотчас видите, о которой книжке сказал я вам. Именно есть в языке такие слова, которые так определяют то, о чем хотим сказать, будто бы мы указываем пальцем: эта книжка, этот ученик, это перо; та книжка, тот ученик, то перо; иногда вместо этого, эта, это — употребляется сей, сия, сие. Этого еще мало: к такому определению можем присовокуплять

еще другое, от чего наше указание на предмет бывает еще определеннее: этот самый ученик, эта самая книга. Все эти указывающие и определяющие слова, как часть предложения, называются определительными, и след., согласуются с своим именем, а, как часть речи, суть местоимения.

Кроме подлежащего, определения и дополнения, есть еще одна часть предложения; познается она по вопросам: как, где, куда, откуда, когда, как долго, сколько, чем и др. и называется *обстоятельством*. Найдем их в сказке о рыбаке и рыбке: как жил старик, один или с кем-нибудь: со своею старухой — обстоят. Где он жил? у самого синего моря — обст. Они жили у моря в чем, как, где? в ветхой землянке — обст. Как долго, сколько времени? ровно тридцать лет и три года — обст. Когда закидывал старик невод, сколько раз? один раз, в другой раз, в третий раз — обст. Куда закидывал невод? в море — обст. Откуда выходил невод, и откуда притащил он рыбку? — из моря — обст. Как молила рыбка, как она молвила? голосом человеческим — обст. На вопросы: где, куда, откуда бывают обстоятельства места; на вопросы: когда, как долго, сколько времени — обстоятельства времени; на вопросы как, с кем, чем, каким образом — обстоятельства образа (*действия*. Ред.). Теперь видите, что обстоятельствами мы называем время, место, где и когда что делается, образ, т. е. каким образом что делается. Теперь разберите, какими частями речи выражаются исчисленные нами в сказке обстоятельства. Видите, что все они выражены именами существительными, прилагательными, местоимениями, именами числительными. Но есть особенная часть речи, которую мы употребляем только для обстоятельств: называется наречием. Наречия времени, на вопросы: когда? вчера, ныне, сегодня, завтра; с которого времени? смолodu, исстари, испокон веку; до которого времени? донныне, до сих пор, до завтра. Наречия места, на вопросы: где? здесь, там; куда? туда, сюда, домой; оттуда, отсюда. Наречия образа, на вопросы: как, каким образом? учусь хорошо, дурно, прилежно, внимательно, много, мало.

Теперь вы знаете все части предложения, знаете, что во всяком предложении должен быть глагол, т. е. сказуемое; сказуемое с подлежащим суть главные части предложения, а определение, дополнение и обстоятельство — второстепенные. Отделимте же в сказке одно предложение от другого:

- 1) жил старик со своею старухой у самого синего моря;
- 2) они жили в ветхой землянке ровно тридцать лет и три года.
- 3) старик ловил неводом рыбу,
- 4) старуха пряла свою пряжу.
- 5) раз он в море закинул невод,
- 6) пришел невод с одною тинной;
- 7) он в другой раз закинул невод,
- 8) пришел невод с травой морской;
- 9) в третий раз закинул невод,
- 10) пришел невод с золотой рыбкою, с непростой рыбкой, золотою.
- 11) как взмолилась золотая рыбка,
- 12) голосом молвит человеческим:
- 13) отпусти ты, старче, меня в море,
- 14) дорогой за себя дам откуп;
- 15) откупаюсь, 16) чем только пожелаешь.

- 17) удивился старик, 18) испугался:
- 19) он рыбачил тридцать лет и три года,
- 20) и не слыхивал, 21) чтоб рыба говорила.
- 22) отпустил он рыбку золотую,
- 23) и сказал ей ласковое слово:
- 24) бог с тобою, золотая рыбка!
- 25) твоего мне откупа не надо;
- 26) ступай себе в синее море,
- 27) гуляй там себе на просторе.

Теперь взгляните на конец каждого предложения и увидите, что стоит какой-нибудь знак: или запятая, или точка с запятой, или двоеточие, или точка. Стало быть, одно предложение отделяется от другого знаком *препинания*, т. е. остановки, потому что, читая, мы несколько останавливаем голос при окончании предложения.

Учитель совершит уже бóльшую половину труда, если покамест выучит детей отделять одно предложение от другого только запятой. Впоследствии, спустя полгода или и больше, легко можно будет растолковать и другие знаки. А главное, только что дети начнут писать, чтобы тотчас отделяли предложения знаком; это верное ручательство, что они понимают предложение и связь его с предыдущим и последующим. Упражнение в знаках препинания должно идти постепенно. Умея отделять предложения запятыми, дети учатся отделять запятыми же части предложения: несколько подлежащих, несколько сказуемых, несколько дополнений или одинаковых падежей, несколько определительных или прилагательных, отделяются запятыми; напр., в 9 рассказе отделяются запятыми подлежащие: алмазы, золото, серебро, коровы, лошади. Впрочем, если определения не равносильны, а одно определяет другое, то между ними запятой не ставится, напр., новое деревянное корыто, у самого синего моря. Такое соединение определений называется *включением*. Употребление двоеточия перед вводною речью весьма легко; потому объяснить его прежде точки с запятой, напр.:

Голосом молвит человечьим:

Здесь двоеточие потому, что далее идут собственные слова рыбки. Дальнейшее объяснение знаков идет в связи с объяснением предложений сложных.

Как знаки препинания отделяют слова и предложения, так есть особая часть речи, соединяющая, связывающая слова и предложения. В 1 рассказе предложения: две собаки гнались за зайцем, заяц обернулся назад — связываются словом *а*; кусал собак, прогнал их — связываются словами *да, и*. Слова *а, да, и* называются *союзами*, потому что связывают слова и предложения. Если *и* соединяет одну часть предложения с другой, т. е. подлежащее с подлежащим, определение с определением и пр., то перед ним не ставится запятой; напр., в 9 рассказе: золото, серебро, коровы, лошади *и* овцы. Если же *и* соединяет два предложения, то перед ним ставится запятая (а иногда и точка с запятой), напр., в 7 рассказе: барашку очень захотелось есть, *и* потому он убил волка.*

В заключении о частях речи объяснить междометие, в связи с знаками препинания: т. е. они отделяются или запятыми или знаком

* Буслаев совершенно не замечает, какой вред приносит ребенку этими изуродованными текстами, разрушающими логическую связь мысли. *Ред.*

восклицания и, точно так как звательный падеж, не составляют части предложения.

Общее значение частей предложения и речи составляет первую ступень грамматической пропедевтики. Теперь наступает время к объяснению утвердительного, общего, частного и особенного, причины, цели, средства и т. п.

Вы уже знаете, какие свойства противоплагаются вот этим: новый — большой — высокий — толстый — богатый — холодный и пр. Назовите их. Итак, большому противоположно маленький, высокому — низкий, богатому — бедный, холодному — жаркий. Но все ли равно, что невысокий и низкий, небогатый и бедный, нехолодный и жаркий? ведь вы чувствуете, что здесь не холодно, однако и не жарко; многие из вас не богаты, однако и не бедны. Стало быть, небогат, нежарок не будут противоположны богатому, жаркому: эти слова означают только, что, напр., такого человека нельзя назвать богатым, нынешний день нельзя назвать жарким; такие слова называются *отрицательными*. Сила отрицания находится в частице *не*, которая называется наречием отрицательным. Если эта частица стоит перед сказуемым, то предложение называется *отрицательным*, напр., в сказке Пушкина: и *не* слыхивал, чтобы рыба говорила. Сия частица от глагола отделяется, т. е. пишется не слитно с ним. Это небольшое слово так важно, что, прибавив или убавив его, весьма часто, вместо правды, скажешь ложь. Напр., бог всемогущ — великая правда; а если бы мы сказали: бог *не* всемогущ, то это было бы не только ложь, но и великий грех: видите, что ложь и неправда всегда ведут к греху. Говорите же всегда правду. Вы что-нибудь сшалили, вас спрашивают: зачем ты нашалил? Если вы скажете: виноват — сделаете доброе дело, потому что раскаетесь в своем проступке; если же скажете: *не* виноват, — то к своей вине прибавите еще другую, большую. Теперь видите, как важно в разговоре это отрицательное наречие *не*!

Припомните, что во 2 рассказе говорится только об *одном* ручейке, который тек вверх, в 3 рассказе только об *одной* курице, которая из яйца выводила двенадцать цыплят. Но ведь вы знаете, что *все* ручьи текут вниз; знаете также, что *всякая* курица может вывести из одного яйца только одного цыпленка. Если говорится что-нибудь обо всех или обо всем, то предложение бывает *общим*: все птицы летают. Если же только о чем-нибудь одном, то предложение бывает *особенным*: город Москва стоит на Москве-реке. Если же говорится и не о всех, и не об одном чем-либо, а о нескольких, о многих или немногих предметах, то предложение бывает *частным*: напр., некоторые птицы приятно поют. Но нельзя сказать, что все птицы приятно поют, потому что вороны, воробьи кричат вовсе неприятно. Стало быть, одно и то же предложение, будучи общим, правильно; а изменяясь в частное, становится ложным. И наоборот, истинное частное, становясь общим, переходит в ложь. Напр., все твари созданы богом — истина; некоторые твари созданы богом — ложь, и думать так грешно. Некоторые люди воры — истина; все люди воры — гадкая ложь, и думать так грешно и постыдно, потому что оскорбляешь ближнего. Видите, любезные дети, как часто суждения наши бывают ложны; а потому, что мы приписываем что-нибудь всем, что прилично только одному, или некоторым. Особенно

дети впадают в погрешность ложных суждений оттого, что говорят много, а мало знают. Итак, говорите только то, что знаете действительно, что сами видели и слышали, и не говорите о предмете вообще прежде, нежели не узнаете всех частей его. Слова, означающие общее, частное и особенное, т. е. *весь, вся, все, всь, всякий, каждый, некоторый, несколько, один* относятся к местоимениям.

Для чего старик закидывал невод в море? чтобы наловить рыбы. То, для чего что-нибудь делается, называется целью*. Для чего говорила рыбка с стариком? она хотела на свободу, это была ее цель. Невод же есть о р у д и е, инструмент, которым ловят рыбу: орудие, которым что-нибудь добывается, называют средством. Ружье есть орудие, инструмент, из него стреляют в цель, так чтобы только до цели летела пуля и в ней оставалась. Так точно и цель всякого дела человеческого есть тот конец, для которого оно делается. А средство, как ружье, есть орудие, которым достигается цель. Блаженство на том свете есть цель нашей жизни, а достигается она добрыми делами и молитвою, стало быть, добрые дела и молитва — средства, коими приобретает человек блаженство. Средства бывают и добрые и злые для одной и той же цели. Напр., одни добывают деньги трудом, другие воровством: труд доброе средство, воровство — злое. Цель выражается в языке словами *за, для того чтобы*, а средство — творит. падежом.

Почему испугался старик, когда заговорила рыбка? Потому что он никогда не слыхивал, чтобы рыбы говорили. Это была причина его испуга. Какая бывает причина наказанию ученика? Без причины ничего не делается на свете. Она выражается в языке словами: *ибо, потому что*.

Когда мы разговариваем, то или спрашиваем или же отвечаем. Так в басне Крылова „Лисица и сурок“ сурок спрашивает лисицу: *куда* так, кумушка, бежишь ты без оглядки? а лиса отвечает. Когда вы хотите узнать, сколько часов, спрашиваете: *который* час? Вы спрашиваете своего товарища: *откуда* идешь? *где* был? *когда* придешь ко мне? *что* делал ты дома? *кто* там пришел? *как* тебя зовут — слова, которыми спрашиваем, называются в о п р о с и т е л ь н ы м и: *который, кто, что* — вопросительные местоимения; *откуда, куда, где, когда, как* — вопросительные наречия. Кроме того, мы спрашиваем еще вот как: *знаешь ли* ты урок? *отпустил ли* старик рыбу? *ли* — союз вопросительный. После вопросительного предложения ставится знак вопроса. А перед вопросительным предложением, если только не им начинается речь, ставится запятая; в этом случае оно часто перестает быть вопросительным; напр., я знаю, куда ты идешь, где был; вижу, кто пришел; учитель любит ученика, который учится прилежно. Здесь слова: *куда, где, кто, который* — связывают два предложения, и то предложение, в котором они находятся, называется *придаточным*, а к которому прибавляется *придаточное*, называется *главным*. Когда вопросительные слова стоят в придаточном предложении, тогда называются *относительными*, потому что относятся к главному предложению.

Вместо — *который* учится прилежно — можно сказать: *учащийся* прилежно; *который* учился прилежно — *учившийся* прилежно; *учащийся*,

* Применяю методу Вильмсена к чтению писателя; см. Der Deutsche Kinderfreund, ein Lesebuch für Volksschulen.

учившийся — называются причастиями: они происходят от глагола, заменяют глагол с относительным местоимением и суть не что иное, как прилагательные; от прилагательных простых отличаются тем, что имеют времена: учащийся — настоящее, потому что вместо: который учится; учившийся — прошедшее, потому что вместо: который учился. Ясно, что предложение с причастием будет также придаточным предложением.* Кроме прилагательных, от глаголов происходят и наречия: учась, выучившись; от посмотреть — посмотря, от думать — думая. Предложение с деепричастием также бывает придаточным. Предложение придаточное ставится в запятых.

Теперь разберем басню Крылова „Мальчик и змея“ и расставим знаки.

Мальчишка схватил змею — главное предлож.; думая поймать угря — придаточн. предлож.; главное соединяется с следующим главным союзом *и*, стало быть, перед *и* запятая. Далее главное: и стал бледен; придаточные: воззрившись от страха, — как его рубаха. Стало быть, знаки должны стоять так:

Мальчишка, думая поймать угря,
Схватил змею (,) и, воззрившись от страха,
Стал бледен, как его рубаха.

Далее: змея говорит — главн. предлож.; на мальчика спокойно посмотря — придаточное. Послушай — одно предложение; коль ты умней не будешь — другое предлож.; то дерзость не всегда легко тебе пройдет — третье. Стало быть, знаки:

Змея, на мальчика спокойно посмотря,
„Послушай“, говорит: „коль ты умней не будешь,
То дерзость не всегда легко тебе пройдет“.

После *говорит* стоит двоеточие, потому что следуют слова, которые говорит змея. На сей раз бог простит — главное предлож.; но берегись вперед — другое главное предлож.; и знай — третье главное предлож.; с кем шутишь — придаточное предлож. Заметьте, что перед союзом *но* по большей части ставится точка с запятой, в противоположность союзу *а*, перед коим по большей части ставится запятая. Итак знаки:

На сей раз бог простит; но берегись вперед (,)
И знай, с кем шутишь!

Для ясного понятия о придаточном предложении следует объяснить придаточные подлежащие, определительные, дополнительные и обстоятельственные предложения. Т. е. придаточное предложение составляет главному: а) или подлежащее: *кто любит бога и ближнего*, награждается свыше — любящий бога и ближнего награждается свыше; б) или определение: ученик, который *прилежно учится*, достоин награды — прилежный ученик достоин награды; в) или дополнение: учитель награждает того, *кто прилежно учится* — учитель награждает прилежно учащегося; г) или обстоятельство, и притом аа) времени: *когда сотворены были звезды*, восхвалили господу все ангелы великим гласом; бб) места: рай находился там, *где Тигр и Евфрат соединяются при Персидском заливе*; вв) образа: на горе Фаворе одежда спасителя стала бела, *как снег*, а лик сиял, *как солнце*, гг) причины: старик

* Трактовка Ф. И. Буслаевым предложений с причастиями и деепричастиями расходится с современной. Ср. также ниже расхождение в делении текста басен на предложения. *Ред.*

испугался, *потому что никогда не слышал говорящих рыб*; д) цели: старик закинул в море невод для того, *чтобы наловить рыбы*, и проч. Надобно предупредить, чтобы ученики не впали в ошибку, определяя придаточные по внешним признакам: так напр., не всякое предложение с относительными *когда, где* бывает обстоятельством; напр., никто не знает, *когда придет страшный суд*; человек не знает, *где будет по смерти*; эти предложения придаточные дополнительные, ибо глагол *знать* требует дополнения; и стоят они вместо дополнения *того*, т. е. никто не знает *того...*, т. е. времени, *когда...*, места, *где...*

Если союзы связывают два равных предложения, т. е. главное с главным или придаточное с придаточным, то называются *сочиняющими*; если же соединяют главное с придаточным или придаточное с подчиненным ему придаточным, то называются *подчиняющими*. В первом случае соединение предложений называется *сочинением*, во втором — *подчинением*. Для объяснения сочинения и различных степеней подчинения полезен следующего рода разбор, напр., басни Крылова „Волк и пастухи“:

А. Волк сам молвил про себя

Б. 1) близко обходя 2) и видя 3) прочь уходя
пастуший двор сквозь забор в досаде

В. 1) что спокойно 2) а псы смир-
пастухи барашка нехонько
потрошат лежат

Г. 1) выбрав луч-
шего себе барана
в стаде*

А. главное предложение; при нем Б три придаточных; при Б 2-м два придаточных В.; при В 1-м одно придаточное Г. Б — придаточные на первом плане, В — придаточные на втором, Г — придаточные на третьем. И — союз сочиняющий, ибо соединяет придаточное Б 1-е с придаточным Б 2-м. *Что* — союз подчиняющий, ибо соединяет придаточное подчиненное В 1-е с придаточным подчиняющим Б 2-м. А — союз сочиняющий, ибо связывает два придаточных: В 1-е с В 2-м. — После такого разбора дети непременно правильно отделят предложения знаками:

Волк, близко обходя пастуший двор (,)
И видя сквозь забор,
Что, выбрав лучшего себе барана в стаде,
Спокойно пастухи барашка потрошат,
А псы смирнехонько лежат,
Сам молвил про себя, прочь уходя в досаде, и пр.

Первоначальная грамматика, кроме уразумения прочтенного, учит и правильному письму. Как на чтении дитя учится преимущественно

* В настоящее время рекомендуется линейный разбор со стрелками при простом предложении. Для предложения, осложненного оборотами и сложного, допустимо и подобное разграфление предложений. Однако, следует соблюдать удобство чтения, что не соблюдено Ф. И. Буслаевым. *Ред.*

синтаксису, так на письме — этимологии. Особенности склонений, спряжений, образования слов объясняются на письме. Так, напр., окончания родит. муж. и сред. ед. прилаг. на *-аго, -его*, в противоположность местоимениям: тот, этот, один, какой, такой, кончающимся на *-ого*. Творит. муж. и средн. ед. прилаг. на *-ым, -им*, в противоположность предложному на *-ом, -ем*. Падежи имен существит. на *ь*: здесь предупредить ошибку, чтобы не ставить *ь* в винит., а именно отличить, напр.: иду в поле, и хожу в пол*ь*. Указать на творит. ед. местоим. с *ь*: к*ь*м, ч*ь*м, вс*ь*м, т*ь*м. Во множ. во всех падежах *ь* местоим. т*ь*, вс*ь*. Прилагат. множ. имен. муж. на *-е*, женск. и средн. на *-я*; *ь* в глаголах, кончающихся в прошедшем на *-ъл, в настоящем на -ью*; в наречиях: гд*ь*, зд*ь*сь, кром*ь* и проч., предупредив, что *прежде* кончится на *е*; *ь* в сравнительной степени и т. д. Когда попадется в диктанте глагол, учитель объяснит, какого он спряжения для того, чтобы правильно написать окончание: *-ешь* или *-ишь, -ут, -ют* или *-ат, -ят*. Когда попадется предлог перед глаголом, объяснить, почему пишется слитно; отдельно же он ставится, когда управляет падежом, и т. п. Одним словом, случаев, неизвестных дитяти в отечественном правописании, весьма немного, надобно только укрепиться в правилах на практике, след., никогда не должно заучивать их в учебнике, а постоянно применять к делу на письме.*

Предложенных примеров, кажется, достаточно, чтобы видеть, как дитя, хотя без *видимой* системы, однако, *систематически* и *методически* готовится к изучению грамматики как науки. Когда, таким образом, в продолжение года или даже и двух ученики узнают язык на практике, на чтении и письме, тогда как повторение можно предложить им систематический свод отрывочным и разрозненным их знаниям. Взыскательный учитель да не почитет недостатком, что я опустил многие весьма важные грамматические положения; моя цель показать методу, а не представить *полный* учебник, и она будет совершенно достигнута, если читатели увидят, что я умел соединить первоначальное грамматическое учение с чтением и развитием нравственных способностей детей.

2. ЧТЕНИЕ КАРАМЗИНА**

ЛЕТОПИСЬ НЕСТОРА

(Том I)

В первом томе своей „Истории“ Карамзин еще весьма недостаточно пользуется языком летописца. Возьмем лучшие места Нестора — похвалу Ольге, крещение Руси — и посмотрим, как передал их Карамзин.

„Наконец, сделавшись ревностною христианкою, Ольга — по выражению Нестора, *денница и луна спасения* — служила убедительным примером для Владимира и предуготовила торжество истинной веры в нашем отечестве“ (том I, глава VII).

* Не следует возражать и против заучивания текста, доступного детскому разуму и без разъяснения правописания. *Ред.*

** Приведенное на последующих страницах сравнение „Истории“ Карамзина с подлинниками и од Ломоносова с его „Реторикой“ имеет значение для самообразования учителя и частично может быть использовано на занятиях в VIII классе. *Ред.*

Денницу спасения еще можно понять, но *луна спасения* — пустая непонятная фраза. В Несторе так: „Си бысть предътекущая крестьянствѣй земли аки денница предъ солнцемъ и аки зоря предъ свѣтомъ, си бо съяше аки луна въ нощи, тако и си въ невѣрныхъ челоуѣцѣхъ свѣтащеса аки бисерь въ калѣ; кални бо бѣша, грѣхъ нешмовени крещенемъ святымъ“. В подлиннике ясные, полные образы и уподобления, притом с строгим синонимическим различием денницы и зари: первая предшествует солнцу, вторая спутница всякого света (оттуда зарево). Ольга у Нестора не луна спасения, а сияет, как луна в нощи, и соответствует Владимиру, который называется солнцем (припомнить в древних поэмах: Владимир Красное солнышко). Таким образом разобранное выражение Карамзина может служить примером излишней краткости в ущерб ясности, смыслу и изяществу. Любопытно также заметить, что Карамзин не обратил здесь внимания едва ли не на самое лучшее место во всей несторовой летописи: „мы же рѣшмъ къ неи (т. е. к Ольге): радуися, руское познанье къ богу; начатокъ примиренью быхомъ. Си первое вниде в царство небесное шть Руси, сию бо хвалять руские сынове, аки начальницу; ибо по смерти моляше бога за Русь“.

„Тогда Владимир в радости и восторге сердца, устремив взор на небо, громко произнес молитву: „Творец земли и неба! благослови сих новых чад твоих, дай им познать тебя, бога истинного: утверди в них веру правую. Будь мне помощию в искушениях зла, да восхваляю достойно святое имя твое!“... *В сей великий день*, говорит летописец, *земля и небо ликовали*“ (том I, глава IX).

Подлинник: „Володимеръ же радъ бывъ, яко позна бога самъ и людеи его, възрѣвъ на небо, рече (проще, чем у Карамзина): боже, створивый небо и землю! призри (церковная, молитвенная форма, и сильнее и шире выражает мысль, нежели *благослови*) на новыя люди сия (т. е. на людей обновленных, перерожденных, а не на новых детей, как у Карамзина), и дажь имъ, господи, оувѣдѣти тебе истиннаго бога, якоже оувѣдѣша страны хрестыянскыя; оутверди и вѣру в нихъ праву и несоувратну (прекрасное слово, к сожалению, пропущенное у Карамзина), и миѣ помози (проще и сильнее, чем *будь помощию*), господи, на супротивнаго врага (и проще, и осязательнее, и соответственнее тому веку, нежели: *в искушениях зла*), да надѣяся на тя и на твою державу, побѣжю козни его“. Что же касается до выражения: *земля и небо ликовали*, будто бы сказанного летописцем, то оно у Нестора иначе — и проще, и полнее, и понятнее: „и бѣше си вѣдѣти радость на небеси и на земли, *толико душъ спасаемыхъ*“. Опустив сии последние слова, Карамзин лишил эту мысль высокого нравственного значения.

Удачнее переложил Карамзин речь Святослава:

„Бегство не спасет нас; волею и неволею должны мы сразиться. Не посраим отечества, но ляжем здесь костями: мертвым не стыдно! Станем крепко. Иду пред вами, и когда положу свою голову, тогда делайте, что хотите!“

Сличив с подлинником, увидим ясно, как Карамзин несторову связанную союзами речь изменил в отрывистую. Курсивом означены союзы и лишние выражения, пропущенные Карамзиным.

„Оуже намъ нѣкамо ся дѣти! волею и неволею стати противу, да не посраимъ землѣ рускѣй, но ляжемъ костями; мертвыи бо срама не имамъ,

аще ли побѣгнемъ, срамъ имамъ, ни имамъ убѣжати (опущено у Карамзина, как ослабляющее краткую речь повторение и объяснение): но станемъ крѣпко, азъ же предъ вами поиду, аще моя глава ляжетъ, то промыслите собою*.

В подлиннике лучше, нежели у Карамзина: некуда деться; статья противу — неокончательное наклонение вместо глагола с вспомогательным *должны*; земля Руская вм. отечества сообразнее с тем веком. Зато у Карамзина сильнее: мертвым не стыдно, вм. срама не имам; при глаголе *иду* опущено местоимение 1-го лица. Кость, честь см. в приложении.

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ*

(Том III, глава VII)

1. Игорь, князь Северский, желая воинской славы, убеждает дружину идти на половцев и говорит: „хочу
2. преломить копие свое на их дальнейших степях, положить там свою голову или *шлемом испить*
3. *Дону!** Многочисленная рать собирается: кони ржут
4. за Сулою, гремит слава в Киеве, трубы трубят в Новгороде, знамена развеваются в Путивле: Игорь ждет милого брата Всеволода.
5. Всеволод изображает своих мужественных витязей:
6. „они под звуком труб повиты, концом копья вскормлены; пути им сведомы, овраги знаемы; луки у них натянуты, колчаны отворены, сабли наточены; носятся в поле как волки серые: ищут чести самим себе,
7. а князю славы. Игорь, *вступив в золотое стремя*, видит глубокую тьму перед собою; небо ужасает его грозою, звери режут в пустынях, хищные птицы станицами парят над воинством, орлы *клектом* своим предвещают ему гибель, и

2. „Хочу бо, рече, копие приломити конец поля половецкаго съ вами, Русици, хочу главу свою приложити, а либо испити шлемомъ Дону*. Копье, глава, шлем см. в Прилож.

4. „Комони ржутъ за Сулою; звенить (новее и более поэзии, чем гремит: звон славы напоминает звон колокольный) слава въ Киевѣ: трубы трубятъ въ Новѣградѣ; стоять стязи въ Путивлѣ; Игорь ждетъ мила брата Всеволода*. — У Карамзина тот же порядок и построение слов, что и в подлиннике; доказательство, как близок к нашей речи текст Слова о Полку Иг. Заметить мерные дактилические окончания предложений и у Карамзина и в подлиннике: Сулою, Кіевѣ, Новѣгородѣ (Новѣградѣ). Трубы трубятъ, милый см. в Прилож.

6. „Подъ трубами повити, подъ шеломи възделѣяны (пропущено у Карамзина это прекрасное выражение), конецъ копія въскрѣмлени, пути имь вѣдоми, яругы имь знаеми, луци у нихъ напряжени, тули отворени, сабли изъострени, сами скачуть, акы сѣрыи влѣци въ полѣ, ищучи себе чти, а князю слава*. У Карамзина почти слово в слово: так родственен нам язык Слова о Полку Иг. Те же дактилические окончания предложений: повѣйтѣ, въскрѣмлѣнѣ, свѣдѣомѣ, знаѣмѣ, натѣнѣтѣ, отвѣрѣнѣ, натѣчѣнѣ, сѣрѣѣ самѣмъ сѣбѣ. Замечательно, что для двух последних дактилей Карамзин намеренно изменил порядок слов подлинника. Быт воинский, яругы, серый волк см. в Прилож.

* Выдержки из памятников XI—XVII вв. печатаются с сохранением орфографии, данной у Ф. И. Буслаева.

8. лисицы лают на багряные щиты россиян. Битва начинается; полки варваров сломлены, их девицы красные взяты в плен, золото и ткани в добычу; одежды и наряды половецкие лежат на болотах, вместо мостов для
9. россиян. Князь Игорь берет себе одно багряное знамя
10. неприятельское с древком серебряным. Но идут с юга черные тучи, или новые полки варваров: ветры,
11. Стрибоговы внуки, веют от моря стрелами на воинов
12. игоревых. Всеволод впереди с своею дружиною: сыплет на врагов стрелы, гремит о шлемы
13. их мечами булатными. Где сверкнет золотый шишак его, там лежат головы половецкие. Уже два
14. дни пылает битва, неслыханная, страшная: земля облита кровию, усеяна костями. В третий день пали
15. наши знамена: *кровавого вина* не достало; кончили пир свой храбрые россияне, напоили гостей и легли

7. „Тогда вступи Игорь князь въ златъ стремя, и поѣха по чистому полю. Солнце ему тьмою путь заступаше (Карамзин не выразил этого поэтического олицетворения солнца); ночь стонуши ему грозою птичь убуди (и этот поэтический образ у Карамзина сглажен); свистъ звѣринъ въ стазби (свист зверя придает более мрачный оттенок, чем рев)... Уже бо бѣды его (Игоря) пасеть птицъ (понятнѣе и короче: сила мысли зависитъ отъ глагола пасти; подобію влѣци грозу въсрожать, по яругамъ; орли клеткомъ на кости звѣри зовуть (картина определена и ярка; у Карамзина вообще сказано: предвещаютъ ему гибель), лисицы брешуть на чръленя щиты“. Из разбора этого места очевидно выступает поэтическое превосходство подлинника над прозаическим переложением Карамзина. Чудесное предзнаменование, орлы, золотой см. в Прилож.

8. „Съ заранія въ пяткъ потопташа (сильнее выражает гибель врагов, а сломлены — может означать только: сдвинуты с места) поганяя плѣкы половецкыя, и рассушясь стрѣлами по полю (быстрота действия, не замеченная Карамзиным), помчаша красныя дѣвки половецкыя, а съ ними злата, и паволокы и драгыя оксамиты“. В подлиннике изображается самое действие — помчаша, у Карамзина уже результат оного — взяты в плен, и потому не живописно; в подлиннике, вместе с девицами влекутся и золото и проч.; Карамзин быстроту действия вовсе останавливает, хладнокровно разделяя, что было взято в плен и что в добычу. „Орътьмами и япончицами и кожухы начаша мосты мостити по болотомъ и грязивымъ мѣстомъ, и всякыми узорьчы половецкыми“. Исчисление видов (орьтмы, япончицы, кожухи) гораздо картиннее общей суммы их или рода (одежды и наряды, как у Карамзина). Мосты мостят — действие, теперь совершающееся, живописнее результата оного: лежат вместо мостов. Красный, мосты мостить см. в Прилож.

9. „Чрълень стягъ, бѣла хорюговъ, чрълена чолка, сребрено стружіе храброму Святъславличю“. Опускание глагола с дательным падежом сильнее и быстрее выражает действие.

10. „Чръныя тучя съ моря идутъ“. Объяснением *или*... Карамзин разрушил поэтический образ.

11. „Се вѣтри, Стрибожи внуци, вѣють съ моря стрѣлами на храбрыя плѣкы Игоревы“. Се — для живейшего представления в настоящем. С моря — и шире, и далее, и пластичнее схватывает действие, нежели *от* моря.

12. „Яръ туре Всеволодѣ! стоиши на борони, прыщещи (сыплет — менее силы и быстроты) на вой стрѣлами (творит, вм. винительного: сыпать стрелы и сыпать стрелами), гремлещи о шеломы мечи харалужными“. У Карамзина двусмыслие: о шлемы *их* мечами: к чему относится *их*, к шлемы или мечами?

13. „Камо туръ поскочяше, своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая, тамо лежать поганяя головы половецкыя“. То же правильное построение периода, что и у Карамзина: след., в древних памятниках нашей литературы можно учиться и периоду. „Посвѣчивая“ шишаку приличнее, нежели „сверкнет“; и приставка *по*

16. за отечество. Киев, Чернигов в ужасе: половцы, торжествуя, ведут Игоря в плен, и девицы их поют веселые песни на берегу синего моря, звеня
17. русским золотом. Сочинитель молит всех князей соединиться для наказания половцев и говорит Всеволоду III: „ты можешь Волгу раскропить веслами, а
18. Дон вычерпать шлемами“. — Рюрику и Давиду: „ваши шлемы позлащенные издавна обагрятся кровию; ваши мужественные витязи ярятся как дикие волы, уязвленные саблями калеными“. — Роману и Мстиславу Волынским:
19. „Литва, ятвяги и половцы, бросая на землю свои копья, склоняют головы под ваши мечи булатные“.
20. Сыновьям Ярослава Луцкого, Ингварю, Всеволоду и третьему их брату: „о вы, славного гнезда шестокрыльцы! заградите поле врагу стрелами острыми“.

означает уже умеренное качество: „сверкнет“ слишком много. Заметить, что и 12 и 13 периоды оканчиваются у Карамзина и в подлиннике дактилем: булатный (харалужный), половейкий. У Карамзина рассказ, в подлиннике же поэтическое обращение к Всеволоду. Тур см. в Прилож.

14. „Черна земля подь копыты, костью была посеяна, а кровию поляна, тугую взыдоша по русской земли“. Из близкого, последовательного сравнения с нивою Карамзин сделал фразу; ибо „посеяна“ и „полита“, употребляющиеся для растений, изменил в более общие понятия „усеяна“ и „облита“: след., заметить силу предлогов. Притом, сначала земля вспахана (под копытами), потом посеяна, далее полита и наконец уже взышла; Карамзин обрубил начало и конец полного сравнения и переставил порядок глаголов неестественно. Сравнение с пашнею см. в Прилож.

15. „Ту кроваваго вина не доста, ту пирь докончаша храбри Русичи: сваты попиша, а сами полегоша за землю Рускую“. — Словами „гостей“ и „отечество“ Карамзин подновил подлинник. Сравнение с песнями, родственное выражение см. в Прилож.

16. „Се бо готския красныя дѣвы въспѣша на брезѣ синему морю. Звоя рускимъ златомъ“. Строение предложений то же самое, что и у Карамзина. Дактилич. окончание: золотом. Красный см. в Прилож.

17. „Ты бо можеша Волгу веслы раскропити, а Донъ шелома выльяти“. Хотя у Карамзина изменен порядок слов, но соотношение между словами симметрическое. то же, что и в Слове: у Карамзина оба глагола в середине, в Слове оба на конце; и у Карамзина и в Слове дактилич. окончание: шлемамъ, выльятъ. Шлем см. в Прилож.

18. „Ты, буй Рюриче и Давиде, не ваю ли злаченны шелома по крови плаваша (обагрятся — мало)? не ваю ли храбра дружина рыкають (определенное действие, ярятся — более общее, след., менее изобразительное) акы тури, ранены (у Карамзин: точнее — ранить можно и пулею и камнем) саблями калеными на полъ незнаемъ?“ Замечательно, что и подлинник и переложение разделяются на две части, оканчивающиеся дактилем: плаваша, незнаемъ; кровью, каленымъ. Таким образом, самые памятники литературы нашей частью воспитали в Карамзине мерную прозу. Впоследствии Карамзин исправился от недостатков ее. Тур, каленый см. в Прилож.

19. „Литва, ятвязи, деремела и половци сулицы своя повръгоша, а главы своя поклониша подь тыи мечи харалужиши“. Дактилическое окончание и в подлиннике и переложении.

20. Ингварь и Всеволодъ, и вси три Мстиславичи, нехуда гнѣзда шестокрыльци!.. Загородите полю ворота своими острыми стрѣлами за землю рускую, за раны Игоревы, буюго Святъславлича!“ На конце Карамзин изменил порядок слов, поставив прилагательное на конце для того, чтобы придать дактилическое окончание предложению: острымъ. В подлиннике дактилем оканчиваются далее два следующие выражения: рускый и Святъславльчѣ.

21. Он называет Ярослава Галицкого *осмомыслом*, прибавляя: „сидя высоко на престоле златокованном, ты *подпираешь* горы Карпатские *железными* своими полками, затворяешь врата Дуная, отверзаешь путь к Киеву,
22. пускаешь стрелы в земли отдаленные“. В то же время сочинитель оплакивает гибель одного Кривского князя, убитого литовцами: „дружину твою, князь, птицы хищные приодели крыльями, а звери кровь ее
23. полизали. Ты сам выронил *жемчужную* душу свою
24. из мощного тела чрез золотое ожерелье“. В описании несчастного междоусобия владетелей российских и битвы Изяслава I с князем полоцким сказано: „на берегах Немана стелют они снопы головами, молотят цепами булатными, веют душу от тела...“
25. О времена бедственные! Для чего нельзя было *пригвоздить* старого Владимира к горам Киевским“ (или сделать бессмертным!)...
26. Между тем супруга плененного Игоря льет слезы в Путивле, с городской стены смотря на чистое поле:
27. „Для чего, о ветер сильный! легкими крылами своими наваял ты стрелы ханские на воинов моего друга? Разве мало тебе волновать синее море и *лелеять* корабли на зыбях его?..“
28. О Днепр славный! ты пробил горы каменные, стремяся в землю половецкую; ты нес на себе ладии Святославовы до

21. „Галички Осмомыслѣ Ярославе, высоко сѣдиши на своемъ златокованнѣмъ столѣ. Подперѣ горы Угорскыи своими желѣзными плѣки, заступивѣ королеви путь, затворивѣ Дунаю ворота, меча беремены чрезъ облаки, суды ряда до Дуная. Грозы твоя по землямъ текутъ; отворяеши Киеву врата; стрѣляеши съ отня злата стола салтани за землями“. В первом предложении Карамзин поставил на конце „златокованномъ“ для дактиля. В подлиннике „своими железными“ у Карамзина „железными своими“, местоимение после прилагательного, след., и тот и другой порядок слов равно употребительны; окончание периода: отдаленный — дактиль. Золотой, суды ряда см. в Прилож.

22. „Дружину твою, княже, птицъ крилы приодѣ, а звѣри кровь полизаша“.

23. „Единъ же изрони жемчужну душу изъ храбра тѣла, чресъ злато ожереліе“. В 22 и 33 периодах близость переложения к подлиннику. Душа см. в Прилож.

24. „На Немизѣ снопы стелють головами, молотятъ чеши харалужными, на тоцѣ животь кладуть (выпустивъ это, Карамзин испортил подробное, обстоятельное сравнение), вѣють душу отъ тѣла“. Видя такую близость подлинника к языку Карамзина, ученики захотятъ читать древние памятники.

25. „Того стараго Владиміра не льзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ Киевскимъ“.

26. Песня Ярославны в подлиннике начинается игривою прелюдиею: „полечю, рече, зегзицею по Дунаеви; омочу бибрянѣ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ, утру кровавыя его раины на жестоцѣмъ его тѣлѣ“. Далее вся песня делится на три куплета, из коих перед каждым повторяется: „Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ, аркучи“. А у Карамзина эти слова являются не поэтическим разделением куплетов, а рассказом историческим, и потому стоят только в начале песни. Дунай, песни см. в Прилож.

27. „О вѣтрѣ! вѣтрило! чему, господине, насильно вѣеши? Чему мычеши (сильнее нежели наваял) хиновская стрѣлки на своею не трудною крилцо на моея лады вон? Мало ли ти башеть горъ подъ облакы вѣяти, делѣючи корабли на синѣ морѣ?“ Напрасно не оставил Карамзин деепричастия „лелеючи“, а изменил придаточное предложение в главное. В Слове о Полку Иг., точно так, как в народной нашей повзни, обыкновенно заключается период придаточными предложениями с деепричастиями на *-чи*. Жаль, что Карамзин не удержал следующих за тем прекрасных слов: „чему, господине, мое веселіе по ковылію развѣя?“ Зыбѣх ѣго: дактилическое окончание. Олицетворение ветра.

- стана Кобякова: принеси же и ко мне друга милого, да не шлю к нему утренних слез моих
29. в синее море!.. О солнце светлое! ты для всех тепло и красно: почто же знойными лучами своими изнурило ты воинов моего друга в пустыне безводной?..
30. Но Игорь уже свободен: обманув стражу, он летит на борзом коне к пределам отечества,
31. стреляя гусей и лебедей для своей пищи. Утомив коня, садится на ладью и плывет Донцом в Россию.
32. Сочинитель, мысленно одушевляя сию реку, заставляет
33. оную приветствовать князя: „Не мало тебе, Игорь, величия, хану Кончаку досады, а русской земле веселия“.
34. Князь отвечает: „Не мало тебе, Донец, величия, когда ты лелеешь Игоря на волнах своих, стелешь мне траву мягкую на берегах *серебряных*, одеваешь меня теплыми мглами под сению древа зеленого, охраняешь гоголями на воде, чайками на струях,
35. чернетями на ветрах“. Игорь, прибыв в Киев, едет благодарить всевышнего во храм Пирогощей богоматери, и сочинитель, повторив слова Бояновы, „худо голове без плеч, худо плечам без головы“ восклицает: „счастлива земля и весел народ, торжествуя спасение Игоревое“.
36. Слава князьям и дружине.

28. „Ярославна рано плачеть Путивлю городу на заборолѣ аркучи: „о Днепре словутицю! ты пробилъ еси каменныя горы сквозѣ (для чего „стремяся“ у Карамзина?) землю половецкую (тот же порядок слов и дактилич. окончание, как и у Карамзина), ты лелѣялъ еси на себѣ Святослави носады до плѣку Кобякова (одинаковое дактилич. окончание и в подлиннике и у Карамзина): възлелѣй (Карамзин ослабил и лишил поэзии, изменив в „принеси“), господине, мою ладу ко мнѣ, а быхъ не слала къ нему слезъ на море рано“. Лада см. в Прилож.

29. „Ярославна рано плачеть въ Путивлѣ на забралѣ, аркучи: „свѣтлое и тресвѣтлое слънце! всѣмъ (для чего Карамзин изменил в „для всех“?) тепло и красно еси: чему, господине, простре горячую свою лучю на ладѣ вой? въ полѣ безводнѣ жаждею имъ лучи съпряже, тугою имъ тули затче“. Олицетворение солнца.

30. „(Князь Игорь) врѣжеса на брѣзъ комонь и скочи съ него босымъ влѣкомъ, и потече къ лугу Донца, и полетѣ соколомъ подѣ мглами, избивая гуси и лебеди, зазтроку и обѣду и ужинѣ“. Эти сверхъестественные подвиги, рассказанные в поэтических образах, Карамзин передает с положительностью и хладнокровием историка. Волк, сравнение с песнями см. в Прилож.

33. „Княже Игорю! не мало ти величїа, а Кончаку нелюбїа, а русской земли веселїа“. За исключением слова „нелюбие“, все остальное у Карамзина слово в слово. Дактилич. окончание. Олицетворение и разговор см. в Прилож.

34. „О Донче! не мало ти величїа, лелѣявшу князя на влѣнахъ (у Карамзина волнахъ свѣихъ — для дактиля), стлавшу ему зелѣну траву (Карамзин поставил прилагательное позади существительного) на своихъ серебряныхъ брезѣхъ (у Карамзина опять прилагательное позади: в подлиннике проще, менее вычурной перестановки), одѣвавшу его теплыми мглами подѣ сѣию зелену дрезу (у Карамзина дактиль и опять прилагат. позади); стрижаше е гоголемъ на водѣ, чайцами на струяхъ, чрънядыми на ветрѣхъ!“ Сличив этот период с переложением, ученик удивится близости языка Слова о Полку Иг. к слогу Карамзина и с убеждением примется изучать старинные памятники нашей словесности, как материал, вечно неизменный для языка и слога русского. Серебряный см. в Прилож.

35 и 36. „Тяжко ти головы, кромѣ плечю; зло ти тѣлу, кромѣ головы, русской земли безѣ Игоря“. Жаль, что Карамзин опустил последнее предложение, ибо стройность и красота этого периода состоит в том, что к пословице,

1. Князь Владимир так говорит Димитрию: воеводы наши крепки, витязи русские славны, кони их борзые, доспехи тверды, щиты червленые, копья злаченные, сабли булатные, *курды* лаяцкие, колчаны фряжские, сулицы немецкие; все пути знакомы им, берега Оки сведомы.
2. Хотят витязи положить свои головы за веру христианскую и за обиду
3. великого князя Димитрия... Великая княгиня Евдокия с женами воеводскими сидит печально в златоверхом тереме, под окнами южными, смотрит вслед супругу милому, льет слезы ручьями и, приложив руки к персям, так вещает:
4. боже великий! умоляю тебя смиренно, сподоби меня еще видеть моего друга, славного между людьми, князя Димитрия! Помоги ему

как к главной мысли, прилагается частный случай, как меньшая посылка умо- заключения.

„Страны ради, гради весели“. „Княземъ слава, и дружинѣ“. Пословица, о течении ораторской речи в Сл. о Полку Иг., о приметах см. в Прилож.

1 и 2. „И говоритъ князь Владимиръ Анѣдрѣвичь: господине князь Димитрей Ивановичь, воеводы оу насъ велми крѣпши, а рускіе оудалцы свѣдоми, имѣють подь собою борзые кони, а доспѣхи имѣють (повторение одного и того же неудачного глагола портит речь) велми тверды, злаченные колантыри и булатныя байданы, и колчаны фряжския, корды лаяцкіе, сулицы немецкіе, щиты червенныя, копья злаченныя, сабли булатныя, а дорога имъ велми свѣдома, берези имъ по Оцѣ изготовлены, хотять головы своя сложити (живописнее нежели у Карамзина „положить“) за вѣру христианскую и за твою обиду государя великаго князя“. Сочинитель Побойща подражал Слову о Полку Иг., см. период 6-й. В Сл. о Полку Иг. более сжатости, силы и упругости; в Побойще — растянуто. Карамзин все это место передал столь искусственной мерной прозою, что его переложение можно прочесть следующими стихами. Сначала идут хоренческие окончания, потом дактилические:

Воеводы наши крѣпкѣй,
 витязи русские славнѣй
 Кони их бѣрзѣй,
 доспехи твѣрдѣй,
 щиты червленѣй,
 копья злаченѣй,
 сабли булатнѣй,
 курды лаяцкѣй,
 колчаны фряжскѣй,
 сулицы нѣмецкѣй;
 все пути знакомѣй им,
 берега Оки свѣдомѣй.
 Хотят витязѣй
 положить свои голѣвы
 за веру христианскую
 и за обиду великаго
 князя Димитрейя.

3. „Княгини же великая Евдокия съ своею снохою (снохи тогда у ней еще не было, потому опущено у Карамзина) и иными княгинями и с воеводскими женами възыде на златоверхий свой теремъ, в набережный и сядѣ подь южными окны... А въ слезахъ не можетъ словеси рещи; слезы бо отъ очію льются аки рѣчныя быстрины. Воздохнувъ печально и шибѣ руцѣ свои к персемъ, и рече.“ Подлинник предложил Карамзину не слишком связный материал, из коего он искусно округлил период.

4. Плач Евдокии есть подражание песне Ярославниной в Сл. о Полку Иг. см. от 26 до 29 периода. В Слове поэтический романс в трех куплетах

- на врагов рукою крепкою! Да не падут христиане от Мамаея неверного, как пали некогда от злого Батыя! Да спасется остаток их и
5. да славит имя твое святое! Уныла земля русская:
 6. только на тебя уповаем, око всевидящее! Имею двух младенцев беззащитных: кому закрыть их от ветра бурного, от зноя палящего? Возврати им отца, да царствует во веки!..
 7. Славный Волянец, муж исполненный ратной мудрости, накануне битвы, в глубокую ночь, зовет великого князя в чистое поле, да узнает там судьбу отечества.
 8. Впереди стан Мамаев: за ними Российский.
 9. *Внимай!* сказал Волянец... и Димитрий, обратившись к Мамаеву стану, слышит стук и клич, подобный шуму многолюдного торжища, или создаваемого града, или звуку труб бесчисленных.
 10. Далее грозно воют звери и кричат вороны; гуси и лебеди плещут крылами по реке Непрядве и предвещают грозу необычайную.

с прелюдиями, в Побойще — ораторская речь; в песне Ярославны — нежное чувство жены, в плаче Евдокии — риторика самого сочинителя; в первой с поэзией перепутаны остатки язычества в обращении к ветру и солнцу; во втором с риторическими прикрасами исторические факты и чувство христианское. „Господи боже великий, призи на мя смиренную, сподоби мя еще государя своего (моего друга — как у Карамзина — приличнее жене) видѣти славнаго во человекѣхъ великаго князя Димитрея Ивановича. Дай же, господи, ему помощь отъ крѣпкія руки твоея, да побѣдитъ противныя своя! (у Карамзина все это выражено вдвое короче) не сотвори, господи, яко же за мало лѣтъ брань была на рецѣ на Калкѣ христیانомъ съ татары отъ злаго Батыя (историч. ошибка). Отъ таковыя же беды нынѣ, господи, спаси и помилуй! Не дай же, господи, нынѣ погибнути оставшему христیانству“. Растянуто.

5. „Отъ тое бо рати русская земля оуныла (Карамзин изменил порядок слов для дактиля). Ни на кого же бо надежи не имамъ, токмо на тебя всевидящаго бога“.

6. „Азь же оунылая имѣю двѣ отрасли, князя Василя, да Юрія, но еще и тѣ мали суть. Егда похизитъ ихъ вѣтръ с оуга или з запада (не разумеются ли здесь татары и литовцы?): то не могу терпѣти, ни на что же опираяся; ихъ или зной поразитъ, тако же имъ погибнути (Карамзин сжал в одно предложение с двумя дактилями, для того и прилагат. после существительных); а противу сему что сотворятъ? Возврати имъ, господи, отца ихъ по здорову (народное русское выражение): то и земля ихъ по здорову будетъ, и онѣ во вѣки царствуютъ“.

7 и 8. „И бысть же теплота и тихость в нощи той и мрацы ронися (в других списках: росни, розни) являшеса. По истинѣ бо рече: нощь не свѣтла невѣрнымъ, вѣрнымъ же просвѣщение. Рече же Димитрей Волянецъ великому князю примѣту: войску оуже бо вечерняя заря потухла. Димитрей же сядѣ на конь свой, поимъ с собою великаго князя, выехавъ на поле Куликово и ставъ посреде обоихъ полковъ...“ У Карамзина сжатая переделка.

9. „Обратився на полки татарскіе, слышахъ стукъ великъ и крикъ, аки торзи снимаются, аки города ставятъ, аки трубы гласяще“. В подлиннике сравнение живописнее, ибо глаголы (снимаются, ставят, гласяще) выражают совершающееся действие, а прилагательные (многолюдного, создаваемого, бесчисленных) — свойство предмета, след., более действуют на судительную силу, чем на воображение.

10. „И бысть же назали татарскихъ полковъ (у Карамзина „далее“ неопределенно) волцы всють вельми грозно, по правой же странѣ ихъ вороны и галицы безпрестанно кричаше“ — в подлиннике очевиднее изображена местность, след., живее описание: „противу же имъ на рецѣ на Непрядве гуси и лебеди и оутята крылами плещутъ несобычно и велику грозу подають“. Карамзин не выразил мысли: в подлиннике ясно, что птицы подают грозу тем, что крыльями плещут *необычайно*; а Карамзин прибавил это последнее слово к *грозе*. Гадание по птицам см. в Прилож.

11. *Обратися к стану русскому!* говорит Вонынец — *что слышишь?.. Все тихо,* отвечает Димитрий: *вижу только слияние огней небесных с блестящими зарями...*
12. Вонынец сходит с коня; ухом прикикает к земле; слушает долго, встает
13. и безмолвствует. Великий князь требует отповеди.
14. *Добро и зло ожидает нас,* говорит ему сей мудрый витязь: *плачут обе страны, единая как вдовица,*
15. *другая как дева жалобным гласом свирели. Ты победишь, Димитрий; но много, много падут наших!*
- 16 и 17. Димитрий пролил слезы... Сходятся рати под густою мглою.
18. Знамена христианские воспрянули: кони под всадниками присмирели; звучат трубы наши громко.
19. Татарские глухо. Стонет земля на восток до
20. моря, на запад до реки Дуная. Поле от тягости перегибается;
21. воды из берегов выступают... Час настал.
22. Каждый воин, ударив по коню, воскликнул: *Господи! помози христианам!* и быстро вперед устремился...
23. Сразились, не только оружием, но и сами о себя избивая друга друга; умирали под ногами конскими; задохались от тесноты на поле Куликове.

11. „И рече Вонынецъ: обратижеся, князь, на полки рускія! и якоже обратишася и бысть тихость велика. Вонынецъ же рече великому князю: что еси, господине, слышалъ? Он же рече: ничто же, брате, слышати, но токмо видѣхомъ, отъ множества огней зари имашася“. Мысль понятна и изящна: так много разложено огней, что от них занимается заря: у Карамзина непонятная фраза, ибо *слияние огней небесных с блестящими зарями* ничего не значит.

12. „Сшедъ съ коня, и паде на землю на правое оухо, предлежа на долгъ часъ и ставъ, абие пониче“. Языческая примета — слушать землю.

13. „И рече ему князь великій: что есть, брате, примѣта?“ О приметах см. в Прилож.

14. „Единая ти есть на ползу, а другая скорбная: слышахъ землю плачущую на двое (прекрасное выражение: Карамзин неясно представил гадание землею), единая страна, аки некая жена плачущая чадъ своихъ еллинскимъ языкомъ (след., примета дурная, языческая; елленская: у Карамзина „вдовица“ ничего не значит), другая же страна аки нѣкая дѣвица, просопѣ аки въ свирѣль, единая плачевнымъ гласомъ“.

15. „Азь чаю побѣды на поганыхъ, а крестіянъ множество падеть“. Повторение „много, много“ подновляет слог.

16. „Слышавъ же то князь великій, прослѣзился“...

17 и 18. „Бывъше же оутра того мгла: начаша гласы трубныя от обоихъ странъ сниматися. Татарскія же трубы аки онемѣша, рускія же паче оутвердишася“.

19. „Велми земля стонеть, а ту грозу подаетъ (прекрасное выражение, пропущенное у Карамзина) на восток до моря, на западъ же до Дуная“.

20. „Поле же Куликово прегигающася“, Карамзин прибавил „от тягости“, для ясности — „вострепеташа лузи и болота, рѣки же озера (определеннее и изобразительнее, чем воды) изъ мѣстъ своихъ выступиша“.

21. „Наставшу же второму часу дни“...

22. „Оударisha каждо по коню своему и крикнуша вси единоголасно: боже крестьянскій помози намъ! Татарове же скликнуша своими языки, и крѣпко ступишася“.

23. „Не токмо оружиемъ буюшася, но и сами о себя избивахуся и под конскими ногами оумираху, от великія тѣсноты задыхахуся, яко не мощно бѣ вмѣститися имъ“. Последнее предложение, как лишнее, Карамзин опустил.

24. Зари кровавые блистают от сияния мечей, лес копий
25. трещит и ломается. Удалые витязи наши как величественная
26. дуброва склонялись на землю. О чудо! разверлось небо над полками Димитрия; видим светлое облако, исполненное рук человеческих, которые держат
27. лучезарные венцы для победителей... И се воины князя Владимира рвутся из засады на Мамаю, как соколы на стадо гусиное, как гости на пир брачный; ударили, и враг бежит, восклицая: *увы тебе, Мамай! вознесся до небес, и в ад нисходишь!*

ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО ДИМИТРИЮ

(Том V, глава IV)

1. Некоторые люди заслуживают похвалу в юношестве, другие в лета средние, или в старости; Димитрий всю жизнь совершил во благе.
2. Приняв власть от бога, он с богом возвеличил землю русскую, которая во дни его княжения *воскипела* славою; был для отечества стеною и твердию, а для врагов огнем и мечом; кротко повелителен с князьями, тих, *увеличив* с боярами; имел ум высокий, сердце смиренное; взор красный, душу чистую; мало говорил, разумел много; когда же говорил, тогда философам заграждал уста; благотворя всем, мог назваться *оком слепых, ногою хромым, трубою спящих в опасности...*
3. Когда же великий *царь* земли русские, Димитрий, заснул сном вечным, тогда *аэр* взмутился, люди ужаснулись.

24. „Трепетали сильнии молніе от облистания мечнаго и от саблей булатныхъ, и бысть яко громъ от копейнаго сломления“. За молниею следует гром: *молния* от облистания мечей, *гром* от ломки копий — след, сравнение выдержано прекрасно. У Карамзина же сравнение случайное, фраза: ибо каким образом заря кровавая бывает от сияния мечей? О копьях и у Карамзина хорошо: но не выжется с предыдущим, тогда как в подлиннике обе части сравнения выражают две половины одного и того же действия — грозы.

25. „Русские оудалцы побіени суть, аки сильнии древа сломншася.“ Сравнение верно, ибо сильный ломается, а не склоняется, как у Карамзина, который совершенно испортил мысль подлинника; притом неясно, что значит: величественная дуброва склонялась? гнулась от ветра или падала?

26. „Во шестую годину сего дни, видѣвъ надъ ними небо отверсто, изъ него же изыде облакъ, яко ранняя зоря, и надъ ними низко держащися и той же облакъ исполненъ рукъ чловѣческихъ: каяждо рука держащи оружіе и отпустишася отъ облака того на главы христіански“.

27. „И выедоша из дубравы единомысленныя друзи, аки соколы испущени, и оударшася на стада жаравлина“. „Непрестанно порывающесе, аки званнии на бракъ сладкаго вина пити“. „Бѣжаша же татарове, глаголюще своими языки: „Оувы и тебѣ, честный царю Мамаю! высоко вознеслся еси, и до ада зышелъ еси!“ У Карамзина подновлено выражением „до небес“. Сокол см. в Прилож.

1. „Инѣмъ бо чловѣкомъ въ начадѣхъ похваленіе бываетъ, инѣмъ бо въ средовѣчіе, другимъ же въ старость: сій же убо всъ съ похвалою добродѣтели вся лѣта живота своего свръши“.

2. „Богомъ дарованную прїимъ власть, и съ богомъ веліе царство сътвори“. Карамзин дал искусную фразу этим словам, намеренно поставив ближе два раза „бог“ и соединив это предложение с другим, не связывающимся с предыдущим в подлиннике: „и вскипѣ земля русская въ дне княженіа его“. „Бываетъ же другомъ стѣна и *твердь* (Карамзин этому слову в таком значении дал право гражданства и в нашем языке), противнымъ же мечъ и огонь — князи руския въ области своей крѣпляше, но тихъ въ нарядѣ и вельможамъ упѣтливъ бываше“.

4. О день оскорби и туги, день мрака и бедствия, вопля и захлипания!
5. Народ вешал: „О горе нам, братие! Князь князей преставился;
6. звезда, сияющая миру, склонилась к западу!“ О супружеской взаимной любви Димитрия и великой княгини Евдокии сказано так: „Оба
7. жили единою душою в двух телах; оба жили единою добродетелию, как *златоперсистый голубь* и *сладкоглаголивая ластовица*, с умилением смотря в чистое зеркало совести...“

3. ЧТЕНИЕ ДРЕВНЕГО ПАМЯТНИКА

ОТРЫВОК ИЗ СКАЗАНИЯ О ВЗЯТИИ ПСКОВА

(Псковск. летоп., стр. 176—178. Слич. Карамзина „История Гос. Рос.“, том VII, глава I)

1. И князь же великой велѣлъ своимъ бояромъ по своей думѣ творити, какъ себѣ здумали; и бояромъ псковскимъ и посадникомъ и всякимъ жалобнымъ людѣмъ учили говорити: государь приказалъ вамъ всѣмъ копиться въ царской дворъ свой исполна; а кой не будетъ. ино боялся бы государевы казни; а государь
2. хочеть всѣмъ управу дати. И посадники пошли на
3. владычень дворъ съ воды. И бояре спрашивали: ужели
- 4 и 5, всѣ скопилися? Они же рекоша: вси. И посадниковъ и бояръ и купцовъ ввели в полату, а молодшія
6. люди на дворѣ остались. И внидоша великаго князя бояре, рекоша псковичамъ: поиманы есте богомъ и государемъ и великимъ княземъ
7. Васильемъ Ивановичемъ всеа Русіи. И ту посадиша посадниковъ, а молодыхъ людей переписавъ, подаваша Новгородцомъ по
8. улицамъ понти и кормити и беречи до управы. И переняша псковичи полоняную свою вѣсть и горе от

след, уветлив можно употреблять и с дательн. падежом — „высокій умъ, смиренный смыслъ — красенъ бѣ взоромъ и чистъ душою“ прилагат. с творительным народнее, нежели у Карамзина с глаголом „имел“. „Вмалѣ (не то, что мало) глаголаше, а много разумѣваше; предсѣданіемъ словесъ учитель препираше и философъ уста смотрѣніемъ заграждаше... яко отецъ міру, око слѣпымъ, нога хромымъ, труба спящимъ“. В последних выражениях дат. пад. лучше родительного. Карамзин смягчил эту фигурную речь, прибавив: „мог назваться“.

3. „Егда же успе вѣчнымъ сномъ великій царь Димитрій рускыя земли, аэръ възмутися, земля трясашеся и человекы смятошася“.

4. „День той день скорби и туги, день тмы и мрака, день захлипанія и кричанія“. Карамзин внес в русский язык слова *туга* и *захлипаніе*.

5. „Но токмо слышахъ народъ глаголющъ: о горе нам братье! Князь княземъ (лучше и древнее, чем князей) успе: звѣзда сіяющая всему міру къ западу грядеть!“

7. „Обѣма едина душа бѣ, двѣ тѣлѣ носяще, и единое обѣма добродѣтельное житье, яко *златоперсистый голубь* и *сладкоглаголивая ластовица* съ умиленіемъ смотряху своего спасенія въ чистѣй совѣсти“. Смотреть спасения, находить спасения в чистой совести — мысль проста и ясна: у Карамзина же довольно наивная, вычурная картина. Голубь и ластовица сладкоглаголивая см. в Прилож.

2. *С воды*, потому что были на водокрещении.

3. *Спрашивали* — русская форма, образовавшаяся эллипсом из прошедшей описательной, *скопилися*, *идет*; зн. просто собрались; а существ. *скоп* зн. заговор, собрание заговорщиков, напр. Древн. Рос. Вивлиоф. VIII, 62; также мне самовольством, сномом, заговором ни на ково не приходити.

9. Филипа поповича, отъ купчины, отъ псковитина. А онъ уѣхалъ къ Новугороду и сталъ у Веряжи, и слышавъ тую злую вѣсть, и оставя товаръ и погонилъ къ Пскову, и сказалъ псковичамъ, что князь великій
10. челобитщиковъ псковскихъ всѣхъ переималъ. И нападе нь (на) псковичъ страхъ и трепеть и пресхоша гортани ихъ отъ скорби и печали, и уста их пресмягли, якоже многажды приходиша нѣмцы на нихъ и таковы имъ скорби и печали не бывало тогда, яко же нынѣ.
11. И собращася на вѣчи, начаша думати: ставити ли
12. щитъ противъ царя и запиралися ли во градѣ? И вспомнявше крестное цѣлованіе, что не мощно на государя руки подняти, ни воздвигнути противъ великаго князя.
13. А посадники и бояре и вси люди лучшіе у него.
14. И послаша гонца Евстафія Сотцкого бити челомъ со слезами отъ мала и до велика, чтобъ ты государь нашъ великій князь Василей Ивановичъ жаловал свою отчину старинную; а мы сироты твои прежде сего и нынѣ не отступны были отъ тебя государя и не противны были тебѣ государю; богъ воленъ да и ты своею
15. отчиною и съ нами людишками своими. И прислалъ князь великій діяка Третьяка Далматова зъ жаловальнымъ со льстивымъ словомъ и псковичи обрадовались отъ государя жалованья и старины, еже Третьякъ имъ на вѣчи сказалъ первую и новую пошлину, поклонъ отъ великаго князя, что де и отчина моя, псковичи, только хотите въ старинѣ прожити, и вы бѣ есте двѣ воли мои изволили, чтобъ у васъ вѣча не было, да и колоколь бы вѣчной сняли, а здѣсь быти двѣмъ намѣстникомъ, а по пригородомъ по намѣстнику же
16. быти; и вы еще въ старинѣ проживете. А только тѣхъ двухъ воль не сотворите государю и не изволите, ино какъ богъ по сердцу

4. *рекоша* окончание -ша.

5. *Молодший* русская полногласная форма, нынешняя же *младший* — церковнославянская.

6. У Карамзина „вы поиманы богом и государем Василием Иоанновичем“.

9. *И*, повторение союзов.

10. У Карамзина „от трепета и печали (говорит летописец) засохли наши гортани, уста пересмягли. Мы видали бедствия, язву и немцев перед своими стенами; но никогда не бывали в таком отчаянии“. *Таковы* родит. жен. ед. от краткой формы.

11. Щит см. в Прилож.; у Карамзина „ставить ли щит против государя? затвориться ли в городе?“

12. Рука, см. в Прилож. на государя руки подняти — ни воздвигнути против великаго князя: синонимический параллелизм см. в Прилож.

14. бити челом, от мала и до велика, отчина см. в Прилож.; *прежде* русская форма, церковнослав. *прежде*, людишки см. в Прилож.; у Карамзина „бьем тебе челом от мала до велика, да жалуешь свою древнюю отчину; а мы, сироты твои, и прежде и ныне были от тебя, государя, неотступны, и ни в чем не противились; бог и ты волен в своей отчине“. Заметить, что в подлиннике более русского складу, нежели у Карамзина; напр., для чего церковнославянская здесь форма: *да жалуешь?* Псковичи говорили, *чтоб ты жаловал*.

15. *Третьякъ* языческое или светское имя; старина см. в Прилож.; *есте изволили* церковнославянск. форма: вспомог. глагол не выпустился, вероятно, потому, что во 2-м, а не в 3-м лице. Вообще заметить, как мешаются формы церковные с русскими. У Карамзина „чтобы они, если хотят жить по старине, исполнили две воли государевы“. В подлиннике тавтология в звуках: изволили две воли; см. в Прилож. *были* — неокончат. наклонение вм. изъявит.; пригороды меньшие города при глависм.

16. Бог по сердцу положит см. в Прилож.

положить ино у него много силы готовой: и то кровопролитіе на тѣхъ будетъ, кто государевы воли не сотворить.

17. Да государь нашъ хочеть
18. побывать на поклонъ къ троицы во Псковъ. Да отговоривъ то, да сѣлъ на степени.
19. И псковичи удариша челомъ въ землю, и не могли противъ его отвѣта дати отъ слезъ и туги сердечныя; и никого же нѣсть, иже бы тогда не плакалъ; токмо тые не испустили слезъ иже младенцы
20. сущи (ссущіе) млеко. И токмо ему отвѣщали: „посоль государевъ, дасть богъ завтра и мы себѣ подумаемъ, да тебѣ о всемъ ска-
21. жемъ.“ И бѣ тогда во Псковѣ плачь и рыданіе и стонаніе во всѣхъ домѣхъ другъ друга обнимающе.
22. Наутрѣяжъ освитающу дни недѣльному позвониша на вѣче, и собращася посадники и всѣ псковичи, и приѣхалъ дьякъ государевъ и начаша ему тако говорити: тако у насъ написано въ лѣтописцехъ — съ прадѣды и дѣды и со отцемъ его государемъ крестное цѣлованіе съ великими князьями положено, что намъ псковичамъ отъ государя своего и великого князя, кой ни будетъ на Московскомъ государствѣ, а намъ отъ него не отъйти ни въ Литву ни въ Нѣмцы, а намъ жити по старинѣ въ
23. добровольи. А мы псковичи отъидемъ отъ великаго князя въ Литву или въ нѣмцы, или о себѣ станемъ жити, безъ государя, ино на насъ гнѣвъ божій, гладъ
24. и огонь и потопъ и нашествіе поганыхъ. А государь нашъ не учнетъ тое крестное цѣлованіе на себѣ держати, ино на него тотъ же обѣтъ, коли насъ не учнетъ въ старинѣ держати.

17. Троица вм. Пскова см. в Прилож.

18. *да*, плеоназм в союзе: так как *да* (соединит.) союз сочиняющий, след., не может связывать предложения придаточного с главным, то второе *да* следует почтеть не более, как вставкою для благозвучия. Из этого места видно, что вече было с степенями, кои назывались степенями: у Карамзина также: сел на степени веча.

19. *И*: обратить внимание, что старинные периоды обыкновенно начинались этим союзом, слич. периоды 1, 2, 3, 5, 6, 7, 8, 10, 11, 12, 14, 15, 19, 20, 21, 28, 29, 31, 32, 33. Из новых писателей Жуковский любит также начинать периоды; напр. в „Описании Мадонны“: и такова сила той души... и в самом деле, это не картина... и точно приходит на мысль... и Рафаэль прекрасно подписал свое имя... и как мало средств... и он, как царь земли и неба... и в этом нахожу я главную красоту... *никого же нѣсть* — усиленное отрицание. У Карамзина „одни грудные младенцы, по словам летописи, не плакали тогда от горести“.

21. У Карамзина „на улицах, в домах раздавалось стенание: все обнимали друг друга, как в последний час жизни“. *Обнимающе* прич. наст. множ. числа.

22. *Освитающу дни недѣльному* — дательный самостоят.; день недѣльный — воскресенье; в Малороссии, как в старину, неделя — воскресенье: отсюда понеделник, т. е. день после недели. Летописец см. в Прилож. Вот как Карамзин переложил этот и следующий период „на рассвете ударили в печевый колокол; сей звук представил гражданам мысль о погребении. Они собралися. Ждали дьяка московского. Долматов приехал. Ему сказали: „Господин посол! Летописцы наши свидетельствуют, что *добровольные* псковитяне всегда присягали великим князьям в верности: клялися непреложно иметь их своими государями, не соединяться с Литвою и с немцами; а в случае измены подвергали себя гневу божию, гладу, огню, потопу и нашествию иноплемеников“.

23. В первой части этого периода подразумевается условный союз *если*, коему соответствует во второй *ино*.

25. А нынѣ богъ воленъ да государь въ своей отчинѣ и дѣдинѣ во градѣ Псковѣ,
 26. и въ насъ и въ колоколѣ нашемъ. А мы прежняго своего цѣлованія не хотимъ измѣнити, и мы на государя своего руки подняти, въ городѣ заперетися не хотимъ.
 27. А государь нашъ хочеть живоначальныя троицы помолитися, а въ своей отчинѣ побывати во Псковѣ, и мы его государя своего ради всѣмъ сердцемъ,
 28. что нас не погубил до конца. И генваря в 13 день спустиша колоколъ вѣчной у святыя троица, и начаша псковичи, на колоколъ смотря, плакати по своей старинѣ и по своей воли; и повезоша его на Снятогорской дворъ ко Иоанну богослову... (стр. 179).
 29 и 30. И кто сего не восплачетъ и не возрыдаеть? О славнѣйшій граде Пскове, великій во градѣхъ, почто
 31. бо сѣтуеши и плачеши? И отвѣща прекрасный градъ Псковъ: како ми не сѣтовати: или како ми не плакати
 32. и не скорбѣти своего опустѣнія. И прилетѣлъ бо на мя многокрыльный орель, исполнь крылѣ львовыхъ ногтей, и взять отъ меня три кедрована, и красоту мою и богатество и чада мои восхити, богу попустившу за грехи наши, и землю пусту сотвориша, и градъ нашъ разориша, и люди моя плѣниша, и торжища моя роскопаша, а иные торжища коневымъ каломъ заметаша; и отецъ и братію нашу разве-

24. Опять подразумевается союз *если*. Кроме *и* древние периоды любили начинаться союзом *а*: слич. периоды 9, 13, 16, 23, 24, 25, 26, 27; или союзом *да*, периоды 17, 18. У Карамзина „но сей крестный обет был взаимным: великие князья присягали не лишать нас древней свободы; клятва та же, та же и казнь преступнику“.

25. У Карамзина „Ныне волен бог и государь в своей отчине, во граде Пскове, в нас и в нашем колоколе!“

26. У Карамзина „По крайней мере мы не хотим изменить крестному целованию, не хотим поднять руки на великого князя“.

27. Части условного союза, вместо союзов *если — то*, начинаются *а — и*. У Карамзина „если угодно ему помолиться живоначальной троице и видеть свою отчину, да едет во Псков: мы будем ему рады, благодаря его, что он не погубил нас до конца!“

28. Колокол см. в Прилож. У Карамзина „Генваря 13 граждане сняли вечевой колокол у святой троицы и, смотря на него, долго плакали о своей *старине и воле*“. Этим надстрочным сличением с „Исторіею Гос. Рос.“ ученики вконец убедятся в необходимости изучения древних памятников для того, чтобы самостоятельно усвоить себе слог Карамзина.

29. Заметить древнее управление глаголов *восплакать* и *возрыдать*.

30—31. Та же самая фигура олицетворения и разговора попадаетъ в древнейших памятниках славянских племен и в нашей народной поэзии; см. в Прилож. Особенно обратить внимание в ответе на частицу *како*, точно так же употребляющуюся в Суде Любуши и в народных веснях. Заметим управление глаголом *скорбети*.

32. *Исполнь* — прилагательное несклоняемое, относится к *крыле*: т. е. два крыла исполнены львовых ногтей. Или же можно отнести *исполнь* к орлу, а *крыле* винит. греческий; см. Прилож.; *взят* вм. *взя* прош. вр. Форма *богатество* вм. *богатство* попадаетъ и в народных песнях. *Богу попустившу* дат. самостоят.; *люди* вм. *людей* церковнославянск. винит. множ.; точно так же и *отцы* вм. *отцев* *заведоша*; а *отецъ разведоша* уже по-новому, т. е. родит. вм. винительного, хотя и в древней форме, т. е. *отецъ* вм. *отцевъ*. Так постоянно смешиваются в наших летописях и грамотах формы церковные с русскими. *Торжище* слич. с *торг* и *торжество*. Жаль, что Карамзин уничтожил разговорную фигуру этого места: „О град, некогда великий! ты сетуешь в опустении. Прилетел на

доша, гдѣ не бывали отцы и дѣды и прадѣды наша, а тамо отцы и братію нашу и други наша заведоша, и матери и сестры
 33. наша въ поруганіе даша. И мнози тогда мужи и жены постригошася во иноческій образъ, не хотяще итти в плѣнъ отъ своего града.

тебя орел многокрыльный с когтями львиными, вырвал из недр твоих три кедр ливанские: похитил красоту, богатство и граждан; раскопал торжища или заметал дрязгом; увлек наших братьев и сестер в места дальние, где не бывали ни отцы их, ни деды, ни прадеды". Манерность карамзинского переложения оказывается в тактич. окончаниях: опустѣній — львинымъ — ливанскіе — дальнія — прадеды.

33. *Хотяще* прич. множ. ч.; *итти* новая форма, вм. древней *ити*.

4. ЧТЕНИЕ ОД ЛОМОНОСОВА

Желая дать схоластической реторике исторический характер и педагогическую ценность, я применяю ее к чтению Ломоносова. Он написал лучшую у нас реторику, по которой, более или менее, писаны все прочие, и по преимуществу Кошанского, введенная в наших гимназиях. По своей „Реторике“ Ломоносов объяснял свои оды, приводя их в пример правилам: след., историческая и субъективная критика требует объяснять стихотворения Ломоносова схоластическою реторикою. Разбросанные по его учебнику отрывки собираю в одно, к какой оде отрывок принадлежит. Для большего удобства нумерую порядок строф. Так как о многих строфах Ломоносов не говорит ничего в „Реторике“, то их пропускаю: цифра указывает, сколько их опущено. Учитель в классе будет читать, разумеется, всю оду сполна и, кроме извлеченных мною из „Реторики“, предложит и другие замечания. Для переложений из псалмов прилагаю подлинник. Так как переложение из Иова Ломоносов не объясняет в „Реторике“, потому, к сожалению, не предлагаю здесь этого превосходного произведения. Под каждой строфой выписываю варианты из текста, помещенного в „Реторике“: они подадут весьма полезные соображения для стилистики и, вероятно, современем внесутся в издания од Ломоносова. В объяснениях означаются параграфы „Реторики“.

ПЕРЕЛОЖЕНИЕ ПСАЛМА 14

<p>1. Господи, кто обитает
В светлом доме выше звезд?
Кто с тобою населяет
Верх священный горних мест?</p>	<p>4. Презирает всех лукавых,
Хвалит вышнего рабов
И пред ним душою правых,
Держится присяжных слов.</p>
<p>2. Тот, кто ходит непорочно,
Правду завсегда хранит,
И нелестным сердцем точно,
Как языком говорит.</p>	<p>5. В лихву дать серебро стыдится,
Мзды с невинных не берет,
Кто так жить на свете тщится,
Тот во веки не падет.</p>
<p>3. Кто устами льстить не знает,
Ближним не наносит бед,
Хитрых сетей не сплетает,
Чтобы в них увяз сосед.</p>	<p>Строфа 1 стих 4. Верх священных
горних мест.
2. 4. Как устами говорит.
3. 1. Кто языком льстить не знает.</p>

Это переложение Ломоносов приводит в пример к правилу о жизненных свойствах: „к одному животному приписаны быть могут многие жизненные свойства“ § 59.

В выписке славянского текста курсивом означаются места, близкие к переложению. *Господи, кто обитает* в жилище твоём? или кто вселится во святую гору твою? *Ходяй непорочен* и делай правду, глаголяй истину в сердце своем. *Иже не ульсти языком* своим и не сотвори искреннему своему зла и поношения не прият на ближние своя. Уничжен есть пред ним лукавнуяй, боящияжеся господа славит; кленыйся искреннему своему и не отменяся. Сребра своего не даде в лихву и мзды на неповинных не прият: творяй сия не подвижится во век.

По славянскому тексту „Иже не ульсти языком“ следует удержать вариант: „Кто языком льстить не знает“, и следовательно, в предыдущем стихе тоже восстановить текст по варианту: „устаи говорит“ вм. „языком говорит“. Заметить сильное переложение: Правду завсегда хранит — Держится присяжных слов: в этих стихах русским складом Ломоносов резко отделился от подлинника. Буквальное сходство первого стиха с началом псалма указывает ясно, что размер переложения зависел от впечатления, произведенного началом псалма на Ломоносова.

ПЕРЕЛОЖЕНИЕ ПСАЛМА 145

<p>1. Хвалу всевышнему владыке
Потщися, дух мой, воссылать:
Я буду петь в гремящем лике
О нем, пока могу дышать.</p> <hr/> <p>2. Никто не уповай во веки
На тщетну власть князей земных:
Их те ж родили человеки,
И нет спасения от них.</p> <hr/> <p>3. Когда с душою разлучатся,
И тленна плоть их в прах падет:
Высоки мысли разрушатся,
И гордость их и власть минет.</p> <hr/> <p>4. Блажен тот, кто себя вручает
Всевышнему во всех делах,
И токмо в помощь призывает
Живущего на небесах; —</p> <hr/> <p>5. Несчетно многими звездами
Наполнившего высоту,</p> | <p>И непостижными делами
Земли и моря широту; —</p> <hr/> <p>6. Творящего на сильных нищу
Поистине в обидах суд;
Дающего голодным пищу,
Когда к нему возопиют.</p> <hr/> <p>7. Господь оковы разрешает,
И умудряет он слепцов:
Господь упавших возвышает
И любит праведных рабов.</p> <hr/> <p>8. Господь пришельцев сохраняет
И вдов приемлет и сирот.
Он дерзкий грешных путь скончает
В Сионе будет в род и род.</p> |
|---|---|
4. 2. Всесильному во всех делах.
8. 3. Он грешных дерзкий путь скончает. Следует восстановить этот вариант в тексте оды, ибо порядок слов в нем лучше.

§ 272. В разделительных силлогизмах равным образом полагается, как и в других, прежде всего первая посылка, и к ней присовокупляется парафрастическое истолкование, либо доказательство или распространение из мест риторических обеих частей оные посылки; потом следует другая посылка с риторическими изъяснениями, украшениями или доказательствами; наконец, заключением оканчивается соединенным с движением или утолнением страсти к материи приличной.

§ 273. Первая посылка разделительного силлогизма может быть отставлена, и вместо оной положен быть краткий приступ, как то видно в псалме 145-м, который основан на следующем разделительном силло-

гизме: Или уповать на бога, или на князей сынов человеческих; но уповать на них не надежно, следовательно, лучше уповать на бога.

Хвали, душе моя, господа: Восхваляю господу в животе моем, пою богу моему дондеже есмь. Не надеетесь на князи, на сыны человеческие, в них же несть спасения. Изыдет дух его и возвратится в землю свою; в той день погибнут вся помышления его. Блажен, ему же бог Иаковль помощник его, упование его на господу бога своего, сотворшего небо и землю, море, и вся, яже в них: хранящего истину в век, творящего суд обидимым, дающего пищу алчущим. Господь *решит* окованные, господь *умудряет* слепцы, господь возводит низверженные, господь любит праведники, *господь хранит* пришелцы, *сирота и вдову* примет, и путь грешных погубит. Воцарится господь во век, бог твой Сионе *в род и род*.

ВЕЧЕРНЕЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ О БОЖИЕМ ВЕЛИЧЕСТВЕ ПРИ СЛУЧАЕ ВЕЛИКОГО СЕВЕРНОГО СИЯНИЯ

1. Лице свое скрывает день;
Поля покрыла мрачна ночь,
Взошла на горы черна тень;
Лучи от нас склонились прочь.
Открылась бездна звезд полна;
Звездам числа нет, бездне дна.

1. 2. Поля покрыла *влажна* ночь.
1. 3. Взошла на горы *черна* тень.
1. 4. Лучи от нас *прогнала* прочь.

2. Песчинка как в морских волнах,
Как мала искра в вечном льде,
Как в сильном вихре тонкий прах,
В свирепом как перо огне;
Так я в сей бездне углублен,
Теряюсь, мысльми утомлен!

2. 5 и 6. Как персть между *высо-*
ких гор,
Так гибнет в нем мой ум и взор.

3. Уста премудрых нам гласят:
Там разных множество светов;
Несчетны солнца там горят,
Народы там и круг веков:
Для общей славы божества
Там равна сила естества.

3. 3. Солнцы.
3. 6. Там *та же* сила естества.

4. Но где ж, натура, твой закон?
С полночных стран встает зари!
Не солнце ль ставит там свой трон?
Не льдисты ль мещут огонь моря?
Се хладный пламень нас покрыл!
Се в ночь на землю день вступил!

4. 6. Ночь.

5. О вы, которых быстрый зрак
Пронзает в книгу вечных прав,
Котрым малый вещи знак
Являет естества устав,
Вам путь известен всех планет:
Скажите, что нас так мятет?

5. 5 и 6. Вы знаете пути планет
Скажите, что наш ум мятет?

6. Что зыблет ясный ночью луч?
Что тонкий пламень в твердь
разит?
Как молния без грозных туч
Стремится от земли в зенит?
Как может быть, чтоб мерзлый пар
Среди зимы рождал пожар?

6. 1. Ночью.

7. Там спорит жирна мгла с водой;
Иль солнечны лучи блещут,
Склонясь сквозь воздух к нам
густой:
Иль тучных гор верхи горят,
Иль в море дуть престал зефир,
И гладки волны бьют в эфир.

8. Сомнений полон ваш ответ
О том, что окрест ближних мест:
Скажите ж, коль пространен свет?
И что малейших дале звезд?
Не сведом тварей вам конец:
Скажите ж, коль велик творец?

8. 6. Кто ж знает, коль велик творец?

§ 268. В неполном силлогизме или энтимеме полагается одна посылка; потом присовокупляется причина, что все заключается следствием. Таким

образом расположена у Горация ода 30 книги третьей, которая состоит в следующей ентимеме: *я поставил знак бессмертной своей славы; за тем что первый сочинял в Италии оды, какие писал Алцей, зольский стихотворец. того ради должна моя муза себя лавровым венком увенчать* (§ 270). Вместо причины можно положить распространение какой-нибудь идеи, которая имеет принадлежность к терминам, составляющим посылку, как в сей ентимеме: *тварей исследовать не можем, следовательно, и творец есть непостижим*, распространить можно идеи о ночи, о мире и о северном сиянии.

ОДЫ ПОХВАЛЬНЫЕ

Ода 1

НА ВЗЯТИЕ ХОТИНА, 1739

1. Восторг внезапный ум пленил,
Ведет на верх горы высокой,
Где ветер в лесах шуметь забыл,
В долине тишина глубокой.
Внимая некто, ключ молчит,
Который завсегда журчит,
И с шумом вниз с холмов стремит-
ся;
Лавровы вьются там венцы,
И слух спешит во все концы;
Далече дым в полях курится.

1. 6 и 7. Что меж травой в лугу жур-
чит
И вниз с холмов шумя стре-
мится.

2. Не Пинд ли под ногами зрю?
Я слышу чистых сестр музыку;
Пермесским жаром я горю,
Теку поспешно к оных лжку,
Врачебной дали мне воды:
Испей и все забудь труды;

1. 2. В рассуждении речений должно остерегаться, чтобы речений не перемешать ненатуральным порядком и тем не отнять ясность слова, например: *горы ведет на верх высокой*: ибо лучше сказать: *ведет на верх горы высокой* (§ 175).

1. Вымысл, умягченный фигурою — мечтанием. Умягчаются же вымыслы и в косвенные обращаются тремя способами: *условием, сомнение значащими словами и фигурами* (§ 163).

2. Вымысл, умягченный фигурою — вопрошением (§ 163).

10. От признаков можно распространить слова, ежели они будут состоять во многих действиях или иметь будут разные части, свойства или обстоятельства. Иногда самые свойства и действия, как признаки предлагаются, будучи совокуплены с некоторым усумнением (§ 68).

10. 5—7. Повторение есть многократное положение речения в предложениях. Иногда и два и больше речений в начале повторяют (§ 203). (Для этого правила следует в тексте восстановить вариант).

Умой росой кастальской очи,
Чрез степь и горы взор прости,
И дух свой к тем странам вперид,
Где всходит день по темной ночи.

10. Не сей ли при донских струях
Рассыпал вредны россам стены?
И персы в жаждущих степях
Не сим ли пали пораженны?
Он так к своим взирал врагам,
Как к готфским приплывал
брегам,

Так сильну возносил десницу;
Так быстрый конь его скакал,
Когда он те поля топтал,
Где зрим всходящу к нам денницу.

10. 3—7. В иранских жаждущих
странах
Не сим ли персы изложенны?
Он так взирал к врагам лицом.
Он так бросал за Белт свой
гром.
Он сильну так возносил
десницу.

НА ПРИВЫТИЕ ЕЛИСАВЕТЫ ИЗ МОСКВЫ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГ. 1742

1. Какой приятный зѣфир веет,
И нову силу в чувства льет?
Какая красота яснее,
Что всех умы к себе влечет?
Мы славу дщери зрим Петровой,
Зарей торжеств светящу новой.
Чем ближе та сияет к нам,
Мрачнее ночь грозит врагам.
Брега Невы руками плещут,
Брега Ботнйских вод трепещут.
1. 8. Ночь.
1. 10. Брега Балтийских вод трепещут.
5. Священный ужас мысль объемлет;
Отверз Олимп всеильный дверь,
Вся тварь со многим страхом
внемлет,
Великих зря монархов дщерь,
От верных всех сердец избранну,
Рукою вышнего венчаѣлу,
Стоящу пред его лицом,
Котору в свете он своим
Прославив, щедро к ней взирает,
Завет крепит и утешает.
8. Мой образ чтят в тебе народы,
И от меня влиянный дух;
В бесчисленны промчится роды
Доброт твоих неложный слух.
Тобой поставлю суд правдивый,
Тобой сотру сердца кичливы,
Тобой я буду злость казнить,
Тобой заслугам мзду дарить;
Господствуй утверждени мною,
Я буду навсегда с тобою.
23. Так флот российский в Понт
дерзает,
Так роет он по верх валов;
Надменна бездна уступает,
Стеня от тяжести судов.
Во след за скорыми кормами
Спешит седая пена рвами.
Веселый шум, гребущих крик
Наносит готфам страх велик;
Уже надежду отвергают
И в мгле свой флот и стыд скрывают.
23. 6. Бежит кипяща пена рвами. В тексте *седаж* живописнее.
32. Как лютый мраз она прогнавши,
Замерзлым жизнь дает водам;
Туманы, бури, снег поправши,
Являет ясны дни странам,
Вселенну паки воскрешает,
Натуру нам возобновляет,
- Поля цвѣтами красит вновь!
Так ныне милость и любовь,
И светлый дщери взор Петровой
Нас жизнью оживляет новой.
32. 1. Как лютый мраз *весна* прогнавши.
Весна — не следует считать вариантом. ибо стоит в отрывочном примере для ясности.
33. Какая бодрая дремота
Открыла мысли явный сон?
Еще горит во мне охота
Торжественный возвысит тон.
Мне вдруг ужасный гром блистает,
И купно ясный день сияет!
То сердце сильна власть страшит,
То кротость оное живит;
То бодрость страх, то страх ту
клонит,
Противна страсть противну гонит!
33. 8. То кротость разум мой живит!
33. 10. Противна мысль противну гонит.
Здесь можно показать ученикам отличие *мысли* от *страсти*, и тем определить, какое чтение вернее.
36. Но речь их шумный вопль скрывает:
Война при шведских берегах
С ужасным стоном возрыдает,
В угрюмых кроется лесах.
Союз приходит вожделенный
И глас возносит к ней смиренный:
Престань прекрасный век мрачить,
И фински горы кровавить.
Се царствует Елисавета,
Да мир подаст пределам света.
36. 1—6. Но речь их шумный глас скрывает:
Войну при готфских берегах
С угрюмым стоном возрыдает
И в диких кроется горах:
Союз возлюбленный приходит
И с кротостью свой глас возводит.
Вариант чрезвычайно любопытный! он может подать повод к рассуждению, весьма полезному для учеников.
42. Когда бы древни веки знали
Твою щедроту с красотой:
Тогда бы жертвой почитали
Прекрасный в храме образ твой.
Что ж будущие скажут роды?
Покрыты кораблями воды,
И грады, где был прежде лес,
Возвысят глас свой до небес:

Великий Петр нам дал блаженство,
Елисавета — совершенство.

42. 1—4. Когда бы древни лета знали
Толику бодрость с красотой.
То б храмы в честь твою со-
здали,
И жертвой чтили б образ
твой.
Показать ученикам, почему
связь текста правильнее этого
варианта.

Ты паки зришь императрицу,
Что в сердце завсегда держал.
Не так поля росы желают,
И в зной цветы от жажды тают,
Не так способных ветров ждет
Корабль, что в тихий порт плывет,
Как сердце наше к ней пылало,
Чтоб к нам лицо ее сияло.

43. 7. Не так способных ветров ждет.

43. 9 и 10. Как сердце наше ожидало,
Чтоб к нам лицо твое сияло.

В этом варианте более
связи, чем в тексте. Ее
следует удерживать.

43. Целуй, Петрополь, ту десницу,
Которой долго ты желал,

1. 9 и 10. Действие и страдание витиеватые речи рожают 1) когда, от чего производится противное действие в той же вещи или в двух подобных (§ 136).

1. 9 и 10. Повторение есть многократное положение речения в предложениях, что бывает 1) когда в начале каждой части периода или в начале многих коротких периодов одно слово повторяется (203).

5. Восхищение есть, когда сочинитель представляет себя как изумленна в мечтании, происходящем от весьма великого, нечаянного или странного и чрезвычайного дела. Сия фигура совокупляется почти всегда с вымыслом и больше употребительна у стихотворцев (§ 239).

8. 5—8. Сила в украшении риторическом есть такова, каковы суть пристойные движения, взгляды и речи прекрасной особы, дорогим платьем и иными уборами украшенной. Ибо хотя она пригожеством и нарядами взор человеческий к себе привлекает, однако, без пристойных движений, взглядов и речей вся красота и великолепие как бездушны. Равным образом слово риторическое хотя будет чисто составлено, приличным течением установлено и украшено великолепно, но без пристойного движения речений и предложений живости в нем никакой не будет (168). Сие движение состоит в обращении речений или предложений, которым слово от простого отменяется. Таковые движения называются фигурами *речений* (§ 169).

23. Изображение есть явственное и живое представление действия с обстоятельствами, которыми оно в уме, как самое действие, воображается (§ 236).

32. Эту строфу Ломоносов относит к периодам *зыблющимся*, т. е. к таким, которых части и члены неравны, — в противоположность периодам *круглым* или *умеренным*, члены и части коих мало разнятся величиною. В этой строфе двучленный период с первым членом много больше второго (§ 43).

33. Восхищение (§ 239).

36. Заимословие бывает, когда то, что самому автору или представляемому от него лицу говорить должно, отдаётся другому лицу живому либо мертвому или и бездушной вещи. Почему сия фигура не мало надлежит до вымыслов (§ 219).

42. Косвенные вымыслы имеют в себе оговорку или какое-нибудь умягчение, чем они с правдою сопрягаются и к ней ближе подходят (§ 153). В этой строфе, по Ломоносову, вымысел смягчается условием.

43. 5—10. Великую силу, важность и пространство слову придает уравнение, когда уравняемая вещь и то, с чем она уравняется, или

которое-нибудь из них обстоятельно предлагается (§ 71). В этой строфе, по Ломоносову, уравниваемое больше, нежели то, с чем оно уравнивается.

Ода 3

НА ПРИБЫТИЕ ИЗ ГОЛСТИНИИ И НА ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ
ПЕТРА ФЕОДОРОВИЧА, 1742 ГОДА, ФЕВРАЛЯ 10

5. О коль велика добродетель
В петровых днях... цветет!
Коль славен севера владетель
В тебе, Россия, возрастет!
Он ради твоего блаженства
Даров достигнет совершенства,
И счастье бег остановит,
Любовью оных восхищенно,
Союз с тобою утвердит,
И вечно будет непременно.

5. 2. В петровых нежных днях цве-
тет!

Этот вариант непременно дол-
жен быть восстановлен в ис-
порченном тексте: удивитель-
но, как до сих пор никто не
позаботился об этом стихе.

5. 5 и 6. Уже для твоего блаженства
Доброт в нем спеют совер-
шенства.

6. О плод от корене преславна,
Дражайшая петрова кровь,
К тебе горит уже издавна
Россия искрення любовь!
Петрополь по тебе терзался,
Когда с тобою разлучался
Еще в зачатии твоём.
Сердца желаньем закипели,

5. Обращение с удивлением (§ 217).

6. 8—10. Емфазис есть, когда действие или состояние вещи не прямо изображается, но разумеется из другого и чрез то великолепно возвышается. Побеление волн есть обстоятельство бегущего по морю корабля, чрез которое здесь скорое оно течение разумеется (§ 195).

9. Ипербола есть повышение или понижение слова невероятное (§ 196). В этой строфе она употреблена, по Ломоносову, для напряжения (в противоположность послаблению).

11. Седьмой способ к составлению вымыслов есть предложение с места на место или из одного времени в другое (§ 161). Здесь с места на место.

Ода 4

НА ДЕНЬ ТЕЗОИМЕНИТСТВА ПЕТРА ФЕОДОРОВИЧА, 1743

1. Уже врата отверзло лето.
Натура ставит общий пир.
Земля и сердце в нас нагрето,
Колеблет ветви тих зефир,
Объемлет мягкий луг крылами,
Крутится чистый ток полями.
Брега питает тучный ил.

Древа и цвет покрылись медом.
Ведет своим довольство следом
Поспешно ясный вождь светил.

1. 8. Листы и цвет покрылись медом.
Лучше текста.

1. 10. Поспешно красный вождь светил.
И это предпочитаю тексту.

5. Тебе Россия вся открыла,
 Кланушись вышнего рукой:
 Я в сердце много лет таила,
 Что мне достойт жить с тобой;
 Мне полдень с утром вдруг всту-
 пает,
 Весна цветы и плод являет
 В возлюбленной душе твоей;
 Но грудь пронзит народовлестив-
 ных
 Ужасный луч в полки противных,
 Блистая из своих очей.

5. 5—7. Нам полдень с утром вдруг
 сияет.
 Весна плоды и цвет являет
 В дражайшей младости твоей.

9. Мой дух течет к пределам света,
 Охотой храбрых дел пленен,
 В восторге зрит грядущи лета
 И грозный древних вид времен:
 Холмов Ливанских верх дымится!
 Там Навин или Сампсон стремится!
 Текут струй евфратски вспять!

1. Речь состоит из весьма коротких и по большей части одночленных периодов, в которые могут переменены быть долгие чрез отъятие союзов. Такие периоды называются *отрывными* (§ 44). *Примеч.* Потому-то по цитате в „Реторике“ изменил и пунктуацию этой строфы, поставив, вместо точек с запятою, точки.

5. 5—7. От времени витиеватые речи рождаются: 1) когда противные или разные времена вместе соединяются (§ 137).

9. Восхищение (§ 239).

12. 5—10. Указание есть, когда идея представляет, как бы она была в самое то время в действии, и для большего оной оживления употребляются при том речения указательные: *се, вот, воззри, смотри, здесь, там*, и проч. (§ 218).

Ода 5

НА ДЕНЬ БРАЧНОГО СОЧЕТАНИЯ ПЕТРА ФЕОДОРОВИЧА
 И ЕКАТЕРИНЫ АЛЕКСЕЕВНЫ, 1745

5. Как сладкий сон вливает в члены
 Во дни, гтрудами излуренны,
 Отраду, легкость и покой,
 Как мысль в весельи утопает!
 О коль прекрасен свет блистает,
 Являя вид страны иной!
 Там мир в полях и над водами;
 Там вихрей нет, ни шумных бурь;
 Меж бисерными облаками
 Сияет злато и лазурь.

5. 2. Чрез день. В издании.
 5. 9. Между млечными. В издании.
 5. 9. Над бисерными облаками.

6. Кристаллы горы окружают,
 Струи прохладны обтекают
 Усыпанный цветами луг.

Он тигров челюсти терзает,
 Волнам и вихрям запрещает,
 Велит луне и солнцу стать.

9. 2. Любовью храбрых дел пленен.
 9. 4. И древних грозный вид времен.
 Этот вариант в сличении с текстом
 подает случай к замечанию о по-
 рядке слов.

12. В брегах да льются тихо реки,
 Не смея чрез предел ступить;
 Да придут все страны далеки
 С концов земных тебе служить.
 Воззри на света шар пространный,
 Воззри на Понт, тебе подсланный,
 Воззри в безмерный круг небес:
 Он зыблется и помавает
 И славу зреть твою желает
 Светящих тьмами в нем очес.

12. 5. Воззри на круг земной про-
 странный.

Вариант, может быть, и лучше
 текста, но надобно удержать
 текст, чтоб избежать повторения
земной в двух стихах сряду.

12. 7. Воззри в безмерный шар небес.

Плоды румянцем испещренны
 И ветви медом орошенны
 Весну являют с летом вдруг.
 Восторг все чувства восхищает!
 Какая сладость льется в кровь!
 В приятном мире сердце тает;
 Не там ли царствует любовь?

7. И горлиц нежное вздыханье,
 И чистых голубиц лобзанье
 Любви являют тамо власть.
 Древа листьями помавают,
 Друг друга ветвями обнимают,
 В бездушных там любовна страсть!
 Ручьи во след ручьям крутятся.
 То гонят, то себя маият,

То прямо друг к другу стремятся,
И слившись меж собой журчат.

7. 6. В бездушных зрю любовну страсть.
В издании.

8. Нарцисс над ясною водою,
Пленен своею красотою,
Стоит, любуясь сам собой.
Зефир, как ты по берегу дуешь,
Стократ листки его целуешь
И сладкой те кропишь росой.
Зефир, сих нежных мест хранитель,
Куда свой правишь с ним полет?

5, 6, 7 и 8. Вымышленное описание царства любви (§ 294).

7. 4—10. К украшению описаний и повествований много способствует оживление бездушных вещей (§ 312).

19. Обращение с засвидетельствованием (§ 217).

Зефир, кустов и рощ любитель,
Что прочь от них тебя влечет?

19. С горящей, солнце, колесницы,
Низвед пресветлые зеницы,
Пространный видишь шар земной,
В Российской ты державе всхо-
дишь,
Над нею дневный путь преводишь
И в волны кроешь пламень свой.
Ты нашей радости свидетель,
Ты зришь усердий наших знак,
Что ныне нам послал содетель
Чрез сей благословенный брак.

О д а 6

НА ДЕНЬ ВОСШЕСТВИЯ НА ПРЕСТОЛ ЕЛИСАВЕТЫ, 1746

1. На верх Парнасских гор прекрас-
ный

Стремится мысленный мой взор,
Где воды протекают ясны
И прохлаждают муз собор.
Меня не жажда струй прозрачных,
Но шум приятный в рощах злачных
Поспешно радостна влечет:
Там холмы и древа взывают,
И громким гласом возвышают
До самых звезд Елисавет.

1. 5 и 6. Меня надежда струй прозрач-
ных
На шум приятный в рощах
злачных.

Вариант чрезвычайно важный.

2. И се уже рукой багряной
Врата отверзла в мир заря.
От ризы сыплет свет румяной
В поля, в леса, во град, в моря
Велит ночным лучам склониться
Пред светлым днем и в тверди
скрыться.

И тем почтить его приход.
Он блеск и радость изливает
И в красны лики созывает
Спасенный днесь российский род.

3. Взирая на дела петровы,
На град, на флот и на полки
И купно на свои оковы,
На сильну власть чужой руки,
Россия ревностно вздыхала
И сердцем всякой час взывала
К тебе, защитнице своей:
Избавь, низвергни наше бремя,

Воздвигни нам петрово племя,
Утешь печаль твоих людей.

9. Нам в оном ужасе казалось,
Что море в ярости своей
С пределами небес сражалось,
Земля стенала от зыбей,
Что вихри в вихри ударялись,
И тучи с тучами спирались,
И устремлялся гром на гром,
И что надуты вод громады
Текли покрыть пространны грады,
Сравнить хребты гор с влажным
дном.

10. Я духом зрю миновше время:
Там грозный злитя исполни
Рассыпать земнородных племя
И разрушить природы чин!
Он ревом бездну возмущает,
Лесисты с мест бугры хватает,
И в твердь сквозь облака разит.
Сиканский как вулкан дымится.
Так мгла из челюстей курится
И помрачает солнца вид.

10. 8. Как Этна в ярости дымится.
В издании.

11. Но, о прекрасная планета,
Любезное светило дней!
Ты ныне, чрез пределы света
Простерши блеск твоих лучей,
Спасенный север освещаешь,
И к нам веселый вид склоняешь,
Взирая на Елисавет
И купно на ее доброты:

От ней текут на всех щедроты,
Как твой повсюду ясный свет.

12. О, вы недремлющие очи,
Стрежущие небесный град!
Вы, бодрствуя во время ночи,
Когда покоясь смертны спят,
Взираете сквозь тень густую
На целу широту земную.
Но чаю, что вы в оный час,
Впротив естественному чину,
Петрову зрели дочь едину,
Когда пошла избавить нас.

13. Сладка плодам во время зною
Прохлада влажная росы,
И сон под тенью дров густою
Приятен в жаркие часы;
Но вящшу радость ощущает
Мой дух, когда воспоминает
Российския отрады день.
Еще приходит плеск во уши!
Пленяюща сердца и души
Тогдашней нощи зрится тень!

14. По стогнам шумный глас несется
Елисаветиных похвал,
В полках стократно раздается:
Великий Петр из мертвых встал!

Мы пройдем с ним сквозь огонь и
воды,

Предолим бури и погоды,
Поставим грады на реках,
Мы дерзкий взор врагов потупим,
На горды выи их наступим,
На грозных станем мы валах.

16. Что вы, о поздние потомки,
Помыслите о наших днях?
Дела Петровой дочери громки,
Представив в мысленных очах,
И видя зрак изображенный,
Среди героев вознесенный,
Что молвите между собой?
Не всяк ли скажет быть чудесно,
Увидев мужество совместно
С толикой купно красотой!

19. Хотя от смертных сокровенно
Грядущих бытие вещей;
Однако сердце просвещенно
Величеством богини сей
На будущие дни взирает
И больше счастье предвещает.
Конец увидим оных дел:
Что ради нашего блаженства
На верх поставить совершенства
Всходящий в небо Петр велел.

1. Восхищение (§ 239).

2. Второе (правило к составлению чистых вымыслов) состоит в приложении, когда части, свойства или действия вещам придаются от иных, которые суть другого рода. Таким образом прилагается бессловесным животным слово и пр. (§ 156).

2. 1—4. Указание (§ 218).

3. 1—5. Деепричастия с своими падежами полагаются приличнее наперед (§ 319).

9. Вымысл, умягченный словами, сомнение в себе заключающими (§ 163).

10. Увеличение вещей к составлению вымыслов весьма способно, которыми стихотворцы особливо возвышают героические поэмы, представляя вещи чрезвычайно великими, к чему много силы придают ужасные действия и свойства (§ 158).

11. Вымысл, умягченный обращением (§ 163).

12. Вымысл, умягченный словами, сомнение в себе заключающими (§ 163).

13. Великую силу, важность и пространство слову придает уравнение, когда уравниваемая вещь и то, с чем она уравнивается, или которое-нибудь из них обстоятельно предлагается. Здесь уравниваемое есть больше, нежели то, с чем оно уравнивается (§ 71).

14. Заимословие бывает, когда то, что самому автору или представляемому от него лицу говорить должно, отдается другому лицу, живому, либо мертвому или и бездушной вещи (§ 219).

16. Ответствование есть, когда сочинитель слова сам себе на свой вопрос отвечает (§ 215).

19. 1—6. По союзам располагаются периоды так, как сами союзы друг другу натурально следуют (§ 322).

О д л 7

НА ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ, 1746

1. В сей день, блаженная Россия,
Любезна небесам страна!
В сей день от высоты святая
Елисавет тебе дана.
Воздвигнути Петра по смерти,
Гордыню сопостатов смерти
И в ужас оных привести,
От грозных бед тебя избавить,
Судей над царствами поставить
И выше облак вознести.

1. 5. Воздвигнуть нам.
1. 9. Судей.

3. Сквозь тучи бывшия печали,
Что лютый рок на нас навел,
Как горы о Петре рыдали
И Понт в брегах своих ревел,
Сквозь страшны россам перемены,
Сквозь прах, войнами возмущен-
ный,

Я вижу тот прекрасный час;
Там вокруг младой Елисаветы
Сияют счастливы планеты;
Я слышу там природы глас.

10. Ты суд и милость сопрягаешь,
Повинных с кротостью казнишь,
Без гневу злобных исправляешь,
Ты осужденных кровь щадишь.
Так Нил смиренно протекает:
Брегов своих он не терзает,
Но пользой выше прочих рек.

Свою сладкою водою
В лугах зеленых пролитою
Златой дает Египту век.

10. 3. Без гнева.

10. 7—8. Но пользой больше прочих рек.

Свою тихую водою
В брегах зеленых пролитою.

16. Парящей поэзии ревность
Дела твои превознесет;
Ни гнев стихий, ни ветха древ-
ность

Похвал твоих не пресечет.
Открыты естества уставы
Твоей умножат громкость славы.
Но все художество свое
Тебе Иппократ посвящает
И усугубить тем желает
И век и здравие твое.

16. 10. Дражайше здравие твое.

17. Да будет тое невреждимо,
Как верх высокия горы
Взирает непоколебимо
На мрак и вредные пары;
Не может вихрь его достигнуть,
Ни громы страшные подвигнуть:
Взнесен к безоблачным странам,
Ногами тучи попирает,
Угрюмы бури презирает,
Смеется скачущим волнам.

1. Напряжением или стечением называется стеснение многих важных идей, до одной материи надлежащих и в одном периоде или члене периода включенных (§ 232).

3. Седьмой способ к составлению вымыслов есть предложение с места на место или из одного времени в другое. Здесь прошедшее время относится в настоящее и изображается под видом места (§ 161).

10. Употребление служит к распространению слова: когда многие свойства, части или обстоятельства самой уподобляемой вещи и самого подобия между собою прилично снесенные предлагаются (§ 69).

16 и 17. Желание (§ 234).

ПРИЛОЖЕНИЕ

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ РУССКОЙ СТИЛИСТИКИ*

Стилистика необходимо должна основываться на грамматике, ибо она есть не иное что, как та же грамматика, только в непрерывном применении к чтению писателя и к собственному сочинению. Многое, предлагавшееся в риторике, как собственное ее достояние, принадлежит грамматике и словарю; напр. статьи о чистоте, правильности языка идут в синтаксис, этимологию и словарь; о синонимах — в словарь; об архаизмах — в историческую грамматику и вообще в историю языка; о провинциализмах и варваризмах — в сравнительную грамматику и т. д. Только понятие о слоге индивидуальном или личном выступает из области филологии: ибо слог известного писателя определяется характером самого писателя; здесь филология граничит с историей и философией. Притом слог индивидуальный видоизменяется по содержанию описываемых предметов: здесь, кажется, уже и предел стилистике, иначе бы ей пришлось рассуждать об астрономии, анатомии, физике, философии и пр. Впрочем, оставляю другим точнейшее определение этого предмета. Для гимназиста весьма достаточно будет и того, чтобы путем практическим познакомиться покороче с слогом Ломоносова, Карамзина, Пушкина и некоторых других. Я теперь обращаю

* Весь последующий материал ценен для нас своими педагогическими правильными полжениями о единстве стилистики с грамматикой, о филологической основе их обоих, о необходимости исторического исследования. Материалы справочного характера могут оказать пользу в процессе работы учителя. Однако, при сопоставлении разных языков (в том числе и санскритского) надо отвлекаться от господствовавшей тогда и теперь опровергнутой теории праязыка. Слова *европейских языков* развивались не от санскритского или от другого какого-либо праязыка, а на основе общих закономерностей развития языков, чем и объясняются их сходства.

Следует иметь в виду и идеалистическое обоснование в разъяснении слов (идея, как сущность, душа, божество и т. д.). В настоящее время мы связываем развитие языка с конкретно-историческим процессом развития народа, его материальной, политической и умственной культуры.

Есть и отдельные конкретные ошибки: например, первенство происхождения глагола. Рядом с этим встречаем чрезвычайно глубокие мысли: например, единство представления места и времени (стр. 174). При критическом отношении приведенный материал дает много для самобразования учителя. В описании языческой символики (стр. 207) учитель также найдет немало полезных справок о старинных словах. *Ред.*

внимание только на общую часть стилистики, с желанием дать ей прочную филологическую основу и неразрывными узами совокупить с грамматикой: потому многие статьи стилистики являются дальнейшим развитием синтаксиса, этимологии и словаря.

В языке выражается вся жизнь народа; след., разложить на стихии язык так же трудно, как и характер народа. Речь, теперь нами употребляемая, есть плод тысячелетнего исторического движения и множества переворотов. Определить ее не иначе можно, как путем генетическим; отсюда необходимость исторического исследования.

Самым нижним, во глубине лежащим слоем языка надобно признать первобытный, роднящий нас с языками индоевропейскими, и мифологический, языческий. Чгобы объяснить мифологическую ступень в языке, возьмем в пример слово *свобода*: Добровский производит от *свой*, через неупотребительное существительное *своба* (Грамматика языка славянского, 1833, I, 341); мнению сему следует и Юнгман, давая притом значение и слову *своба*: в глоссах *Mater verborum*: *zuoba, Feronia, dea paganorum*. * Выражение *бить челом* теперь употребляется в смысле кланяться и вместе дарить чем-либо; во глубине же стоит языческое значение: поклоняться богам, ** в Краледворской рукописи 68: *sie bití w síelo před bohi, se бити в чело пред боги (богами)*. Поговорка: *как мертвою рукою обвести*, т. е. приворожить, обворожить — идет от языческого поверия носить с собою мертвую руку, которою обводили спящих, чтобы не проснулись. *** Примеры общего индоевропейского сродства слов значения мифологического: день, лит. *diena*, греч. *ἡμέρα*, лат. *dies*, гот. *dags*, санскр. *divas* и *dinas*: „понятия божества, неба и дня, говорит Grimm, **** совпадают друг с другом, что видно из слов: санскр. *div* или *divo* (*coelum*), лат. *divum*, *dium* (открытое, вольное небо), санскр. *dju*, *dina* (*dies*), *dēvas* (*deus*), лит. *diewas*, лет. *dews*, лат. *deus*, *divus* (*divinus*), гр. *θεός*, эол. *θεός*, родит. *θεός*, но для отвлеченного понятия бога Δ изменяется в Θ, *θεός*, слич. *θεῖος* (*divinus*) с чувственным *θεός* (*coelestis*)*. — Солнце, сол, ἥλιος, гот. *sauil* — *sunna* — *sunno*, санскр. *sūris* (*σεῖριος*), *sūnas* происходит ***** от санскр. глагола *sur* — бросать копье, метать лучи, *sū* — бросать, метать. У греков Аполлон бог солнца и стрелометатель. — Огонь, лит. *ignis*, лат. *ignis*, гот. *aihns*, гр. *αἴγλη*, по-санскр. *agni* — и огонь и бог огня. Другое семейство слов, выражающих тот же предмет: гр. *πῦρ*, нем. *feuer*, фр. *feu*, от санскр. корня *ṛā* — очищать, сродного с лат. *rigus*: припомнить огонь, как очистительную стихию в преданиях многих народов. Этот корень, говорит Бопп, ***** есть словесный отец ветру и огню, кои оба представляются очистителями. Санскр. *raavana* — ветер, а соответствующее ему гот. *ībna* — огонь, что по-санскр. *rāvoḥa*. Отношение готского *ībna* к санскр. *raavana* то же, что лат. *mālo* к *navolo*, от коего оно произошло.

* Чешск. словарь IV, 413. Как производство Рейфа от *свой* буду слишком наивно, так Павского — натянуто: через *свобода* от корня *люб.*, гр. *λῦφ*, лат. *lib*, *iub*, нем. *laub*. Филол. набл. над составом рус. яз., II, стр. 101.

** Мысль Гримма в *Deutsche Mythologie*.

*** Снегирев, Русские в своих пословицах, ч. II, стр. 35.

**** *Deutsche Mythologie*, стр. 425.

***** См. Эйгоф, *Parallèle des langues de l'Europe et de l'Inde*, стр. 148.

***** Бопп, *Vergleichende Grammatik*, стр. 124 и 125.

С основанием Руси вторгаются к нам варваризмы. Кто бы ни были варяги — славяне или немцы, во всяком случае они принесли в наш язык, чего не было в нем прежде; с распространением христианства вкрались к нам грецизмы и болгаризмы. Церковнославянский язык был у нас в старину тем же, чем в западной Европе латинский, с тою только разницею, что ближе к нашему наречию; нежели латинский не только к немецким, но и к романским. Отсюда начинается и доселе продолжается смесь наречия церковнославянского с народным. Мы привыкли считать церковнославянские формы только архаизмами, а не варваризмами: пусть так и останется. Главное, надобно заметить то, что старинные выражения соответствуют старинному быту народному, отсюда необходимость исследования архаизмов в связи с русскими древностями. Таким образом к архаизмам должно отнести все старинные выражения, соответствовавшие древней русской жизни. Применение древнейшего к позднему составляет историческое движение архаизмов: так *стрелять* и *лукать* от стрелы и лука перенесли мы к ружью, камню: стрелять из ружья, лукать камнем. Так баснословные змии-чародеи перешли в название воинского снаряда — в Софийском Временнике II, 417: и огненные пушки и весь снаряд, также и змей летячей, и змей свертной и прочий снаряд весь отволокоша. Принятие христианства неминуемо должно было совершить переворот в значении многих слов: так, язычник от язык — народ — получило значение идолопоклонника; нем. *der Heide* от двн. прилагат. *heidan* — принадлежащий народу (двн. *heit*, гот. *haidus*); *gentilis* от *gens*, *paganus* — из коего фр. *païen*, наше паганый — от *pagus*. Впоследствии христианин перешло в крестьянин. Об языке должно сказать то же, что о народных исторических песнях: как к древнейшему преданию о Владимире в продолжение столетий присовокуплялись различные исторические факты, напр. Владимир воюет с татарами, так и к чистой струе русского языка постоянно примешивался чуждый наплыв; как один и тот же герой в продолжение столетий действует в различных событиях народных и тем определяет свой национальный характер, так и язык, многие века применяясь к самым разнообразным потребностям, доходит к нам сокровищницею всей прошедшей жизни нашей.

Господствующее, центральное наречие не могло оставаться чуждым влияния областных; отсюда необходимость исследования провинциализмов.

Таким образом свое рассуждение подразделяю на следующие отделы: 1) язык народный, 2) архаизмы, 3) варваризмы, 4) провинциализмы. Хотя все эти стихии тесно соединены в живой речи, однако наука для большей ясности требует анализа. Словарь и грамматика проводятся по всем этим четырем отделам, и тем присовокупляется стилистика к филологии. Исторический же способ изложения всему должен дать строгий незыблемый характер науки. Каждый отдел заключается применением к современным писателям; таким образом прошедшее связывается с настоящим, и теория переходит в практику.

Предпосылаю краткое обозрение некоторых отдельных слов, соответствующее синонимике, под именем ономатики, ибо я распространяю значение синонимики, полагая основою оной историческое и сравнительное исследование.

ОНОМАТИКА

Ономатика * содержит в себе: 1) генеалогию, т. е. указание корней и слов производных, с первоначальным их значением; 2) тропологию, исследующую переход первоначального значения к переносному; 3) синонимику, определяющую сродство слов по мысли, в противоположность словопроизводству, подводящему к одному началу слова, сродные по корню.

В языке нет двух или нескольких слов, значащих решительно одно и то же, как две капли воды. Даже слова лоб и чело, глаза и очи, вострый и острый, венец и корона и др., при одинаковом значении, выражают различные оттенки (здесь граница между синонимами и между архаизмами, варваризмами, провинциализмами). Хотя определение слов авторитетом писателей весьма полезно, однако, недостаточно, ибо не решается, на каком основании употребляет образцовый писатель то или другое слово. Потому-то в настоящее время более обращаются к сравнительным и историческим словарям, нежели к синонимике. Примеры определения синонимов по употреблению можно найти в „Опыте Словаря русских синонимов“, составл. П. Калайдовичем, 1818; в этой книге, кроме в первый раз напечатанных, собраны исследования: из „Собеседника любителей рос. слова“, 1783, из „Иппокрены“, IX, 1801, „Северного Вестника“ 1804—1805, из Сочин. и Переводов Рос. Академ., 1806, II, из журнала Любителей Рос. Слова, из книги „В удовольствие и пользу“, 1812, из „Сына Отечества“ 1814. Продолжение синонимики печаталось в „Трудах Общ. Люб. Рос. Сл.“. Всего полезнее в старинных рассуждениях о синонимах — примеры, особенно, если они составлены писателями образцовыми; так и в объяснение словам: основать, учредить, установить, устроить — Фон-Визин ** приводит след. пример: в России Екатерина II *основала* Общество благородных девиц, *учредила* наместничества, *установила* совестный суд и *устроила* благочиние.

Основанием определению значения слов полагаю следующие начала:

1. Словом мы выражаем не предмет, а впечатление, произведенное оным на нашу душу; так, по-санскр. слон называется *дважды пьющим, двузубым, снабженным рукою*.*** След., синонимы должны определяться не по предметам, ими означаемым, а по точке зрения, с которой человек смотрел на предмет при сотворении слова.

2. Впечатление предполагает нечто деятельное, движущееся, потому большая часть слов происходит от глагольных корней: так *тьма*, сербск. *тама* от санскр. корня *tam* — помрачать; *ночь* от санскр. *наç* — стирать, разрушать; *грех* от *hri* — *rudore affici*; *lupus* от *lú* — *scindere, vellere*, слич. славянск. *лупеж, лупежник* — грабеж, грабитель; *вода, wasser, unda* от *und* — *fluere* и пр.****

3. Значение слов физическое древнее нравственного; напр. *коловратный* теперь значит непостоянный, изменяющийся; прежде: вертящийся колесом: самострелы коловратными, Ипат. летопись 226.

* Mager, Deutsches Sprachbuch, 1842, стр. 127.

** Полное собрание сочинений, 1830, IV, стр. 51.

*** Humboldt, Über die Kawi-Sprache, I, CXII.

**** Pott, Etymologische Forschungen, I, стр. 209, 218, 232 и Ейроф, Parallele des langues de l' Europe et de l' Inde, стр. 148 и след.

4. Физическое значение, ближайшее к живому впечатлению, первобытнее; так понятие цвета, напр. в нем. наречиях: *hëllan* (sonare), *hëll* (sonorus, позднее *lucidus*), *galan* (sonare), *gëlo* (*lucidus, flavus*), *gold* (*sonoratum* и *lucidum*), *gëlp* (*strepens, потом coruscans*) * и пр. Для объяснения слич. наше *быстрый* с сербск. *бистар*, значащим прозрачный, светлый, чистый, напр. о воде.

5. Со временем живое значение слова теряется, впечатление забывается и остается только одно отвлеченное понятие; потому — восстанавливать первобытный смысл слов — значит возобновлять в душе своей творчество первоначального языка.

6. С первого листа библии видно, как высоко и многозначительно слово — И рече бог: да будет свет; и бысть свет. И виде бог свет, яко добро; и разлучи бог между светом, и между тьмою. *И нарече бог свет день, а тьму ночь.* Быт. I, 3—5. И созда бог еще от земли вся звери селные, и вся птицы небесные: и приведе я ко Адаму, видети, что наречет я! и всяко еже аще нарече Адам душу живу, сие имя ему. Быт. II, 19.

1. СЛОВО, ПОЭЗИЯ, ЧАРОДЕЙСТВО, ЗНАНИЕ И ПР.

Глубокий разум слов в языках народов даже необразованных дает знать о высоком происхождении языка. Та же творческая сила, которая непрестанно действует в природе вещественной, создала и язык устами целого народа, ибо: глас народа — глас божий.

Христианство дает величайшее значение слову, как воплощению бога. И язычники сознавали таинственное происхождение речи и ее высшую силу. Так слова: баять, говорить, шептать, вещать означают ворожбу, чародейство, пророчество, обаяние, заговор, нашептыванье, вещун.

К значению чародея присоединялись понятия мудреца, поэта, правоведа, писца и чтеца, лекаря.

Слово *вещий* от вет (от-ветить, при-ветить) значит умного, хитрого в эпитете Олегу: и прииде Олег к Киеву и ко Игорю, несый злато, и паволоки, овощь и вина, и всяко узорочие; и прозваша Ольга Вещий: бяху бо людие погани и невегласи (Соф. Вр. I, стр. 22). Отсюда видно, что *вещий* или принималось в старинные времена за название богопротивное, по мнению христиан, ибо его придавали, как прозвище, люди поганые, язычники, по своему невежеству, или же означало какое-нибудь понятие слишком возвышенное, неприличное лицу языческому.

Вещий значит и поэта: потому поэт Боян в Сл. о Полку Иг. называется вещим. *Ветия* (вм. *вития* от *вет*) в древнем языке поэт: „якоже историци и ветия, рекше летописьци и песнотворци“, говорит Кирилл Туровский (Памятники российской словесности XII в., стр. 74). Так как проповедник почел нужным объяснить для своих слушателей слово *ветия*, то следует заключить, что значение его в XII в. между народом было уже не ясно. С понятием поэта соединялось значение колдуна: потому *ветьство* старинное слово, означает колдовство (Карамзин, И. Г. Р. I, прим. 506; в глоссах *Mater verborum*: чешское *wěštba* — по переводу Юнгмана *wahrsagerei: věšěbi* (*lege: wěšěby*), *vaticinia, poëtarum carmina*. От серб-

* Grimm, Deutsche Grammatik, II, стр. 86 и 87.

ского *vješt*, по переводу Караджича: *der es versteht, geschickt, peritus* — происходят: *vještina* — *die geschicklichkeit, scientia*; *vještac* и *vještica* — т. е. колдун и колдунья. Равным образом и *баять* — кроме колдовства, напр. сербск. *бајанье* — *incantatio*, *бајалица* — колдунья, русск. *баяльник* — переходит в значение стихотворить; так в чешском языке уже в начале XIII в. (1202 г.), в глоссах *Mater verborum*: *baje, baie, fabulas, mitos*. Отсюда в чешск. языке: *bagiř* — поэт, *bágenj* — замышление, сказка, басня, повесть. Слич. у Пушкина: Русалке, *вещей* дочери моей, и: словами *вещего* поэта, IX т., стр. 96 и 462.

Начало закона теряется в испоконных преданиях и обычаях доисторических, освященных благоговением. Народ верит закону, ибо признает его высшее, божественное происхождение, видит в нем завет от времен незапамятных*. Потому древнейшие юридические названия имеют связь с понятиями волшебства и поэзии. В Суде Любуши (IX века) сказано о двух девах — судьях: *Vyučepě věšěbam vitiezovum*, в издании Шафарика и Палацкого (*Die ältesten Denkmäler d. Böhmisches Sprache*, 1840, стр. 41 и 46) переведено так: *edoctae scientias judiciales* — *unterrichtet in den Richter-Sprüche* **. След., значение *вещего* распространяется и на право. Отсюда ясно, почему от корня *вет-* происходит *вече* — народное собрание, и *повет*, область, подлежащая суду, ведению закона. Переход понятия о гадании и стихотворении к понятию о формуле закона очевиден в латинском *carmen*: напр. *Livius I, 19. lex horrendi carminis, 1, 13. verba carminis, III. 32. rogationis carmen*.

Всеобщее предание дает древнейшему периоду письменности характер чудесного и сверхестественного. Как во времена христианские переписать книгу считалось делом богоугодным, так и во времена языческие чтение и письмо сопровождалось понятием о колдовстве, что очевидно из свидетельства Черноризца Храбра (в половине XIII в.): „прежде оубо Словяне не имехъ письмен нъ чрътами и нарезми чтѣхъ и гадахъ. еще сѣщи погани“, (Журн. Мин. Нар. Просв., 1843, Июнь, стр. 147). След., славяне язычники гадали чертами. А слово *черта* — по-чешск. *čara, čarса*, вместе с словами *черный* и *чорт*, *** происходят от *чар, чары* — чародейство (Корнеслов Шимкевича II, стр. 119, Добровский, Грам. яз. сл. I, 117 и 223).

Язычество распространяло чарование и на врачебное искусство. Потому наше *лекарь*, от корня *лек* (*remedium*), сродно с немецкими (свн.) *lâchenoere, lâchenoerinne* — волшебник, волшебница (*Deutsche Mythologie, von Grimm, стр. 668*). Заговаривать — значит не только очаровывать, но и укрощать болезнь. Знахарь — вместе и колдун, и мудрец, и лекарь.

2. ВЕЩЬ

Всякий предмет существует для человека только тогда, когда он им сознается, когда входит в его мысль и выражается словом. Мысль есть основная сущность вещи, потому в языках название вещи происходит

* См. о поэзии в праве Я. Гримма в *Zeitschrift für geschichtliche Rechtswissenschaft, herausg. von Savigny etc. 2-er B. 1816*.

** Обученные юридическим наукам. *Ред.*

*** Я. Гримм в своей „Немецкой Мифологии“ на стр. 556 почитает слова *черный* и *чорт* одного корня. А *черкать, чертить*, очевидно, происходят от *черный*.

от слов мыслить, вещать. Так немецк. *ding* от *denken**; *sache* от *sagen*; польское *rzecz* (*res*) от *reши*; и наше *вещь*, может быть, от *вещать*, *вет* (Добровский, Гр. яз. сл. I, 103).

3. МИР

Совокупность всего существующего выражаем мы словами: свет, мир. Как *κόσμος* собственно означает мир устроенный, в меру приведенный, и *mundus* — мир украшенный, чистый и светлый, так и наше *свет* первоначально означает блистание, освещение и потом уже все открытое, подлежащее свету солнечному. Отсюда выражение: издать в свет — обнародовать. С понятием света, равно как и дня, соединяется нечто божеское, оттого поговорки: свету божьего не видать; выдти на свет божий; каждый божий день; но — надобно заметить, что божья тьма, божья ночь — не вошли в поговорку. Словом *свет* выражаем мы нежное чувство любви, привязанности, оттого эпитеты свет, светик. Слово *мир* менее употребляется между народом в смысле вселенной; зато получило характер нравственный, означая общество, сборище людей: мирская сходка, решить миром, ходить по миру. Любопытно заметить, что Я. Гримм сближает *мир* с словами *мир* и *мера*. (*Deutsche Mythologie*, стр. 458).

4. ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ

Переход понятия времени к понятию места, замеченный Я. Гриммом в языке немецком (*Deutsche Mythologie*, стр. 457; див. *wër-alt*, свн. *werlt*, от коих *welt*, первоначально значит *menschenaalter*), виден в слове *свет*, которое в книге Ездры стоит в м. век: создал еси свет — *creasti seculum*, сотворен бысть свет — *creatum est seculum*, б. 55 и 59 (Добровский, Грам. яз. сл., I. 175). Переход значения места к значению времени сохраняется в некоторых выражениях, как напр.: и с тех мест клубок белый в Новгороде, Новг. лет. 140. — покамест, час места. Так как время и место равно подлежат измерению, потому одна и та же мера иногда принимается в языке для означения и пространства — *верста*, и времени: князь Андрей от млады верьсты христа возлюбив, Ипат. лет., III; еще ун сый верстою, но совершен умом, Пск. лет., стр. 44.

Слово *время* может быть произведено от глагола *вреть*, *врети*, означающего кипеть, испускать из себя жидкость, источать, кишеть, копошиться во множестве. Время есть общее понятие для слов год, час: ибо *година* у нас значит вообще время, а у поляков час; в Остром. ев. тоже значит час; и наоборот, по-польски *час* значит вообще время; в наших древних памятниках *год* значит просто пору, время: мраз поби обилие (жито) в жатвенный год, Новг. лет. 112; в год вечерний. Ипат. лет. 130; во вторник в торгов год И. Г. Р. III, прим. 330. А *час* в смысле поры, времени и теперь у нас употребляется. Равномерно и *век* вместо известного, некоторого продолжения времени. След., обозначение известной меры времени словами год, час — есть случайное. Существенное, внутреннее сходство этих слов состоит в том, что они происходят от глаголов, означающих ожидание, угождение, надежду, замедление. Так, *год* одного корня с *годить*, *ждать* (*г* изменяется в *ж*), а *час* проис-

* Hegel, *Wissenschaft der Logik*, 1833, I, стр. 29.

ходит от *чаять*. Понятие о времени переходит к понятию о счастье, удобстве, доброте. Потому слова: *безвременье*, *невзгода* или *невзгодье*, *годный*; от *пора* — *спорый*, *в пору*; в этом последнем выражении с значением времени соединяется значение меры, соразмерности. *Доба* в других славянских наречиях значит *пора*; отсюда *доб-рый*, *у-доб-ный*, *з-доб-ный*, *по-дб-ный*; последнее слово прежде означало *достойный*: подобна еси царствовать в граде с нами, Лет. Нестора по Лавр. сп. 32, отсюда *преподобный*.

Названия времен года также переходят от одного значения к другому: так *лето* означает и вообще год, а в немецком языке переходит к понятию весны: *lenz*, и наоборот, немецк. *jêr*, *jâr* (*annus*) переходит к значению весны — в некот. слав. наречиях *jaг*, *jaго* (отсюда *яровой хлеб*), в греч. *ἄαρ*, в лат. *ver* (Grimm, Deutsche Mythologie, стр. 436).

5. ДУША, ЖИЗНЬ

От стихии природы вещественной переходит понятие к природе духовной в слове *дух*, *воздух*, от глагола *дую*. Дух первоначально имеет значение самой тончайшей материи и движения оной: воздуха, веяния, теплоты, запаха; как от *дуть* — дух, так от *пахая*, *пашу* — запах. Потом восприятие и испусчение воздуха легкими выражается словом того же корня — *дых-ание*. Дыхание есть признак жизни; отсюда *задушить*, *удушить*, *душегубец*, *издохнуть*. Существо бесплотное называется дух, ибо сим словом выражается и в природе вещественной самая нежная материя. Дух, вдохнутый в животное: *душа*. Как этимологически душа происходит от дух, так и психологически. Названия многих предметов действующих отличаются от названий предметов, подлежащих действию, тем, что первые рода мужеского, вторые — женского; потому *дух* муж. род., *душа* женск. По мнению народа, душа присутствует в горле и груди, потому душа значит часть тела несколько пониже горла; отсюда *одеяние*, покрывающее верхние части тела — *душегрейка*. Этим объясняется и поверие в Сл. о Полку Иг.: един же изрони жемчужну душу из храбра тела, чрес злато ожерелие. Этим же объясняется и пластический образ в том же слове: веют душу от тела. Слич. в Соф. Вр. II, 333, о смерти в. к. Василия Иоанновича: и виде Шигона дух его отшедше аки *дымець мал*. Различие духа и души в Ипат. 220: *позна в собе дух изнемогающ ко исходу души*.

Более материальное понятие о бытии выражается словом *жизнь*, от гл. *жить*; ибо *живот* значит не только жизнь, но и *abdomen*, как источник жизни, и имение, достояние, как средства жизненные. Славяне и сердце почитают средоточием жизни: так по-древански или по-лабски сердце называется *животок* (*seiwóatak*), т. е. маленький *abdomen*, Dob-gowski, Slovanka, 1, 15. Глубокое понятие о жизни выражается словом *воскресить*: ибо *кресить* значит и оживить и высечь огонь из кремня огнивом (Шимкевич, Корнеслов, 1.117).

6. ПОЗНАВАТЕЛЬНАЯ СПОСОБНОСТЬ, ЧУВСТВА, ИСКУССТВО, НАУКА

Для выражения познавательной способности и действия ее мы употребляем слова: *ум*, *разум*, *рассудок*, *суждение*, *понятие*, *мысль* и др. Отличие ума от разума особенно заметно в прилагательных и глаголах:

умный может быть и зверь, *уметь* может и зверь; но быть *разумным* и *разуметь* не может. *Уменье* бывает и механическое, от навыка; *разуменье* предполагает познание того, что делаешь. Можно *уметь* что-нибудь делать и *не разуметь*, почему так делаешь. Отсюда видно превосходство *разума* (*vernunft*) над *умом* (*verstand*); потому пословицы: ум без разума беда, ум за разум зашел.* Так как обе эти способности в человеке соединяются, потому и язык наш соединяет оба эти слова в выражении: *ум-разум*. *Смыслить* означает меньшую степень разума; отсюда: ничего не смыслит — сильнее, нежели: ничего не знает, не понимает. *Смысл* имеет два значения: субъективное — смысл в голове человека, человек со смыслом, смысленный; и объективное — напр. смысл басни, слова, т. е. внутреннее значение. Совокупность этих обоих значений составляет понятие слова *смысл*, происходящего от **мысль*. *Судить* выражает более практическую, применительную способность; оттого *суд*, *судья*. *Суждение* предполагает какие-либо две стихии для своей деятельности; потому, в слове *рассудить*, *рас* — означает деление, разложение на составы. Сличить слово *urteil*, означающее понятие о первоначальном делении.** Напротив того, *понятие* выражает действие совокупляющее, собирающее, ибо происходит от *по* и *ять* (брать). Человек исследует и испытывает предметы посредством чувств. *Чуять* значит слышать и обонять: *чутье*. *Слух* происходит, может быть, от *слую* (Добровский, Грам. яз. сл. I, 181), и следовательно, одного корня с *слово*. Слух в смысле молвы, славы подкрепляет эту догадку. Таким образом в нашем языке выражается глубокая мысль о соответствии между органами слова и чувством слуха: а на этом-то соответствии и основывается благозвучие слова. Такое же соответствие между чувством и подлежащим чувству является в слове *обоняние* (*об-воняние*), от *воня*, запах. Потому обонять прежде употреблялось вместо благоухать: благодаряше бога в скорбех, и к томужде своих сродников поучаше, аки ливан во огни обоняющ (т. е. благоухающ) представляя, Патер., житие Симона еписк. Благороднейшее из чувств есть *зрение*; потому *видеть* и *ведать*, может быть, одного корня и столь же родственны как греч. *ὄδαι* с *εἰδέω* (Добровский, Etymologikon, 1813, стр. 70). Чувства грубейшие суть *осязание* (*о-сязать*, *до-сязать*, *по-сязать*) и *вкус* (*кусать*, *кушать*). Замечательно опять соответствие между силою чувства и подлежащим оной: *вкус* и *искусство* (*ис-кусство*) происходят от одного корня *кусити* (санскр. куш. *exregiri*). С понятием искусства соединяется мысль об обмане, прельщении, что видно из родственных с ним слов: *искусить*, *искуситель*, *искушение*. *Художество* отличается от искусства происхождением от слова ц-сл. *худог* — смысленный, умный, мудрый, искусный: кто премудр и худог в вас, да покажет от добраго жития дела своя в кротости и мудрости, Иаков. 3, 13. Слич. польское *chodog* — по переводу Линде — *sauber, schön, zierlich*. Чувствами мы испытываем предметы. *Испытать* происходит от *пытать* — спрашивать; след., *опыт* есть обстоятельный (*о*, *об-*) вопрос (*-пыт*): опытом и наблюдением добывает человек знания; испытанием

* Противоположное этому мнение см. у Фон-Визина в IV части сочинений, 1830 г., стр. 64.

** Hegel, Encyclopadie, 1840, I, стр. 326.

и искушением вкусил он от плода древа познания добра и зла. Любопытно то, что слово *качество* одного корня с частицами вопросительными: *как* — *кач-е-ство*. Следовательно, мы узнаем предмет сначала по его качеству, по свойству; оттого-то мы и называем предмет по тому признаку, какой в нем заметим; напр. *горница* от *горний*, *светлица* от *светлый*. *Свойство* есть принадлежность предмета, его исключительная собственность, ему сродная, ибо *сво́йство* и *свойствó* происходят от *свой*. Слич. в Толковании неудобь познаваемым речам, у Калайдовича в „Ионе, ексархе болгарском“, стр. 196: *качьство, естество, каковому есть; свойство, кто имать что особно*. *Свойство* отличается от признака тем, что *свойство* выражает понятие объективное, т. е. как принадлежность предмета без отношения к силе познающей; а *признак* означает субъективное воззрение наше на свойства предмета, т. е. как ум наш признает (*при-знак*), чем обозначает для себя этот предмет. *Качество* же, происходя от частиц вопросительных и относительных, занимает средину между понятиями свойства и признака, т. е. отношение познающей способности к свойствам предмета познаваемого. Цель познания, исследования о предмете — есть *истина*. Это слово происходит от местоимения *истый* (Добровский, Грам. яз. сл. I, 130), означающего *тот же самый*. Отсюда видно, что под истиною мы разумеем совершенное сходство нашей мысли с предметом мыслимым, т. е. когда мы думаем о предмете то самое, каков он есть на самом деле. Думают, что *истый* не коренное слово и не родственно латинскому *iste* (ибо оно состоит из *is* и *te*), а происходит от глагола *есмы, есть* (Шимкевич, Корнеслов I, 91). Сведения, приведенные в порядок, составляют *науку*. Это слово происходит от *ук*, которое встречается в наших летописях и у Карамзина в И. Г. Р. в сложном слове *ново-ук*, означающем непривыкшего, неопытного; напр. утверждал, что мы *новоуки* в христианстве, И. Г. Р., IX, стр. 362. *Ук* одно и то же, что *вык*, что очевидно, напр., из слов *приучить* и *привыкнуть*. Потому первоначально *наука* и *привычка* сближались своим значением; это подтверждается старинным словом *наук*, смысл коего стоит между *наукою* и *навыком*; напр., письмо Василью в наук пошло, пенье Василью в наук пошло, грамота ему в наук пошла (Древние российские стихотворения). Следовательно, слово *наука* у нас выражает отношение предмета познаваемого или изучаемого к субъективности познающего. Понятие же о системе не входит в смысл этого слова. Систематическое изложение есть уже *сочинение*, от слова *чин* — порядок. Сличить *строение* от *строй* — тоже порядок.

7. ПОНЯТИЯ ПРАВСТВЕННЫЕ, ПРАВДА, ВЕРА, БЛАЖЕНСТВО

Все непреложно истинное есть вместе и правосудно и благо. Равномерно и все праведное есть истинно; потому вм. *истина* мы иногда употребляем слово *правда*. Замечательно, что в самом языке таится понятие о синонимах; так, народная речь совокупляет слова: *ум-разум, правда-истина*. Следовательно, в понятиях народа представление о правде неразлучно с представлением об истине. Но *правда* отличается от истины уже самым производством от *правый*, коему противоположно *виноватый*; означает справедливость, в противоположность *кривде*, и закон вместе с исполнением, судный обычай. Отсюда *Русская Правда*.

Правда, как понятие нравственное, стоит выше истины, что видно из слов *праведник, праведный* — т. е. святой. Не истиною святость достигается, а правдою, неразлучною с делами добрыми. Потому-то правда называется *святою, божиею*. Слич. пословицу: все минется, а правда остается.* В глоссах *Mater verb. правда* объясняется так: *fas, lex divina est*;** и отличается от *право: jus est humanum****. В подобном же отношении истина стоит и к вере. *Вера* по производству своему имеет значение истины, ибо одного корня с лат. *verus*, нем. *wahr*; в глоссах Музейной Псалтыри (XII в.): *vera veritas*. Но в употреблении стоит выше истины, означая окончательное убеждение в истине; сличить слова *уверенность, проверка, верно*, в смысле безошибочно. Кроме того, вера, как и правда, имеет нравственное значение: верный раб — т. е. не только не обманывает, но и любит своего господина; отсюда доверенность, верность. Следовательно, в слове вера к понятиям истины и правды присоединяется понятие любви.

Заблуждение с прямого пути (от правды к кривде) есть *блуд* — в смысле греха вообще; отсюда *заблудиться, блуждать*. Гезений, в „*Lexicon Manuale*“, цитирует *ἀμαρτάνω*, которое Гомер употребляет о стреле, не попавшей в цель. *Грех* (санск. *hri* — *rudore affici*), равно как и *срам, стыд*, означают внутреннее чувство согрешившего; а *порок* — от *порекать, ругать* — дурную молву людей о согрешившем.

Сила нравственная,двигающая действиями человека, называется *волею*. Значение этого слова стоит в связи с понятиями власти, приказания; с глаголом *волить* сродны: *велеть, повелеть*. Замечательно, что мысль о владении выражаем мы двумя такими словами, из коих значение одного относится к понятиям силы нравственной, а другого к понятиям силы умственной; а именно *править, управлять* — от *правый* и *ведать*; напр. в „*Полтаве*“ Пушкина: *спокойно ведал он Украину*. Человеку дана воля свободная; потому слово *воля* значит и *свободу*; напр. *твоя воля*, т. е. ты свободен, делай что хочешь. Отсюда *вольный* — свободный. С волею не надобно смешивать *хотения* и *желания*. *Хотение* ниже желания и направляется более к предметам чувственным; нельзя сказать *желаю есть, пить*, а говорят: *хочу есть, пить*. Отсюда *похоть*. С *желанием* соединяется понятие ожидания, привязанности, благосклонности, любви к ближнему: *желать кому чего, желанный, вожденный*. *Любовь* понимаем мы в смысле чувства свободного, подлежащего вольному избранию; потому *любой* зн. какой угодно; слич. санскр. *lubh, lóbhítum* — *sipere, desiderare*; лат. *libet, lubet*; нем. *er-lauben*. *Милость* по-польск. зн. любовь; *милый* также переходит в значение чувства нравственного, сострадания, благосклонности в слове *милость*. Как истина есть цель умствования, так *благо* есть цель действиям воли человеческой. Как за правду человек становится праведником, так и за благо награждается свыше. Потому *благодой* значит вместе и добродетельный и счастливый, отсюда *блаженный, блаженство*. *Блаженство* есть самая высшая степень счастья, как награда за добро; только *благодой, добрый* может быть *блаженным*; счастлив же бывает и злодей.

* В „Юридических Записках“, статья Снегирева, том II, стр. 267.

** закон — божественное (начало) *Ред.*

*** право — человеческое (начало) *Ред.*

Счастье предполагает нечто случайное, извне пришедшее; происходит от *часть* (жребий); следовательно, никак не может употребляться вместо блаженство.

8. СУДЬБА

Для означения провидения употребляем слова *судьба*, *рок*, *промысл*. *Судьба* от *судить*, выражает понятие суда, обдумывания и расправы; первоначально, вероятно, имела смысл фатализма, что видно из *суженый*, *суженая*. Суд принимается в смысле смерти; напр. в Сл. о Полку Иг.: Бориса же Вячеславлича слава на судъ приведе; в Духовной Владимира Моном.: братчю моему судъ пришелъ; в Екклес. XI, 10: приведет тя бог на суд. *Рок* от реку, как лат. *fatum* от *fari*, означает приговор, решение судьбы. Понятие о провидении, более снисходительное и для человека утешительное выражается словом *промысл*. Происходя от *про* и *мыслить*, оно означает предупредительную заботу и попечение. Любопытно в этом слове наивное сближение понятий о судьбе и ремесле, ибо *промысл* значит и то и другое.

НАРОДНЫЙ ЯЗЫК

Народный язык принимаю я в противоположность теперешней речи письменной и употребляющейся в кругу людей более или менее образованных. В недавнее время возродившееся стремление к национальности возвысило ценность народного языка. Он относится к языку образованному точно так же, как самородная литература к образованной наукам и влиянием чужеземным; как и теперь нельзя нам отрешиться от общеевропейского просвещения и сосредоточиться только в своем быту, так невозможно и народный язык во всей его целостности возвести на степень языка письменного, ибо мы принуждены выражать многие понятия, стоящие вне круга народной мыслительности. Судей народному языку можно разделить на две статьи: одни не только равнодушны к нему, даже его презирают; другие полагают в нем все спасение нашей литературы. Но есть надежда, что современем спадет чопорная важность с первых, тогда перестанут слишком завидовать мужикам и последние.

Изучение народного языка не исключает необходимости других стихий нашей речи, во-первых, уже и потому, что в старинных памятниках нашей литературы постоянно сливается он с варваризмами, с речениями церковнославянскими и пр. Органическая жизнь, которою проникнут он, дает ему характер предмета, имеющего полное право войти в область филологии, тем более, что сочувствие к нему мало-помалу теряется, так что для многих этот по преимуществу родной язык стал вовсе чуждым.

Филологически начал разрабатывать нашу народную литературу Снегирев, в своих сочинениях: „Русские в своих пословицах“, 4 части, 1831—1832 и „Русские простонародные праздники и обряды“, 4 выпуска, 1837—1839. Я с своей стороны ограничиваюсь „Древними российскими стихотворениями“, обращая преимущественное внимание на украшенный синтаксис с тем, чтобы определить некоторые идиотизмы русского языка.

1. ТАВТОЛОГИЯ

Тавтология придает речи большую силу и одушевление или повторением одного и того же слова или совокуплением двух и трех подобозначащих. Она весьма употребительна и в других языках, особенно в речи безыскусственной, первобытной; так Я. Grimm в „Deutsche Rechtsaltertümer“ (стр. 13) приводит множество выражений тавтологических из древних памятников немецкого права. Тавтология одного языка отличается от тавтологии другого тем, что в одном она принята одними словами и понятиями, в другом — другими. Следовательно, чтобы изучить тавтологию русскую, надобно знать те выражения, в коих она употребляется. Так как может повторяться или один и тот же звук, т. е. один и тот же корень, или одно и то же понятие в нескольких синонимах, то и тавтология может быть или в звуках и корнях или в понятиях, т. е. или тождесловие или подобословие.

Повторение одного и того же звука состоит в том, что берется один корень и от него производятся два слова, или глагол и существительное, или существительное с прилагательным и т. п. Повторение может быть в определении: * *святой святыне* приложиться 167, *старину стародавнюю* 315, *молодым молодцам* на перениманье 283. В дополнении: *а понос понесла* и дитя родила 45, *шутку шутить* 254, *сыгриш сыграл* Царяграда 132. В обстоятельствах: *золотом золотил* 272, *черные вороны табуном табунились* 288, *перекрестился крестом своим* 343, *в полон полонит* 243, как бы двух коней *в поводу повел* 212. В подлежащем и сказуемом: *шуточка пошучена* 99, послы поздоровались, как *послы послуются* 126, *подпись подписана* 171. Эта тавтология в отношении к следующим может быть названа одночленною.

Тавтология в совокуплении слов подобозначащих бывает двухчленная и трехчленная. Двухчленная: *колыбель люльку* делали 293, *глубота глубота океан море* 1, чтобы видеть при *пути дороженьки* 256, кабы прежде у меня не служил *верою и правдою* 90, я сама девица *знаю ведаю* 209, про то *не знаешь не ведаешь* 50, а и *жил был* богатый гость 13. Трехчленная: *с кем побиться подраться поратиться* 260, 388. Из некоторых выражений видно, что трехчленная есть развитие двухчленной, прибавлением к сей последней третьего понятия, а именно: *а и смилуйся смилосердися, смилосердися покажи милость* 277, она с вечера *трудна больна, с полуночи недужна* вся 14, *осталось житье бытье богатство* 345, *журишь бранить, его на ум учить* 74.

Тавтология может осложняться следующим образом: или между синонимами вставляются другие слова: *божился* добрый молодец *ратился* 372, чем мне-ко будет князя *дарить*, чем света *жаловати* 3. Или тавтология распространяется на целые предложения, притом двояким образом: или части предложения соответствуют друг другу, как синонимы: *а утоптана трава, утолочена мурова* 305; или кроме этого соответствия синонимического, в каждом предложении еще соответствие звуковое: *суженое пересуживаешь, ряженое переряживаешь* 141, *суды рассуживает и ряды разряживает* 31. Или, когда говорится о каком

* Здесь и ниже приводятся примеры из издания „Древние: российские стихотворения, собранные Киршеем Дациловым“, под ред. Калайдовича, М., 1818. *Ред.*
180

лице, в одном предложении имя, а в другом отчество; отчество соответствует имени, синоним синониму: *ноне Настасья просватана, душа Дмитриевна запоручена* 137. К тавтологии предложений относятся и следующие: *становился стоять* персидский посол 109, *становил стоять* молодую жену 100. Здесь тождество между предложением придаточным и главным.

2. ОПИСАНИЕ

От тавтологии следует отличать форму описательную, которая состоит в том, что понятие выражается не одним словом, ему соответствующим, а несколькими, кои все вместе взятые заменяют одно слово. Так вместо *стоит*: а куклю и панцырю *цена стоит* на сто тысячей 203, а куклю и панцырю *цена лежит* три тысячи 23. Вместо *скакать*: *ускоки давать* конинные 56. Вместо *зашипел*: *он шип пустил* по-змеиному 59. *Потрудился*: что много *трудов* за их *положил* 176. При этой фигуре надобно обращать внимание на глаголы описывающие. Так описания с глаголом *держат*: у себя на уме держит 39, думает — в том шатру опочив держит красна девица 94, поживает; — ответ держит ей князь Роман 368, отвечает; — и жену, то во любви держал 15, любил, а страдательный залог этого глагола выражается другим описанием: когда тебе девица *не в любви пришла* 306. С глаголом *водить*: не наведи на гнев князя Владимира 234, танцы водить 386, приведите, казаки, меня в веру крещеную 108, пир навеселе, повел столы на радостях 38. Вместо *пировать* употребляется еще описание: поднимали пирушку великую 12. С глаголом *чинить*: вражду чинить 48, поездку чинят 160, обед чинила 29, у них драка сочинилась 109. Иногда описание соединяется с тавтологиею: с Новым городом жил, *не перечился — поперек словечка не говаривал* 72.

Выражениям описательным противопоставляются в нашем языке краткие предложения, в коих глагол или прилагательное заменяются равнозначительным им существительным: то *похвальба* Матрюку 41 — т. е. тем он похваляется; ему *вера* поборотися есть 39 — т. е. он верит; там быть им *не в выдаче* 336 — т. е. их не выдадут; быть тебе молодцу *в поиманьи* 377 — т. е. тебя поймают; спуску нет 48; тебе, государю, *приносу* нет 157 — т. е. тебе ничего не принесли; пришел-то молодцам *на выручку* 82 — выручить молодцов; не давались ему на обыск себе 234; не много *жизья* было — полтора года 222 — т. е. не много жили.

3. ЭЛЛИПСИС

Русская речь отличается опущениями. Как скоро мысль понятна и связь мыслей видна сама по себе, опущение допускается. Особенно замечательно совокупление главного предложения с придаточным без всякой видимой связи: увидел дурень медведя за сосной, кочку роет, корову коверкат 400, увидел дурень четырех братьев — ячмень молотят 392, *вм. который роет, которые молотят, или роющего, молотящих*; а тоя-то Камы за синим морем — своим устьем впала в сине море 24, т. е. которая впала. Опущение союза дает речи силу; потащил он Настасью, лишь туфли звенят 141 — пропущено: так что; она тем узда дорога (пропущено: что) царское жалованье, государево величество 33,

а от пару было от конного (так что, то что), а и месяц, солнце померкнуло 242. Опущение связи иногда резко отделяет одно предложение от другого, так что они являются двумя частями параллелизма: в задор войду — тебя убью 81, калачик съешь — больше хочется 27, не дорога камочка — узор хитер 5, куда ли махнет — тут и улицы лежат, куды отвернет — с переулками 250, за царя отдать — ей царицей слыть 137, а и в горе жить — не кручинну быть, нагому ходить — не стыдиться 381, на Волге жить — ворами слыть, на Яик идти — переход велик, в Казань идти — грозен царь стоит 114.

Эллипсис иногда так сжимает предложение, что трудно оное распутать по синтаксическим частям; напр., он первое ученье ей руку отсек 71; впрочем мысль понятна, и притом сильно выражена, ибо два предложения нечувствительно сливаются и взаимными силами усиливают мысль. Где была рыба красная, очутились у Садки червонцы лежат 270; с первого раза покажется, будто здесь два сказуемых одного и того же предложения — *очутились*, *лежат* — однако, так как они разных времен, то смысл требует признать два предложения, но так родственно слитые воедино, что глаголы — *очутились* и *лежат* — мгновенно выражают одно и то же представление. Прекрасно отделяются предложения бессвязные различием времен в речи повествовательной: только в чистом поле наехали, лежат три дороги широкие 181.

4. ЭПИТЕТЫ

Речь народная отличается от искусственной постоянством, неизменностью выражений. Писатели каждый по-своему изъясняют одну и ту же мысль, оттого часто изысканность и неточность. В речи народной мысль, однажды приняв на себя приличное выражение, никогда уже его не меняет; отсюда точность и простота. Выражение, как заветная икона, повторяется всеми, кто хочет сказать ту мысль, для коей оно составилось первобытно. На этом основывается употребление постоянных эпитетов, в которых особенно очевидно постоянство и единообразие выражений народной речи. Речения с постоянными эпитетами можно уподобить типам греческих божеств, которые, однажды создавшись, никогда не изменялись, потому что грек не находил уже другого лучшего и приличнейшего образа для олицетворения Юноны или Зевса. Русские эпитеты бывают:

а) Имена прилагательные: не наезживали зверя *прысучего* 156, не видали птицы *перелетные* 156, оставалася *матера* вдова 72, подломилась ноженьки *резвые* 8, на *крутом красном* берегу, на *желтых рассыпных* песках 106, изрублю я в мелкие части *пирожные* 66 (пирог — мелкая дробь монетная),* *стола белодубовы*, *стола дубовые* 12, терема *златоверховаты* 6, оружие *долгомерно* 108, *звончаты* гусли 9, уйми свое чадо *милое* 79 — говорят те, кого оно прибило.

б) Имена существительные в одинаковом падеже с словом, при коем они эпитетом: выезжал *удача* добрый молодец 22, продавали *душам* красным девицам 24, а Владимир князь едва жив стоит, со *душой* княгиней Апраксеевной 359, а зовут меня Михайлою Казарянин, а Казарянин *душа* Петрович млад 205—206.

* Снегирев, Памятники московской древности, тетр. I, CVIII.

в) Имена существительные с прилагательными, не согласующиеся с своим определяемым и всегда стоящие в именительном: обертываться гнедым туром — *золотые рога* 47, что Добрыня им будет десятой тур, всем атаман — *золотые рога* 67, однорядочки-то *голуб скурлат* 156, обвивается лютой змеею около чобота *зелен сафьян* 45, и на ноги сапоги *зелен сафьян* 125, в чердаке была беседа — *дорог рыбий зуб* 3, стоит подворотня *дорог рыбий зуб* 51, а столы *дорог рыбий зуб* 109. Слово-сочинение этого эпитета объясняется эллипсисом.

г) Родительный определения: кровать *слоновых костей* 9, покрывало *седых бобров*, потолок *черных соболей* 14, пол, середа *одного серебра* 159.

Надобно отличать эпитет постоянный от эпитета украшающего (ornans); последний часто даже во зло употребляется писателями напыщенными и вычурными. Полезно бы собрать все постоянные эпитеты для того, чтобы определить, в какие предметы преимущественно вдумывался русский человек и какие понятия присоединял к оным.

Согласование и управление эпитетов украшающих и приложений в речи народной требуют особого объяснения, ибо подлежат законам аттракции*. Под аттракциею разумеется влияние, производимое одною частью предложения на другую против грамматического их отношения. Напр. *колоты оне (стрелы) из трость дерева* 24, началась у них драка — *бой великая* 78, *воротись мил надежда, воротись друг* 66. В первом примере *из* не управляет приложением; во втором прилагательное согласуется с первым членом тавтологического соединения; в третьем *надежда*, как эпитет друга, принимает род сего последнего.

В названиях вод приложение а) не управляется: из устья *Ердань реки* 175, будут они в *Ердань реке* 173, и бросила его в тое *Енисей быстру реку* 122, и поплыли по *Тагиль реке* 116, а левая нога во *Волхов реке* 343. — б) И не согласуется: *напушались на той большой Енисее реке* 122, а на славной на *Амуре реке* 321, *Израй река быстрая* 346. Таковое употребление приложений объясняется весьма легко; стоит только соединить в одно слово имя собственное с нарицательным и рассматривать первое, как переднюю половину сложного слова: *Ердань-реки, Ердань-реке, во Волхов-реке, Израй-река*. Эта синтаксическая особенность весьма способствует возбуждению быстрого впечатления соединением двух близких представлений в одно. Впрочем говорится и: а и *гой еси, славный Ильмень озеро* 267, и поплыли по той *Туре реке в Епанчу реку* 116.

Этому совокупному представлению противопоставляется разделение понятия с его обстоятельством, подчинением или дополнением на два понятия. Такая фигура называется г е н д и а д и с (ἐν δια διοίῃ), напр. у *Виргилия pateris libamus et augo* вм. *pateris aureis*. ** — *Али чарой зеленым вином обносили тебя?* 150 — вм. *чарой зелена вина, выбегали, выгребали тридцать кораблей, тридцать кораблей — един корабль — вм. тридцать один; выпала пороха снегу белого; по той по порохе, по белу снегу* 139.

* См. подробности об этом в „Die Syntax der deutschen Sprache“ Герлинга, ч. 2, стр. 67.

** Герлинг, Die Syntax der deutschen Sprache, ч. 2, стр. 217.

5. ПЕРИОД

Построение периода в „Древних российских стихотворениях“ может быть подразделено на три разряда: 1) совершенно правильное и округленное, но простое и безыскусственное, 2) построение из предложений, одно с другим не гармонирующих ни во временах, ни в видах глагола, и 3) построение симметрическое; два последние разряда противоположны друг другу. Пример первого:

- 1 Во стольном городе во Кieve,
у славного князя Владимира
- 2 было пированье, почестный пир,
было столованье, почестный стол
- 3 на многи князи, бояра
и на русские могучие богатыри
- 4 и гости богатые 54.

1 — обстоятельства, 2 — главные предложения, 3 — опять обстоятельства, 4 — заключение метрическое.

Построение второго рода, при видимой своей неправильности, чрезвычайно выразительно для речи повествовательной. Хотя в нем глаголы не соответствуют друг другу — напр.: бросится девица испужалася 92; много царевич не спрашивает, выходил на крылечко на красное 256; оглянется Тугарин назад себя, втапору Алеша подскочил, ему голову срубил 193; однако единство изображаемого действия и стройность картины нисколько тем не нарушаются. Надобно только представление о времени подчинять кратности действия и отличать действия главные от побочных; тогда в этом разнообразии увидишь стройное единство. Так предложения: соскочил с коня, сам бьет челом 234, молода княгиня испужалася, а н больно она передрогнула, посылает стольников и чашников 230 — должны пониматься таким образом: соскочив с коня, бьет, — испугавшись, посылает. Здесь прошедшее время употребляется почти как церковнославянское причастие. Потому прошедшее время с своим предложением уходит в даль, оттеняя главное предложение с настоящим временем:

- 1 Наливал чару зелена вина в полтора ведра,
и турий рог меду сладкого в полтретья ведра, подносил
Михайле Казаряину;
- 2 принимает он Михайло единой рукой,
- 3 и выпил единым духом 213.

В 3 прошедшее выражает совершенное действие. Равным образом и будущее подчиняется кратности, означая быстрое совершение. Следовательно, в таком соединении предложений надобно отличать действия длежащиеся от быстрых, начинающихся или совершенных, и действия первого плана от подчиненных. Тогда будет понятна красота исторического периода в древних стихотворениях. Примеры:

- Дружина спит, так Волхв не спит (наст. вр. и главное действие, далее оно объясняется)
он обернется (мгновенное действие) ясным соколом, полетел (вслед за мгновенным и совершенным — действие длежащее, подчиненное) он далече на сине море,
а бьет (настоящее действие на первом плане) он гусей, белых лебедей 48.

И только Илья слово выговорил (совершенное окончательное)
оторвется (мгновенно) голова его татарская,
угодила (подчиненное действие, вместе с двумя первыми) та голова по силе
вдоль,
и бьет их, ломит, в конец губит (действия главные) 250.

Разнообразие времен и видов придает необыкновенную живость и
игривость описанию быстрых движений; напр. борьба с Мاستрюком:

*Потанька справился, за плеча сграбился,
согнет кочергою, воздымал выше головы своей,
опустил о сыру землю — Мастрюк без памяти лежит* 43.

Этому построению периода противопоставляется симметрическое.
Оно подобно еврейскому параллелизму и состоит в том, что речь
рассекается на два члена, соответствующих друг другу по содержанию
и форме. Параллелизмы бывают трех родов: *

а) Параллелизмы синонимические, в коих оба члена выражают одну
и ту же мысль, только разными словами:

Суженое пересуживаешь,
ряженое переряживаешь 141.
Ноне Настасья просватана,
душа Дмитревна запоручена 137.

б) Параллелизмы противительные, когда члены противопоставляются:
недорога камочка — узор хитер 5, нагому ходить — не стыдиться 381.

в) Параллелизмы синтетические, когда во втором члене, кроме повто-
рения мысли первого, есть прибавление: куда ли махнет — тут и улицы
лежат, куды отвернет — с переулками 250. Дополнение иногда распро-
страняется и является заключением параллелизма:

На Яик идти — переход велик,
В Казань идти — грозен царь стоит,
Грозен царь осударь Иван Васильевич 114.

6. СРАВНЕНИЕ

Так как сравнение предполагает соответствие между понятиями и
словами, потому приличнейшая форма для сравнения есть параллелизм:

Из Волхова воды не выпити,
во Новеграде людей не выбити 81.
У ясных соколов крылья отросли,
у них-то молодцов думушки прибыло 82.
Упала звезда поднебесная,
потухла во соборе свеча местная,
не стало царевича у нас в Москве,
а меньшого Федора Ивановича 330.
Едет дуга на дуге,
Шелудяк на хромой лошади 415.

Русская речь не любит длинных сравнений, наблюдая соразмерность
членов сравниваемых; длинное сравнение иногда выказывает изыскан-
ность, что особенно заметно в наших новых писателях. Народная речь
говорит в сравнении столько, сколько нужно объяснить мысль, при-
ставляя сравнение союзами что, как бы:

* Gesenius, Hebräisches Lesebuch, 1834, стр. 79.

Глаза что часы,
усы что вилы,
руки что грабли 390, 391.
А и ноги, нос — что огонь горят 207.
Стрелы летят как часты дожди 117.
Как бы русая лиса голову клонила,
пошла го Чурилья к заутрени 383.

Оттого сравнение бывает в картине краткой, резкой и яркой, напр.:

Тугарин почернел как осенняя ночь.
Алеша Попович стал как светел месяц 189.
Тугарин потемнел как осенняя ночь 190.

Для предметов отдаленных или неопределенно представляемых и сравнения неопределенны, неясны.

Как бы бель забелелася, будто чернь зачернелася,
забелелися на кораблях парусы полотняные
и зачернелись на море тут двенадцать кораблей 107.

Отрицательные сравнения подавали повод к многим догадкам и своеобразным толкованиям. Одни объясняли их застенчивостью народа русского, осторожностью, другие унылым характером народной русской поэзии и проч. Народная речь так проста, что для объяснения оной не надобно прибегать к отдаленным гипотезам. Безо всякого предубеждения прочтем какое-нибудь отрицательное сравнение и пойдем его грамматически, тогда тотчас увидим внутренний смысл оногo:

Тут не черные вороны солетались,
собирались понизовые бурлаки.

Фантазия хотя и сближает в сравнении два предмета разнородных, но простой, наивный смысл видит большую разницу между ними; следовательно, сравнение предполагает и сближение и противоположение двух предметов. Это естественное, первоначальное понятие об уподоблении выразилось в сравнении отрицательном. *Бурлаки* уподобляются *воронам*, но *вороны не бурлаки* — наивно говорит простой смысл народный. Можно назвать уподоблениями в превосходной степени такие сравнения, где отрицание присовокупляется не к уподоблению, а к уподобляемому:

Из-за лесу, лесу темнова,
из-за гор, да гор высоких,
не красно солнце выкатилось,
выкатился бел горяч камень,
выкатившись, сам рассыпался
по мелкому зерну, да по маковому.

(17 удал. песни у Сахарова).

7. ФРАЗЕОЛОГИЯ

Мало того, чтобы знать, что такое-то выражение подлежит такому-то грамматическому или риторическому правилу, надобно возбудить сочувствие к правильной и изящной речи, обогатить память значительным запасом самых выражений. Потому необходима фразеология, в которой обращается внимание не только на внешнюю форму предложения, но и на содержание. Когда учащийся воспитает в себе разборчивое чутье к русской речи, его уже не увлечет вялый и бесцветный слог какого-нибудь нового сочинения. Всякий народ смотрит на вещи по-своему; постановить учащегося на точку зрения народную можно только изу-

чением выражений, в коих высказывается дух народа, а не общими правилами и отвлеченными законами. Когда нет слов и выражений — правила не дадут их. Не эстетические законы образуют вкус, а знакомство с произведениями образцовых художников. Правила бессмысленны без живого содержания. Для ученика не в пример полезнее восчувствовать силу и красоту какого-нибудь фигурного выражения, нежели знать, в котором параграфе учебника объясняются правила этого выражения. Предлагаю несколько примеров фразеологии из тех же древних стихотворений.

Тропы: — выражение понятий о жизни духовной: материно сердце распущается 168, затуманилось его сердце молодецкое 232, взяло Добрыню пуще острого ножа по его сердцу богатырскому 63, надо мною сердце не изнести 208, едва душа его в теле полуднует 365, ей Ставровой молодой жене перепала весть нерадошна 125. Понятия о природе вещественной: а божьи церкви на дым спустить 47, бока (корабля) взведены по-звериному 2, трепала (лелеяла) она рука змея Горынчища 71, от лица лучи стоят великие 231.

Отдельные слова и выражения:

Дело в смысле свойства, вещи, предмета: а наше то дело повеленное 331 — т. е. нам повелели, а и женское дело прелестивое, прелестивое, перепадчивое 69, вм. характер. Слич. Котошихин, 35 тот человек прикинулся в болезнь нарочным делом — вм. нарочно.

Перо у растений вм. лепесток: хмелево перо 338.

А стань ты под башню *проезжую* 267 — через которую проезжают в ворота.

Она (лебедь) *через перо* была *вся золота* 217; короче и точнее нельзя выразить.

А Иван, сударь, Васильевич, *прозритель* 285.

Тотчас по поступкам Соловья *опознавали* II, как ты меня не *опознаешь?* 133. *Опознать* содержит в себе понятие об утайке кем-нибудь того, что я узнал или нашел. Это слово не надобно смешивать с глаголами *опознаться* (ориентироваться) и *обознаться* (узнав кого-нибудь, принять его за другого). См. Луганского „Полтора слова о нынешнем русском языке“, в Москвитянинах за 1842 год.

ИСТОРИЯ НАРОДНОГО ЯЗЫКА

Чтобы узаконить необходимость изучения народного языка, следует показать тесную связь нашей народной поэзии с древнейшими памятниками как русской литературы, так и прочих славянских племен и с произведениями новейших писателей наших. Для того и другого достаточно будет одного простого сравнения.

а) в Сл. о Полку Иг.: чръна земля подь копыты, костью была посѣяна, а кровію поляна, тугою взыдоша по руской земли.

В Думе о походе Хмельницкого в Молдавию: вже почав вѣн землю кѣньскими копытами орати, кровью Молдавською поливати! В другой малорусск. песне: вырала вдовонька мыслоньками поле, чорными оченьками заволочила, дробными слѣзоньками все поле змочила.*

* Максимович, Малороссийские песни, 1827, стр. 31, 34.

Еще полнее выразилась мысль Слова о Полку Иг. в казацкой песне: *

За славной за реченькой Утвою,
по горам было Утвинским,
по раздольицам по широким,
распахана была пашенка яровая;
не плугом была пахана, не сохою,
а вострыми мурзавецкими кобьями;
не бороною была пашенка взборнована.
а коневыми резвыми ногами;
не рожью посеяна была пашенка, не пшеницей,
а посеяна была пашенка яровая
казацькими буйными головами;
не поливой она всполивана,
не осенним сильным дождичком,
всполивана была пашенка
казацькими горячьими слезами.

б) Сл. о Полку Иг. — ту кроваваго вина не доста; ту пиръ докончаша
грабріи Русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю рускую.

В малорус. песне (Максимович 81, 82): иду я туды де рѣблять
на диво червѣнее пиво з крові супостат; хибѣ-ж ты задумав тем пивом
упиться? ... як пир той минѣтся — вернусь я назад!

Прекрасно развита эта же мысль в казацкой песне (у Сахарова,
стр. 240): идет молодец шатается, мать его спрашивает:

Ты за чем так, мое чадушко, напиваешься,
до сырой-то до земли все приклоняешься
и за травушку за кавылушку все хватаешься?
Как возговорит добрый молодец родной матушке:
я не сам так добрый молодец напиваюся,
напоил-то меня турецкой царь тремя пойлами,
что тремя-то было пойлами, тремя разными:
как и первое-то его пойло — сабля острая,
а другое его пойло — копье меткое было,
его третье-то пойло — пуля свинчатая.

в) Сл. о Полку Иг.: полечю, рече, зегзицею по Дунаеви; омочу бе-
брянь рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ.

То же сближение кукушки с Дунаем в малорусской песне (Макси-
мович, 51): ой летела зозуленька через поле, гай; да я згубила рябѣ
пѣрцѣ (перушко) на тихий Дунай.

г) Сл. о Полку Иг.: (Игорь) врьжеся на брѣзь комонь, и скочи съ
него босымъ влькомъ, и потече къ лугу Донца, и полетѣ соколомъ
подъ мылами, избивая гуси и лебеди, завтраку и обѣду и ужинѣ.

Удивительное сходство с действиями оборотня в песне „Волх Все-
славъевич“ (Др. рос. ст.):

Дружина спит, так Волх не спит:
он обернется серым волком,
бегал, скакал по темным по лесам и по раменью.
Он обернется ясным соколом,
полетел он далече на сине море,
а бьет он гусей, белых лебедей,
а и серым малым уткам спуску нет;
а поил, кормил дружинишку хорабрую.

* Сахаров, Сказания русского народа, I, стр. 243.

Приведем из древних памятников несколько синтаксических форм, сходных с предложенными выше из „Древних рос. стихотворений“.

Тавтология. Нест. по Лавр. сп. 6 дань дают, 11 до днешняго дне, 21 да не оущитятся щиты своими, 23 да въспятять и (его) опять. В Краледворской рукописи 68 obiectati obiet (обещать обет), по мнению Гримма,* техническое языческое выражение для жертвоприношения, offer verheissen, widmen. В Сл. о Полку Иг.: мосты мостити, один свет светлый, ни мыслию смыслити, ни думою сдумати. Всеслав князь людям судяше, князем грады рядяше, суды ряда до Дуная. В Памятниках лит. XII в. 72 на небо небесное, Новг. лет. 52 отыниша тыном, 65 разболеса болезнию, Ипат. лет. 185 победою победы, 185 клятвою клени, 213 а свой полон отполонили, 321 милостынею бяше милостив, Пск. лет. 23 срок соркоша, 124 побегом побеже, 148 стал станьем на выстоянье (осаждая город.), 151 много добытка добыша, 177 изволить волю. Котошихин 23 слова разговорные говорит, 110 ранены ранами, 111 торги своими торгуют и всякими промыслы промышляют, 125 отравами отравиши.

Формы описательные с глаголами — положить: Новг. лет. 42 не положи того въ гневъ, 43 положи на них жалобу велику, Воскр. сп. II, 8, 9 не положихъ бо чести надъ тобою, аще еси на мнѣ честь положилъ и на столъ мя еси посадилъ; держать: Новг. лет. 2 рать дръжати, Ипат. лет. 226 любовь держаше съ нимъ велику. Слич. Новг. лет. 38 Твърдиславъ же съшдься съ княземъ въ любовь; водить: Новг. лет. 38 и съведе и владыка въ любовь, Ипат. 52 введи мя къ отцю твоему въ любовь; править: Сл. о Полку Иг. Гзакъ бѣжитъ сѣрымъ влъкомъ, Кончакъ ему слѣдъ править къ Дону великому, Ипат. лет. 218 и нача посольство правити.

Весьма любопытна история постоянных эпитетов нашей народной поэзии: ибо большая часть их идет от глубокой древности. 1) *удалой, удачный, удача молодец*: в Краледворск. рук. 42 udatna cstmira (удатна Чстмира). Сл. о Полку Иг. удалыми сыны Глебовы. Ипат. лет. 167 потом же Мстислав великий удачный князь умре. Древнейшее объяснение этого слова в чешских глоссах Музейной Псалтыри (конца XII в.): vdatstua virtutis; в глоссах Mater verb.: udatstuo, fortitudo, virtus, 2) *красная девица*: в Краледворск. рук. 94 krasna dieua (красна дева), в Сл. о Полку Иг. Готскія красныя дѣвы. 3) *милый сын, брат, милая дочь*: Краледворск. рук. 44 s milu sui dseru (с милою своею дочерью). Сл. о Полку Иг. жаль бо ему мила брата Всеволода. Ипат. лет. 156 пріяль бо бѣ Данила како милого сына своего; ibid. 202 и нача отдавати милую свою дочь, именемъ Олгу, за Володимера князя. 4) *матера вдова*: толкование в глоссах Mater verb. прямо объясняет этот эпитет: matera matrona. Слич. в Алфавите XVII в.: 42 до 56-го старец, по сем матерство (Востоков, Описание рус. и слав. рукописей Румянц. Музея 4); 5) *буйная головушка*: Краледворск. рук. 2 v buinu hlauu (в буйну голову); ibid 32 nabuinich hlauash (на буйных главах). Слич. в Сл. о Полку Иг. за раны Игоревы, буюго Святславлича, ibid. высоко плаваеши на дѣло въ буести, летоп. продолж. Нестора 13 младенства ради и буести. След., это слово первоначально имеет смысл удалства, доблести. 6) *красная весна*: в проповеди Кирилла Туровск. в Пам. российск. слов. XII в. 21: весна убо красная вера есть Христова 7) *ясное солнце, темная ночь*:

* Deutsche Mythologie, стр. 24.

Краледворск. рук. 4 iasne slunecko, 82 temnu posu. Жаль, что утро потеряло теперь в нашей поэзии свои прежние эпитеты: — серое, седое: в Краледворск. рук. 28 iutro sero, 82 sedim iutrem; или то и другое вместе, в сложном седосерое *ibid.* 2: k iutru sedoceru. 8) *сыра земля, зелена трава, чистое поле, темны леса*: Краледв. рук. 52 po zelene trawie w siru zemiu tecie (по зеленой траве в сыру землю тече), 96 sira zemie. Сл. о Полку Иг. ставшу ему зелену траву; и поѣха по чистому полю. Краледворск. рук. 72 les temen. 86 temnim lesem. Но у нас уже не употребителен постоянный эпитет леса — черный, как в Краледворск. рук. 66 s czrna lesa, w les czrn. 9) *синее море*: в Сл. о Полку Иг. въплескала лебедиными крылы на синемъ море, се бо Готскія красныя дѣвы въспѣша на брезѣ синему морю, лелѣючи корабли на синѣ морѣ. 10) *тугой лук, стрелы каленые*: Краледворск. рук. 26 tuhi luki; 32 kalenich strsiel. Сл. о Полку Иг. стрѣлы каленыя, Ипат. 128 бяху же у них лучи тузи самострелнии. 11) *питья медвяные*: Краледворск. рук. 56 pitie medna в старину значило не только на меду рассыченные, но и вообще сладкие: слич. в чешск. Псалтырях XIV в. medkú (suavis). 12) *борзый конь, серый волк*: Сл. о Полку Иг. врѣжеса на брѣзѣ комонь: значит не только быстрый, прекрасный (слич. барзо — очень), но и буйный, ярый, соответственно чешскому эпитету в Краледворск. рук. 62 ois (конь) iagobuini. — Гзакъ бѣжитъ сѣрымъ влъкомъ, Сл. о Полку Иг.

Украшающие и постоянные эпитеты, *золотой* и *серебряный*, с своими сложными, употребляющиеся и в Др. рос. ст., напр. 6 терема златоверховаты, принадлежат глубокой древности, содержа в себе много первобытной наивности. Так в Суде Любуши: 11 uodu srebropenu воду сребропенну, 15 slatopesci glinu златопещаную глину, 30 u lubusine otne zlate sedle в Любушине отне (отцовском) злате седле (sedes), 64, 108 s otna zlata stola с отня злата стола (престола). В Сл. о Полку Иг. златъ стремянь, своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая, отня злата стола (тоже престола), изъ сѣдла злата, се ли створисте моей сребреней сѣдинѣ; уже бо Сула не течеть сребреными струями, на своихъ сребреныхъ брезѣхъ, и проч. Сложные: въ моемъ теремѣ златоврѣсѣмъ, высоко сѣдиши на своемъ златокованнѣмъ престолѣ. Слич. в Данииле Заточи. вострубим, братие, яко во златокованныя трубы, в разум ума своего. Памятн. лит. XII в. 229.

Эпитеты, выраженные существительными: в чешск. песне под Вышеградом (XIII в.): ha ty naaszye sluncze vysegrade twrd, ой ты наше солнце Вышеграде тверд, в Ипат. лет. 172 приехавшим же соколом стрелцем, в Сл. о Полку Иг. буй-тур Всеволод. Слич. с этим эпитетом творит. уподобления в Суде Любуши 104 zague iarim turem зареве ярым туром, — коему в Краледворск. рук. соответствует полное сравнение 28: Vratislau iak tur iari skoci Вратислав как тур ярый скочил. В Др. рос. ст. воспоминание этого образа сохраняется в превращении мужчины в тура-золотые рога. Что же касается до турьих рогов, упоминаемых в Др. рос. ст. в смысле кубков, то у нас есть исторические свидетельства на действительное существование их: (в 1485 Геннадий) даде в дар Псковичем турей рог, окован златом, Пск. лет. 164. Эта посуда у славян общая с германцами: слич. Цезаря De bello gal. VI. 28: haec (буйволы рогов) studiose conquisita ab labris argento circumcludunt atque in amplissimis epulis pro poculis utuntur.

Эпитеты из имени существ. с прилагат., не согласующиеся с своим определяемым: И. Г. Р., X, прим. 118 попонка бархат червчат гладкой; повяска атлас золотной, прим. 130 ковер розные цветы с золотом и серебром, комка шолк бел да червчат, стоял стол немецкое дело, XI прим. 34 круживо шелк черн с серебром, шуба камка адамашка бела, прим. 60 башмачки сафьян синь, чулочки шолк жолт, прим. 65 одеяло бархат червчат. Некоторые из этих эпитетов переходят здесь в сказуемые; слич. весьма любопытное словосочинение И. Г. Р., XI прим. 90: а лес дуб, вм. дубовый.

П а р а л л е л и з м: в Краледворск. рук. 56. *rostupisie sila u udech, rostupisie bodrost w mislech*: *роступисе сила в удех (членах), роступисе бодрость в мыслех*. Сравнение в форме параллелизма: в Суде Любуши 105, 106 *gore ptencem s nim se zmia unori, gore musem, im se sena ulade*, горе птенцем, к ним же змя внори (*penetrat*), горе мужем, имже (дат. множ.) жена владе. В Краледворск. рук. 6 *wstane iedno slunce po wsiem nebi, wstane jarmir nad wsiu zemiu opiet*, встанет едино солнце по всему небу, встанет Ярмир над всею землею опять. В Сл. о Полку Иг. солнце свѣтитя на небеси, Игорь князь въ Руской земли. Слич. эпитет Владимира Красное солнышко и обычные выражения в причитаниях над мертвым: уже бо солнце наше зайде ны. Ипат. лет. 220 — оплакивают бояре Володимира Васильковича; зайде свет от очию моею, в Похвальн. слове Донскому причитает Евдокия.

Отрицательное сравнение уже и в Сл. о Полку Иг., и притом во всей наивности своей, совершенно согласно с принятым мною объяснением: (Боян) помняшеть бо речь пѣрвыхъ времянь усобицѣ; тогда пушашеть ѿ (десять) соколовъ на стадо лебедѣй, который дотечаше, та преди пѣсь пояше (тот прежде песнь пел), старому Ярославу, храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю предъ пѣлки Касожьскими, красному Романови Святъславличю. Боянъ же, братие, не і соколовъ на стадо лебедѣй пушаше, нъ своя вѣщія прѣсты на живая струны вѣкладаше, они же сами княземъ славу рокотаху. Поэт сначала замечтался о соколах и лебедях, а потом оговаривается отрицательным сравнением.

Олицетворение бездушных предметов, преимущественно рек, и разговоры с ними, столь обычные в нашей народной поэзии, ведут свое начало от древнейшего памятника славянской поэзии, от Суда Любуши. Слич. напр. казацкую песню (у Сахарова, Сказ. рус. нар. 1, 137):

Ой ты, наш батюшка, тихой Дон,
ой, что же ты, тихой Дон, мутнехонек течешь?
Ах, как мне, тиху Дону, не мутному течи!
со дна меня, тиха Дона, студены ключи бьют,
посередь меня, тиха Дона, бела рыбаца мутит,
поверх меня, Дона, три роты прошли и пр.

с началом Суда Любуши:

Ай Вльтаво, че мутиши воду?
че мутиши воду стробропену?
.....
како бых яз воды не мутила,
кегды се вадита (*litigant*) родна братры.

Та же самая грамматическая форма вопросов и ответов в олицетворении Пскова, в Пск. лет. 179: о славнейший граде Пскове, великий

во градах, почто бо сетуеши и плачеша? И отвеща прекрасный град Псков: како ми не сетовати или како ми не плакати и не скорбети своего опустения! Слич. в Сл. о Полку Иг. разговор Игоря с Донцом в форме параллелизма — Донець рече: княже Игорю! не мало ти величя, а Кончаку нелюбя, а Руской земли веселя. Игорь рече: о Донче! не мало ти величя, лелѣявшу князя на вльнахъ и пр. В глубине поэтического олицетворения рек мифологические предания.

Повторения для песенного ладу, столь необходимые в Др. рос. ст., попадают уже не только в XII в., но даже и в IX. Так в Др. рос.ст.:

все тут князи и бояра разъехались,
разъехались и пешком разбрелись 222.

Слич. со многими точь в точь такой же формы повторениями в Суде Любуши, напр.:

люты Хрудот на Отаве криве,
на Отаве криве златоносне 20, 21.
и почеху тихо говорити,
говорити тихо мезу собу (между собой) 79, 80.

или в песне под Вышеградом (XIII в.):

pod tobu rzĕka bystra valyesye
valyesye rzeka vhltaua yaga

— под тобой река быстрая валится, валится река Влтава ярая. Песенным же ладом объясняется повторение одного и того же существительного в простом и в уменьшительном или ласкательном виде, напр. в Др. рос. ст. 381 а и горе горе, гореваньице! в Краледворск. рук. 98 на iunosĭ roste dubec dub — на юноше растет дубец дуб; *ibid.* wirazĭ z iunose dusu dusicu — выразил из юноши душу душицу.

Вообще надлежит заметить, что в старинных памятниках нашей литературы народный язык постоянно смешивается с церковнославянским, так что любая страница летописи предложит несколько примеров руссизмов. Отделив ц.-сл. язык от русского, Ломоносов обратил внимание на народные речения. Так в его „Российской грамматике“ (1755): о род. пад. ед. сущ. муж.: § 167. Происшедшие от глаголов употребительнее имеют в род. у, и тем больше оное принимают, чем далее от славенского отходят; а славенские, в разговорах мало употребляемые, лучше удерживают а: *размах, размаху* и пр. § 168. Сие различие древности слов и важности знаменуемых вещей весьма чувствительно и показывает себя нередко в одном имени. Ибо мы говорим: святаго духа, ангельскаго гласа; а не святаго духу, ангельскаго гласу. Напротив того свойственнее говорится: розоваго духу, птичьаго голосу; нежели розоваго духа, птичьаго голоса. — О степенях сравнения: § 210. Славенской рассудительной и превосходной степень на -ший мало употребляется, кроме важного и высокого стилия, особливо в стихах: светлейший, обильнейший. Но здесь должно иметь осторожность, чтобы сего не употребить в прилагательных низкого знаменования или в неупотребительных в славенском языке, и не сказать: прятчайший, препрятчайший. § 246. Умаление прилагательных нередко чрез имена существительные с некоторыми предлогами изображается: черной, чернь, впрочернь; впробель, впрохмель, сукрасень. Сии умалительные родов, чисел и падежей не имеют, но как наречия употребляются. — О деепричастии. § 351. Деепричастия

на -ючи пристойнее у точных российских глаголов, нежели у тех, которые от славенских происходят; и напротив того, деепричастия на -я употребительнее у славянских, нежели у российских. Например, лучше сказать толкаячи, нежели толкая, но напротив того лучше употребить дерзая, нежели дерзаячи. — О причастиях: § 338. При сем примечать надлежит, что сии причастия (на -щий, -ший, -мый) только от тех российских глаголов произведены быть могут, которые от славенских как в произношении, так и в знаменовании никакой разности не имеют. Употребляются только в письме, а в простых разговорах должно их изображать чрез возносительные местоимения который, которая, которое. Весьма не надлежит производить причастий от тех глаголов, которые нечто подлое значат и только в простых разговорах употребительны, ибо причастия имеют в себе некоторую высокость и для того очень пристойно их употреблять в высоком роде стихов. Слич. §§ 435, 437, 438, 448. — О причастиях прошедш. страд.: § 441. Прошедшие неопределенные страдательные причастия весьма употребительны, как от новых российских, так и от славянских глаголов произведенные: венчаный, мараной. Разницу один от другого ту имеют, что от славянских происшедшие лучше на -ый, нежели на -ой; простые российские приличнее на -ой, нежели на -ый кончатся. В § 422 замечается особенность русского языка: глядь, хватъ, бряк. Замечательно, что Сумароков в своей статье „О правописании“ поносит Ломоносова именно за то, что он обратил внимание на народный язык: „грамматика г. Ломоносова, говорит он, никаким ученым собранием не утверждена, и по причине, что он московское наречие в колмогорское превратил, вошло в нее множество порчи языка. Напр. вм. *лутчий*, *лутчей*; след. склонения прилагат. перепорчены“. Потом особенно нападал Сумароков на Ломоносова за употребление *что* вм. *который*, напр. О ты, что в горести напрасно и пр. Сумароков говорит: „а вместо *который*, *которая*, *которое* употребляется *что*, или от неведения, или от нерассмотрения, или от привычки худого и простонародного употребления“. Из современников Ломоносова всех более обращал внимание на народный язык и поверья Тредьяковский. „Многодельное первое христианство наше, говорит он, хотя искоренило все многобожные служения и песенные прославления богам и богиням; однако с пренебрежения, или за упразднениями, не коснулось к простонародным обыкновениям: оставило ему забаву общих увеселительных песен, а с ними способ изложения стихов. Сие точно и есть первородное и природное наше стихосложение, пребывающее и доднесь в простонародных, молодецких и других содержаний песнях живо и цело.“ В его „Трех рассуждениях о трех главнейших древностях российских,“ 1773, попадаются любопытные намеки на народный язык; напр.: так как у нас Дон Иванович и Русь Андреевна, 126 — сей точно апостол (Андрей) почитается апостолом российским и по нем всеконечно, от древнего предания, называется между простыми людьми Россия Андреевною; 144 — сей есть сущий наш Бова Королевич, да простится мне сравнение, 31 — говорится: царь-колокол, царь-град, царь-девица и царь-бобы, 40 — последние сие имя (Хвалынское) морю и доднесь в употреблении: синее море Хвалынское поется в простых песнях, 91 — из некоторыя наша площадныя песни: князь Роман жену терял и в реку метал, во ту ль реку и Смородину, 175 — без сомнения,

обыкновение называть государей надеждою, было всеобщее и древнее в словенском языке: российский наш народ, и при моей свежей памяти, называл благоговейя самодержца своего, надежда государь, 231 и пр. Тредьяковский хотя основывает свою теорию русского стихосложения на народных, или как он называет, на мужицких песнях, однако дичится их и упоминает об них с каким-то пренебрежением: „прошу читателя не зазреть меня и извинить, что сообщаю здесь несколько отрывоченков от наших подлых, но коренных стихов“, см. Сочин. и переводы Тредьяковского 1752, I, 170.

Державин очень многое брал из народной речи в свои стихотворения, напр. в оде „На счастье“: ни в сказках складно рассказать, ни написать пером красиво — и гром за тридевять земель несет на лунно государство — без лат я горе-богатырь — слети ко мне, мое драгое, серебряное, золотое: здесь прекрасно применяются к счастью эти два народные эпитета. Из „Царь-Девицы“: Царь жила была Девица — если больно рассерчала — камень с гору самоцвет — по бедру коня хлесть задню — шасть к Царю-Девице в спальню — вот и встал дым коромыслом. В „Приношении красавицам“: бью стихами вам челом. В „Добрыне“: не сизы соколы по поднебесью, не белы кречеты под облаки, богатыри слетались русские к великому князю ко Владимиру; что по грядне князь, что по светлой князь, наше солнышко Владимир князь похаживает — что у ласточки, у косаточки алу белу грудь, сизы крылья, посматривает. Парчевой кафтан, сапоги сафьян, золоту казну и соболи показывает; ты гой еси, удал млад богатырь могучий! — как едет, поедет добрый молодец сильный могуч богатырь, Добрыня-то, братцы, Никитьевич. Да едет с ним его Тороп слуга, и сражается он с Тугариным; у Тугарина собаки крылья бумажные; катилось зерно по бархату, и пр.; вьется, вьется хмель золотой и пр.

Мерзляков дал пример греческие сложные эпитеты прилагательные переводить — по образцу: тур золотые рога, Дмитрий грозные очи — существительным с прилагательным: Гера белые плечи вм. белоплечая, и т. п.

Крылов, Грибоедов, Пушкин окончательно узаконили необходимость ввести народный язык в письменный. „Разговорный язык, говорит Пушкин, простого народа (не читающего иностранных книг и, слава богу, не искажающего, как мы, своих мыслей на французском языке) достоин также глубочайших исследований“. — „Альфиери изучал итальянский язык на Флорентинском базаре. Не худо нам иногда прислушиваться к московским просвирням; они говорят удивительно чистым и правильным языком“. Особенно любопытны замечания Пушкина на два стиха из „Евгения Онегина“:

Лай, хохот, пенье, свист и хлоп,
Людская молвь и конский топ, Гл. V, стр. XVII.

„В журналах, говорит Пушкин, осуждали слова: *хлоп*, *молвь* и *топ*, как неудачное нововведение. Слова сии коренные русские: „Вышел Бова из шатра прохладиться и услышал в чистом поле людскую молвь и конский топ“ (Сказка о Бове Королевиче). *Хлоп* употребляется в просторечии вместо *хлопанье*, как *шип* вместо *шипения*.

Он шип пустил по-змеинному.

(Древние российские стихотворения)

„Не должно мешать свободе нашего богатого и прекрасного языка“.

И в другом месте прибавляет он: „изучение старинных песен, сказок и т. п. необходимо для совершенного знания свойств русского языка; критики наши напрасно ими презирают“.* Почитаю лишним трудом приводить здесь примеры народного языка из Пушкина: стоит только указать, напр., на его драму „Русалка“, чтобы найти их сотни.

Лучшие наши писатели и теперь не перестают изучать поэзию и язык народный. Для примера предлагаю сличение одного места из Гоголева „Тараса Бульбы“ с малорусскою думою:**

Гоголь: Будет, будет все поле с облогами и дорогами покрыто их белыми торчащими костями, щедро обмывшись казацкою их кровью и покрывшись разбитыми возами, расколотыми саблями и копьями; далече раскинутся чубатые головы с перекрученными и запекшимся в крови чубами и опущенными книзу усами; будут орлы, налетев, выдирать и выдергивать из них казацкие очи. Но добро великое в таком широко и вольно разметавшемся смертном ночлеге! не погибает ни одно великодушное дело и не пропадет, как малая порошинка с ружейного дула, казацкая слава... И пойдет дыбом по всему свету о них слава... Малорусская дума:

А щó, як наши головы казацьки по степу-пóлю
поляжуть,
да ще й родною кровью вмыються,
попереросколотыми шаблями покрються!..
пропаде, мов (будто, точно) порошина з дула,
тая козацькая слава,
щó по всёму свету дыбом стала,
щó по всёму свету степом розляглась, простяглась,
да по всёму свету лугóвым гóмóном роздалась и пр.

АРХАИЗМЫ

Сначала обратим внимание на наш старинный язык с точки зрения филологической от отдельных слов до целого периода, а потом укажем, как и сколько употребляются архаизмы у новейших писателей. Эта статья таким образом должна содержать в себе историческую стилистику или историю речений, старинных любимых выражений, обычных поговорок и фигур и т. п.

Образование народа стоит в явной противоположности к совершенствованию языка, и чем более общечеловеческого просвещения входит в язык, тем более теряет он величия и самобытности своей собственной грамматической природы.*** Внутреннюю силу старинного языка можно уподобить острому зрению, чуткому слуху, обонянию дикаря, пастуха или охотника, безыскусственно обращающихся в простой природе. Зато новый язык яснее и определеннее. Поэзия проходит, проза

* Сочинения Пушкина, I, стр. 253—254 и XI, стр. 214, 215, 230—231.

** Сочинения Гоголя, II, стр. 225—226, и Украинские народные песни, изд. Максимовичем, 1833, стр. 28.

*** Th. Mundt, die Kunst d. deutschen Prosa, 1837, 19, и предисловие к 1-му изданию грамматики Гримма.

[Блестящее развитие народной поэзии и совершенствование языка в наши дни в корне опровергает это устаревшее предположение. Ф. И. Буслаев находился под влиянием регрессивного взгляда на язык, по которому язык якобы развивается от богатого языка прошлого (праязыка) к настоящему, оскудевающему по мере отрыва от старины.] *Ред.*

(в обширном смысле принимаемая) более способствует нашим потребностям. Поэзия языка состоит в неувядаемой, яркой изобразительности, необходимом достоянии древнейшего периода. Собственно тогда еще и не бывает прозы, ибо всякое слово возбуждало тогда поэтическое впечатление, всякое выражение было творческою попыткою. Современем значительность отдельного слова пропадает, и настает значительность целого предложения. Как ценная монета в обширных расчетах заменяется ассигнациями и билетами, так и живые впечатления в мышлении своем подводим мы к общим мыслям и отвлеченным представлениям. Речь наша чрезвычайно замедлялась бы, если бы мы постоянно вдумывались в живое представление каждого предмета и взвешивали каждое слово с таким же сочувствием к нему, с каким оно создавалось в древнейшую пору. Таким образом потеря чувственной, живучей силы языка есть не иное что, как преобладание мысли над звуком и частным впечатлением. Следовательно, на место грамматического интереса к языку выступает интерес поэтического и риторического представления.

Путем науки, разумеется, только частью можем мы возбудить в себе сочувствие к первобытной творческой силе языка. Многие слова и обороты для нас совсем умерли; их не воскресить уже и гениальному поэту. Зато мы можем сочувствовать таким старинным словам, звуки коих в других родственных словах дошли и до нашего времени. Так напр. мы говорим: невеста, бог, божий, поломанный, семья, зверь; но потеряли уже: туже бе и язычская церкви, *уневестивъщийся* христу. Кир. Тур. в Пам. российск. слов. XII в. 70; *взбожение* сына твоего, *vzboženie syna tvého*, *das Gottwerden*, в Чешск. молитв. XIV в.; *неполломная* шея, *perolomná šije*, *ibid.*; кротость человеческого естества *воззвери*, Пск. лет. 114; не *семьитись* и не соединяться, И. Г. Р. XI, прим. 5. Потому обращаю внимание только на те слова, кои, употребляясь и теперь, в старину имели иное значение или теперь остались только в производных формах, затеряв старинную коренную. *

I. ОНОМАТИКА

Буда, по Карамзину И. Г. Р. III, прим. 23 знач. гроб, напр. в Ипат. лет. 115 в буди, либо си в гроб; отсюда уменьшительная форма *будка*, от глагола *будовать*, знач. строить, употребляющегося по-польски, малорусски.

Вар, теперь кипяток, прежде и жар вообще: „в Гундустани же силнаго вару нет; силен вар в Гурмызе, да в Кытобагряиме... а в Хоросаньской земле варно, да не таково; а в Чеготани велми варно; в Ширязи, да в Езди, да в Катани варно да ветр бывает“, в путешествии Афанасия Твер., Соф. Вр. II, 158. Слич. ев. от Матф. 20, 12.

Ведро, теперь ясная погода, прежде засуха, страшный жар: Новг. лет. 52 казнить бог смертью или голодом, или наведением поганых, или ведром; 147 ведро бысть страшно на небесех и на земли; в Краледворск. рук. 30 *ptrpiechom nailuteiei cedro*, потерпехом наилутое ведро.

Гривна, золотое или серебряное ожерелье, надевавшееся на шею в знак отличия, как ныне орден: Бытия XLI, 43 и возложи гривну

* Слич. Шишков, Рассуждение о старом и новом слоге, 1803, стр. 215, и Труды Общ. Люб. Рос. сл. 1820, XVIII, и 1826, VI.

злату на выю его; Притч. Солом. I, Сирах VI. Слич. сербск. *гривляш* голубь с ошейником, чешск. *hrziwnaš*.

Говядо (отсюда *говядина*) — скот в других славянских наречиях и у нас в старину: в Русск. Пр., Русск. Достоп. II, 180., в Ипат. лет. 177 и меду и говядь и овецъ доволѣ.

Доить, теперь только о животных: доить корову; прежде значило кормить грудью: взя же отроча на руки жена, и абие к ней, яко к матери своей прилепясь любезно, она же дояша я. Чет. мин. 22. *Воздоить* — воспитать: соблюди ми отроча сие, и воздой ми е. Исход. 2; *отдоить* — отнять младенца от груди: сотвори Авраам учреждение (пиршество) велие, в онъ же день отдоися Исаак сын его. Быт. 21.

Дюжий — сильный от *дуг* сила, здоровье, употребляющегося и теперь в отрицательном *недуг*; *недужий* — бессильный: мы недужи противу вам стати. Нест. по Лавр. 40. Слич. народное *дюжий* — плотный, крепкий, здоровый.

Жадный — жаждущий: жадныя и алчныя насыщая, Ипат. лет. 219.

Жизнь — изобилие, имение: се есмы села их пожгли вся, и жизнь их всю, и они к нам не выйдуть; а пойдем к Любчю, идеже их есть вся жизнь, Ипат. лет. 37, и всю жизнь нашу повоевали, *ibid.* 38, взявше под ним волость его и жизнь его всю, *ibid.* 82. Не в этом ли же смысле в Сл. о Полку Иг. погибаетъ жизнь Даждь-Божа внука? Слич. в Чешск. Псалт. XIV в. (Витенб. и Подебр.): *žizn* (*ubertas*), в глоссах *Mater verb. sijn* (жизнь) *ubertas*, *habundantia*, *fecunditas*.

Жировать — жить: и не съмѣяху людье жировати въ домѣхъ, нѣ по полю живяхуть, Новгород. лет. 22. Как жизнь переходит в значение обилия, имущества, так наоборот и обилие, тук, т. е. жир (по Добровск. от глагола *жеру*, *жирати*, *Slowanka*, I, 40), имеет смысл имения, состояния жизни: в Вологодск. губ. *жира* — жизнь, *жирова* — состояние (Труды общ. люб. рос. сл., 1822, I), по-сербски *жир* значит жолудь. Не объясняется ли значением жизни, имения — *жир* в Сл. о Полку Иг. погрузи жиръ во днѣ Каялы?

Збруя — вооружение, воинские доспехи: Др. рос. ст. 262 берет он царь свою збрую богатырскую, берет он сабельку острую и копье мурзаметское.

Квас — закваска: мал квас все смешенне квасит, I, Коринф. V, 7; — ложное учение: блюдитесь от кваса фарисейска и саддукейска. Матф. XVI, 5; в глос. *Mater verb. quazz* (квас) *frigidaria*, *sulza*; *quasu* (квашу) *copiatio*. По-лужицки *kwas* значит свадьба.

Колач означало не только хлеб, но и подарок: глос. *Mater verb. colach* (колач) *munera*, *dona*; *colacs* (колач) *crustula panis*.

Лупить — грабить: лупление от Тверич. Черньци и черницы все до наготы излуплено. Новгород. лет. 90; в глос. *Mater verb. lupes* (лупеж) *rapina*, *lupesnik* (лупежник) *pirata*.

Норова — каприз: в тую ж зиму приеха владыка Евфимей во Псков, месяца генваря в 13 день, не в свой приезд, не в свою череду, но норовою, Пск. лет. 69. Теперь *норов* употребляется более о животных, и не так смело, как в старину.

Порты — вообще одеяние, покрывало и т. п.: и тако загореса (церковь) сверху, и что бяше вне и вну узорочий, и поникадила серебряная, и суд златых и сребреных без числа, порт шитых золотом и женчию-

гом, яже вешали на праздник в две верви от золотых ворот до богородице, а от богородице до владычных сений во две же верви чудных, Ипат. лет. 127. От этого слова происходит прилагательное *портной*, употребляющееся существительным.

Почка — самородный кусок камня; доброго по десяти рублей почка алмазу, Соф. Вр. II, 156.

Прелесть — в дурном смысле, прельщение, лесть, обман, соблазн: прелести безбожия до конца уклонился еси, Служба Хрвсанфу и Дарии, Марта 19. Змий, прельстивший прародителей, называется в св. пис. *прелестником*. Понеже русские люди прелестны и падки на волхование, Пск. лет. 209, а и женское дело прелестивое, прелестивое, перепадчивое, Др. рос. ст. 69, сослал нам, боже, прелестника, злого расстригу Гришку Отрепьева *ibid.* 102, и здавался на его слова прелестные *ibid.* 146. Следовательно, эти слова, происшедшие от *лесть, льщу*, никак не должно смешивать в употреблении с *красота, прекрасный*.

Работа — рабство, от глагола *робить* — делать; а другие работе предать мужем своим, Нест. по Лавр. сп. 31, работная (взятых в рабство) свобода. Ипат. лет. 219.

Сокровище — сокровенные места и предметы: пришел же ли еси в сокровища снежная и сокровища градная видел ли еси? Иов. XXXVIII, 22, сндох и до сокровищ (где скрыты) пленник моих, Кир. Тур. в Пам. рос. слов. XII в. 66.

Строгий — вострый, отсюда острога — шпора, строгать; у Ломоносова: ступает по вершинам строгим.

Строю — управляю; Нестор говорит о себе, что он вступил в монахи: Феодосию строящу монастырь, т. е. управляющу. И теперь управляющий общежительным монастырем называется строителем.

Супруг — пара: супруги волов оряху, Иов. I, 14, супруг волов купих, Лук. XIV, 19.

Труд — бедствие, болезнь, страдание душевное: нищ есмь аз и в трудех от юности моя, Пс. LXXXVI, 16, беззаконие и труд посреде его и неправда, Пс. LIV, 11. Слич. в Сл. о Полку Иг. чръпахуть ми синее вино съ трудомъ смѣшено. Следовательно, это слово существенно отличается от синонима своего, *работы*.

Украйна — всякая крайняя страна, в смысле марки: Датская украйна, Псковская украйна, Пск. лет. 27, 202, 203, 212.

Целовать — приветствовать, здороваться, от целый, как здороваться от здоровый: входяще же в дом, целуйте его, глаголюще: мир дому сему, Матф. X, 12.

Яловый: теперь говорится яловая корова, т. е. холостая, нестельная; яловая рыба; прежде яловый и вообще бесплодный: *yalowa sterilis*, глосс.-чешск. Музейн. Псалт. конца XII в.

2. ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ

Как отдельные слова в древнейшую эпоху носят на себе характер большей изобразительности, так и в целых выражениях мысль высказывается не отвлеченно, а ярко, в живом образе. Так вместо: много трудился, воевал, в Ипат. лет. 15: Володимиръ сам собою постоя на Дону, и много пота утеръ за землю Рускую; Кенигсб. сп. 101: Ярославъ же,

сѣде въ Кіевѣ, утеръ пота со дружиною своею. Вместо голого исчисления меры времени или пространства и т. п. — поэтические описания: свойство не только поэзии гомеровою, но всех древнейших памятников литературы: Grimm находит оное даже в древненемецком праве. * Так, вм. навсегда, вечно, в Игоровом договоре: дондеже съяет солнце и весь мир стоит, Нест. по Лавр. сп. 21; или в договоре болгар с Владимиром: толи не будетъ межю нами мира, оли камень начнетъ плавати, а хмель почнетъ тонуть, *ibid.* 52. Описание высоты: (церковь) бѣ бо содѣлана при немъ (Мстиславе) выше, неже на кони стоячи рукою досячи, Кенигсб. сп. 104. Пространство и вес: мешаша бо каменемъ полтора перестрѣла, а камень якоже можаху 4 мужи силнии подъяти, Ипат. лет. 174. Слич. *ibid.* 128: бяху же у них луци тузи самострѣлнии, одва 50 мужь можашеть напрящи. Куры или пение петуха вм. рассвета: и яко бысть въ куры, и позна въ собѣ духъ изнемогающъ ко исходу души, *ibid.* 220. В Новг. лет. 69: и скот не оставиша ни рога — вм. отвлеченного *ничего*. Слич. в Др. рос. ст.: дерево в охват толщины; изба во все дерево; описание камня: в вышину три сажени печатные, а и через его только топор подать 170 и проч.

3. БЫТ ВОИНСКИЙ

Сначала обратимся к обычным выражениям жизни воинской. Как сочувствовали ей наши предки, мимо множества мест в наших старинных памятниках, приведем из Сл. о Полку Иг.: а мои ти куряни свѣдоми къмети, подѣ трубами повити, подѣ шеломы възлелѣяны, конецъ копия въскрѣмлени, пути имъ вѣдоми, яругы имъ знаеми, луци у нихъ напряжени, тули отворени, сабли изъострени, сами скачуть, аки сѣрыи вльци въ полѣ, ишучи себе чти, а князю славѣ. Слич. подробное описание вооружения и историю трех стрел в древнем стихотворении Дюк Степанович (стр. 22 и след.). Как наши поэты вглядывались в обычаи воинские, показывает, напр., следующее гомерическое описание стрельбы, Др. рос. ст. 217:

вынимает он Поток
из налушна свой тугой лук,
из колчана вынимал калену стрелу,
и берет он тугой лук в руку левую,
калену стрелу в правую,
накладывает на тетивочку шелковую,
потянул он тугой лук за ухо,
калену стрелу семи четвертей,
заскрипели полосы булатные
и завыли рога у туга лука.

Слич. также *ibid.* стр. 208.

Подвожу наш старинный воинский быт к следующим обычным выражениям: 1) *копье*: и взя градъ копьемъ, Нест. по Лавр. 40, взяша градъ Рязань копьемъ, Ипат. лет. 175; Воскр. сп. II, 23: и язъ тогда много послужилъ ему своимъ копиемъ. В старину был обычай ставить копье на гробе умершего воина; так и Ипат. лет. 73 говорит Ярослав: аче богъ отца

* См. о поэзии в праве, статью Гримма в *Zeitschrift für geschichtliche Rechtswissenschaft*, herausg. von Savigny etc., II, 1816.

моего понялъ, а мене богъ на его мѣстѣ оставилъ, а полкъ его и дружина его у мене суть; развѣ одно копіе поставлено у гроба его, а и то въ руку моею есть. Бросаніе копья предводителемъ было символомъ началу битвы: обычай, относящійся еще ко временамъ нашего язычества и сохранявшійся довольно долго, напр. в Воскр. сп. II, 17: Андрей же Юрьевичъ возьмъ копіе, и еха напередъ преже всѣхъ зломи копіе свое. В Сл. о Полку Иг. говорит Игорь: хошу бо, рече, копіе приломити конецъ поля половецкаго. Какъ в Др. рос. ст. измеряется пространство стрелою, напр. 183 промежу глазъ калена стрела; такъ в летописяхъ измеряется и копьемъ: и тако устрои богъ мъглу, якоже не видѣти никаможе, толико до конецъ копья видити, Ипат. лет. 63; и бысть въ тѣ день мъгла велика, яко не видити до конецъ копья, *ibid.* 73. 2) *щитъ*: взяша градъ Кыевъ на щитъ, Новг. лет. 26; взяша Всеволожь градъ на щитъ, Ипат. лет. 36, (Псковичи) начаша думати: ставити ли щитъ противъ царя и заператися ли во градѣ? Пск. лет. 176. Припомнить древнюю клятву: да не ущитятся щиты своими, Нест. 21. В знакъ победы Олег повесилъ щитъ на вратахъ Царьграда. 3) *мечъ*: что есмы зашли Водь, Лугу, Пльсковъ, Лотыголу мечемъ, Новг. лет. 54, т. е. что завоевали. Припомнить старинную дань мечами и клятву в договорѣ Игоря: да посѣчени будутъ мечи своими, Кенигсб. сп. 14 и 39. Слич. в Соф. Вр. II, 417: поостри мечъ свой на градъ. 4) *шлемъ*: ты бо можеша Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломи (шлемами) выльяти, Сл. о Полку Иг. Тогда Владимиръ Мономахъ пилъ золотомъ шоломомъ Донъ, Ипат. лет. 155, т. е. ездилъ, воевалъ по Дону. 5) *конь*: какъ копье ставилось на гробѣ воина, такъ в старину, по преданіямъ, и конь зарывался с умершимъ его всадникомъ; в Др. рос. ст. 223 Потокъ посаженъ былъ в могилу жены своей вместе с конемъ. Летописцы повествуютъ, какой шерсти были некоторые княжескіе кони; такъ у Мстислава былъ сивый, у Данила гнедой, Ипат. лет. 161: Мъстиславъ же великую похвалу створи Данилови и дары ему дать великия и конь свой борзый сивый. 174 Данилови же гонящу по половецехъ, донеле же конь его застрѣленъ бысть гнѣдый. Князья воздавали честь палшимъ конямъ своимъ похоронами: Ипат. лет. 47 конь же его, язвѣнь велми, унесъ господина своего, умре; князь же Андрей, жалую комоньства его (вар.: коня своего) повелѣ и погresti надъ Стыремъ. Какъ пить шлемомъ значило воевать где-либо, действовать, такъ и поить коня: не выддите ли (бояр), а я поилъ есмь конѣ Тьхверью, а еще Волховомъ напою, Новг. лет. 41, т. е. если не выддите, я нападу на Новгород, говоритъ Георгій посламъ новгородскимъ. 6) *кость*: и ту костью падоша, Новг. лет. 41, т. е. были побиты; да луче есть на своей землѣ костью лечи, нели (нежели) на чужѣ славну быти, Ипат. лет. 155, ста на костѣхъ, Пск. лет. 65, т. е. мѣсте битвы. 7) *голова*: можемъ главы своя сложити за тя, Нест. по Лавр. 94, можемъ головы свои за тя сложити, Ипат. лет. 225, и много своихъ головъ подъ городомъ положиша, Пск. лет. 185. Очень любопытно сличить в Сл. о Полку Иг. слова Игоря: хошу главу свою приложити, а любо испити шоломомъ Дону — с обычными выраженіями в Ипат. лет. 54: любо голову свою сложю, паки ли отчину свою налѣзу и жизнь (т. е. добуду свою отчину и свое имущество), 68 любо голову сложю, любо налѣзу Галичьскую землю, 72 (Володимиръ рече) но оже буду жив, то любо свою голову сложю, любо себе

мышью, в Кенигсб. сп. 160 говорит Василько: да пойду на половцы, любо собѣ славу залѣзу, а любо главу свою положу за Рускую землю. Голова в смысле оружия: добылъ есми головою своею Кіева и Переяславля, Ипат. лет. 43; голова вм. человека вообще; часть вместо целого, синекдоха: и головъ (вариант: людей) нѣколько истопе въ Волховѣ, Новг. лет. 48, много головъ паде, Пск. л. 33, избиша нѣколько головъ *ibid.* 32. 8) *рука*: (псковичи) и вспомянувшѣ крестное цѣлованіе, что не мощно на государя руки подняти, ни воздвигнути противъ великаго князя, Пск. лет., 176.

4. БЫТ ЮРИДИЧЕСКИЙ, ЛЕТОПИСЬ, СТАРИНА

Та же изобразительность и во многих выражениях быта юридического, напр. 1) *голова*; за бесчестье отослать головою к боярину, Котошихин 34, т. е. отослать виновного к тому, кого он обидел; в Др. рос. ст. 33 у которого жены-то нет, того самого головой возьмет. 2) *лицо*: как голова употребляется вместо человека, также вместо действительной явки его, напр.: а ныне Садко головой пришел, Др. рос. ст. 341; так лицо вм. вещи: а лодью лицомъ воротити, Русск. Правда в Руск. Достоп. II, 59, т. е. отдать лодью, не будетъ лица... *ibid.*, т. е. если же не воротят лодьи. 3) *рука* вм. поручительства, обещания, обязательства: псковичи даша ему на томъ руку, чтобъ добровольно отѣхати и приѣхати, тогож лѣта по той рукѣ присла князь Местерь рискій своихъ пословъ, Пск. лет. 94. 4) *разуть ноги* вм. выдти замуж — выражение, сохранившее в себе память о старинном обряде: он же рече дъчери своеи (Рогвольд Рогнеде): хочещи ли за Володимера? оки же рече: не хочю розути робычича, но Ярополка хочю, Нест. по Лавр. 45.

Вообще надобно заметить, что филология нисколько не выступает из пределов своих, когда, при объяснении древних памятников, берет в соображение быт юридический; ибо он, как одна из главнейших стихий жизни народной, входит не только в произведения красноречия, но и в поэзию, и кладет свой отпечаток на язык особенными выражениями. Так память о местничестве сохранилась нам в некоторых выражениях Др. рос. ст., напр. 150 что ты, сударыня, идешь закручинилася? али место тебе было не по отчине? 187 а по имени вам мочно место дать, по изотчеству можно пожаловати, *ibid.* по отчеству садися в большое место, в передний уголок. Все это говорится о месте на пирах.

Чтобы понять значение *летописи*, важнейшей формы древней нашей литературы, надобно знать официальный, юридический смысл ее. В тяжбах и ссорах наши предки ссылались на них, как на юридические акты, что очевидно из след. мест (1289): и повелѣ писцю своему писати грамоту: Се азъ князь Мъстиславъ, сынъ Королевъ, внукъ Романовъ, уставлю ловчее на Берестьяны и въ вѣкы, за их коромолу: со ста по двѣ лукнѣ меду, а по двѣ овцѣ, а по пятнадцать десяткѣвъ лну, а по сту хлѣбовъ, а по пяти цебровъ овса, а по пяти цебровъ ржи, а по 20 куровъ; а потолку со всякого ста, а на горожанахъ 4 гривны кунъ; а хто мое слово порушитъ, а станеть со мною передъ богомъ. *А вопсалъ есмь въ летописецъ коромолу их*, Ипат. лет. 225. Иоанн III посылает дьяка Бородатого к новго-

родцам: да испроси у матери своей, у великой княгини, дьяка Степана Бородатаго, умѣющаго *говорити по летописцемъ рускимъ*: егда, рече, придуть, и онъ воспоминаетъ ему говорити противу ихъ измѣны давныя, кое измѣняли великимъ княземъ въ давныя времена, отцемъ его, и дѣдомъ, и прадѣдомъ, Соф. Вр. II, 102. В описании взятія Пскова Василіемъ Иоанновичемъ: наутрѣяжъ освитающе дни недѣльному позвониша на вѣче и собрашася посадники и всѣ псковичи, и прѣхша дьякъ государевъ, и начаша ему тако говорити: *тако у насъ написано въ летописцѣхъ* — съ прадѣды и дѣды и со отцемъ его государемъ крестное цѣлованіе съ великими князьями положено, Пск. лет. 177. Отсюда и слово *старина* получаетъ обширнейшее значеніе, выражая весь старинный общественный бытъ и юридическія отношенія, напр.: и генваря въ 13 день спустиша колоколь вѣчной у святыхъ троица, и начаша псковичи, на колоколь смотря, плакати по своей *старинѣ* и по своей воли, Пск. лет. 178.

5. БЫТЪ РЕЛИГИОЗНЫЙ, ОТЕЧЕСТВО, ЧЕСТЬ

Чувство религиозное глубоко проникаетъ старинныя наши произведенія. Умилительною теплотою согреваетъ оно рассказъ летописца и вливаетъ утѣшеніе въ сердце, особенно при описании какихъ-либо бедствій, когда человеку всего болѣе нужна помощь божія. Изъ великаго множества примеровъ тому привожу след.: томъ же лѣтѣ (1233) преставися князь Феодоръ, сынъ Ярославль вячшии, іюня въ 10, и положенъ бысть въ монастыри святого Георгія, и еще младъ и кто не пожалуетъ (пожалуетъ) сего? сватба пристроена, меды изварены, невѣста приведена, князи позвани, и бысть въ веселія мѣсто плачь и сѣтованіе, за грѣхы наша; нъ, господи слава тебе, царю небесныи! извольшу ти тако. нъ покои его съ всѣми правдыными, Новг. лет. 49. О Володимире Васильковиче надгробное сетованіе летописца: возстани отъ гроба твоего, о честная главо, возстани, отряси сонъ: нѣси бо умерлъ, но спишь до общаго возстанія. Возстани: нѣси бо въмерлъ, нѣсть бо ти умерети лѣпо, вѣровавшу во христа, всему миру живодавца; отряси сонъ, возведи очи, да видиши какою ты чести господь тамо сподоби, и на землѣ не безъ памяти ты оставилъ братомъ твоимъ Мьстиславомъ. Возстани, видь брата твоего, красящаго столъ земля твоя: ксему же вижь и благовѣрную свою княгиню, како благовѣрье держитъ по преданью твоему, како поклоняется имени твоему, Ипат. лет. 221-222. Прекрасно присоединяется къ такому предчувствію жизни загробной образъ жизни воинской въ причитаніи Евдокии въ похвалѣ Донскому: крѣпко еси, господине мой драгій, уснул; не могу разбудити тебе, с которыхъ войны еси пришелъ? истомился еси велми. — Вотъ еще несколько примеровъ, какъ блистательно украшалась древняя наша литература глубокимъ христіанскимъ благоговѣніемъ и высокою нравственностію: въ Поученіи Мономаха, о неистощимой силѣ и бесконечномъ многообразіи божескаго творчества: и сему чуду дивуемся, како отъ персти создавъ челоуѣка, како образи различни въ челоуѣческихъ лицахъ аще и весь міръ совокупить, не вси въ одинъ образъ, но кыйже своимъ лицемъ образомъ по божии мудрости. — Кирилл Туровск. (въ Пам. рос. сл. XII в. 125), о святыхъ причастникахъ: и вѣнчаетъ же святыи духъ, яко почиваетъ на святыхъ причастницѣхъ, уже бо я обрѣте

себе достойны съсуды, и вселися въ ня, измыша бо храмъ его слезами, постлаша люботрудными молитвами, украсиша добродѣтелию, кадиша чистыми въздыханьми.— Умильный плач о преставлении Невского (Соф. Вр. I, 273): горе тебѣ бѣдный человѣче, како можеша написати кончину господина своего князя Александра Ярославича? како не испадета зѣници твои вкупѣ со слезами? како ли не разсѣдеса сердце твое отъ многыя тугы? отца бо человѣкъ можетъ забыти, а добра господина, аще бы съ нимъ и въ гробъ влѣзлъ.— Из рукописи об осаде Тихвинского монастыря в 1613 г. (Новг. лет. 284), о зависти и корыстолюбии; увы, ненасыщаемое дно человеческих очей!— Необходимость присоединения чувства национальности к благочестию религиозному весьма рано пробудилась у нас: уже у Нестора в похвале Ольге: мы же рцѣмъ къ ней: радуися, *Руское познанье* къ богу; начатокъ примиренью быхомъ. Си первое вниде в царство небесное *отъ Руси*, сию бо хвалять руские сынове, аки началницу; ибо по смерти моляше бога за Русь. Припомнить Даниила Паломника, затеплившего свечу перед гробом господним *ото всей земли Русской*.— Во Пскове и Новгороде, через *вече* и *вечевой* или *вечный колокол*, висевший при главном городском соборе, понятие о городе и быте общественном так тесно связано было с чувством религиозным, что вместо Пскова говаривали *св. Троица*, вместо Новгорода *св. Софья*: не учал добрахотети живоначальной троицы и мужем псковичем, Пск. лет. 175, т. е. Пскову; да государь нашъ хочетъ побывать на поклонѣ къ троицы во Псковѣ, Пск. лет. 177, т. е. просто приехать во Псков. Впрочем и Афанасий Никитин пишет: поидохъ отъ святаго *спаса златоверхаго*, Соф. Вр. II, 145, вм. из Твери. Этим объясняется обычная форма речей Мстислава к новгородцам и национальное, не только религиозное, но и политическое значение упоминаемой в них св. Софии; напр. (1218 г.): съзва Мстиславъ вѣцѣ, на Ярославль дворъ, рече: кланяюся святѣй Софии, и гробу отца моего, и вамъ, хоцю поискати Галиця, а васъ не забуду; даи богъ леци у отца у святѣй Софии, Новг. лет. 36. *Вечевой колокол* был символом соединения православия с старинным бытом и порядком общественным: и генваря в 13 день спустиша колоколь вѣчной у святыя Троица, и начаша псковичи, на колоколь смотря, плакати, по своей старинѣ и по своей воли,— так описывает Пск. лет. 178 конечное падение псковской самобытности. Песнь о колоколе, подобная *Lied von der Glocke* Шиллера, имела бы глубокое значение в Пскове и Новгороде. Некоторые иносказания или притчи в речах наших предков объясняются религиозными обрядами, так напр., Лев говорит Владимиру через посла; а бы ты, братъ мой, не изгасилъ свѣчѣ надъ гробомъ стрѣя своего и братыи своей, а бы далъ городъ свой Берестій: то бы твоя свѣща была. Володимеръ же бѣ разумѣя притчѣ и темно слово. Ипат. лет. 218.

Христианское благочестие наших предков выразилось многими обычными выражениями, из коих некоторые намекают на древнейшие обычаи и поверия, другие же кажутся только поговорками: 1) *крестное целование* вместо клятвы, обещания и т. п. 2) *о мыслях* и намерениях человека: как бог по сердцу положит, Пск. лет. 177, т. е. чего пожелает. 3) *о судьбе*: а тогда како ны съ ними богъ дастъ, Ипат. лет. 53, т. е. как наша судьба решится с ними. 4) *Бог вестъ* вм. неизвестно: а иныхъ

паде съ обѣ стороны богъ вѣсть, Новг. лет. 96. 5) обычное выражение о богатырях, вступающих в GRIDNYЮ князя Владимира: онъ молился спасу со пречистою, поклонился князю со княгинею, на все четыре стороны, Др. рос. ст. 26. 6) о войне: се уже мы идемъ на судъ божій, Ипат. лет. 62. 7) о суде: а хто мое слово порушить, а станеть со мною передъ богом, *ibid.* 225. 8) о смерти: Всеволодъ во день святыхъ Маккавей пошелъ къ богови, Ипат. лет. 143, т. е. умер, и мн. др. Чувство религиозное возвысило нашихъ предковъ до истиннаго понятія о душе: такъ вм.: мы не можемъ изменить даннаго слова, говаривали: а душею не можевъ играти, Ипат. лет. 42. Душа вм. человека относится къ понятіямъ христіанскимъ: когда у граждан все сгорело, сказано в Новг. лет. 87: городчане толко душею ошашася; более грубый оттенокъ той же мысли выражается словомъ голова: и тутъ судно наше меньшее пограбили и четыре головы взяли рускіе, а насъ отпустили голыми головами за море, Соф. Вр. II, 164. Понятія о славе и чести, столь красноречиво выразившіеся еще в речи Святослава къ дружине, приличные воинскому обычаю нашихъ предковъ, еще более утвердились чувствомъ національнымъ, нераздельнымъ съ религиознымъ благоговіемъ. Обычное выраженіе в Сл. о Полку Иг. — ищучи себѣ чти, а князю славы — объясняется многими мѣстами летописей, напр. Ипат. лет. 145: думай, гадай о Руской земли и о своей чести и о нашей, — и особенно некоторыми сказочными подвигами нашихъ древнихъ богатырей: такъ Илья Муромецъ совершаетъ чудеса храбрости надъ разбойниками: те покоряются ему и готовы на все, чего онъ ни пожелаетъ: ему же, кроме чести и славы, ничего не надо: „а и гой еси, братцы, станишники! говоритъ онъ: поезжайте отъ меня во чисто поле, скажите вы Чуриле, сыну Пленковичу, про старога козака Илью Муромца“, Др. рос. ст. 420.

6. БЫТЪ СЕМЕЙНЫЙ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ

Семейные и общественные отношенія искони строго определялись у насъ, чему свидѣтельствомъ языкъ. Степени родства во всей подробности обозначаются по-русски особенными названіями, которые, къ сожаленію, более и более теряются в памяти людей образованных, такъ что теперь не только *ятровъ, уй, свестъ* и др. суть архаизмы, но даже устарѣли в образованномъ языкѣ и золовка, тещь, свояченица и друг. Сделаемъ несколько замечаній на имена родни.* Старинное названіе родства или свойства было *ужичество*: в повести о взятіи Трои, переведенной для Симеона Болгарскаго: отъ ужичества си (Калайдович, Иоанн Екс. болг., 179); *ужик, ужика* — сродникъ, сродница, *ibid.*, стр. 180, Нест. по Лавр. 76. Родители и родственники вступившихъ в бракъ взаимно называются *сват, сватья. Свекор*, санскр. svassura, гр. ἕχρος, лат. socer, нем. schwieger — мужнина отецъ; *свекровь*, древн. свекры, лат. socius, в глоссахъ Mater verb. zvesti (свекры) — мужнина мать. *Тещь*, в Остром. ев., листъ 177, тещь, в глоссахъ Mater verb. test — женинъ отецъ; *теща*, в Остром. ев.

* Это особенно полезно и необходимо для техъ, кто выросъ на французскомъ языкѣ, который чрезвычайно беденъ названіями родни.

л. 63 тьща — женина мать. *Зять*, санскр. *djamatri*, лат. *gener*, польск. *zięć*, в глоссах *Mater verb. zet* — муж дочери, сестры, золовки. *Сноха*, санскр. *snuchā* (*nugus*) — сыновняя жена. *Деверь*, санскр. *dévri, dévaga*, гр. *δαῖρ*, лат. *levir*, в глоссах *Mater verb. dever* — мужнин брат; *золовка*, гр. *γάλος*, лат. *glos*, чешск. *zelwa*, польск. *zelw*, в глоссах *Mater verb. zelva* — мужнина сестра; *свесьть* — *idem*, Кормч. 244 л.; *невестка* — деверняя жена, ятровь — *idem*, Руф. 1, 15, санскр. *iātri*, гр. *εἰνάτειρ*. *Шурин* — женин брат, *своjak* — свояченицын муж, *своjчина* — женина сестра, *ятровья*, *idem*. *Стрый* — дядя по отце, Ипат. лет. 203, но уже в Никон. лет. II, 288 объясняется: бысть подобен стрюю своему сиречь дяде; *уй* — дядя по матери: Нест. по Лавр. 52 с Добрыною с уем своим. *Братучад*, *братучадо* — сын брата, племянник: И.Г.Р. III, пр. 194; *братучада* — братнина дочь, племянница: И.Г.Р. IV, 45. *Братан*, *братаничь*, *братеничь* — братнин сын, Прол. ноябр. 26., Ипат. лет. 93, Быт. XIV, 14, Новг. лет. 103; *сыновец* *idem*. Ипат. лет. 208, 209, 214; *братанна* — братнина дочь, Кормчая 2, 203. *Сестреничь*, *сестричищ* — сестрин сын; *сестрична* — сестрина дочь, Кормчая 5 л.; *нетий* то же, что сестреничь, но древнее сего последнего, ибо в Никон. лет. V, 88: Волк же, служа царю Мусулемаку с нетии своими, рекше с сестреничи. Любопытно сложное *брат-сестр* вм. брат и сестра, попадающееся в Остром. ев. л. 228: евлампа и евламия присныма братьсестрома. Наследственное недвижимое имение искони называлось производными от *дед* и *отец*, *дедина* (еще в Суде Любуши) и *отчина*, что указывает на древнейшее утверждение права собственности родством. Равномерно и престолонаследие выражалось словами *дедний*, *отний*, *отечний*, кои были постоянным эпитетом *стола* или престола: и благодаря бога вниде в Киев и съде на столѣ дѣдъни отечъни, Воскр. сп. II, 36. Окончание *-ич*, означающее сына, сверх того и потомка, исстари было у славян: в Суде Любуши спорят за дедину братья Кленовичи; Радимичи и Вятичи, по преданию, от Радима и Вятки. Потомки Олега и Мономаха — Ольговичи и Мономаховичи, в продолжение столетия ведут наследственную войну, разделяясь отческими именами своих предков. Впрочем и те и другие никогда не забывали, что они одного племени, внуки одного деда, Ярослава: так Ольговичи говорят Мономаховичу Всеволоду (1195): мы есмь не угре, ни ляхове, но единого дѣда есмь внуци, Ипат. лет. 146. Кроме родства кровного, в старину свято соблюдалось родство условное, духовное, т. е. усыновление и побратимство: символом последнего была мена крестами; в Др. рос. ст. 185 Тугарин говорит Алеше Попоевичу: сем побратуемся с тобой. Приязнь к ближнему досел, выражается в народе тем, что вовсе не родню называют батюшкой, матушкой, дядюшкой, братом и др.; обычай, не чуждый и другим народам; см. Grimm, Нем. грам. IV, 316 и его же издание Reinhardt Fuchs, XXVIII. Это простодушное чувство любви к ближнему украшает обычными выражениями речи наших предков: Доманть же рече псковичемъ: Братья мужи псковичи, кто старь, то отец; а кто младь, той братъ; слышалъ есмь мужество ваше во всѣхъ странахъ. Се же, братія, намъ предлежитъ смерть и животь: братія мужи псковичи, потягнете за святую троицу, и за святяя церкви, и за свое отечество, Пск. лет. 13. Псковичи собираются на битву; помолившись и простившись друг с другом, говорят: братія мужи псковичи, не посрадимъ отецъ своихъ

и дѣдовъ; кто старъ, то отецъ; а кто младъ, братъ. *ibid.* 26. Подобные выражения остались теперь только в сказках, напр. у Пушкина: коль ты старый человек, дядей будешь нам навек; коли парень ты румяный, братец будешь нам названный; коль старушка, будь нам мать и пр. Дружество и согласие на миру выражались обыкновенно так: цѣловаша крестъ ко всему Новгороду за единъ человекъ, Новг. лет. 77. есмь съ ними одинъ человекъ, *ibid.* 105. Новгородци цѣловаша крестъ за единъ братъ, *ibid.* 110; быти всимъ за единъ братъ, Ипат. лет. 39; за единъ мужъ быти, *ibid.* 73. Хотя в старину беседующие не употребляли нынешних местоименных вежливостей *вы, они* вм. *ты, он*, однако названиями родственными и именами увеличительными, ласкательными и уничижительными* удачно умели оттенять свои общественные отношения; так скромность и унижение требовали, чтобы говорящий или пишущий назвал себя полуименем или именем уничижительным; вот как говорят псковичи в к. Василью: а мы сироты твои прежде сего и нынѣ не отступны были отъ тебя государя и не противны были тебѣ государю: богъ воленъ да и ты своею отчиною и съ нами людишками своими, Пск. лет. 176. Афанасий Тверитянин в описании своего путешествия: ту же окаянный аз *рабище* Офонасей бога вышнего, творца небу и земли, възмыслихся по вере по христьянской, и по крещении христове, и по говейнех (говеньях, постах) святых отец устроенных, по заповедех апостолских, и устремихся умом пойти на Русь. Соф. Вр. II, 162. Сострадание и ласка выражались ласкательными именами: все могилье воскопано бяше по всѣмъ церквамъ; а гдѣ мѣсто воскопають или мужу и женѣ, и ту съ нимъ положить малыхъ дѣтокъ семеро или осмеро головъ во единъ гробъ, Пск. лет. 26. Презрение выражалось именами уничижительными, напр. в житии Кирилла, помещенном в Прологе: *Федорца* же, за укоризну тако нарицаема (т. е. уменьшительно, уничижительно), сего блаженный Кирилл от божественных писаний ересь обличи и прокля его. Даже названиям животных и предметов бездушных, близких быту домашнему, в старину любили давать дружественный оттенок ласкательным окончанием, что и до сих пор частью сохраняется в языке народном, напр. хлебец, денек, лошадушка. Что теперь более и более тратим мы сочувствие к таким словам, лучшим доказательством служат слова уменьшительные, как напр. солнце, вовсе потерявшие теперь свой прежний оттенок. Замечательны слова Гримма:** „Уменьшительная форма выражает понятие не только немногого и малого (*μείωσις*), но и любезного, ласкательного (*ὑποχόρισμα*). Потому уменьшительную форму придаем мы и великим, возвышенным, священным и даже страшным предметам для того, чтобы доверчиво к ним приблизиться и снискать их благосклонность. Особенно в словах последнего рода первоначальное понятие уменьшения со временем утрачивается и становится нечувствительным: так фр. *soleil*, слав. солнце, слова уменьшительные, хотя в теперешнем их употреблении уменьшения и не чувствуется“. Однако, затеряв сознание к прежней уменьшительной форме, мы образовали другую: солнышко.

* О соответствии местоименных вежливостей с именами родственными и ласкательными см. Гримм, *Deutsche Grammatik*, IV, стр. 317.

** *Deutsche Grammatik*, III, стр. 664.

7. ЯЗЫЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА ПРИРОДУ ФИЗИЧЕСКУЮ, ЯЗЫЧЕСКАЯ СИМВОЛИКА, МИФОЛОГИЯ, ПОЭЗИЯ, ИГРЫ

Наши древние писатели не любили попусту описывать красоты природы и восхищаться ими. Может быть, лучше нашего в простоте своего сердца сочувствовали они ей; но, не зная ее законов, все явления приписывали силам сверхъестественным. Потому обращали они внимание только на такие феномены, которые, по их понятию, имели таинственное отношение к жизни народа; описания различных знамений, затмений и т. п. дышат неподдельною поэзиею, украшенные свежим воображением и проникнутые живым сочувствием, то радостью, то боязнию, то сомнением. Напр. Новг. лет. 5: почя убывати солнце и погыбе все. о великъ страхъ и тьма бысть! и звѣзды быша и мѣсяць. и паки нача прибывати, и въбързѣ напълнися; и ради быша вси по граду; Ипат. лет. 90: въ то же время бысть знаменіе въ лунѣ страшно и дивно: идяше бо луна черезо все небо отъ вѣстока до запада, измѣняючи образы своя: бысть первое ѥ (вариант: ея, в Воскр. сп. II, 59) убываніе помалу, дондеже вся погыбе, и бысть образъ ея яко скудно, черно (замечательный вариант в Воскр. сп. II, 59: яко сукно чрно) и паки бысть яко кровава и потомъ бысть яко двѣ лица имущи, одно зелено, а другое желто, и посредѣ ея яко два ратьная сѣкущися мечема, и одному ею яко кровь идяше изъ главы, а другому бѣло акы млеко течаше; сему же рекоша старіи людіе: „не благо есть сяково знаменіе, се прообразуетъ княжю смерть“ — еже бысть; Пск. лет. 207: тоежъ осени явися знаменіе въ Юрьевѣ въ Ливонскомъ два мѣсяца на небеси въ нощи, и ударились вмѣстѣ, и одинъ у другога хвостъ отшибъ, и тотъ мѣсяць отшибеной хвостъ приволокъ къ себѣ и знати стало на мѣсяцы томъ, как перепояска; Ипат. лет. 7: погыбе солнце и бысть яко мѣсяць, его же глаголють невѣгласи: снѣдаемо солнце; Соф. Вр.. I, 158: предъ симъ же временемъ и солнце пременися, и не бысть свѣтло; но яко мѣсяць бысть, его же невѣгласи глаголють снѣдаему сущу. Сія же знаменія бывають не на добро — (языческое предание о съедении солнца и месяца); *ibid.* I, 159: и паки солнце безъ лучъ сіяше — по семъ бо крамолы и умертвіа быша человекомъ; *ibid.* I, 175: предивно бысть въ Полотьсцѣи: въ мечтѣ бываше въ нощи тутень (стук, гром, подземный шум), стонушь по улицамъ, яко человекѣи рыщуци бѣси. — Бедствия Игоря, описанные в Сл. о Полку Иг., кажутся оправданием зловещего предзнаменования, описанного и в самом слове: тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты, и рече Игорь к дружинѣ своей: братіе и дружино! луцежъ потяту (убиту) быти, неже полонену быти; у летописца еще яснее, под 1185 г., Ипат. лет. 130: идущимъ же имъ въ Донцю рѣкы, в год вечерній, Игорь же възрѣвъ на небо и видѣ солнце стояще яко мѣсяць, и рече бояромъ своимъ и дружинѣ своей: видите ли что есть знаменіе? Они же узрѣвше, и видиша вси и поникоша главами, и рекоша мужи: княже! се есть не на добро знаменіе се. Игорь же рече: братья и дружино! тайны божія никтоже не вѣсть, а знаменію творецъ богъ и всему миру своему; а намъ что створить бог, или на добро, или на наше зло, а то же намъ видити. — В каком отношении такие приметы стояли к поучениям пастырей

церкви, видно из Слова о злыхъ дусѣхъ в сборнике XV в. (Москвитянин, 1844, № 1): Егда ли что ны на пути зло створиться, то учнемъ дружинѣ своей глаголати, почто не вратихомся, а не безлѣпа ны потка, не дояше понти, а мы ся не послушахомъ. о злое наше безуміе! самахоть (самохотно, своевольно) лишаемся господа и къ поганымъ прилагаемся. Слич. XII слово Кирилла Туровского в Пам. рос. сл. XII в., стр. 92 и след. *

Впрочем, несмотря на ограниченный круг воззрения летописцев на природу, самый язык древний, свежестью и живостью впечатлений, способствовал живописи природы, напр. Новг. лет. 5 паде мятыль (мятель) густъ по земли и по водѣ и по хоромомъ. Только в сравнениях представлялся старинным писателям случай описывать природу: но летописцы, когда только не вдаются в тщетное витийство, весьма скупы на сравнения; если и употребляют изредка, то очень краткие, как напр. Новг. лет. 34 вышли есте аки рыбы на сухо; Ипат. лет. 2 выступиша яко борове велици; Соф. Вр. I, 225 и сотвориша брань велику, и досѣкошася и до товаровъ; князь же Юрий и Ярослав, видѣвше аки на нивѣ класы пожинаху; И.Г.Р. VIII, прим. 62 царь же казанской, яко змій вынырнувъ изъ хвастія, приде безвѣстно генв. въ 15 подъ Муромъ. Собственно старинной нашей поэзии принадлежат живописующие природу уподобления, напр. в Др. рос. ст. 167: как вьюн около ее увивается (сын около матери), просит благословение великое; 128 она по двору идет, будто уточка плывет. В Краледворск. рук., стр. 34 Ярослав, гонящийся за врагами, сравнивается: *iako lew drazliui kdiz mu teplu krew sie uda zrsieti kehdi nastrsilen zalowcem zepu*: как раздраженный лев, когда удалось ему узреть теплую кровь, подстреленный гонится за ловцом.

Как описанию небесных и других знаменій летописцы придавали таинственное значение, так и поэтические украшения, описания природы, живописные уподобления по большей части имели в старину мифологический смысл. Кроме Др. рос. ст. и Сл. о Полку Иг., в старину вероятно было у нас довольно поэтических произведений, ибо свидетельствуют о том древние памятники; так в Ипат. лет. 180 упоминается какой-то знаменитый певец Митуса: словутьного пѣвца Митусу, древлѣ за гордость не восхотѣвша служити князю Данилу, раздраного аки связаного приведоша. Замечательно, что Данилу же пели какую-то песнь избавленные им от плена: Ипат. лет. 186—187 оттуда же князь Даниль приде ко Визньѣ и преиде рѣку Наровь, и многи крестьяны отъ плѣненія избависта, и пѣснь славу пояху има, богу помогшу има. В Сл. о Полку Иг., кроме песен и музыки Бояна, упоминаются песни русских жен, готских красных дев, дунайских девиц, немцев, венецианцев и пр., приводится песня Ярославны. Но христианское благочестие чуждалось тогда светских песнопений, ибо поэзия связывалась с языческими поверьями и древнейшею мифологиею; так старинный наш поэт Боян в Сл. о Полку Иг. называется внуком Велеса или Волоса, в Краледворск. рук. 68—70 упоминаются два славянские поэта язычники, древнейший Люмир, позднейший Забой, и попа-

* См. об языческом периоде нашей литературы вторую лекцию Шевырева в „Москвитянинѣ“ за 1844, № 2.

дается едва ли не поговорка языческая: *pieuse dobra miluiiu bozi*, певца доброго милуют, любят боги. По мнению наших предков, песни столь же противны церкви, как идолослужение; песнопения вменялись в грех, равный идолослужению; так в одной рукописи 1523 г.: того ради не подобает крестьяномъ игоръ бѣсовскихъ играти иже есть плясба гудьба пѣсни бѣсовъскыя и жертва идольская и огневи молятся подь овиномъ и виламъ (русалкам) и мокоши симу реглу и переу (Перуну) и проч. (Опис. рус. и слав. руск. Румянц. Муз. Востокова 229). Песни, наравне с зельем, почитались чародейским средством привораживать: так в Ипат. лет. 155 Сырьчан, посылая некоторого гудца (поэта, музыканта) в Обезы, говорит: Володимеръ умерлъ есть, а воротися, брате, пойди въ землю свою; молви же ему моя словеса, пой же ему пѣсни половецкiя; оже ти не восхочеть, дай ему поухати зелья, именемъ евшанъ. Поэтические произведения стояли наравне с еретическими книгами, которые еще в XII в. обрекались на сожжение, как видно из вопросов Кирика.* В 1410 г. митрополит Фотий убеждает новгородского архиепископа Иоанна в своем послании к нему: „учите, чтобы басней не слушали“. Стоглав (1551) кладет зарок на ложные книги: „тех все: еретических книг у себя бы не держали и не чли“. В статье о книгах истинных и ложных и о суевериях** свидетельствуется, что у нас в старину были многие сборники таких ложных книг. Вот замечательнейшее место о суевериях из этой статьи: сие есть мудрование тех, ими же отводят от бога и приводят к бесом в пагубу: первая книга Плартолой, рекше Остролог, 2. Острономна, 3. Землемерна, 4. Чаровник, в них же суть вся дванадесять опрометных лиц звериных и птичьих, се же есть первое, тело свое хранит мертво, и летает орлом, и ястребом, и вороном и дятлем, рыщут лютым зверем и вепрем диким, волком, летают змием, рыщут рысию и медведем, 5. Громник, 6. Молния, 7. месяц окружится, 8. Коледник, 9. Метание, 10. Мысленик, 11. Сносудець, 12. Волховник, волхвующе птицами и зверми, еже есть храм трещит, ухозвон, воронограй, куроклик, окомиг, огонь бучит, пес воет, мышеписк, мышь порты грызет, жаба воркочет, кошка в окне мышьца держит, сон страшен, слепца стретит, изгорит нечто, огонь пищит, искра из огня, кошка мявкает, падет человек, свеча угаснет, конь ржет, вол на вол, поточник различных птиц, пчела, рыбы (вариант: пчела поет, рыба вострепещет), трава шумит (древо о древо скрипит, лист шумит), сорока пощекочет, дятель, желна, волк воет, гость приидет, стенощелк, лопаточник, волхования различная. Если таким образом самые незначительные явления природы имели встарь такое суеверное значение, то весьма понятно, почему набожные предки наши почитали поэзию делом языческим.

Для объяснения старинных поэтических выражений сличим некоторые пункты этой статьи с соответствующими им местами в Сл. о Полку Иг.

1. Тело свое хранит мертво, и летает орлом, и ястребом, и вороном и дятлем, рыщут лютым зверем и вепрем диким, волком. В Сл. о Полку Иг.

* Памятники рос. словесности XII в., М., 1821, стр. 189.

** Калайдович, Иоанн, Ексарх болгарский, 1824, стр. 208—212.

предание о Всеславе оборотне: скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ въ плъночи изъ Бѣлаграда... скочи влъкомъ до Немеги... а самъ въ ночь влъкомъ рыскаше... великому Хръсови влъкомъ путь прерыскаше. Творительный сравнения есть переход отъ языческаго суевѣрія къ поэтическому украшению: полечю, рече, зегзицею (кукушкою) по Дунаеви. (Игорь) скочи съ него (с коня) босымъ влъкомъ. Коли Игорь соколомъ полетѣ, тогда Влуръ влъкомъ потече, труся собою студеную росу.

2. Сносудецъ... сонъ страшен. Таковъ в Сл. о Полку Иг. *мутен сонъ* Святослава. Бояре судятъ его не къ добру, и самъ сочинитель Слова связываетъ этотъ сонъ съ зловещимъ затмѣниемъ, рассматривая оба эти случая несчастными предтечами игоревой гибели.

3. Вороноградъ. Зловещіе вороны играютъ большую роль въ Сл. о Полку Иг.: всю ночь съ вечера босови врани възграяху. Этотъ вороноградъ былъ также предвестникомъ зла, состоя въ связи съ затмѣниемъ и сномъ Святослава.

4. Курокликъ. Курий или петушій кликъ является важнымъ обстоятельствомъ въ рассказѣ о Всеславе, ибо Всеславъ долженъ былъ изъ Кіева въ Тмуторокань рыскасть волкомъ до куръ, т. е. до петуховъ. Курокликъ или просто куры въ старину означало полночь, рассветъ; и бысть въ четвергъ на ночь поча изнемогати, и яко бысть въ куры, и позна въ собѣ духъ изнемогающъ ко исходу души. Ипат. лет. 220.

5. Волхвующе птицами и зверьми... трава шумитъ, сорока пощечетъ, дятель, желна, волкъ воетъ. Этимъ обвинительнымъ въ суевѣрії пунктамъ соответствуютъ въ Сл. о Полку Иг. поэтические места, хотя вытекшіе изъ души сочинителя отъ сочувствія съ природою, однако частью не чуждые суевѣрнаго убѣжденія о тайномъ сношеніи человѣческой участи съ предметами неразумной природы: кликну, стукну земля, въшумѣ трава; ничитъ трава жалошамъ; а древо съ тугою къ земли преклонилось; а галици свою речъ говоряхуть. Вотъ какъ сама природа сочувствуетъ счастью Игоря: тогда врани не граахуть, галици помлъкоша, сороки не троскоташа, полозію ползоша только; дятлове тектомъ путь къ рѣцѣ кажутъ, соловіи веселыми пѣсьми свѣтъ повѣдаютъ. Напротивъ того, те же животныя иначе являются передъ войною: щекотъ славій успе, говоръ галичь убуди, тогда и: вльци грозу въсрожать по яругамъ. Слич. въ Слове о злыхъ дусѣхъ изъ сборника XV в. (Москвитянин, 1843, № 1): Веруемъ въ поткы и въ дятла и въ вороны и въ синици. Коли где хошемъ поити, которая посреди поиграеть, то станемъ послушающе, правая ли или левая. Уже Кирилл Туровскій (Пам. рос. сл. XII в. 95) нападалъ на эти суевѣрія, осуждая ихъ заодно съ музыкаю и поэзіею: всяка ересь, и веруютъ въ стречю, въ чехъ, въ полазъ (въ Сл. о Полку Иг.: полозію ползоша) и въ птичьи грай, ворожую, и еже басни бають и въ гусли гудуть.

Къ этимъ пяти присовокупляю еще три сличенія съ Сл. о Полку Иг.: одно изъ летописи и два изъ сербскаго Громовника XVI в. *

6. Не дошедшимъ же воемъ рѣки Сяну, сосѣдшимъ же на поли вооружитися, и бывшу знаменію надъ полкомъ сице: пришедшимъ орломъ и многимъ ворономъ, яко оболоку велику, играющимъ же птицамъ, орломъ же клекъщущимъ и плавающимъ криломы своими и воспрометающимся на воздухъ, якоже иногда и николи же не бѣ; и се зна-

* Строев, Описание памятниковъ славяно-рус. лит., 1841, стр. 125.

мение на добро бысть, в Ипат. лет. 183, под 1249 г. В Сл. о Полку Иг. другое знамение было орлами, не на добро: орли клеткомъ на кости звѣри зовуть.

7. Ащель магла (мгла) низу паде, то рать (рать, война) многа будетъ, Громовн. В Сл. о Полку Иг. перед битвою: мъгла поля покрыла, щекоть славй успѣ; пороси (прах, туманы) поля прикрывають.

8. Ащель потутнить (застучит), то прьмененіе кнезомъ и страни тои мятежь, Громовник. В Сл. о Полку Иг.: земля тутнетъ, кликну, стукну земля, въшумѣ трава. В Мамаевом побоище Димитрий с Волынцем слушают землю.

Кроме поэзии, символическое значение природы входило и в юридические отношения; напр. символ соломы, в Ипат. лет. 218: посемъ же посла Володимеръ слугу своего, доброго, верного, именемъ Рачтьшоу, ко брату своему Мьстиславу, тако река: „молви брату моему: прислалъ, рци, ко миѣ сыновець мой Юрьи, просить у мене Берестья, азъ же ему не далъ ни города, ни села; а ты, рци, не давай ничегоже“, и возьмъ *соломы* въ руку отъ постеля своеѣ, рече: „хотя быхъ ти, рци, братъ мой, тотъ *вехоть соломы* далъ, того не давай по моемъ животѣ никомуже“. Такой юридический обычай существовал и в древнем немецком праве, см. Гримма *Deutsche Rechtsaltertümer*, 1828, 121.

К существам одушевленным, к зверям, птицам, гадам, разумеется, еще большее питалось в старину сочувствие, нежели к природе неодушевленной. Одаренные свободным движением и многообразными голосами, животные казались человеку как бы товарищами и соучастниками одной общей жизни, в противоположность царству растительному, в безгласной тишине покоящемуся. Особенно для выражения разнообразных криков их богаты были наши предки словами, которые теперь, по хладнокровию нашему к природе, более и более теряются; напр., *ворон*: врани гряхуть, Сл. о Полку. Иг.; *воронограй*, в статье о книг. ист. и ложных, у Калайд. (Иоанн, Екс. Болг. 211); *гусь*: гусь кокочет, Сборн. 1754 г. в Опис. Рум. Муз. Вост. 551; *жаба*: жаба воркочет, у Калайд. *ibid.*; *зверь*: (Соловей разбойник) а втретьи зрявкает по звериному. Др. рос. ст. 353; *ласточка*: и от ластовице не веруеши ли, яже у тебе щьбъчетъ вьсе лето зело красъне? Приклады о въстании, в Иоан. Екс. Болг., Калайд. 137; *лисица*: лисицы брешуть, Сл. о Полку Иг. *медведь*: чреваты жены медведю хлеб дают из руки, да рыкнет, девица будет, Сборн. 1754 г. у Восток. *ibid.* 552; *орел*: орли клеткомъ на кости звѣри зовуть. Сл. о Полку Иг. орлом же клекъшущимъ, Ипат. лет. 183; *сорока*: а не сорокы втроскоташа; сорокы не троскоташа, Сл. о Полку Иг. сорока пощекочет, в статье о книг. ист. и ложн. у Калайд. 211; *утка*: утица крякнет, Сборн. 1754 у Вост. *ibid.* 551.

Не одна человеку подобная наружность животных, блистание глаз, соразмерная полнота и красота членов, привлекали к ним; но и замечаемые в них побуждения и желанія, способности, страсти и страдания; так что первобытной простодушной фантазии было легко представить себе животное говорящим и действующим человечески. * Пенье птиц в средние века называлось языком латинским, как всякий непонятный язык латинским или волошским. У нас в Сл. о Полку Иг.: говоръ галичь,

* Grimm, Reinhart Fuchs.

галици свою речь говоряхуть; в похвальном слове Донскому: сладко-глаголивая ластовица; в Др. рос. ст. 208 говорит черный ворон и пр. Таков естественный переход от первобытного воззрения на природу к басне о животных (tierfabel). Как язык дает предметам бездушным и отвлеченным род, так и поэзия приписывает животным различные похождения и истории. В древнейшей басне предметы неодушевленные отличаются от животных: не говорят и не действуют. Так в чешской басне O lisce a o čbánu * — о лисе и жбане, или горшке (первой четверти XIV в.), лиса говорит и хлопочет, а горшку нельзя было молвить, ибо из глины был слеплен: čbánu lze mluwiti neběsse, nebe z hlíny slepen běsse. Даже между животными наблюдается замечательное различие: малые не столь удобны для басни, ибо менее выказывается их характер, впрочем не без исключений: стрекоза или муравей играют подобные роли. Также и птицы должны уступить право первенства млекопитающим, ибо они менее схожи с нами и, обладая полетом, действуют не в той области, где мы с зверьми. Притом и из зверей обыкновенно выступают в народной басне своеземные; иноземные далеки и чужды фантазии. Главными действующими лицами в немецкой древней басне лиса, волк и царь медведь. ** Лиса по цвету шерсти *красный* зверь: потому der rôte Reinhart, Reinh. 284. 1463; le gorpil, gous ot le poil conme Renart, Ren. 101; le gous, ros Ren. 463 и пр. У нас в Др. рос. ст. 383 как бы русая лиса голову клонила, пошла-то Чюрилья к заутрени. Замечательно, что красный цвет выражает понятие о злобе и неверности, приписываемых лисе: ze rôt, Reinh. 284. значит zu böse, treulos. *** Любопытно заметить, что у нас в Шенкурском уезде *красной* равно как и *дикой*, зн. глупый, дурак. **** Слич. в Краледворск. рук.: 74 i dozrsiasta lisima zrakoma; 74 tudi spei lisimi skoki. Из Новгорода почти по всей России распространилось прозвище человеку хитрому Лиса Патрикеевна; такое воспоминание оставил по себе князь Патрикий с 1384 г., см. И.Г.Р. V, стр. 92. ***** Пословицы предостерегают от красных или рыжих: hombre roxo y hembra barbuda de lexos los saluda, rothbart nie gut wart. Даже есть глагол лисить вм. хитрить, лукавить. Волк называется *серым*; в Сл. о Полку Иг.: сами скачуть, акы сѣрьи вльци в полѣ. Уже у греческих поэтов он πολίος (hymn. in Vener. 70), в Renart называется он le chanu, в Reinardus: canus et absque fide 3, 100; клянется он per canos hosce seniles I, 375, per caput hoc canum I, 693, потому он называется также senex, senior, и с этим в связи стоят многие обстоятельства басни. Едва ли справедлив Пушкин, назвав волка в поэме „Руслан и Людмила“ бурым, а не серым: в темнице там царевна тужит, а бурый волк ей верно служит. Притом и верность нейдет волку, вору и разбойнику, что уже видно

* Ганка, Starobylá skládanie, 1817, I, стр. 202, 206.

** Есть весьма любопытная лужицкая песня о животных. Zwijerina, в которой между прочими животными первую роль играют волк и лиса, см. Haupt u. Schmalzer, Volkslieder der Wenden, 1841, I, стр. 116.

*** Grimm, Reinhart Fuchs, XXX. — Goullanof, Archéologie égyptienne, III, стр. 444.

**** Отечественные записки за 1844, № 2.

***** Ходаковский, Отрывок из путешествия по России в Рус. Историч. Сборн. 1839, том III, кн. 2.

из самого производства: волк по-санскр.: *vṛkas*, по-зенд. *vēhrkō** переходит в *altn. vargr lupus, latro, exsul*, в *ags. vearh furcifer*, в *ahd. warg exsul, sceleratus*, и в слав. *враг*, означающее не только неприятеля, но и убийцу, и дьявола.** Мы переносим от человека к волку глаголы *резать, зарезать* и обыкновенно употребляем их *вм. растерзать когтями*. Слич. в Др. рос. ст. 354 брань: а ты волчья сыть. В старину, кажется, назывался у нас волк *лютым зверем*: в Сл. о Полку Иг. (Всеслав): *скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ въ плъночи*, — и вскоре за тем: а самъ въ ночь влъкомъ рыскаше. Мономах, в своем поучении, говоря об охоте на различных зверей, о волках не упоминает, зато говорит: *лютый зверь ко мне скочил на бедра и конь со мною поверже*. Слич. в Др. рос. ст. 139, а другой след лютого зверя. Замечательно, что наше *лютый* переходит в литовск. *lutas*, означающее льва:*** а лит. *lutas* и лат. *lupus*, оба происходят от санскр. корня *lū* — *scindere, veliere*. Волк выходит на добычу ночью порою (*ἀμφιλύχῃ νύξ* у Гомера); по-литовски *žvėris* (зверь) преимущественно наз. волк: отсюда звезда *hesperus* именуется *žveginė*. С восходом этой звезды, по литовск. преданию, *зверь* или волк выходит на лов. Слич. чешск.: *zweřenice, zwiretnice* — *hesperus*; в том же значении попадает *зверяница* в одном старинном западно-русском гереводе Иова, 38, 32. В старину волку приписывали особенную быстроту и стремительность: в Сл. о Полку Иг.: (Игорь) *врѣжеса на брѣзь комонь и скочи съ него босымъ влъком, коли Игорь соколомъ полетѣ, тогда Влурь влъкомъ потече*.**** В басне первое, в подражание быту общественному, человеческое учреждение есть царская власть. В древнейших преданиях орел называется уже царем, или — где ему придают женский род — царицею: *οἰωνῶν βασιλεύς*. Aeschyl. Agam. 113 (Wellauer). *αἰετός* — *ἄρχος οἰωνῶν*. Pind. Pyth. I, 18. *οἰωνῶν βασιλῆα δίδουμον*. Pind. Ol. 13. 30. Орел, царь птиц, птица Юпитера, царя богов. Не столь высокой древности достигает царствование льва; древнейшее свидетельство о нем у Оппиана и Элиана. У нас в старину и теперь в суевренных обрядах эпитет *царь* происходит от воззрения мифологического, а не эпического: царь-огонь, царь-водица употребляются в языческих обрядах как очистители.***** Вероятно, этот обычай стоит в связи с судебным испытанием огнем и водою, встречающимся уже в Суде Любуши, в коем эти царственные очистительные стихии называются: *plamen praudozu-esten* — *ignis juris nuntius, zuatocudna voda* — *sancte purgans aqua*.*****

Наша старина не оставила нам басенного эпоса, спокойного эпического рассказа о подвигах животных. Только там и сям мелькают недосказанные намеки на какие-то полуизгладившиеся предания, то в поэтическом сравнении, то в метафоре. Что же касается до змиев чародеев, оборотней, вещих воронов и т. п., они уже выступают из области басни, примыкая к мифологическим верованиям и составляя так называемое чудесное в наших старинных эпических песнях. Русские народ-

* Bopp, Vergleichende Grammatik, стр. 175.

** Grimm; Reinhart Fuchs.

*** Ейхгоф, Paral. des lang. de l'Eur. et de l'Inde.

**** Донесение Прейса в Журн. Мин. Нар. Просв. 1841, февр.

***** Ходаковский, Отрывок из путешествия по России, Рус. Историч. Сборн. 1839, том III, кн. 2. Снегирев, Рус. простонародные праздн. и обр., IV, стр. 22.

***** Шафарик и Палацкий, Die ält. Denkmäler d. böhm. Spr., стр. 41, 99.

ные сказки о волке и лисице, о куре и льстивой лисице, о белой кошке, о медведе медном зубе, о ерше ершовиче и др. — предлагают богатый материал для рассуждения о народной басне. В некоторых, напр. в сказке о ерше ершовиче, видны живые исторические следы.*

Так как мирское поэтическое одушевление наших предков питалось мифологиею, потому надобно показать связь оной с произведениями искусства и с художественною жизнью народа. Привожу из Густинского списка XVII в. О идолах русских (Ипат. лет. 256—275):

Здесь нечто скажем о богах русских, не яко достойни суть воспоминания, но да увидим, каковою слепотою тогда дьявол помрачил бяше человеки и в таковое безумие приведе, яко нетокмо не знаху истинного бога, но еще приведе их в се, яко и худым и бездушным вещем и стихиям богоподобную честь воздаваху. Во-первых Перконос, си ест Перун, бяше у них старейший бог, создан на подобие человеке, ему же в руках бяше камень многоценный аки огонь, ему же яко богу жертву приношаху и огонь неугасающий в дубового древия непрестанно паляху; аще ли бы случилось за нерадением служащего иерея когда сему огню угаснути, такового иерея без всякого извета и милости убиваху. Второй Волос, бог скотий, бяше у них во великой чести. Третий Позвизд, ляхи его нарицаху Похвист; сего верили быти бога аеру, си есть воздуху, а инии погоды и непогоды, инии его вихром нарицаху, и сему Позвизду, или вихру, яко богу кланяющесе моляхуся. Четвертый Ладо (си есть Pluton), бог пекельный; сего верили быти богом женитвы, веселия, утешения и всякого благополучия, якоже еллины Бахуса; сему жертвы приношаху хотящи женитися, дабы его помощию брак добрый и любовный был. Сего Ладона, беса, по некаких странах, и донныне на крестинах и на брацех величают, поюще своя некия песни, и руками о руки или о стол плещуще, Ладо, Ладо приплетающе песни своя многожды поминают. Пятый Купало, якоже мню, бяше бог обилия, якоже у еллин Церес, ему же безумныи за обилие благодарение приношаху в то время, егда имяше настати жатва. Сему Купалу, бесу, еще и донныне по неких странах безумныи память совершают, наченше июня 25 дня, в навечерие рождества Иоанна Предтечи, даже до жатвы и далей, сицевым образом: с вечера собираются простая чад, обоего полу, и соплетают себе венцы из ядомого зелия, или корения, и препоясавшесе былием возгнетают огонь, инде же поставляют зеленую ветвь, и емшесе за руце около обращаются окрест оногю огня, поюще своя песни, преплетают Купалом; потом чрез оный огонь прескакуют, оному бесу жертву себе приносяще. Шестый Коляда, ему же праздник прескверный бяше декаврия 24. Сего ради и ныне, аще и благодать рождеством христовым осия нас и идолы погибоша, но единаче дьявол еще и доселе во безумных память свою удержа: сему бесу в память простая чад сходятся в навечерие рождества христового, и поют песни некия, в них же аще и о рождестве христове поминают, но болие Коляду беса величают. И негодне бысть безумным людем сих богов: не доверяху бо им, ниже смеяху положити на них совершенную надежду, и в лепоту не бысть бо на кого уповати, но имеяху еще и болей богов, си ест, Хорса, ** Дажбога,

* Сахаров, Русские народные сказки, 1841.

** Хорс — солнце, см. донесение Прейса в Журн. Мин. Нар. Просв. 1841, февраль.

Стрибога, Семаргла,* Мокоша, иные же кладязем, езером, рощениям** жертвы приношаху. От сих единому некоему богу на жертву людей топяху, ему же и донныне по некоих странах безумныи память творят: во день пресветлого воскресения христова, собравшеся юнии и играюще, вметають человека в воду, и бывает иногда действием тых богов си ест бесов, яко вометаемыи во воду, или о древо или о камень в воде разбиваются и умирають или утопають; по иных же странах не вкидають в воду, но токмо водою обливають, но единаче тому же бесу жертву сотворяють.

Из этой чрезвычайно любопытной статьи извлекаются след. выводы:

1. Сличив это место с несторовым описанием идолов, видим, что до XVII века не только не утратилось в народе предание о богах языческих, но даже неразрывно связалось с суеверными обычаями и с поэзиею.

2. Наши старинные писатели сравнивали свою мифологию с древнеклассическою, и тем придавали своим божествам эстетический колорит греческих. Это велось от XII в., ибо в глоссах *Mater verborum* славянские божества переводятся грекоримскими. В старину языческое соединялось с эллинским, напр. в Правиле митрополита Кирилла (XIII в.): паки же уведехом бесовская еще държаше обычая треклятых елин, в божественныя праздники позоры некаки бесовския творити. Русские достопамятности, I, 114.

3. Согласно с свидетельством предложенной статьи, до сих пор находим мы в наших песнях, как непонятные архаизмы, мифологические воспоминания, а именно: а) *Лада*: в одной старинной песне: у меня Ладо змея скороспея; — в другой не утай молодое, да что перва Лада? ой Дид и Ладо! да что перва Лада? — как перва-то Лада, золот с руки перстень и пр. *** В глоссах *Mater verb. lada uenus, dea libidinis, cytherea*, отсюда *ladni, nitens, serenum*. Слич. в Суде Любуши 48 *ot sasau i ladni* (от Сазавы ладны), знач. чистый, быстрый — эпитет реки: отсюда Лада, имя рек и источников, напр. в Польше, в Псковск. губ. приток Великой и др. **** Ладный значит и вообще прекрасный: в чешск. Псалт. XIV в., Пс. 92, 1 *decor* переводится словом *labnost*.***** Таким образом мы постоянно видим, что понятия о прекрасном выражаются словами от корней значения языческого. Вероятно и музыкальный *лад* ведет свою историю от Лады. б) *Купало*: согласно с свидетельством текста, также сохранился в песнях, соединяясь с Иваном: Купало на Ивана, купался Иван, та в воду упав.***** Замечательно, что в одной купальской песне Купало присовокупляется к слову *Див*: ходили дивочки коло мареночки, коло *дива* — купалы.***** Мифологическое существо Див попадает в Сл. о Полку Иг.: дивъ кличетъ врѣху древа, велить послу-

* Это слово надобно разложить на два, см. Востоков, *Опис. рус. и слав. рукоп. Рум. Музея*, стр. 228: и в сима и в рьгла.

** Слич. *Прав. церк. в Рус. Дост.* I, стр. 94: еже жруть бесом и болотом и колодязем.

*** Сахаров, *Сказания русского народа*.

**** Ходаковский думает и Ладогу производить от Лады, см. *Русск. Историч. Сборн.*, том III, кн. 2.

***** Шафарик и Палацкий, *Die ält. Denkmäler d. böhm. Spr.*, стр. 52.

***** Снегирев, *Русск. простонар. праздники и обряды*, вып. IV, стр. 45.

***** *Русск. Историч. Сборн.* 1833, том III, кн. I, стр. 118.

шати земли незнаемъ. От Купалы название растения, *купальница* (лютик, *galinsulus aspis*): * Купальницею же именуется и день св. Агриппины, 23 июня. в) *Коляда* — напр., в одной колядской песне: коляда, коляда! пришла коляда накануне рождества; мы ходили, мы искали коляду *святую* и пр., в другой колядской песне воспевается языческое жертвоприношение, ** совершаемое под песни Коляде. г) *Поклонение водам* сохранилось в песенном припеве: Дунай мой, Дунай, Силиванович Дунай. Слич. в Сл. о Полку Иг. полечю, рече, зегзицею по Дунаеви; омочу бобрянь рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ. На потоплении в жертву водам основывается все старинное наше стихотворение: Садков корабль стал на море, (Др. рос. ст. 337). д) Исчисляя остатки язычества в песенных припевах, почитаю не лишним обратить внимание на остроумную догадку Коллара, который в святочной припевке *слава*, напр. идет кузнец из кузницы — слава, — видит существо мифологическое ***.

4. В связи с древним язычеством стоят суеверные обряды. Некоторые из них доселе сохранили характер чародейства и ворожбы, другие, потеряв свое первобытное значение, перешли в народные игры. Игры, наравне с поэзиею и ворожбою, почитались языческою забавою и предавались проклятию, напр. в Сборнике 1754 г. в Рум. Муз. **** еще золото хоронит или жмурками играют или под дверю и окном слушают, или лица своя сажами марают, или трепицами главу свою мочат, или жгутами бьются, а в гусли и домры и сопели и в бубны и лёнки шахматами и зернию и картами... или гром слыша валяются, или жаворонка, или на ростанех слушают, или снег пѣют... или сапоги мечют за ворота и пр.; далее следуют приметы, как в вышеприведенной статье о суевериях, напр.: и море дичиться и ветры сухие или мокрые тянут и т. п. В песне „И я золото хороню“ мифологический архаизм: в коей руке былица, змеинные крылица?

В летописях и в древней поэзии нашей весьма любопытно обратить внимание на отношение некоторых языческих поверий к христианству. Так в Соф. Вр. I, 164—165 говорят волхвы: ведаем, како есть человек сътворен... Бог мывся отресе ветхем, и сверже с небеси на землю; и распресе сотона с богом, кому в нем створити человека? и створи диявол человека, а бог душу вложи в онь; тем же аще умереть человек, в землю идеть тело, а душа к богу; *ibid.* 166, говорит кудесник новгородцу христианину: бози наши живутъ в бездне, суть же образом черни, и крилати, и хвосты имуще; въсходятъ же и под небо, слушающе ваших богов; ваши бо бози на небесех суть, а аще кто умереть от ваших людей, то възносим есть на небо; аще ли кто от наших людей умираеть, то носим есть нашим богом в бездну. Таким образом уже в древнейших легендах языческие божества перешли в демонов. Замечателен архаизм в употреблении слова: боги, ***** напр. в Др. рос. ст. 405: а и теща к обедни пошла — что идет помалешеньку, ступает потихошеньку, с ноги на ногу поступает, на башмачки посматривает,

* Карамз., И. Г. Р. I, стр. 90.

** Снегирев, Русск. простоиар. праздники и обряды, в. II, стр. 68, 69.

*** *Sláva Bohupě*, стр. 10—21.

**** Востоков, Описание рус. и слав. рукописей Румянц. музея, 1842, стр. 551—552.

***** Касторский, Начертание Словянской мифологии, 1841.

чеботы накалывает. Все *боги* теща прошла, а зашед-то Николе челом, а Николе Мясницкому. Отношение христианства к искусству в Др. рос. ст. 341—342:

И развалился Садко, и пьян он стал,
и уснул Садко купец, богатый гость;
а во сне пришел святитель Николай к нему,
говорит ему таковы речи:
гой еси ты, Садко купец, богатой гость!
а рви ты свои струны золоты,
и бросай ты гусли звончаты,
разплясался у тебя царь морской:
а сине море всколебалось,
а и быстры реки разливались,
топят много бусы, корабли,
топят души напрасные
того народу православного.
А и тут Садко купец, богатый гость
изорвал он струны золоты,
перестал царь морской скакать и плясать:
утихло море синее,
утихли реки быстрые.

Таким образом искусство жертвуется чувству религиозному, предписывающему добродетель. И у нас, как в Западной Европе, к чудесному языческому присовокупилось христианское.

8. ХРИСТИАНСКИЙ ВЗГЛЯД НА ПРИРОДУ ФИЗИЧЕСКУЮ, ХРИСТИАНСКАЯ СИМВОЛИКА, КРАСНОРЕЧИЕ

Христианству надлежало не только очистить греховного человека, но и освятить природу неодушевленную, оскверненную язычеством. Древнее духовенство наше входило в малейшие подробности в рассуждении предметов чистых и нечистых, что видно из Вопросов Чернорица Кирика (Пам. рос. слов. XII в. 175—203), напр.: а пѣрт (одежды) деля, в чемь хотяче ходити? Нетуть беды, хотя и в медведине. — Такой вопрос набожных предков наших весьма естественен, ибо звери были осквернены языческими поверьями. Или еще любопытнее, *ibid.*: аще случитъся плат женьскый в порт въшити попу, достоин ли в томъ служити порте? И рече: достоинъ: ци погана есть жена? — Однако строгость христианского благочестия не только не заглушила в человеке нежного сочувствия к природе, но еще большую глубину и ясность придала ему; напр. в тех же Вопросах Кирика: зашедшою солнцю, недостойтъ мертвеца хоронити, не рци тако: борзо делаем, нели како успеем до захода; но тако погresti, яко и еще высоко, како и венець ещъ (еще) не сыйметъся с него: *то бо последнее видить солнце до общего воскресения*. Христианский символический взгляд на природу весьма рано перешел к нам из Византии.* В проповедях Кирилла Туровского (XII в.)

* Художник Византийской школы хотел, напр., выразить, что крест господень есть древо жизни, от коего питаются все твари земные и которое под своим кровом содержит все живущее: и этот животворящий крест с распятием является блистательным и плодотворным цветом царственного древа; от корня же его истекает живоносный родник в утоление жаждущим, а многоцветные ветви вьются кругами и расстилаются по церковному своду, объемля собою многообразных зверей, птиц и людей. Такова, напр., мозаика в старинной церкви св. Климента в Риме.

вся видимая природа является непреложным знаменем судеб христианства, осязаемым символом таин божиих. От уподобления символ отличается тем, что в уподоблении свободная фантазия по своей воле сближает два разнородных предмета; символ же в вещественном, в видимом образе указывает необходимый и непременный смысл духовного и таинственного. Если уподобления и тропы рассматривать исторически, то символ можно назвать первобытным, архаическим периодом языка украшенного. В пример символики византийской привожу отрывок из Слова Кирилла Туровского в новую неделю по пасхе, о поновлении въскресенна и о артусе и о фомине испытании ребр господень (Пам. рос. сл. XII в. 20). Проповедник бросает символический взгляд на наступающую весну: Днесъ ветхаа конецъ пріаша, и се быша вся нова, видимаа же и невидимаа. Нынѣ небеса просвѣтишася, отъ темныхъ облакъ яко вретнища съвлекъшися, и свѣтлымъ въздухомъ славу господню исповѣдаютъ; не сію, глаголю, видимая небеса, нѣ разумнаа, апостолы, иже днесъ на Сіонѣ вшедша нѣ нимъ познавше господа, и всю печаль забывше и скръбь иудейска страха отвьргше, святымъ духомъ оѣнившеся, въскресеніе христово ясно проповѣдаютъ. Ныня солнце красуяся къ высотѣ възходитъ и радуяся землю огрѣваетъ, възиде бо намъ отъ гроба праведное солнце христоръ и вся вѣрующая ему спасаетъ. Ныня луна с вышьяго съступивъши степени, болшему светилу честь подаваетъ; уже ветхый законъ, по писанію, съ суботами преста и пророкы христову закону съ недѣлею честь подаетъ. Ныня зима грѣховная покаянiемъ престаала естъ и ледъ невѣрія богоразумиемъ растаяся; зима убо язычьскаго кумиролуженія апостольскимъ учениемъ и христовою вѣрою престаала естъ, ледъ же фомина невѣрія показаниемъ христоръ (христовых) ребръ растаяся. Днесъ весна красуется, оживляючи земное естъство; бурнии вѣтри, тихо повѣвающе, плоды гобъзуютъ и земля сѣмена питающе зеленую траву ражаетъ. Весна убо красная вѣра естъ христова, яже крещениемъ поражаетъ (пораждает) чловѣчьское паки естъство; бурнии же вѣтри грѣхотвореній помысли, иже покаянiемъ претворшеся на добродѣтель душеполезныя плоды гобъзуютъ: земля же естъства нашего, акы сѣмя слово божие пріимши, и страхомъ его присно болящи, духъ спасенія ражаетъ. Ныня новорожаеміи агньци и унци, быстро путь перуше, скачють и скоро къ матеремъ възвращающеся веселятся, да и пастыри свиряюще веселиемъ христа хвалять. Агнеца, глаголю, кроткыя отъ языкъ люди, а унца кумиролужителя невѣрныхъ странъ, иже христовомъ вѣчеловечениемъ и апостольскимъ учениемъ и чудесы, скоро по законъ емъшеся, къ святѣй церкви възвратившеся, млеко ученія ссутъ (сосут); да и учителя христова стада о всѣхъ молящеся, христа бога славятъ, вся волкы и агньца въ едино стадо собравшаго. Ныня древа лѣторасли испущаютъ и цвѣти благоуханія процвитають, и се уже огради (огороды) сладькую подавають воню, и дѣлатели съ надежею тружающеся плододавеца христа призываютъ. Бѣхомъ бо прежде акы древа дубравная, не имуще плода, ныня же присадися (привилась) христова вера въ нашемъ невѣрїи, и уже держащеся корене Іосѣва, яко цвѣты добродѣтели пушающе, райскаго пакибытья о христвѣ ожидаютъ; да и святители о церкви тружающеся отъ христа мьзды ожидаютъ. Ныня ратаи слова, словесныя унцыа къ духовному ярму приводяще, и крестное рало въ мысленыхъ браз-

дахъ погружающе, и бразду покаанія почерпающе, сѣмя духовное въсыпающе, надежами будущихъ благъ веселяться. Днесъ ветхая конецъ пріяша, и се быша вся нова, въскресенія ради. Ныня рѣкы апостольскыя наводняются, и язычныя рыбы плодъ пущаютъ и рыбаи, глубину божия въчеловеченія испытавъше, полну церковную мрежу ловитвы обрѣтають: рѣками бо, рече пророкъ, расядеться земля, узрять и разболаться нечестивіи людіе. Ныня мнишьскаго образа трудолюбивая пчела свою мудрость показавъши, вся удивляетъ; якоже бо они въ пустыняхъ самокѣрміемъ живуще, ангелы и человеки удивляютъ, и си на цвѣты излетаючи, медвенныя сты стваряетъ, да челоуѣкомъ сладость и церкви потребная подасть. Ныня вся доброгласныя птица церковныхъ ликовъ гнѣздящеса веселяться: и птица бо, рече пророкъ, обрѣте гнѣздо себе, олтаря твоя, и свою каяждо поющи пѣснь, славить бога гласы немолчынными. С этимъ Словомъ слич. у Калайд. в Иоанне Екс. болг., 137 Приклады о въстаніи, т. е. примеры, воскресеніе объясняющіе, из списка Богословія начала XII в.: Многамъ сущимъ притѣчамъ, изборъ сѣтворише отъ нихъ малъ, съкажемъ о въстаніи, невѣрующимъ рекуще. И отъ ластовицѣ не вѣруеши ли, яже у тебѣ щѣбьчетъ въсе лѣто зѣло краснѣ? и зимѣ пришьдѣши отъидеть отъ тебѣ, и за кору залѣзѣши приплатиться дубу, и перье сѣврѣжетъ; году же веснѣнууму пришьдѣшу паки ея обѣржетъ перьемъ, яко и навѣ изъ гроба исходящи, весна бо ея въстаніе принесетъ, и много паки пришьдѣши глаголетъ и щѣбьчетъ, тѣмко не рекущи: челоуѣчине! отъ мене вѣруи о въскрѣсеніи. И другаго сѣмотри чрѣви, иже изъ себе свилу (шолк) точить, и обяса тѣми нитями домъ си сѣтворить и гробъ, сѣпроста же рещи всеи ему плѣти ту сѣсъхъшися; году же пришьдѣшю веснѣнууму паки онъ же образъ древлѣнии ижъ него приметъ, и паки тѣжде животь будетъ... А о сѣмени житѣнѣмъ и сочивѣнѣмъ что хошу глаголати самѣмъ вы добрѣ вѣдущемъ: аще зрѣна не падуть въ браздѣ, и яко въ гробѣ не погребуться и раскыдаются разгнивающа, то не могутъ прозябнути, ни класа сѣтворити.

9. ЗОДЧЕСТВО, ВАЯНИЕ, ЖИВОПИСЬ, МУЗЫКА

Изъ всехъ искусствъ наши предки более сочувствовали зодчеству, и притомъ преимущественно храмовому. Летописцы любятъ въ подробности описывать церкви; напр. в Ипат. лет., 111—112 (Андрей): уподобися царю Соломону, яко домъ господу богу и церковь преславу святыя богородица рожества, посредѣ города, камену, созда въ Боголюбомъ, и удивлю паче всихъ церквей, подобна тоѣ святая святыхъ юже бѣ Соломонъ царь премудрый создалъ. Тако и сій князь благовѣрный Андрей сотвори церковь сію въ память собѣ, и украси ю иконами многоцѣнными, златомъ и каменіемъ драгимъ и жемчюгомъ великимъ безцѣннымъ, и устрой ѣ различными цятами (денарий, у окладныхъ образовъ подвесокъ полумесяцемъ при венце) * и аспидными цатами украси, и всякими узорчѣи удивлю свѣтлостью же не како зрѣти, зане вся церкви бѣше злата; и украсивъ ю и удививъ ю сосуды златыми и многоцѣнными, тако яко и всимъ приходящимъ дивитися, и вси бо видивше ю не

* Добровскій, *Institutiones linguae slavicae*, стр. 99.

могутъ сказати изрядныя красоты ея: златомъ и финиптомъ и *всякою добродѣтелью* и церковнымъ строеніемъ украшена, и всякими сосуды церковными, и ерусалимъ златъ, съ каменья драгими, и рѣпиди (рипида — веяло, круглый на рукояти образ херувима) многоцѣнными, каньдѣлы различными, изъ дну (в варианте правильнее: извну) церкви отъ верха и до долу, и по стѣнамъ и по столпомъ ковано золотомъ, и двери же и ободверье церкви златомъ же ковано, башеть же и сѣнь (навес над престолом и царскими вратами) златомъ украшена отъ верха и до деисуса (икона спасителя между богородицею и Иоан. крест., от надписи *δέτης*) * и *всею добродѣтелью церковною исполнена, изъмечтана всею хытростью*. Князь же Андрей бѣ городъ Володимеръ силно устроилъ, къ нему же ворота золотая доспѣ, а другая серебромъ учини. И доспѣ церковь камену сборную святыя богородица, пречюдну велми, и всими различными виды украси ю отъ злата и сребра, и бѣ верховъ ея позолоти, двери же церковныя троѣ золотомъ устрой, каменьемъ дорогымъ и жемьчюгомъ украси ю многоцѣннымъ, и всякими узорочьи удиви ю, и многими паникандѣлы золотыми и серебряными *просвѣти* церковь, а онѣбонъ (амвон) отъ злата и сребра устрой, а служебныхъ судъ (сосудов, посуд) и рипидьи и всего строенья церковнаго, златомъ и каменьемъ драгимъ и жемчюгомъ великимъ, велми много, а тріе ерусалими велми велиции, иже отъ злата чиста отъ каменья многоцѣнна устрой и всими виды и устроениемъ подобна бысть удивленію Соломоновѣ святая святыхъ; и въ Боголюбомъ и въ Володимерѣ городѣ верхъ бо златомъ устрой, и комары позолоти, и поясъ (тябла или пояса, т. е. ярусы иконостаса назывались праотеческими, пророческими, апостольскими и праздничными, деисусом и местными образами) златомъ устрой, каменьемъ *усвѣти* и столпъ позлати изовну церкви, и по комаромъ же поткы (вариант: птахы) золоты и кубкы и вѣтрила золотомъ устроена постави, по всей церкви и по комаромъ около. — Обратитъ внимание на прекрасныя выражения курсивом; касательно слова *измечтана* надобно заметить, что мечта, мечтание, мечтать, с одной стороны, у нас употреблялись для выражения художественнаго понятія, а с другой, для означенія чего-то дьявольскаго, ворожбы, гаданія языческаго, напр. Соф. Вр. I, 175; предавно бысть въ Полотьсци: въ мечтѣ бываше въ нощи тутенъ, стонуць по улицамъ, яко челоуѣци рыщуци бѣси. Ипат. лет. 184: ... и Чигизаконова мечтанья, скверная его кровопитья, многыя его воульшбы. В молитве мы просим бога дать нам сон безмечтанный. Еще описание церкви, Ипат. лет. 196, построенной в Холме при Данииле (1259): созда же церковь святого Ивана, красну и лѣпу; зданье же еѣ сице бысть: комары 4, с каждого угла преводъ, и стоянье ихъ на четырехъ головахъ челоуѣцскихъ изваяно отъ нѣкоего хытреца; окна 3 украшена стеклы римскими; входящи во олтарь стояста два столпа отъ цѣла каменни, и на нею комара, и выпрь же верхъ украшенъ звѣздами золотыми на лазурѣ; внутреній же еи помость бѣ слить отъ мѣди и отъ олова чиста, яко блестятся яко зерцалу; двери же еи двоя украшены каменіемъ галичкымъ бѣлымъ и зеленымъ холмьскимъ, тесанымъ, узоры тѣ нѣкимъ хытрецемъ Авдьемъ, прилѣпы отъ всихъ шаровъ и злата, напреди ихъ же бѣ издѣланъ спасъ, а на полунощныхъ

* Снегирев, Памятники моск. древности, в примеч. к опис. Благовещ. собора.

святой Иванъ, якоже всимъ зрящимъ дивитися бѣ. — Некоторые названия частей церкви и хором перенесены от частей тела; напр. шея, глава, лоб, плечи и др.: побиша лобъ у святыхъ троица желѣзомъ, Пск. лет. 102; видяху многажды изо лба церковнаго преподобнаго Варлаама велию стрѣльбу бывающую *ibid.* 233; у каменной церкви верхъ огорѣлъ до плечъ, Новг. лет. 150; у Иоанна святого маковица огорѣла да и плеча *ibid.* 152; повѣсиша колоколъ на персѣхъ на новой стѣнѣ, Пск. лет. 102; и постави его на крилѣ церковномъ, Матф. 4, 5.

Несколько указаний для старинной художественной терминологии: постави владыка Иоанъ *теремецъ* камень, идѣже воду свящаютъ на всякы мѣсяць, и *пекелницу* камену, Новг. лет. 103; постави архіепископъ Новгородскіи владыка Еуѣиміи *ключницу* хлѣбную камену, *ibid.* 112; *духовницу* камену, *ibid.* 114. В Ипат. лет 113: *медуша*. В Летоп. Арханг. (князь великий) выйде отъ него въ *повалушу*, а князю Андрею повелѣ себѣ ждати, и бояромъ его повелѣ итти въ *столовую грядню*. Слич. старую пословицу: терем высок, а повалуша выше. В Пск. лет. 224: *буя полата* (при церкви: вероятно выносились в нее мертвые тела). Палатами * назывались каменные здания, хоромами — большие деревянные, с теремами, вышками, гряднями, повалушами и сенями. Палата попадаетъ уже у Нестора. *Срубить город* — техническое выражение для постройки города. Способ строения деревянных домов был: *в обло*, *в лапу* или *в замок*, *сковородником*, *в пресек* или *в крюк*, *в охрянку* или *скобой*. Крыши о двухъ скатахъ назывались *двускатными*, а на все стороны скатом — *шатровыми* или *епанчою*. Храмы строились: *крещатые* — т. е. по греческому кресту, *коробовые* — т. е. полукруглые, и наконец *стрельчатые* или монастырские, введенные в России с XV в. Своды сводили или собирали сводом здание: собирая сводом сотвориши ковчег, Быт. 6, 16. Своды в церквахъ были *стрельчатые*, *котловые* и *коробовые*; в нихъ делались *голосники*; верхи ихъ сводились в три яруса теремами и *закомарами*, кои осенялись главами. — Иконописцы по различію делопроизводства различно назывались: *знаменщики* — делали абрис, *лицевщики* — писали лица, *доличные* — писали одежду. Иконное письмо разделялось на крупное и мелочное, собственно иконное, стеновое и травное; последнее состояло в расписании стенъ травами и цветами. Названия для частей иконы: в лицахъ *отживка* или *блики*; на высокихъ местахъ *подпробелки*, заменившие прежнюю костоватость; в отделахъ волосъ *подрусенки* и *просединки*, в доличномъ или в драпировке *гвенты*; лица писались *прямолично* (*en face*); с XVII в. на иконахъ появляется *затинка*, соответствующая светлотени. Художественный стиль назывался *пошибом*. Иконописцы подлежали ведомству Оружейной серебряной палаты *иконного воображения* (т. е. изображения). — *Обронная* или сканная работа литая называлась и *вольячной*, т. е. массивной; противопологалась тощей или дутой, истуканной и выбойчатой или *басменной*, которая называлась и *басмою*.

Для старинной музыкальной терминологии, именно церковной, источниками могут служить стихирари (рукописи с XIV в., см. Востоков, Описание рус. и слав. рук. Румянц. муз., стр. 650 и сл.) или сборники церковныхъ песнопений с крюковыми нотами или знаменами. Из многих

* См. Снегирев, Памятники московской древности, тетрадь I.

названий этих нот, некоторые весьма любопытны; напр.: *змийка, голубчик, стопица, стопица с очком, чашка, крюк с облачком, с подчашием, стрела, поводная, поездная, мрачная, светлая, громная, громная светлая, крижь* (крест), *мечик, паук, лошадка, перевязка, фита двоичелная, тристрелная, громогласная, дубинка, колчанец, недоскок, перескок, колыбелка, тужливая ковычка, кудри* и проч.

Музыка называлась *гудьбою*, от глагола *гудеть*, откуда и *гудок*, и *погудка*, и *гусли* (*л* в окончании означает орудие), употребительнейший и древнейший у славян инструмент. Под 591 годом Феофилакт упоминает о троих славянах, имевших при себе не оружие, а инструменты в роде гуслей. У радимичей, вятичей и северян были с пляскою и песнями игрища, на коих совершались языческие свадьбы. Свидетельство о древнейших родах нашей музыки в Др. рос. ст., 132—133:

И зачал тут Ставр поигривати:
сыгриш сыграл Царя-града,
танцы навел Иерусалима,
величал князя со княгиню,
сверх того играл еврейской стих; —
посол задремал и спать захотел.

След., у нас пелись и игрались: 1) византийский сыгриш, 2) иерусалимские танцы, может быть, тенцоны — драматические песни, 3) величания князьям, подобные песням о Владимире, 4) еврейские стихи, т. е. псалмы, столь любимые нашими предками. *

10. ПРЕДЛОЖЕНИЕ, ПОСЛОВИЦА, ПЕРИОД, РЕЧЬ

Не надобно думать, что в старину наши писатели не умели связывать слов в стройные предложения и периоды. Поговорки и пословицы, ** сохранившиеся в древних памятниках, суть не иное что, как лучшие, избраннейшие отрывки речи наших предков, служащие нам примером тому, как прежде строились у нас предложения и периоды. Еще преподобный Нестор обратил внимание на народные пословицы, или *притчи*, как он называет их; и приводит след.: есть притча въ Руси и до сего дне: погибоша аки обре, Лавр. 7; есть притча и до сего дне: бѣда аки в Роднѣ, 46; тѣмь и Русь корятся радимичемъ, глаголюще: Пищаньци волчьья хвоста бѣгають, 51—52. Пословицами и обычными поговорками объясняются и след. выражения в Несторе: да будем золоти (жолты) яко золото — клятва; аще ся въвадитъ волкъ в овцѣ, то выносить все стадо — говорили древляне об Игоре; Руси есть веселье питье, не можемъ без того быти: серебромъ и златомъ не имамъ налѣсти дружины, а дружиною налѣзу серебро и злато — говорил Владимир. Последнюю пословицу повторяет Даниил Заточник таким образом: мужи злато добудуть, а златомъ людей не добыти. Сочинитель Слова о Полку Иг. приводит *припевку* вешего Бояна: ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду суда божіа не минути. Здесь припевка имеет значение пословицы, т. е. мудрого изречения; собственно же припевка есть прелюдия, как напр., в начале древних стихотворений:

* См. Пассек, „Очерки России“ III, стр. 64.

** См. Снегирев, Русские в своих пословицах, 1831, 4 части.

Высота ли высота поднебесная,
глубота, глубота океан море;
широко раздолье по всей земли,
глубоки омуты днепровские.

Такое безотчетное возвышение и углубление выражают полет творческого воодушевления и, как увертюра перед оперою, отвлекают читателя или слушателя прозаического быта и приуготовляют к поэтическому рассказу. Не характеризуется ли подобная припевка в начале Сл. о Полку Иг.: Боянь бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити: то растѣкашется мыслию по древу, сѣрымъ вѣлкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы? От пословицы поговорка отличается тем, что означает вообще какой-нибудь удачный оборот речи; слово имеет высший смысл и даже употребляется как общее название для речи, проповеди, сочинения; говором же называется и крик животных, напр. в Сл. о Полку Иг. говоръ галокъ. Так поговоркою можно назвать причитанье русских жен, плачущих по мужьях своих в Сл. о Полку Иг.: уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслию смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати. Пословица распространяется иногда до полного силлогизма придачею меньшей посылки или частного случая к общей мысли, выражаемой пословицею, *ibid.*: тяжело ти головы, кромѣ плечю; зло ти тѣлу, кромѣ головы, Руской земли безъ Игоря — т. е. пословица: тяжело голове без плеч, зло телу без головы; применение: Руси без Игоря. — Пословицы в летописях: копая подъ другомъ яму самъ ся въ ню вѣвалить, Новг. лет. 56; не идетъ мѣсто къ головѣ, но голова къ мѣсту, Ипат. лет. 65; сказал Изяслав, узнавши, что сын его побежден: брате! миръ стоитъ до рати (войны), а рать до мира, *ibid.* 65 — выражает воинскую жизнь наших предков; не вѣдуще глаголемаго: идѣ же законъ, ту и обидѣ много, *ibid.* 115 — гражданские отношения. О разорении Бельза Даниилом в одну ночь: сию же наречють Бѣлжане: злу ночь; сѣ бо ночь злу игру имъ сыгра, *ibid.* 163. Слич. подобную этой: Скрытъ рѣка злу игру сыгра гражаномъ, тако и Днѣстръ злу игру сыгра угромъ, *ibid.* 170 — о гибели венгров на Днестре, поговорка в игре словами. Романи, лихимъ живещи, литвиномъ орещи (пашешь) — о жестокости Романа Волянского с пленными литовцами; господине! не погнѣтши пчель меду не ѣдаты, Ипат. лет. 171 — говорит сотский Микула Даниилу Романовичу иносказательно, чтобы он притеснял бояр для своей пользы. — Оставляя множество других пословиц, рассеянных по древним памятникам, обращаю внимание на Слово Даниила Заточника, почти все сложенное из поговорок и изречений: ихъ же ризы свѣтлы, тѣхъ и рѣчь честна, никто же можетъ соли зобати, ни въ печали смыслити; всякъ бо человекъ хитритъ и мудритъ о чюжей бѣдѣ, а о своей не можетъ смыслити; злато искушается огнемъ, а человекъ напастьми; пшеница бо много мучима, чистъ хлѣбъ подаетъ, а въ печали обрѣтаетъ человекъ умъ совершенъ; не имѣй себѣ двора близъ княжа двора; не держи села близъ княжа села; безумныхъ бо ни орютъ, ни сѣютъ, ни в житницы собираютъ, но сами ся ражаютъ, как во утелъ мѣхъ воду лити, так безумнаго учити; псомъ и свинямъ не надобе злато и сребро, ни безумному мудрая словеса: ни мертвеца разсмѣшити, ни безумна наказати; глаголетъ бо в мѣрскихъ притчахъ: не скоть въ скотѣхъ коза, а не звѣрь въ звѣрѣхъ ежъ, не рыба въ рыбахъ ракъ, не птица во птицахъ нотопырь; глаголетъ бо в мѣрскихъ притчахъ: рѣчь продолжна

не добро, продолжена паволока, и пр. (Памятники рос. сл. XII в. 229—240.*) Вот как в старину из пословицы развивался целый период и образовывался слог. Такое историческое исследование пролагает путь и к научному изучению теперь употребляющихся пословиц. Однако надобно заметить, что ныне не можем уже мы таким образом начинивать свою речь поговорками: что встарь было простотою и безыскусственностью, то покажется теперь намеренным, тяжелым педантством.

Построение периодов в некоторых древних произведениях чрезвычайно правильно: так, в Слове Даниила Заточника все пословицы и поговорки слиты в стройные формы периодов, а периоды по большей части примыкаются друг к другу, составляя неразрешимую цепь. Вот примеры периодов: 1) *противительный*, заключающийся пословицею: богат муж везде знаем есть и в чужой земле друзи имеет, а убог и во своих невидимо ходит; богат возглаголет, вси возмолчат и слово его вознесут до облак; а убог возглаголет, вси нань кликнут и уста ему заградят: их же ризы светлы, тех и речь честна. Обратить внимание на соответствие предложений и слов в частях второго периода: богат — вси — и; убог — вси — и. 2) *сравнительный*: птица бо радуется весне, а младенец матери, тако и аз, княже господине, радуюся твоей милости; весна убо украшает цветы землю, а ты, княже господине, оживляеши вся человеки своею милостью, сироты и вдовицы, от вельможь погружаеми. — Яко же бо невод не удержит воды, но точию едины рыбы: тако и ты, княже господине, не воздержи злата и сребра, но раздай людем; паволока, испещрена многими шелки, красно лицо являет: тако и князь многими людьми честен и славен по всем странам. 3) *относительный*: но егда веселишися многими брашны, а мене помяни сух хлеб ядуща; или пиеша сладкое питие, а мене помяни теплу воду пьюща, и праха нападша от места заветреня, егда лежиши на мягких постелях под собольими одеялы, а мене помяни под единым платом лежаща, и зимою умирающа, и каплями дождевными яко стрелами сердце пронизающе; коли пожрет синица орла, коли камень всплывет по воде, коли свиния почнет на белку лаяти, тогда безумный уму научится. 4) *винословный*, связывающий несколько пословиц: злато искушается огнем, а человек напастыми; пшеница бо, много мучима, чист хлеб подает, а в печали обретает человек ум совершен. Обе части этого периода идут параллельно, состоя из соответственных уподоблений. 5) *условный*: или ми речеши: от безумия ми еси молвил; то не видал еси неба польстяна, ни звезд лутовяных, ни безумна мудрость глаголюще, или ми речеши: солгал ми еси аки пес: доброго бо пса князи и бояре любят; или ми речеши: солгал ми еси аки тать, аще бых умел красти, толико бы не скорбех. Все эти три условные периода соединяются друг с другом союзами *или*, и потому все вместе представляют как бы один период разделительный. 6) Соединение сравнительного периода с винословным: гусли бо строятся персты, а тело основается жилами, а дуб крепится множеством корения: тако и град наш крепится твоею державою: зане князь щедр отец есть всем; служи бо мнози отца и матери лишаются и к нему прибегают.

* О древних пословицах у славянских племен см. Мацневский, *Pamiętniki*, 1839, II, стр. 83.

Уже в Сборнике Святославовом 1076 года встречаются правильные периоды, напр. в Слове некоего калугера (*калогѣрову*, добрый старец, монах) о четии (чтении) святых книг, в оригинальном славянском, по мнению Востокова, произведении, периоды сравнительные: реку же, узда коневи правитель есть и въздържаніе: правдѣнику же книги. Не ставитъ бо ся корабль безгвоздии, ни правдѣникъ безпочитанія (без чтения) книжьнааго: и яко же плѣньникомъ умъ стоять у родителъ своихъ, тако и правдѣнику о почитаньи книжнѣмъ. красота воину оружие. и кораблю вѣтрила: тако и правдѣнику почитаніе книжьное (в „Славянской Хрестоматии Пенинского“, 1828, стр. 249). Заметить в этих периодах симметрическое соответствие сравниваемых понятий.

Еще любопытнее для нас такие периоды, в коих ясно отношение внутреннего содержания к грамматической форме, напр. *символические* периоды, в третьем слове Кирилла Туровского (Памят. рос. слов. XII в., стр. 21): „Ныня солнце красуяся къ высотѣ възходитъ и радуяся землю огрѣваетъ, възиде бо намъ отъ гроба праведное солнце христось и вся вѣрующая ему спасаетъ“. Части периода относятся друг к другу, как члены параллелизма, ибо символизм предполагает параллельное соответствие между таинственной мыслию и образом: солнцу соответствует христос, къ высотѣ възходитъ — възиде отъ гроба; землю огрѣваетъ — верующая спасаетъ. „Ныня зима грѣховная покаяніемъ престала есть и ледъ невѣрія богоразуміемъ растаяся; зима убо язычьскаго кумиролуженія апостольскимъ ученіемъ и христовою вѣрою престала есть, ледъ же ѳомина невѣрія показаніемъ христовъ ребрѣ растаяся“. Это период изъяснительный, ибо во второй части объясняются и распространяются слишком сжатые символические выражения первой части. Так как объяснение предполагает во второй части развитие той же мысли, что и в первой, потому здесь части периода соответствуют друг другу, как члены параллелизма синонимического: зима греховная покаяніемъ престала есть — зима убо язычьскаго кумиролуженія апостольскимъ ученіемъ и христовою верою престала есть. Как первый член первой части соответствует первому второй части, так второй — второму. Зима греховная, лед неверія — символич. определение и родит. падеж символа. „Днесъ весна красується, оживляючи земное естество; бурнии вѣтри, тихо повѣвающе, плоды гобзують и земля сѣмена питающе зеленую траву ражаєть. Весна убо красная вѣра есть христова, яже крещеніемъ поражаетъ чловѣчьское паки естество; бурнии же вѣтри грѣхотвореній помысли, иже покаяніемъ претворшеса на добродѣтель душеполезныя плоды гобзують: земля же естества нашего, акы сѣмя слово божіе пріимши, и страхомъ его присно болящи, духъ спасенія ражаєть“. В первом периоде проповедник представляет картину природы, бросает взгляд на природу очами внешними; в следующем же периоде оживляет эту картину внутренним, символическим значением: весна — вера христова, бурнии ветри — грехотвореній помысли, земля — земля естества нашего, т. е. душа. Картины природы в первом периоде соответствуют символические представления второго периода: весна оживляет природу — христианская вера человеческое естество; тихие ветерки лелеют плоды — добродетель возвращает спасение души; земля, питая семена, траву изводит — душа человека, прияв слово божие, болящая страхом Божиим, рождает дух спасения. Таково символическое соединение двух периодов.

Течение ораторское также наблюдалось и в старину, напр. в Сл. о Полку Иг.: 1) симметрическая постановка глаголов на конце предложений: заря свѣтъ *запала*, мъгла поля *покрыла*, щекоть славій *успѣ*, говоръ галичь *убуди*; рано еста начала Половецкую землю мечи *цвѣлити*, а себѣ славы *искати*; нѣ нечестно *одолюсте*; нѣ не честно бо кровь поганую *проліясте* (и стройный противительный период); ваю храбрая сердца въ жестоцемъ харалузѣ *скована*, а въ буести *заколена*; Всеславъ князь людемъ *судяше*, княземъ грады *рядяше*, а самъ въ ночь влъкомъ *рыскаше*. Стройность последнего периода дополняется тавтологиею *судяше* — *рядяше*, и дактилическим окончанием *рыскаше*; 2) глаголы в начале предложений: *стоиши* на борони, *прыщещи* на вои стрѣлами, *гръмлеши* о шеломы мечи харалужными; тоже с дактилическим окончанием; 3) в противительном соединении следующее предложение начинается тем же словом, которым оканчивается предыдущее: Немизѣ кровавѣ брези не бологомъ бяхуть *посьяни*, *посьяни* костями русскихъ сыновъ; 4) период оканчивается обращением с звательным падежом: велить послушати земли незнаемѣ, Влзѣ, и поморію и посулю, и Сурожу, и Корсуню, и тебѣ, Тьмутороканьскій бльванъ; не былонъ (не было оно) обидѣ порождено, ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, чръный воронъ, поганый Половчине! 5) повторение при исчислении дней до третьих суток: бишася день, бишася другой: третьяго дни къ полуднію падоша стязи Игоревы. Слич. в Краледворск. рук. 66 i *minu den prvi, minu den vteri i kdaz za trsietem luna wnocі biese* — и минул день первый и минул день второй, когда же за третьим луна в ночи была; *ibid.* 72 i *minu den i minu den vteri i po trsietem dni kehdisie zatemnise* пос — и минул день, и минул день второй, и по третьем дне когда затемнела ночь; 6) дактилические окончания периодов: орьтмами и япончицами и кожухы начаша мосты мостити по болотомъ и грязивымъ мѣстомъ, и всякими узорочьи половѣцкѣмъ; чрълень стягъ, бѣла хорюговъ, чрълена чолка, сребрено стружіе храброму Святславльчю; Гзакъ бѣжитъ сѣрымъ влъкомъ; Кончакъ ему слѣдъ править къ Дону великомѣ. Попытки разложить Сл. о Полку Иг. на стихи только частью удавались: по крайней мере никто не отвергнет в некоторых местах соответственного, симметрического течения предложений:

Высоко плаваеши на дѣло въ буѣстѣ
яко сокол на вѣтрехъ ширяйсѣ,
хотя птицю в буйствѣ одолѣтѣ.
суть бо у ваю желѣзныи папѣрзѣ,
подъ шеломы латинскѣмъ.
тѣми тресну земля и многи странѣ.

7) рифмы в периодах, составленных из пословиц; напр. в Сл. Даниила Заточн.: а князь скупъ аки рѣка, великъ брегъ имущъ каменны не лзя *лѣти*, ни коня *напоити*.

Речи наших предков отличаются краткостью; напр. Новг. лет. 48 или вы собѣ, а мы собѣ; 50 придоша каждо десятый въ дома своя; Пск. лет. 217 а наши головы въ ихъ головы; закон. Иоан. III: и та отпустнаа грамота въ отпустную; та грамота не въ грамоту (изд. Калайд. и Строева, 8). Самое соединение предложений, при видимой неправильности, много способствовало краткой выразительности. Новг. 60 а Юрьи

князь вда плечи, или перевѣтъ былъ въ немъ, то богъ вѣсть; 70 избиша корѣла городчанъ, кто былъ Руси въ Корельскомъ городкѣ. Впоследствии времени витиеватость и претензии на образованность испортили старинный период. Разительный пример тому предлагает начало грамоты о избрании Михаила Феодоровича: великого господа бога отца, страшнаго, и всесилнаго и вся содержащаго, пребывающаго во свете неприступнемъ, въ превелицей и въ превысочайшей, и велѣлной и святей славе величества своего, сидящаго на престоле херувимстемъ съ предвѣчнымъ и единокорднымъ своимъ сыномъ, господемъ нашимъ Исусъ христомъ, и зъ божественнымъ и животворящимъ своимъ духомъ, имъ же вся освящаютца, единосущныя и нераздѣльныя троица, равно божественныя, и равно честныя, и равно сопрестольныя, и равно сильныя и равно совѣтныя, и равно дѣйственныя, и равно сущныя и соприсносущныя, и собезначальныя и единоначальныя, и трисоставныя, и нераздѣльныя, въ триехъ составехъ единаго божества, царя царствующимъ и господа господствующимъ непреодоленнаго и всякие силы крепчайшаго, имъ же царие царствуютъ и велицыи величаются, сего въ троице приснославимаго бога нашего недоумеваемыми и недовѣдомыми судьбами, и неизреченнымъ премудрымъ промысломъ всяко созданье отъ небытия въ бытие создаваетца, и отъ несущихъ въ существо приводитца, и отъ рода въ родъ лѣтами исчитаютца; отъ него жъ приемша земля наша Русская своими государи обладаема быти, ихъ же великихъ государей, царей российскихъ, корень изыде отъ превысочайшаго цесарского престола, и прекрасноцвѣтущаго и пресвѣтлаго корени Августа Кесаря, обладающаго всею вселенною.* Такимъ образом, кроме периода библейского, надобно отличать народный безыскусственный и впоследствии витиеватый, напыщенный, отягощенный иностранною конструкциею. Ломоносов дал искусственную, классическую раму неустроенному периоду; преобразование это в отношении к периодам варваризма было благотельно; в отношении же к народной безыскусственной речи — вредно. Надобно было возвратиться к древнейшему построению речи старинных наших памятников; это совершенно было уже Карамзиным в И.Г.Р.

ИСТОРИЯ АРХАИЗМОВ

Как в старинных памятниках церковнославянских, в летописях, посланиях и особенно юридических актах, постоянно попадаются русские речения между церковнославянскими, так и в народной речи, как архаизмы, рассеяны славянизмы, напр. в Др. рос. ст. звуки е вм. о: един, я вм. ѣ: ясти, щ вм. ч: хочет, и пр. *Склонения*: ед. им. мати 373; ед. род. женск. со тыя горы со высокия 210; только ты дай мне загон земли, непаханья и неоранья 5; ц-сл. зват. вм. имен., и ц-сл. винительн.: а то коли тебе господи дочь даст 253; местн. падеж: на славной Волге реке на верхней, изголове на Бузане острове 106; а в другом месте уже предложн.: в тех устьях Тобольских на изголове становилися 116; множ. творит.: со вдовы честны, многоразумными 8; двойств. число: двумя братцами родимыми, дву удалыми Борисовичи 34, также 35; а при нем только было казаков на дву коломенках 122;

* Собрание госуд. грамот и договоров, I, стр. 599.

сестра тебе Волга челобитье посылает двою 267. *Спряжения*: неоконч. наклонение весьма часто на -и: стали пити, ясти, прохладатися 154; сужено поняти, под злат венец стати, закон божий прияти, любовно жити, детей сводити 397; прошедш. описат. еще имали были свои добрые кони 404; а поехали были на своих добрых конях *ibid.* Ц-сл. безличн.: не подобает тебе в деревне жить 163; NB: на стр. 186 убих — вероятно ошибка. — Архаизмы в частицах: и паче мне брата родимого 75; князю дары полюбилися, а княгине наипаче того 5; и тому татары дивуются наипаче того 117; почто увез ты Настасью Дмитриевну? 142; почто он платье снимает? 43; вельми он Иван закручинился 137; а Иванушки пономаря zde же нет 384; ради корысти своея 109; и буде же я вас побью 78; а есть ли бо не дожدهшься в шесть лет, то жди меня в двенадцать лет 198: не испорченное ли *если бы?*

Ломоносов отделил церковнославянский язык от русского: * „Российский язык чрез употребление книг церковных по приличности имеет разные степени, *высокой, посредственной и низкой*. Сие происходит от трех родов речений российского языка. К первому причитаются, которые у древних славян и ныне у россиян обще употребительны, напр. *бог, слава, рука, ныне, почитаю*. Ко второму принадлежат, кои хотя обще употребляются мало, а особливо в разговорах; однако всем грамотным людям вразумительны, напр.: *отверзаю, господень, насажденный, взываю*. Неупотребительные и весьма обетшальные отсюда выключаются, как: *обаваю, рясны, овогда, свене* и сим подобные. К третьему роду относятся, которых нет в остатках славянского языка, т. е. в церковных книгах, напр.: *говорю, ручей, которой, ** пока, лишь*“. Из первого рода речений, по Ломоносову, составляется слог средний, из второго — высокий, из третьего — низкий; след., церковнославянский язык входит в русский, как стихия, образующая высокий слог. Архаизмы в одах Ломоносова: вся тварь со многим страхом внемлет; вещает ветхий деньми к ней; мой гнев на кротость преложила; пробавил милость в людях сих; послы святую благодать; полки противных отжени; уже со многими народы; избавльшия богини зрак; гордыню сопостатов стерти; и время твоея державы да ублажат раби твои; внуши народов многих глас и пр.

Жуковский, кроме ц-сл. брег, глава, криле (двойств. число) и др., употребляет след. архаизмы: защитой бо града единый был Гектор; дат. самостоят.: смотрит (судно) в глубокой дол, в глубокою мглу Ахерона; вдруг с волной упадает и, *кругом взгроможденному морю*, видит как будто из адския бездны далекое небо (Ценкс и Гальциона). Но ... *богам отвратившимся*, поздно вверяться надежде: т. е. когда отвратились боги, не вверяйся надежде. Слич. Мерзлякова в переводе идиллии Мосха, „Европа“: *власам распущенным*, трепещуща бледна, кличет подружек. У Пушкина, в „Борисе Годунове“, *никая* казнь меня не утешит; *да* правлю я во славе свой народ. Царь Иоанн искал успокоенья *в подобии* монашеских трудов. Царю *едино зримый*, зане святой владыка пред царем во храмине тогда не находился; на *некое* был послан послушанье; буду царем *на* Москве; ты мне была един-

* О пользе книг церковных в российском языке.

** *Который* попадаетея в Остромировом евангелии.

ственной святыней, пред *ней же* я притворствовать не смел. Слич. в „Фаусте“: таков вам положен предел, *егож* никто не преступает. В подражании Данте: и полные святыни *словеса*. В „Истории Пугачевского бунта“: подкоп был приведен в *действие*; бедствие разгорелось с *вящшею* силою; *обще* с капитаном; неоднократно употребляются *дабы*, *таковой* и проч. У Лермонтова в „Герое нашего времени“: я пригласил своего спутника выпить вместе стакан чаю, *ибо* со мной был чугунный чайник.

С большей подробностью предлагаю извлечение архаизмов из И.Г.Р. под коими разумею намеренно заимствованное Карамзиным из старинных наших памятников.* В этих выражениях надобно обратить внимание на народный склад в древней форме, на переход архаизмов к речи народной.

1. образование слов: а) с краткими окончаниями: новоук V, 56, IX, 362; примысл V, 221; рассуд VIII, 249; прыск IX, 179; б) с особенными окончаниями: женище IX, 274; в) сложные слова: скородом X, 271; двоемыслие XII, 96; слич. Ипат. лет. 192 Андрееви же надвое будущу, *ibid.* 218 я не двоюречю.

2. значение слов: а) архаизмы: обручи I, 154; извод II, 65; ротники III, 275 и мн. др. б) русские слова взамен варваризмам: смиренное платье *вм.* траур IX, 139; копать борозды *вм.* вести траншеи IX, 331 и 332; кувшины с зельем *вм.* гранаты IX, 337 и пр. в) народные слова: прохлада *вм.* удовольствия и удобства жизни IX, 6; г) слова, расширяющие свое значение: развод VII, 42; урок VIII, 20.

3. описательные формы: держать страх *вм.* страшиться V, 201; водить круги *вм.* кружиться VIII, 164.

4. постоянные эпитеты: к милым ближним I, 139 — из договора Олега с греками, в коем сказано: да возвратит имение к милым ближникам в Русь, по Кенигсб. сп. 31. В подлиннике лучше, ибо вместо двух прилагательных стоит существительное с прилагательным.

5. украшающие эпитеты: сабли светлые VI, 308, когда оне блещут во время битвы. Слич. постоянный эпитет в обычном выражении у лужичан: *ze swjetłym mečom zejhgawaë.***

6. тавтология: возить повоз I, 224; судил и рядил землю VII, 181.

7. обычные выражения: от мала до велика XII, 257.

8. изобразительные выражения *вм.* отвлеченных: отер пот *вм.* успокоился от трудов II, 19.

9. выражения, соответствующие древнему быту: а) старина в смысле древних обычаев и прав; б) быт воинский: седлами закидают III, 156; стояли всю ночь за щитами III, 157; взяв их землю на щит IV, 128; стояли россияне на костях IV, 101, V, 72; племянник кует копие на дядю V, 217; унять меч; в) мир и согласие: князья ростовские и ярославские со мною один человек V, 42; г) понятия нравственные: не можем играть душою II, 232; связать душу Васильеву крестом и евангелием V, 325.

10. выражения, соответствующие некоторым историческим фактам: с того времени сие место, в память ее, называлось заразом III, 278;

* Слич. извлечение, предложенное выше.

** Haupt u. Schmalzer, Volkslieder der Wenden, 1841, I, стр. 319.

голод, названный в летописях рослою рожью IV, 241; легат от ребра апостольского V, 292; (греки) замешали Русскую землю VII, 181 и мн. др. Карамзин так осторожен в своих частых выписках из древних памятников, что по большей части объясняет их для читателя, из боязни быть непонятым; от того бывает иногда неловкость, особенно, если филологическое толкование вкладывается в уста исторического лица: не заплатил ли я ему выхода или царской пошлыны? IV, 179. Гораздо лучше объясняется это слово в Др. рос. ст. 32 набором синонимов: дани, невыходы, царски невыплаты.

Если мы сличим архаизмы у Ломоносова, у Карамзина и у Пушкина, увидим естественную последовательность, с какою вкоренялись они в письменный язык. Старинные формы в одах Ломоносова и в И.Г.Р. иногда останавливают читателя, ибо не везде связываются органически с предыдущим и последующим: Пушкин внутреннейю, живою связью связал славянизмы с народной речью.

СТИХИИ ЧУЖЕЗЕМНЫЕ

Язык есть выражение не только мыслительности народной, но и всего быта, нравов и поверий, страны и истории народа. Единство языка с индивидуальностью человека составляет народность. Искренние, глубочайшие ощущения внутреннего бытия своего человек может выразить только на родном языке. Внутренняя нераздельность языка и характера народа особенно явствует из отношения языка к народной образованности, которая есть не иное что, как непрестанное развитие духовной жизни, а вместе с тем и языка.* Если образованность вышла не из внутренней потребности народа, а привита извне, то и в язык вместе с понятиями входит множество слов чуждых, невразумительных для народа, отягощающих речь, как лишний нарост. Простой народ никогда не понимает этих иностранных, или же на иностранный образец сработанных слов, и употребляет их некстати и невпопад. Сличите новые технические термины с простонародными названиями ремесленными или земледельческими: в первых натяжка, условное значение, неясность, вялость; в последних легкость, простота, глубина и жизнь. Все, что развивается в языке органически само из себя, есть выражение народного ума и быта и потому удобопонятно само по себе; занесенное же и насильственно изобретенное умствующим рассудком содержит в себе, подобно монете, только условное значение. Слова заимствованные, как поддельные цветы, не коренятся в языке, ибо народ не знает ни роду их, ни племени, не сочувствует корню, от которого они происходят; стоят они, как сироты, не будучи окружены производными от себя или сродными по корню. Впрочем, наука запрещает пристрастно нападать на варваризмы и упрямо изгонять их из всеобщего употребления, заменяя их своими словами, вовсе обветшалыми и, след., непонятными, или же словами родственных нам племен; напр. у чехов есть прекрасные слова для элемента, эпохи — живел, доба; но кто же их поймет по-русски, кроме занимающегося филологиею? Как приторны в новейшем слоге мужицкие поговорки, так же

* Слич. Беккер, *Organism der Sprache*, § 6

несносны и педантские варваризмы, которые противны читателю наравне с непонятными архаизмами и провинциализмами. Только гении и великие писатели дают иностранным словам право гражданства смелым нововведением. Дело науки определить значение варваризмов в историческом развитии языка.

История варваризмов стоит в тесной связи с историей народа. Позднейшие народы по неволе должны заимствовать образованность у предшествовавших; потому к внутреннему развитию присоединяется чуждое влияние, к народному языку варваризмы. Исторические перемены сближают один народ с другим враждебно или дружественно и заставляют их меняться мыслями и словами: опять втесняются варваризмы. Но так как в языке есть особенная живительная сила, потому всякий варваризм он старается подчинить своему собственному организму звуков; так напр., в иностранных словах 1) нетерпимые нами ф и ѳ заменяем мы звуками сродственными п и т: Степан вм. Стефан, театр вместо ѳеатр, 2) тонкий гласный звук вм. г с гласным: Юрий вм. Георгий, Гюргий. 3) в избежание стечения гласных вставляем в: Иван вм. Иоанн, или 4) употребляем тонкий гласный вм. і с гласным: Ердань вм. Иордан, Ерусалим вм. Иерусалим. 5) отбрасываем начальный гласный: патрахиль вм. епитрахиль, в старину пискуп вм. епископ. 6) отбрасываем окончательный с, напр. Христа, Христу вм. Христоса, Христосу. 7) я вм. а после і: Христианский вм. Христианский. 8) изменяем дебелий гласный в тонкий после дебелого: Генуя вм. Генуа. 9) одинокий звук вм. удвоенного: субота вм. суббота. 10) изменяем р в м, н, для избежания двух р в одном слове: ярмонка вм. ярмарка, февраль вм. февраль и проч.

До сих пор еще не решено строгим филологическим изучением, сколько вошло в старинный наш язык из немецких наречий, из языка половецкого, татарского и др. По крайней мере положительно означены грецизмы в „Грамматике языка славянского“ Добровского. Собственные имена иностранные вторгаются к нам вместе с первыми князьями варяжскими. Около половины X в. на Руси говорили уже на двух языках: Константин Багрянородный в книге „О правлении“ сообщает имена днепровских порогов на *славянском* и *русском* языке: по-славянски: 1-й назывался эссупи (нессупи, не спи), 2-й островуни праг (островный праг), 3-й геландри (по-исландск. зн. шумящий?), 4-й неасит (неясить или пеликан), 5-й вульнипраг (вольный праг), 6-й веручи (βερουτζη, quasi dicas aquae scaturigo: ручей, върывающий?), 7-й напрези (напрягай?); по-русски: 1-й также эссупи, 2-й ульворси (гульворси? сканд. голъм — остров, форс — порог?), 4-й анфар (древнегерманск. aeifar — аист), 5-й варуфорос (сканд. var — тихий, смирный, fors — порог?), 6-й леанти (от глагола laia, leia — течь сильно, кипеть?), 7-й струвун (готск. strouþ-on — навязывай?)*.

Христианство нанесло решительный удар[†] грубой древнейшей народности нашей, ниспровергнув старобытных богов, чтимых и любимых народом.** Эти боги тесными узами связывались с преданиями, обычаями, законами; им посвящены были леса и воды; имена их возникли в языке

* Карамзин, И.Г.Р., I, прим. 102.

** См. Гримм, Deutsche Mythologie, стр. 3 и след.

народном и срослись с ним. От всего этого надобно было отказаться перед лицом новой религии, и даже признать смертным грехом то, что недавно почиталось великим и правым. Но древнейшее первобытное несполна погибло в народе; оно заменило ему поэзию и стало темной стороною верования — демонологиею. Таким образом, поразивши старобытную народность, христианство не уничтожило ее; выступив вперед своим божественным светом, оно только оттенило ее, отодвинуло вдаль; слияние христианства с народностью набросило на характер народа гармоническую светлотень. Названия и выражения, вошедшие к нам с христианством из Византии, не могли долго оставаться чуждыми для народа; церковь и молитва от ранних лет сродняли русского с грецизмами. Притом надобно заметить, что древнейшие переводчики св. писания берегли чистоту языка славянского и хорошо понимали отличие его от греческого, чему служат свидетельством слова Иоанна, Ексарха болг.:* „небо равнь ся можетъ присно полагати елиньскъ языкъ въ инъ прелагаемъ, и всякому языку въ инъ прелагаему тоже бываетъ. Небонъ иже глаголь въ иномъ языцѣ красьнь, то въ друзѣмъ некрасьнь; иже въ иномъ страшнь, то въ друзѣмъ нестрашьнь; иже въ иномъ чьстьнь, то въ друзѣмъ нечьстьнь. . . небо есть лъзѣ вьсьдѣ съмотрити елиньска глагола, нъразума нужда блюсти; придетъ бо другойци мужьско имя гръчьскы, а словеньскы женьско, да преложьше мужьскомъ именьмъ, якоже лежитъ гръчьскы, на велику исказу придетъ преложенье“. Согласно с этим свидетельством действительно находим в древнейшем языке, при удивительной гибкости, самостоятельную, неподатливую упругость, при переводе с чужого языка. 1) В отдельных словах: вот как метко и народно переводятся латинские слова славянскими в глоссах Mater verb: cridlatec (кридлатец), pegasus; lada, venus, dea libidinis, cytherea; morana, Ecate, trivialis, hecate; perun, iupiter; peuci (певцы), lirici, poetae dicti; poludnice, Driades, deae siluarum; premena (премена), metonomia; prenozz (пренос, перенос), metaphora; pretvora, metamorphosis; prizloue (присловие), proverbialia, adagia; radihost, mercurius; sytiwrat, saturnum pagani illum esse aiunt; skladane (складание), poema; zmutna (смутна) tragedia; suatouyt (сватовит); Ares, bellum, maours; trenosca (треножка), tripodes; trezubec (трезубец), tridens; veless, ran, ymago hircina; vitez, heros, victor; zuoba (своба), feronia, dea paganorum; siua (жива), dea frumenti, ceres. 2) Грамматическое построение** : а) местоимение *ся* при глаголах относится ко всем трем лицам: не могу аз о себе творити ничесоже, Иоан, 5, 3; о себе ἀπ' ἐμαυτοῦ; Марка поем приведе с собою 2 к Тим. 4, 11; с собою μετὰ σεαυτοῦ; всегда бо нищих имате с собою, Матф. 26. 11, с собою vobiscum μετ' ἐαυτῶν; б) равномерно и притяж. *свой*: умерщвляю тело свое, I к Кор. 9, 27, исправл. *мое*; простру руку свою, Иезек. 25, 13, исправл. *мою*; в) двойное отрицание, напр. в Остром. ев. л. 2: и без него ничьтоже *не* бысть; в нынешнем же исправленном тексте: и без него ничьтоже бысть, — согласно с подлинником: καὶ χωρὶς αὐτοῦ ἐγένετο οὐδὲ ἓν; г) родит. пад. при действит. залоге с отрицанием, тогда как по-гречески винит. ниже имам душе моею честны себе. Деян. 20, 24, οὐδὲ ἔχω τὴν ψυχὴν μου τιμᾶν ἐμαυτοῦ, но после в Острожском тексте и в исправленном сходно

* Издание Калайдовича, стр. 10.

** По „Грамматике языка славянского“ Добровского.

с греческим: душу мою честну; д) прилагат. притяжательное вм. греч. родит. существит. — Драгомирск. код. любви мирская вражда божия есть, Иак. 4, 4, ἡ φιλία τοῦ κόσμου ἔχθρα τοῦ θεοῦ ἐστίν; е) дат. вм. греч. родит.: свѣтъ всемоу миру, Остром. ев., л. 55. τὸ φῶς τοῦ κόσμου; ж) дат. самостоят. вм. греч. родит.: дню же бывшу, Матф. 11, 7, ἡμέρας δὲ γενομένης die exorto; з) творит. вм. имени или местоимения с предлогом; егда званъ будеши кымъ (ὀπό τινος) Лук. 14, 8; и) порядок слов в древнейших списках также более отстывает от греческого: суху руку имый. Матф. 12, 10, τὴν χεῖρα ἔχων ξηραν, а в позднейших уже: руку имый суху и проч.

1. ГРЕЦИЗМЫ В ЦЕРКОВНОМ ЯЗЫКЕ

Грецизмы в св. писании: 1) единств. число глагола при множ. сред. р. подлежащего: вся, елика аще творит, успеет (κατεροδοθήσεται); 2) иже, яже, для выражения греч. члена: во еже быти ми служителю, к Рим. 15, 16, εἰς τὸ εἶναι με. Слич. вегда глаголати им мне, Псал. 41. 11, ἐν τῷ... вм. егда глаголаху мне, как в Вен. Псалт; 3) именит. пад. вм. творит.: еда и вы хотите оученици его быти, Остром. ев. л. 40, μὴ καὶ ὑμεῖς θέλετε αὐτῷ μαθηταὶ γενέσθαι; 4) винит. вм. творит., напр. чашу вм. чашею: ниже колиждо напоить единого от малыихъ сихъ чашу студены воды, Остром. ев. л. 68, καὶ ὅς ἐάν ποτίσῃ ἕνα τῶν μικρῶν τούτων ποτήριον ψυχροῦ ὕδατος — напоить вы чашу воды, ποτίσῃ ὑμᾶς ποτήριον ὕδατος. *ibid.* л. 249; 5) греческий винит. пад.: окроплени сердца, измовени телеса, в старин. издан. к Евр. 10, 22, 23, ἔρραντισμένοι τὰς καρδίας, λελουμένοι τὸ σῶμα и проч.

2. ВРЕМЯ

К древнейшим варваризмам принадлежат названия месяцев: уже в Остром. ев. апреля л. 270, февруара л. 264. Из этого памятника ясно видно, как иностранные названия месяцев объясняются еще своими собственными: до месяца августа рекомааго зарева л. 210; месяца енуара просиньца рекомааго л. 256. Должно заметить к чести наших предков, что они долго удерживали славянские названия; так в Обиходе, рук. XIII в.:*

сентябрь	ркомыи	рюин	март	ркомый	сухин
октябрь	—	листопад	априль	—	брезозор
ноябрь	—	груден	май	—	травен
декабрь	—	студен	июнь	—	ізок
генварь	—	просинечь	июль	—	червен
февраль	—	сечен	август	—	зарев.

Те же самые славянские имена месяцам в Синодальном евангелии 1143 г.

Примеч. Значение славянских названий:** 1) *рюен* сентябрь, иллир. *gujan* от глаг. *рюю*, чешск. *říje*, о крике оленей; ибо тогда олени

* Востоков, *Опис. рус. и слав. рукописей*. Рум. Муз., стр. 404.

** См. Добровский, *Slowanka I*, стр. 70 и след., Карамзин, *И.Г.Р.*, I, прим. 159, Юнгман, *Чешский Словарь*.

в течке, бегаютя и *ревут*; впрочем не худо обратить внимание на след. место в одном старом переводе византийской летописи: по сих же проседошася нашествия варварская, и паки дохнувши вихри отосюду и шумы воспушаху и *руянн*я творяху; по Раковецкому в Rusk. Prawd. 57 знач. плачущий, влажный, слич. рус. рюмить, слич. сербск. руино вино — желтоватое вино; в глоссах Mat. verb.: *ruien* и чешск. нынешн. *říjen* — октябрь; 2) *листопад* октябрь сохранился не только в Славонии и Далмации, но и в Богемии: только в последней, равно как в малорус. и Польше, означает ноябрь; 3) *груден* ноябрь, может быть от груди, смерзшейся земли; в летоп.: пойдоша на колех, а по *грудну* пути (хотя на колесах, однако по снегу); бе бо месяц *груден*. И.Г.Р., II. прим. 182; у славян паннонск. зн. сентябрь; в Кроаце, Крайне, Польше зн. декабрь; у чехов и январь; 4) *студеный* декабрь; по Фойгту, славонцы называют этим именем ноябрь; 5) *просинец* — январь, по Добровскому от просить; по Карамзину от проса; по Раковецкому от синий, синевы небесной; или может быть от иллир. *prosinieti-illuminare*, ибо в этом месяце прибавляется день; по-чешски зн. декабрь; 6) *сечен* февраль, по Добровскому от секу; сохранился у краинцев, иллирийцев; у поляков *styczeń* — январь; по-чешски, этот месяц наз. *анпог* или *ипог*, в глоссах Mater verb. *ипог* — производят от нора, нориться; 7) *сухой* март, по-кroatски *szussecz*, по-краински *sushez*; 8) *березозол*, *березозол* апрель, по Добровскому, от береза или береза и непонятного зол, может быть сродного с зелье, зеленый; по другим от прилагат. *březj* — беременный, стельный; в Богемии *březen* март, еще в глоссах Mater verb.: малорус. тоже март; 9) *травен* май; у кроатов *traven* апрель (*mali traven* малый травен), у краинцев также *mali travn*, а май *weliki travn*. Иллиры в Далмации, Славонии называют апрель *travan*, а май *svibaň*; 10) *изок* июнь: Добровский не знает происхождения этого слова и ждет от русских производства его. Калайдович полагает, что была птица изок, основываясь на тексте из Иоанна, Ексарха болг.: егда слышим песнивые птице, различными гласы поюще песни красные: славие же поюще, косы же и сое, вльгы и жльны, щоры же и *изоки*, ластовицы же и сковраньце, и ины птице. Должно заметить, что *изок* значит у нас еще кузнечик, стрекоза, *ипе sigale*. 11) *червен* июль, по Добровскому от червь, по другим от червоинный, красный; и у богемцев прежде *červen*, *weliký červen*, а потом *červenek*; по-малорус. червец и по-польск. *czerwiec* зн. июнь; 12) *зарев* август, по Добровскому от реву (об оленях), частица *за* — означает начало; по другим сродно с зарницею; у богемцев *zařj*, *zařig* сентябрь, в глоссах Mater. verb. *zařui*, *september mensis*. Добровский предполагает, что все эти названия первоначально принадлежали паннонским славянам, от коих через кирилловские литургические книги перешли к другим славянам. Обратить внимание на то, как одно и то же название по различным славянским племенам давалось различным месяцам: причиною тому разность в природе и временах года. Кроме этих названий, есть еще многие другие, см. Alters Beitrag zur prakt. Diplomatiek für Slawen, 1801 стр. 98—110; Eccardi hist. stud. etymol. Ling. germ. 275—305; Карамзин И.Г.Р., I, прим. 159. Надобно заметить, что у нас гораздо менее переворотов случилось с названиями недельных дней; по крайней мере не можем исторически определить, какие были в период языческий.

3. НАУКИ И ИСКУССТВА

Вместе с религиею в нашу вообще книжную ученость исстари вошло множество иностранных слов и оборотов. Грамматические, риторические, философские и др. термины суть варваризмы.

Еще Иоанн, Ексарх болг. с греческого перевел грамматическую терминологию: имя *ὄνομα*, речь (глагол) *ῥῆμα*, причастие *μετοχή*, различие (член) *ἄρθρον*, местоимение *ἀντωνυμία*, предлог *πρόθεσις*, наречие *ἐπίρρημα*, съюз *σύνδεσμος*. * У Максима Грека член вм. различия, вместоимень вм. местоимене, приречие вм. наречие ** и проч. Изборник Святослава (1073) дает материалы для риторической терминологии: *** Георгия Хоуровска о образѣхъ. Творчѣстии образи суть 27: 1) инословие, 2) превод (метафора), 3) напотребие, 4) приятие, 5) преходьное, 6) възврат, 7) съприя- тие, 8) съняtie, 9) именотворие (опоматореiа), 10) сътворение, 11) въи- меноместъство, 12) отъимение (метонимия), 13) възпятословие, 14) округ- ословие, 15) нестатък, 16) издрядие, 17) лихоречье, 18) притьча, 19) приклад, 20) отъдание, 21) лицетворье, 22) сълог, 23) поругание (ирония), 24) вид, 25) последословие. Для образца приводим определение одного из этих творческих образов: инословие убо есть ино нечто глаголюшти, а ин разум указуюшти, яко же еже е речено от бога к зми: прокля- та ты и от всех зверий: слово бо акы зми есть, на диявола же ино- речье змьем нарицаема разумеваем. — Философская и филологическая терминология ведет свое начало от Иоанна Ексарха болг., от его перевода Философии Дамаскина; напр. о синонимах, о многосъименных: много- именна же суть, елика убо уставом приобщаются, именем же разнствуют, сиречь егда таже вещь мноземи нарицается именми, якоже меч, мечиц, бръдунь (вар. бредунь), сабля, корд, нож: вся бо сия имена един пре- дел приемлет, рекше железа обоюдник, еже есть железо обоюду нао- стрено. Тот же Изборник Святослава содержит в себе много философ- ских названий, напр. **** Максимово о различіи сущіа и естества по въиѣшьнимъ, о естествѣ, о собствѣ, о лиці, о различіи, о случаніи, о количествѣ и о мѣремихъ, о качествѣ и о творитвѣиѣмъ, о супротивъ- ныхъ, о оглаголемыхъ, о съименьиѣемъ и единоименьиѣемъ, о глаголаніи, о единородныхъ и единовидныхъ и инородныхъ и иновидныхъ і купьнособныхъ и проч. Слово *историк* было уже у нас в XII в. Кирилл Туровский объясняет его своим слушателям: историци и ветия, рекше летописьци и песнотворци. — У Курбского о жизни Иоанна Грозного: кольми паче нам грешным подобает ужасатися, таковую *трагедию* воз- вещати! *ibid.* о злом совете Вассиана Иоанну: и сице соплете *силлогизм* сатанинский. От пребывания в Литве Курбский привык ко многим поло- низмам; напр. наилучший; о приставке *най* — говорит Ломоносов в своей Грамматике § 211: новые превосходные, с польского языка с приложе- нием *най*, *наилутчий*, *наичистейший*, российскому слуху неприятны. — Многие из технических названий художественных старинные варваризмы; напр. комары *хоръара*, стропилы *отрѣтѣрас*, лоб церковный *мѣтѣпов*, ключ в своде *хлѣіс* и мн. др.

* Издание рус. и слав. рукописей Калайдовича, стр. 76.

** Востоков, *Опис. рус. и слав. рук.* Рум. Муз., стр. 370.

*** Жури. *Мин. Нар. Просв.*, 1836, № 2.

**** Востоков, *Опис. рус. и слав. рук.* Рум. Муз., стр. 502 и след.

4. АЛФАВИТЫ

Наши старинные грамоты с древних времен начали уже составлять словари непонятных для них слов, между коими, кроме варваризмов, хотя попадаются архаизмы и речения других славянских племен, однако и те и другие казались в старину варваризмами, что можно видеть, напр., из след. рукописи 1282 г.: * речь жидовьского ** языка предложена русскую, неразумно на разум:

жидовьскы:	рускы:
адам	земля въплочена
товола	пища
череща	куща
исполни ***	сильными
ков	лесть
бритва	стриголник
неключно	ненадобе
тина	грязь
зело	велми
сусана	сборище
ад	тьма
бисер	камень чести
гусли	язык
тумпан	глас
коноб	водонос
лик	мысль
олтарь	точило
рог	сила
отоци	около море
злелугна	хвала богу
аминь	право
нисус	спас
степень	лествица
и мн. др.	

Из рукописи 1431 г.: **** тлъкованіе неудобъ познаваемомъ въ писаныхъ речемъ, понеже положены суть рѣчи въ книгахъ отъ начальныхъ преводникъ ово словенскы, и ино сръбскы, и другаа блъгарскы и гръчьскы, ихже неудоволишася предложити на рускый. Из этого заглавия явствует, что наши предки сербизмы и болгаризмы ставили в одну категорию с грецизмами. Вот некоторые из этих слов: васнь — мню, качество — естество каковому есть, количество — мера есть колика, свойство — что имать кто особно, а иньга не има, тризна — страдальство, подвиг, по

* Калайдович, Иоанн Ексарх болгарский, стр. 193.

** В данном случае Ф. И. Буслаев употребляет слово „жидовский“ язык в значении еврейский в соответствии со словоупотреблением в эпоху нашего средневековья. Здесь цитируются материалы из Иоанна, Ексарха болгарского. *Ред.*

*** Исполни происходит от народа Spalorum, у Иорнанда; как чешское obr, попадающееся уже в Витенб. Пс. XIV в., пс. 18, ст. 6: iako obr — ut gigas, — от народа Обров (Avagus, Abagus). Едва ли справедлив Шафарик, производя obr от кельтск. ambr, потому что тогда по-польски было бы ambr, а не obrzum, как попадает в Псалт. королевы Маргариты.

**** Из Калайдовича, Иоанн Ексарх болгарский, стр. 196, сличенная с Востоковым, Опис. рус. и слав. рукописей Рум. Муз., стр. 267, 269.

строю, по устрою — по смотрению, художество — хитрость, непшую — мню, еша — еще, таимичище, таимичищ, копеличище — иже не от законныя жены отроча; бегун —ходец, отходец; смерч, пиавица —облак кои дъждь уносить, облак дъждевен, иже воду от море възнимаетъ яко в губу и паки проливает на землю; слич. объяснение Памвы Берынды: сморщъ есть сикавка или оболоч, которы з неба спустившися, воду смочет; в Сл. о Полку Иг. сморцы; ипостась — състав, тез —едино, жупел — сера, доблестъ — крепость или мужество, пронирство — лукавство, кычение — высокоречие славы ради, презъ — чрезъ, гадание — съкръвен глагол, суетно — кроме потребности некоея, бываемое праздно: яко имя убо есть, вещь же несть; самолюбие — еже к телу страсть и угодное тому, великодушен есть — иже на въсеку скръбь приражающуюся могый понести. — Некоторые из этих объяснений чрезвычайно замечательны своею оригинальностью и многозначительностью. Такие словари непонятных слов продолжаются у нас до XVIII ст., под именем Алфавитов.

Кроме материалов для истории варваризмов и архаизмов, они любопытны для нас, как энциклопедические сборники, ибо вместе со словами объясняются в них и самые предметы.

5. ВАРВАРИЗМЫ В ЛЕТОПИСЯХ

Кроме грецизмов, в наши летописи и другие старинные памятники вошли и иные чужеземные речения. Мономах в своем Поучении пишет о Всеволоде: отецъ мой дома сѣдя изумѣяше пять языкъ въ томъ бо честь отъ инѣхъ земель. В Сл. о Полку Иг. упоминаются какие-то песни иностранцев, бывших в Киеве: ту нѣмци и венецици, ту греци и моравя поють славу Святъславлю, кають князя Игоря. Русскому и славянскому в старину противопоставались немой, немец: югра же суть языкъ нѣмъ, Кенигсб. спис. 146...

Примеры варваризмов из летописей: из Новг. 89 кумендери, по Карамзину командоры, 111 мастера делали немецкин, изъ заморія, с новгородскими мастера, 112 (Исидор) нача зватися легатосом от ребра апостольского седалища римския власти. Из Ипат. лет. 133: Половци напилися бяхуть кумыза, 158 и возвратишася во колымагы свои, рекше во станы; слич. 186 во день воскресенія, рекше недѣлю, 183 корелешъ поюща (вариант. корелесь, кирейлейсон). Эту греческую молитву в старину у нас певали; *ibid.* 64: и тако възваша кирелѣисонъ вси полци радующеся, полкы ратныхъ побѣдивше, а князя своего живого вѣдяче, *ibid.* 154 и мнятсся яко аэра достигше; слич. в Похв. слове Дмитрию Донскому: егда же успе вѣчнымъ сномъ великій царь Дмитрій рускыя земли, аэръ възмутися.

Гений языка, не терпя иностранных слов, коверкает их на свой лад; так из испорченного корелешъ, корелесь образовался глагол куралесить. Или же, не понимая их, дает им свое произвольное значение: так в Уставе церковном, писанном в 1608 г., осуждается ложное толкование слова кустодия след. образом: что нарекут кустодию пилатову девицу ключницу, то есть ересь; все то не было; кустодия есть воинов полк, рекше рать. Востокон, Опис. рус. и слав. рукописей Рум. Муз. стр. 717.

Варваризмы в Др. рос. ст.: 111 капрал, 111 гвардия, 117 баталія, 118 манер, 126 свита, 247 лагери, 270 монеты, 285 кононеры, 288 рота, 289 солдат, 302 шкарб, 314 со драгунами, 315 майор, генерал, лагерь, рапортует, 319 карты, тавлея, губернатор. Стихотворения самые обильные варваризмами сочинены уже после преобразований Петра Великого, каковы „Борис Шереметев“ 314, „Князь Репнин“ 318. Некоторые иностранные слова обрусели, метко соединившись с известными определениями, напр. 264 мастер заплечной, 293 плотники мастера, — или с постоянными эпитетами, напр. ярлыки скоропищатые.

7. ИСТОРИЯ ВАРВАРИЗМОВ ОТ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Со времен Петра Великого начинается новый период для истории варваризмов. Они вторгаются толпами и неуклюже громоздятся в русской речи. Любопытно было бы проследить все преобразования Петра Великого в параллели с вторжением варваризмов и таким образом показать, сколько каждое из них привело с собою варваризмов и из какой страны. Весьма поучительно чтение книг того времени, потому что указывает, с одной стороны, насильственную порчу нашего языка, а с другой, — богатство и силу его, ибо возле каждого иностранного слова ставилось и русское, разумеется для того, чтобы чтецы поняли варваризм, так что тогдашняя книга заключала в себе, кроме какого-нибудь своего содержания, и вокаблы. Замечательно отношение отечественных речений к варваризмам: иные варваризмы дошли и до нас, вытеснив перевод русский, ибо и самый перевод был варварский; иные русские речения не допустили укорениться варваризму, задушив его тогда же. Примеры привожу из „Устава Воинского“: піониры (или работники), корволанть (сирѣчь легкой корпусь), отдеташовано (или отдѣлено), добраго кондувита (сирѣчь всякія годности), квалитеты (или качества), ауторитеть (или власть его), лагерь (или стань), по инструкціямъ (порядкамъ), рендеву-плаць (или сборное мѣсто), ливрантовъ (сирѣчь подрядчиковъ), ваканць (или порожнія мѣста), маркетентерамъ (или харчевникамъ), въ медицинѣ (докторствѣ), на вербованъ (набранъ), по билетамъ (цыдуламъ), чародѣйство (чернокнижество), о рефреширѣ (или об освѣженіи людей), въ ордеръ де баталіи стать яко корпусь де баталіи, в полѣ (или в лагерьѣ), о ревеліях (или побудкахъ), у барьеру (сирѣчь у крайнихъ или внѣшнихъ карауловъ), о экзекуціи (или вершеніе), апшиду (отпуску), салвусь кондуктусь (безопасная грамота), секунданта (или посредственника), дать тринкгельдъ (или на пропой), о процесѣ (или тяжбѣ), принимаетъ по вся вечера пароль (или слово), въ ретирадѣ (или отводѣ). — Из „Рассуждения о причинах войны с Карлом XII“: дедикація или приношеніе, идеи или мысли, портовъ, въ выноске: пристанищъ, дивулгованы (разглашены), на нѣмецкомъ языкѣ шпілізованы (сочинены), патриотъ (отечества сынъ), трибутаріи (данныки), акты (записки) зѣло куріознаго или любопытнаго содержанія, амбиціи (честолюбіе), первого міністра (боярина), супсидіи или помощные деньги, поссессію (владѣніе), въ секвестръ (въ залогъ), трактаты (договоры), коммуникаціи (сообщенія), максимы (или правила), экзерциція (обученія), европейскіе політизованная (обученная) государства и проч.

От этих варваризмов нужно отличать варваризмы переводные и неологизмы. Разительным примером их вторжения в наш язык служит Тредьяковского „Слово о мудрости, благоразумии и добродетели“, в котором русские философские термины сопровождаются на полях выставленными латинскими и греческими: бытность *existentia*, естественность *essentia*, разумность *intelligentia*, чистый разум *purus intellectus*, чувственность *sensatio*, рассуждение *juditium*, самозрительное *intuitivum*, умствовательное *discursivum*, сочетание мыслей *combinatio idearum*, умозрительные *theoretica*, деятельные *practica*, достоверные *certa*, вероятные *probabilis*. Философия умственная *rationalis*, нравственная *moralis*, естественная *naturalis*, учение о повсеместных *universalia*, сущее *ens*, подлежащее *subjectum*, присвояемое *attributum*; геометрия, которая тройное распростертие (*extensio*) тел размеряет чертами (*linea*) и ограничивает очертаниями (*figura*); подлежащее *objectum*, постигаем свойства и совершенства божие, самостоятельные (*absoluta*) и возносительные (*relativa*), естественное натечение *influxus physicus*, рыбы живородные (*vivipari*) и ящеродные (*ovipari*), обоюду жительные *amphibia*, чрепокожные *testacea*, право естественное *jus naturae*, бесстрастие *apatheia*, мернострастие *metropatheia*, общество *societas*, провидение *providentia*, искусство *experientia* и проч. Доказательством тому, как боялся Тредьяковский, что его русских терминов не поймут — еще приложенный на конце рассуждения словарь латино-французский тех же терминов.

Уже Сумароков жалуется на варваризмы, в статье „О истреблении чужих слов из русского языка“: „восприятие чужих слов, а особливо без необходимости, есть не обогащение, но порча языка... Честолюбие возвратит нас когда-нибудь с сего пути несумненного заблуждения, но язык наш толико сею заражен язвою, что и теперь уже вычищать его трудно; а ежели сие мнимое обогащение еще несколько лет продлится, так совершенного очищения не можно будет надеяться“. Вот некоторые варваризмы, кои он желал бы истребить: *фрукты* вм. плоды, *сюртук* вм. верхнее платье, *суп* вм. похлебка, *гувернанта* вм. мамка, *мокеровать* вм. насмехаться, *еложь* вм. похвала, *нахтиш* и *тоалет* вм. уборной стол, *пансив* вм. задумчив, *жени* вм. остроумие, *бонсан* вм. рассуждение, *деликатно* вм. нежно, *пассия* вм. страсть, *манифик* вм. великолепно, и проч. В связи с нападками на чужие слова надлежит рассматривать статью Сумарокова „О коренных словах русского языка“, в которой он доказывает древность и превосходство славянского языка перед немецким. История русского корнесловия тесно связывается с историею варваризмов. Немцы, оправдывая сильное влияние своего языка на наш, производили русские слова от немецких: так Шлецер в своей „Грамматике российской“ производит дева от *dieb* (вор) и других, король от *kerl*, князь от *knecht*. Ломоносов* ставит ему эти производства в уголовное преступление, точно так же как Миллеру мнение о происхождении руссов от шведов. Как Байер ведет Русь от племен немецких и производит многие наши слова от немецких, так Тредьяковский в „Трех рассуждениях о трех главнейших древностях российских“ множество европейских географических имен с величайшими натяжками *присиливает* языку славянскому.

* Пассек, Очерки России, кн. II, стр. 45.

Насмешки над варваризмами и неологизмами постоянно попадают в лучших старинных журналах; напр. в „Живописце“ (1772 г.) пародируется тогдашний язык в письме одной дамы; вот несколько выражений: „Моп соеиш, живописец! ты, радость, *беспримерный* автор — *по чести* говорю, *ужесть как ты славен!* Читая твои листы, я *бесподобно утешаюсь*; как все у тебя *славно*; слог *растеган*, мысли *прыгающи*. *По чести* скажу, что твои листы *вечно меня прельщают*; *клянусь*, что я всегда *фельетирую* их без всякой *дистракции*“ и проч. Сличить подобное же письмо одной дамы в „Себеседнике Любителей Российск. Слов.“ (1783), часть I, стр. 82—87: „Моп шагі мне так надоел, что мочи нет; он так скучен; так не важен... он конечно видит, что в хороших сосіестах... не слушает резону... спектакль“, и проч. Вместе с порчею языка постоянно охуждаются и нравы: и действительно, когда речь без нужды искажается варваризмами, тогда слово теряет свою органическую жизнь, оскорбляется природа, несмысленным произволом губит в себе человек дар божий; а так как язык есть выражение духа народного, то, разумеется, неестественное состояние первого есть следствие второго.

Деятельность Шишкова против варваризмов объясняется дальнейшим развитием мнений предшествовавших поборников за чистоту русского языка. а) Шишков точно так же связывает вопрос об языке с вопросом о нравственности, упрекая нововводителей старанием „ум и сердце каждого отвлечь от нравоучительных духовных книг, отвратить от слов, от языка, от разума оных и привязать к одним светским писаниям, где столько расставлено сетей к помрачению ума и уловлению невинности, что совлеченная единожды с прямого пути она непременно должна попасть в оные“. * Хотя Дашков, знаменитый противник Шишкова, осуждает его за сближение языка с нравственностью, однако, едва ли не прав Шишков. б) Следуя Ломоносову, Шишков ищет спасения от варваризмов в церковнославянском языке. „Таким старательным и осторожным употреблением, говорит Ломоносов, ** сродного нам коренного славянского языка купно с российским отвратятся дикие и странные слова нелепости, входящие к нам из чужих языков, заимствующих себе красоту из греческого, и то еще чрез латинской. Оные неприличности ныне небрежением чтения книг церковных вкрадываются к нам нечувствительно, искажают собственную красоту нашего языка, подвергают его всегдашней перемене и к упадку преклоняют“. Но, исключив из теперешнего употребления выражения устарелые и непонятные, Ломоносов определенно указал, какие славянизмы терпимы в языке нашем. Для Шишкова же всякое славянское слово хорошо. В своем „Рассуждении о старом и новом слоге“ — в противоположность варваризмам — предлагает он славянские речения: верт, гобзование, лысто, непщевать и др. Притом Ломоносов ясно отделил язык русский от церковнославянского. Шишков смешал их друг с другом: „как! наш русской язык *сам по себе?*“ восклицает он в критике на Дашкова: „да что такое наш русской язык *сам по себе?* где он? возьмем какую-нибудь нынешнюю книгу, найдем ли мы в ней хоть два таких слова (выключая иностранные), о которых бы могли мы сказать: вот это

* Соч. и перев. Рос. Акад., V, стр. 263; Дашков, О легчайшем способе возражать на критики, 1811.

** О пользе книг церковных в российском языке.

славянское, а это русское?" в) По примеру Сумарокова и Тредьяковского, Шишков защищает отечественный язык от варваризмов корнесловием и точно так же, как они, любит производить иностранные слова от русских, чтобы тем возвысить достоинства языка своего: так нем. *schornstein* производит он от черная стена, *gatte* (муж) от хотеть, *zinn* (олово) от синь; пох, *nacht*, *ночь* от *нет очей*; *garderobe* от *городить* и *руб*, от коего рубище, рубаха, и т. д.

В таком отношении стоит Шишков к своим предшественникам; что же касается до своей современности, то он принес великую пользу, ибо напал на варваризмы, которые Карамзин с своими последователями вносил в наш язык в первом периоде своей деятельности. Предлагаю извлечение для истории варваризмов из „Рассуждения“ Шишкова о старом и новом слоге, 1803: „одни... безобразят язык свой введением в него иностранных слов, таковых напр. *моральный, эстетический, эпоха, сцена, гармония, акция, энтузиазм, катастрофа* и тому подобных. Сии суть самые новомодные слова, и для того в нынешних книгах повторяются они почти на каждой странице; впрочем в языке нашем имеются также и обветшалые иностранные слова, напр. *авантажиться, манериться, компанию водить, куры строить, камедь играть* и пр. Сии прогнаны уже из большого света и переселились к купцам и купчихам, стр. 24. Другие из русских слов стараются делать нерусские, как напр., вместо будущее время, говорят *будущность*, вместо настоящее время, *настоящность* и пр., стр. 24. Третьи французские имена, глаголы и целые речи переводят из слова в слово на русский язык... напр. *influence* переводят *влияние*, и несмотря на то, что глагол *вливать* требует предлога *в*: *вливать вино в бочку*, располагают нововыдуманное слово сие по французской грамматике, ставя его по свойству их языка, с предлогом *на*: *faire (sic! вм. avoir) l'influence sur les esprits, делать влияние на разум*. Подобным сему образом переведены слова: *переворот, развитие, утонченный, сосредоточить, трогательно, занимательно* и множество других, стр. 25 и 26.

Не находим ли мы в нынешних книгах: *подпирать мнение свое, двигать духами, черта злословия* и пр.? Не есть ли это рабственный перевод с французских речей: *soutenir son opinion, mouvoir les esprits, un trait de satire?* стр. 46.

Доколе буду жить, богини милые, клянуся вас любить, и в другом месте: *часто начинал он говорить о бессмертии, милой надежде своей...* весьма пристойно говорить *милый друг, милое личико*, напротив того весьма странно и дико слышать: *милая богиня, милая надежда бессмертия!* стр. 180 и 181.

Народ не думая о предмете кровопролития в исступлении своем веселился общим бедствием: слово предмет хотя также есть новое и переводное, ибо нигде в старинных книгах нет оного; однакож оно довольно знаменательно, так что с успехом в язык наш принято быть может; но при всем том и оное часто заводит нас в несвойственные языку нашему выражения. В вышесказанной речи *предмет кровопролития* есть некая загадка или излишняя кудрявость мыслей, стр. 187.

Однако сие радостное упоение вскоре прервано было чертою вероломства: опять черта и еще такая, которая прерывает упоение! стр. 195.

Одеваться со вкусом есть также несобственное наше выражение;

ибо мы не говорим или по крайней мере не должны говорить: *плакать с горестию, любить с нежностью, жить с скупостию*; но между тем, как свойство языка нашего во всех других случаях велит нам говорить: *плакать горько, любить нежно, жить скупо*, в сем едином нельзя сказать: *одеваться вкусно*, стр. 203 и 204.

Понстине разум и слух мой страдают, когда мне говорят: *ночные беседы, в которых развивались первые мои метафизические понятия*; напротив того, я весьма охотно слушаю, когда в простой песне поют:

Заплетися, плетень, заплетися,
Ты развейся, камка хрущета, стр. 302.

Умереть греху (*être mort pour le péché*) значило: отрещись на веки от греха; под словами: *жить богу* (*vivre pour Dieu*) разумелось: посвятить навсегда жизнь свою богу. Ныне по примеру чужих языков объясняем мы сию мысль словами: *умереть для греха, жить для бога**, стр. 234. Изложив полемику Шишкова, почитаю излишним говорить о галлицизмах карамзинской речи. Да и не следует о них слишком много распространяться, ибо они малозначительны в сравнении с великими красотами И. Г. Р., заимствованными из старинной нашей литературы.

В настоящее время иностранные выражения встречаем мы не только у писателей посредственных, но даже у самого Пушкина, напр. в „Истории Пугачевского бунта“: Пугачев ... стрелял по крепости, особенно по Спасскому монастырю, занимающему ее правый угол и коего ветхие стены едва держались. В самом деле, Пугачев, *негодую* на свои неудачи, не терял *однакоже* надежды одолеть наконец Михельсона. Сии горестные известия *сделали* в Петербурге глубокое впечатление. В это время Пугачев занял Соколову гору, *господствующую* над Саратовым.

Или у Крылова в басне „Плотичка“:

Хоть я и не пророк,
Но, *видя* мотылька, что он вокруг свечки вьется,
Пророчество почти всегда мне *удается*.

Слич. у Державина в „Водопаде“:

Пустыня, взор *насуя* свой,
Утесы и скалы — *дремали*.

Любопытна история вторжения в наш язык имен греческих и римских божеств. Собственно начинается она с Петра Великого, хотя и находим еще в Мамаевом побоище: сия поведай, Уран, како случися брань на Дону. У Ломоносова и Державина являются эти божества во всей классической своей важности. Пушкин же употребляет их имена по большей части только в шутовском смысле и этим примиряет варваризмы с народным духом.

ПРОВИНЦИАЛИЗМЫ

Изучение народного языка и языка древних памятников само собою предполагает уже и изучение областных наречий. И в старину, как теперь, русский народ, заселяя огромное пространство, разделялся на областные наречия: речь псковская отличалась от киевской или владимирской. До нас дошли памятники литературные из разных мест России; мы пользуемся ими и в теперешнем слоге; значит, вносим в слог про-

винциализмы. Мы изучаем язык народный: где он? В Киеве, Вологде, Новгороде, Москве: след., вместе изучаем и провинциализмы.

В древних памятниках провинциализмы оказываются уже изменением самых звуков; напр. в Русской Правде: *цѣломудръ* вм. целомудр, *цяшею* вм. чашею, *лицемь* вм. лицомь, Русские Достопамят. II, 2, 31, 34. У Нестора по Лавр. сп. 3. по разрушеньи, по раздѣленьи. Из новых писателей Гоголь весьма удачно употребляет *ь* вм. *і* в окончаниях, подобных сим. В Новг. лет. 2 *въ пятницю* вм. пятницу, 3 *половчъ* вм. половцы, *Църниговъ* вм. Чърнигове, 5 *черкы* вм. церкви, *посадницать* вм. посадничать, *цезезъ* вм. через, 6 *Володимириць* вм. Володимиричь, 7 *Церниговчи* вм. Черниговцы. В Ипат. лет. 36 у весельи вм. в весельи, 37 *узвратися* вм. взвратися, 181 *вънечъ* вм. венец, 205 *моцно* вм. мочно или мощно, 207 къ *цѣлому* (вариант: *цѣлому*) и пр.

Многие слова, попадающиеся в древних памятниках, доселе сохраняются в областных наречиях; напр. Новг. лет. 63 *бысть оттеплеє*, *росполися* вода; Ипат. лет. 37 а семо ся за нами Днѣпръ *роспаливаеть*: в Сибири до сих пор говорится *распалиться* — о реке, когда от прибылой воды усилится в ней течение или она выступит из берегов; Новг. лет. 105 иде вода на *възводъ*: слич. сибирское *взводень*; Ипат. лет. 115. *паробъци* твои: в Малороссии и теперь; *ibid.* 112 ворота златыя *доспѣ*: в Камчатке всегда *доспѣть* вм. сделать: вечерку доспѣть; Пск. лет. 20 и выѣха Александръ изъ Пскова *пословно* съ псковичи: в Сибири *пословна* говорится о собаке, вм. послушна. В белорусском наречии *: *баня* — верх, купол церковный иногда и наша баня; *банний* — бане принадлежащий: по свидетельству Нестора, Ефрем, епископ переяславский, построил в 1090 г. *банное* строение; *глумитья* — смехотворить: в том же значении и в древних наших книгах; *гостинецъ* — большая дорога (польск. *goscinięc*); толкователи неправильно понимали в Русской Правде: оже погубит след на *гостинце* на великой (в списке XIII в.: на гостинци на велицѣ), а села не будет, или на пуге, где не будет ни села ни людей; и Карамзин ошибочно перевел *гостинница*; *истобка* — у Нестора: *истопка*, *истобка*, в Новг. лет. *истьба*; *коло* — телега, дроги: у Нестора (Владимир) повеле пристроити *кола*; *лезть* — войти куда-либо, у Нестора: яко полѣзѣ въ двери; *омылка* — ошибка, в том же значении в Русской Правде: промиловался; *осочить* — сыскать, найти, в Русской Правде: а не осочать отъ себе слѣду; *попріять* — подружить, у Нестора: попріай ми.; *пуца* — лес, особенно густой, непроходимый, в поучении Владимира Мономаха: конь диких своимъ рукама связал есмь в *пуцахъ*; *рог* — угол, говоря об улице, в Псалм. 117, 27: составите праздник во учащающих до *рог* олтаревых; *ролейный* — пахотный, от *роля* — пашня, в Русской Правде: а иже у господина *ролейный* закуп будет; *сстатокъ* — скот: в Русской Правде в смысле имения: иже смердъ умретъ безъ дѣтей, то сстатокъ его князю.

Провинциализмы в Древ. рос. ст. 48 а бьет он звери сохатые (сибир.), 88 вот де те, Дунаю, будет паробочек, 115 а на другой стороне было у них плодбище, 156 на твоём государевом займище (в Сибири болото), 269 деньги дробные, 292 домовище вм. гроб, 302 ездили

* Калайдович „О белорусском наречии“ в Трудах Общ. люб. рос. слов., 1822, I.

за зверями обловами (в Сибири особый род охоты), 402 и под кокору бросили (в яросл. кривое дерево), 419 наехали на старого станишники, по нашему русскому разбойники. Сами стихотворения свидетельствуют о вошедших в них областных наречиях: 67 по нашему-то сибирскому слову полгода, 73 а и нет у нас такого певца, во славном Новгороде; слич. 383.

Как архаизмы стоят в связи с историей народа, так провинциализмы с его географией и статистикою. Не надобно жаловаться на то, будто у нас недостает многих слов для выражения некоторых понятий о природе, напр. горной или приморской. Они у нас есть, и прекрасные, только рассеяны по разным концам России. И безрассудно было бы требовать, чтобы в московском наречии нашли мы слова для выражения явлений природы, бывающих на Урале или на берегах Охотского моря. Отвращение от провинциализмов есть старинный риторический предрасудок, который особенно неуместен у нас: ибо „народ российский, говорит Ломоносов, * по великому пространству обитающий, не взирая на дальное расстояние, говорит повсюду вразумительным друг другу языком в городах и в селах. Напротив того, в некоторых других государствах, напр. в Германии, баварской крестьянин мало понимает мекленбургского или бранденбургской швабского, хотя все того ж немецкого народа“. Как изучение старинного нашего языка роднит нас с нашими предками, так изучение провинциализмов сближает и дружит нас с нашими соотечественниками всех концов России. Наука никак не может предписать, сколько и что может и должно войти в язык письменный из областных наречий: русское чутье всякого оценит по достоинству каждый провинциализм, а гениальный писатель может внести в письменный язык со всех сторон нашего отечества столько выражений, что мы и представить себе не можем.

Примеры провинциализмов у писателей наших: у Державина в „Царь-девице“: в царствах *иных* повторяли; в Малороссии, равно как и в Польше, *иный* вм. *иной*. Слич. Ломоносова Ода 4, строфа 8: под *инну* Трою вновь приступит. У Пушкина в „Истории Пугачевского бунта“: он намерен был обнаружить себя по выступлении казацкого войска на *плавню* (осеннее рыболовство). Мятежники, безопасные в десяти сажнях от крепости, и большею частию *гулебщики* (охотники). Прибежал из города в крепость *малолеток*. Пушкин объясняет в примечаниях: недостигший 14-тилетнего возраста. В „Капитанской дочке“: матушка, знавшая наизусть все его *свчачи и обычачи*; *звчачи и обычачи* — польская поговорка; она попадает и в Сл. о Полку Иг.: *кая раны дорогя, братіе, забывъ чти и живота, и града Чрънигова, отня злата стола, и своя милья хоти красныя Глѣбовны, свчачя и обычая?* У Марлинского в „Страшном гаданьи“: вихорь гнал мятель по *насту*; употребляется в Сибири и в Др. рос. ст. 49: а и буйны ветры по *насту* тянут. — Гоголь приложил словарь малорусских слов к первым двум частям своих сочинений.

* О пользе книг церковных в российском языке.

1) Г р и м м Я к о в (1785—1863) — немецкий филолог-германист; утвердил германистику, как самостоятельную дисциплину, изучал немецкий язык, как проявление национального духа в его творческом историческом развитии (*Deutsche Grammatik*, 1819—1837 гг.). Он рассматривал язык генетически, начиная с древнейшей эпохи на основе устной народной поэзии, главным образом, сказок, которые он вместе со своим братом собирал и издавал (*Kinder und Hausmärchen*, 1812 г.). Народная старина казалась ему проявлением единого национального духа, творчески мощного, глубоко нравственного. Эти исследования раскрыли ему древние слои современного немецкого языка. Гримм — один из основоположников исторической школы языкознания. Известен также своим трудом по научной лексикографии живого языка (*Deutsches Wörterbuch*, 1852 г.). В своих трудах по древнегерманскому праву он привлекал материалы литературы, языка и материальной культуры; этим расширял научную базу, с одной стороны, а с другой стороны, показывал единство развития языка, идеологии, человека и общества. В своих работах Яков Гримм применял сравнительно-исторический метод.

2) В о с т о к о в А. Х. (1781—1864) — „отец русской филологии“, с 1841 г. — академик. Его филологические труды посвящены славянским языкам. Добросовестное и талантливое изучение подлинников дало ему возможность сделать несколько открытий; им вскрыта природа звуков, переданных в письме посредством *ъ* и *ь*; также носовое произношение *ж* и *а* (юсов), особые сочетания гласных с заднеязычными, полногласие, образование окончаний прилагательных, история деепричастия и достигательного наклонения, виды русского глагола и др. Он подготовил для русской лингвистики переход изучения языков на сравнительно-историческую основу. В 1831 г. вышла его русская грамматика, огромный труд описательного характера, чрезвычайно подробного изложения, с крайней детализацией и сложной систематикой. По полноте охвата фактов и явлений русского языка это был совершенно исключительный труд для того времени.

Переложенный и сокращенный для гимназии этот труд оказался непосильным для юношества и для детей, как сухостью своего изложения, так излишне дробной систематизацией, и прослыл как „схоластический“ учебник.

А. Х. Востоков работал также по лексикографии, собирал материалы для „Этимологического словаря“, под его редакцией вышел „Опыт областного великорусского словаря“ (1852 г.); участвовал в 4-томном академическом словаре церковно-славянского и русского языка, наконец сам создал 2-томный словарь древне-церковного славянского языка (1861 г.).

3) Г р е ч Н. И. (1787—1867) — реакционный писатель и журналист, автор учебной грамматики, употреблявшейся в гимназиях XIX в. Грамматика его была встречена отрицательно передовыми педагогами и учеными того времени. Это объясняется тем, что она была крайне схоластична, сводилась к кодексу правил, по существу своему лишь запретительных — „как не надо писать“, а в своей положительной части была построена по системе иностранных учебников, латинских грамматик. В основе грамматики Греча лежало крайне поверхностное, примитивное понимание языка. В отношении к существующим школам языкознания она была эклектична: с одной стороны, следовала формально логическим толкованиям языка, с другой стороны, была упрощенно формалистична; никаких исторических объяснений не давалось. Так называемые „примеры“ насквозь пронизаны

* Справки о лицах, упоминаемых в книге Ф. И. Буслаева, даются постольку, поскольку это необходимо для пояснения той мысли автора, к которой отнесена справка.

ханжеством и лицемерной феодально-капиталистической моралью. Вместе с Булгаринным он неизменно и злобно выступает против Буслаева.

4) Кант Иммануил (1724—1804) — один из крупнейших германских философов. Философия Канта дуалистична: с одной стороны, он признавал объективное существование материальной субстанции: „вещь в себе“, а с другой стороны — идеалистически считал эти вещи в себе непознаваемыми для человеческого рассудка (агностицизм). Именно это утверждение его философии выдвигалось защитниками ограниченности познавательных способностей детей и этим именно обосновывалось положение, что нет необходимости вносить науку в школу, а следует сделать упор на развитие формальных навыков мысли и на нравственное воспитание. В отношении воспитания Кант принадлежал к неогуманистическому течению, которое хотя и носило следы буржуазного приспособленческого мировоззрения („терпи и воздерживайся“), филистерской умеренности, тем не менее было прогрессивным в своем требовании внимания к личности ребенка, к его доброй воле, причем воспитание по Канту не стояло в противоречии с обучением, наоборот, он был сторонником воспитывающего и одновременно систематического обучения.

5) Песталоцци Иоганн Генрих (1746—1827) занимает в истории педагогики выдающееся место. Под его влиянием находились все лучшие передовые мыслители в области педагогики. Уроженец Швейцарии, свидетель капиталистического гнета и разорения швейцарской деревни, Песталоцци глубоко сочувствовал беднякам-крестьянам и посвятил свою жизнь воспитанию и обучению детей, обездоленных и бесприютных. Глубокий гуманист и последовательный демократ, Песталоцци основывал свое обучение и воспитание на саморазвитии личности человека. В дидактике он проводит требование природосообразности, развития мыслительных способностей человека и является защитником „формального образования“, явно недооценивая реальное содержание знаний по языку. В основу учебного плана он положил математику. В области методики он является отцом наглядности обучения, широко понимаемой, и систематичности в изучении материала, приспособляемого к возрасту. В области преподавания языка он защищает звуковой метод обучения грамоте. Песталоцци справедливо почитается основоположником частных методик и социальной педагогики.

Непосредственного влияния на Ф. И. Буслаева Песталоцци не оказал. Через Жирара, Герберта, Дистервега до Буслаева дошли его гуманистические положения и частные приемы гейристического обучения, но Ф. И. Буслаев не воспринял социального характера его воззрений.

6) Нагель и Тирш — немецкие педагоги 40-х гг., ведшие и в печати и на публичных диспутах страстную полемику по вопросам реального и классического образования. Первый был сторонником реализма, второй — классицизма, неогуманизма.

7) Гердер (1744—1803) — немецкий философ. В своем основном труде „Идеи к философии истории человечества“ проводит мысль о генетическом исследовании умственной жизни человека, законы которой тождественны с законами естественной природы.

Он является проповедником гуманистического принципа в отношениях между людьми. В книге „О происхождении языка“ он утверждает, что в языке выражается духовная жизнь человека, его познающая мысль; язык имеет характер непрерывного процесса. Несомненно, что название, которое дал своему методу Ф. И. Буслаев, — генетический метод, частично связано с той же мыслью единства развития умственной жизни ученика и развития языка.

8) Гесснер (1691—1761) — представитель неогуманизма в Германии, методист латинского языка, критик схоластического метода преподавания грамматики, сторонник филологического метода преподавания языков.

9) Вольф Фридрих Август (1759—1824) — немецкий филолог и критик, поставивший перед наукой так называемый „гомеровский вопрос“ — являются ли поэмы Гомера созданием личным или собранием отдельных песен и сказаний.

10) Вурст — автор руководства „Практическое учение языку и мышлению для народных школ и элементарных классов гимназий и реальных училищ“, которое за 1836—1861 гг. выдержало значительное число изданий. Вурст последовательно проводит принципы логической школы. Его единомышленником, мало известным в силу жестокого преследования правительства, объявившего его сумасшедшим, был Е. О. Гугель, написавший „Руководство к умственным упражне-

ниям при преподавании отечественного языка*, СПб, 1833 г., повлиявший впоследствии на Ушинского. Ф. И. Буслаев или его не знает, или не упоминает о нем из осторожности.

11) Дистервег (1790—1866) — немецкий педагог, последователь Песталоцци, подвергавшийся преследованию со стороны прусского правительства за свои демократические убеждения и свободомыслие в отношении официального церковного благочестия. Его основная идея — воспитание человека; главные принципы его — природосообразность и самодеятельность — оказали большое влияние на Ф. И. Буслаева. Правило: „веди преподавание естественным путем“ изложено Ф. И. Буслаевым в его методике достаточно ярко. Вместе с Дистервегом, который выдвинул и принцип „культуросообразности“, Ф. И. Буслаев говорит о необходимости передать ученику культурное наследство его родины. Гейристический метод Ф. И. Буслаева тоже совпадает с заветом Дистервега: „плохой учитель выводит истину, хороший учит ее находить“, и в связи с этим Ф. И. Буслаев требует материала для обобщения, от конкретного к умозрительному. Требования системы, единства между учебными предметами, необходимость любви ученика к знанию, к предмету он берет у Дистервега. Даже такая подробность, как излагающая система для младших детей и для юношей и значение первоисточников почерпнута Ф. И. Буслаевым из высказываний Дистервега. В переработке этих идей для частной методики русского языка Буслаев более четко ставит вопрос о реальном содержании обучения и отмежевывает его от формального образования. Ф. И. Буслаев не принял гражданской установки Дистервега, и идея последнего о воспитании „гражданина“ не отразилась в трудах Ф. И. Буслаева.

12) Бопп Франц (1791—1867) — немецкий лингвист, основоположник сравнительного языкознания. С его трудов начинается последовательное изучение санскритского языка в целях разъяснения системы современных европейских языков. Его труды по сравнительной грамматике имели целью установить родство индо-европейских языков и найти их общего предка (так называемая „теория праязыка“). Бопп рисует первобытную эпоху языка, как период языкового единства, от которого путем „обособления“ выделились отдельные языки. В настоящее время теория праязыка и миграции опровергнута. Труды трех немецких лингвистов: Гримма, Боппа и Гумбольдта пользовались уважением Маркса и Энгельса.

13) Гумбольдт Вильгельм (1767—1835) — философ и лингвист, энергичный деятель освобождения Германии от наполеоновского гнета и сторонник объединения Германии. Современная лингвистика устанавливает огромную роль его в создании сравнительного метода и так называемой „индоевропейской школы“ языкознания. Однако, философские и лингвистические работы Гумбольдта значительно шире тех направлений и течений, которые считают его своим основоположником. В его работах отчетливо, хотя и не разработано в достаточной мере, выступает идея единого общечеловеческого пути развития языков, единства закономерностей в развитии языков различных, весьма далеких друг от друга, никогда не сообщавшихся меж собою народов.

Идея единого глоттогонического процесса была ему не чужда. Вместе с тем, будучи идеалистом и защищая познание, что язык есть воплощение „народного духа“, он стоял на почве существования объективного мира, т. е. был объективным идеалистом. Следует отметить влияние на него Гегеля. Вместе с тем он отмежевывался от взгляда на язык, как на мертвый механизм, могущий быть разложенным на отдельные части: грамматика и словарь, и считал сущностью языка „процесс“ — энергия и эргон — т. е. результат и возбужденное движение, как и само движение. Эти положения несомненно сказались на работе Ф. И. Буслаева.

14) Вольфрам фон Эшенбах (1170—1220) — знаменитый миннезингер, большую часть жизни провел при дворе тюрингенского ландграфа. Главное произведение его „Парцифаль“ является замечательным произведением средних веков, как по глубине содержания, так и по обширности (25 000 стихов).

15) Квинтилиан, Марк Фабий (35—95) — создатель школы красноречия, известен в истории педагогики своим трудом, синтезировавшим передовые педагогические идеи Греции и Рима, впервые поставившим вопросы методики обучения. Его работа „О воспитании оратора“, более широкая по содержанию, чем тема, — стала теоретической основой для педагогов-гуманистов эпохи Возрождения.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.		Стр.
<i>Е. Н. Петрова</i> , Академик Федор Иванович Буслаев и его значение для школы	3	2. Чтение Карамзина	142
<i>Ф. И. БУСЛАЕВ</i> . О преподавании отечественного языка	29	3. Чтение древнего памятника	153
		4. Чтение од Ломоносова	157
Педагогические начала		Приложение	
Предмет и метода преподавания	29	Материалы для русской стилистики	168
Педагогические партии	35	Ономатика	171
Грамматика	44	Народный язык	179
1. Умственные упражнения и энциклопедическое учение	—	1. Тавтология	180
2. Обучение отечественному языку по латинской грамматике	48	2. Описание	181
3. Метода обучения отечественному языку	53	3. Эллипсис	—
4. Отношение отечественного языка к прочим предметам преподавания	56	4. Эпитеты	182
5. Грамматики	63	5. Период	184
6. Результаты	64	6. Сравнение	185
Риторика и пиитика	68	7. Фразеология	186
1. Схоластики и беллетристы	—	История народного языка	187
2. Филологи	72	Архаизмы	195
3. Лингвисты и философы	74	1. Ономатика	196
4. Практика	77	2. Изобразительные выражения	198
5. Педагоги-систематики	78	3. Быт воинский	199
Чтение	80	4. Быт юридический. Летопись. Старина	201
Письменные упражнения	105	5. Быт религиозный. Отечество. Честь	202
1. Деловые бумаги	—	6. Быт семейный и общественный	204
2. Письма	107	7. Языческий взгляд на природу физическую. Языческая символика. Мифология, поэзия, игры	207
3. Описания, повествования и рассуждения на выдуманные учителем темы	108	8. Христианский взгляд на природу физическую. Христианская символика. Красноречие	217
4. Отношение письменных упражнений к прочим предметам преподавания	111	9. Зодчество, ваение, живопись, музыка	219
5. Отношение письменных упражнений к преподаванию отечественного языка	113	10. Предложение, пословица, период, речь	222
а. Правописание	115	История архаизмов	227
б. Начальные письменные упражнения	116	Стихии чужеземные	230
в. Переводы	117	1. Грецизмы в церковном языке	233
г. Переложения	118	2. Время	—
д. Извлечения	119	3. Науки и искусства	235
е. Собственные сочинения	—	4. Алфавиты	236
История литературы	121	5. Варваризмы в летописях	237
Опыты преподавания	—	6. Варваризмы в народном языке	238
1. Начальная грамматика	—	7. История варваризмов от Петра Великого	—
		Провинциализмы	242
		Комментарии	245